

*СПРАВИЦЫ
МИАЛБУРНСКОГО
КЛУБА*

2011

**Александр
Автора́н**

**Александр
Басков**

**Надежда
Брагинская**

**Слава
Бродский**

**Анна
Голыцына**

**Наталья
Зарембская**

**Петр
Ильинский**

**Рудольф
Иоффе**

**Яна
Кане**

**Наум
Коржавин**

**Джулиан
Лоуэ́нфельд**

**Евгений
Любин**

**Михаил
Малотов**

**Игорь
Мандель**

**Александр
Матлин**

**Эли́зер
Рабинович**

**Юрий
Солодкин**

ISBN 978-1-936581-10-8 90000

9 781936 581108

*СТРАНИЦЫ
МИЛБУРНСКОГО
КЛУБА*

*Под общей редакцией
Славы Бродского*

Manhattan Academia

Страницы Миллбурнского клуба
Слава Бродский, ред.
Manhattan Academia, 2011 – 304 с.
www.manhattanacademia.com
mail@manhattanacademia.com
ISBN: 978-1-936581-10-8
Copyright © 2011 by Manhattan Academia

В сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба Александра Авторхана, Александра Баскова, Надежды Брагинской, Славы Бродского, Анны Голицыной, Натальи Зарембской, Петра Ильинского, Рудольфа Иоффе, Яны Кане, Наума Коржавина, Джулиана Лоуэнфельда, Евгения Любина, Михаила Малютова, Игоря Манделя, Александра Матлина, Элизера Рабиновича и Юрия Солодкина.

Содержание

Предисловие редактора.....	5
Александр Авторхан	8
<i>Как я стал театральным режиссером</i>	
Александр Басков	26
<i>Пародии разных лет</i>	
Надежда Брагинская	37
<i>А.Пушкин. Женитьба. Первый год. Хроника</i>	
Слава Бродский	47
<i>Отрывки из повести «Бредовый суп»</i>	
Анна Голицына	75
<i>Публика и Элита: о профессиональной и непрофессиональной оценке поэзии</i>	
Наталья Зарембская	87
<i>ОБЭРИУ. Введение в тему</i>	
Петр Ильинский	116
<i>На самом краю леса</i>	
Рудольф Иоффе	136
<i>Поселок стрелковой фабрики</i>	
Яна Кане	144
<i>В пустоту без парашюта</i>	
Наум Коржавин	166
<i>Интервью</i>	
Джулиан Лоуэнфельд	183
<i>Переводы, стихотворения, эссе</i>	
Евгений Любин	212
<i>Что нужно человеку</i>	
Михаил Малютов, Слава Бродский	227
<i>Установление авторства текстов: является ли Шолохов автором своих публикаций?</i>	
Игорь Мандель	234
<i>Любовь и кровь Николая Олейникова</i>	
Александр Матлин	266
<i>Стихотворения и проза</i>	
Элиэзер Рабинович	277
<i>Заметки о «Новом мире» Твардовского и о Твардовском</i>	
Юрий Солодкин	287
<i>Спорят маленькие дети...</i>	

Предисловие редактора

В настоящем сборнике представлены произведения членов Миллбурнского литературного клуба. Клуб начал свою работу семь лет тому назад в моем доме в Миллбурне (штат Нью-Джерси). 5 августа 2004 года Надежда Брагинская представила немногочисленным собравшимся свою новую книгу «О Пушкине». С тех пор клуб стал собираться регулярно (около четырех – пяти раз в году) и постепенно стал расти и по численности, и по реальной силе его членов. Что это означает, можно понять из следующих статистических данных. Если на первом заседании присутствовало только пятнадцать человек и было выпито три бутылки вина, то на последнем, тридцатом заседании 2011 года, было около пятидесяти человек, которые оставили после себя уже около двадцати пустых бутылок.

К настоящему времени клуб насчитывает более ста членов. В клубный день все стараются прийти пораньше, поскольку присутствующим перед началом выступлений предлагаются различные закуски и напитки. Меню в литературном клубе, естественно, чисто литературное. Вот оно.

Чесночный литературный салат «Легкое дыхание»;
 Селедка литературная «Золотая рыбка»;
 Салат литературный из зеленого горошка «Война и мир»;
 Куриные ножки литературные «Золотой петушок»;
 Салат литературный из креветок «Раковый корпус»;
 Грибы соленые литературные «Смерть после полудня»;
 Зеленый литературный салат «Последний лист»;
 Ягодная настойка литературная «Вишневый сад»;
 Клюквенная водка литературная «Страшная месть»;
 Язык русский литературный заливной имени М.В.Ломоносова.

Хозяйка дома, моя жена Наташа, как правило, берет на себя заботы по приготовлению закусок и, частично, по общей организации вечера. Хозяин дома (то есть я) ответственен за общую организацию вечера и, частично, за приготовление закусок.

Литературное меню остается неизменным с первого заседания клуба. Только чесночный литературный салат «Легкое дыхание», по многочисленным просьбам членов клуба, стал готовиться без чеснока. Иногда, очень редко, какое-то кушанье из меню может

отсутствовать. Однако салат из зеленого горошка «Война и мир» присутствует на литературном столе всегда. Это основное блюдо нашего литературного вечера. И я готовлю его всегда сам.

Приготовление его основано на рецепте известного салата «Оливье». Однако в соответствии с русской традицией, сформировавшейся в последние 100 лет и вытеснившей первоначальный парижский рецепт, вместо рябчиков в нем используется вареная колбаса, вместо раковых шеек – морковка, вместо свежих огурцов – огурцы маринованные и квашеная капуста и вместо оливок и каперсов – зеленый горошек, который и дал название салату. Для набирания необходимой массы в салат добавляется еще и отварная картошка.

Несмотря на значительные изменения рецепта, салат пользуется большой популярностью у членов клуба. И они меня часто спрашивают о том, как я готовлю этот салат.

Ну, как всегда, дело во многом зависит от качества продуктов. Я выращиваю картофель у себя на заднем дворе исключительно с использованием органических удобрений (то есть прометрина, суперфосфата, тринитротолуол-метил-метана и прочей органики). Точно так же я выращиваю морковь, огурцы и капусту. Основу салата – зеленый горошек – я закупаю в магазинах органических продуктов. Думаю, не надо напоминать, что лучшее время закупки зеленого горошка – это месяцы, в названии которых нет буквы «р». Конечно, я засаливаю огурцы и заквашиваю капусту сам. То есть салат готовится чисто домашним способом. Поэтому он и получается таким вкусным.

Теперь об общей повестке дня наших вечеров. Примерно каждая четвертая из наших встреч посвящена русским писателям и поэтам прошлого. Примерно такая же доля заседаний отводится для представления творчества членов клуба, как правило, по материалам новых книг. Несмотря на то, что наш клуб русскоязычный, трижды у нас звучали переводы. Три вечера были посвящены различным аспектам литературного процесса (в основном – в России) с некоторым углублением в политические моменты. Лингвистические и литературоведческие проблемы тоже в центре внимания нашего клуба. В частности, два доклада было посвящено проблемам определения авторства произведений. Несколько вечеров были проведены с историко-литературным уклоном.

В настоящий сборник вошли работы практически всех (за небольшими исключениями) авторов, выступавших на наших заседаниях в течение прошедших лет. Своим творчеством в прозе делятся с читателями Александр Авторхан, Рудольф Иоффе, Петр Ильинский, Евгений Любин и автор этих строк. Поэтический жанр представляет Юрий Солодкин. В смешанном жанре (стихи и проза) выступают Александр Басков, Яна Кане, Джулиан Лоуэнфельд и Александр Матлин. Литературоведческие проблемы освещаются в статьях Надежды Брагинской, Анны Голицыной (которая также

представила и свои стихи), Натальи Зарембской, Игоря Мандела, Михаила Малютова (совместно со мной) и Элизера Рабиновича.

Разговор о том, почему нам может нравиться или не нравиться то или иное литературное произведение, был начат на одном из недавних заседаний клуба. Однако из выступавших (Игорь Мандель, Слава Бродский, Анна Голицына и Наум Коржавин) материал в сборник представила только Анна Голицына. Частично отголоски выступления Наума Коржавина отражены в интервью с ним, которое также вошло в сборник.

Теперь несколько слов благодарности.

Я благодарю Анастасию Мандель за тот тонкий рисунок, который она сделала для титульного листа этого издания.

При подготовке публикации нам очень помогла Эльвира Фагель, которая выполнила корректорскую и редакторскую работу для большинства представленных работ и отнеслась к изданию книги с большим и неформальным вниманием. И я имею удовольствие ее за это поблагодарить от лица всех авторов нашего сборника «Страницы Миллбурнского клуба».

Слава Бродский
Миллбурн, Нью-Джерси
19 октября 2011 года

Александр Авторхан – родился и вырос в Санкт-Петербурге (Ленинграде). С 1991 года живет в США. Работает инженером-мостовиком. Пишет пьесы. В 2006 году пьеса «Билет в один конец» была поставлена в Свердловском академическом театре драмы.

Как я стал театральным режиссером

Предисловие

Проза на бумаге – штука самодостаточная, пьеса на бумаге – всегда полуфабрикат.

Эта история началась одним жарким летним днем 1985 года на пляже в Зеленогорске под Ленинградом, когда я объявил своему младшему брату Диме, театральному режиссеру, что решил написать пьесу. Дима воспринял мое заявление очень эмоционально: испугался, покраснел, как-то изменился в лице и откинулся назад... Могу представить, каково было его удивление. Я окончил Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта, к искусствам, включая театр, особого интереса не испытывал, и тут такое странное заявление.

Причина заявления: незадолго до разговора с братом я открыл в себе новую способность. Способность заключалась в следующем: я вообразил себе некую личность, и личность начинала говорить!

Здесь читатель вправе удивиться: «И все? И вы решили, что эта ваша "новая способность" (тривиальная черта любого фантазера) достаточна для сочинения драмы?» Увы, в то время рядом со мной друга-скептика не оказалось.

С натяжкой к моему театральному опыту можно отнести участие в 5-м классе в спектакле по сказке Валентина Катаева «Цветик-семицветик» и чтение стихов со сцены в туберкулезном санатории «Лесной» под Петрозаводском в возрасте девяти лет. Вот их начало: «Жили-были, не тужили, / Вместе ревностно служили / Верных четверо друзей: / Все Иваны, все таланты, / Все четыре музыканта, / Все друг друга веселей. / Кларнетист – Иван Иванович, / Тромбонист – Иван Степаныч, / Саксофон – Иван Ильич / И шофер – Иван Кузьмич...» В те

времена бойкая детская декламация была в чести и называлась «читать с выражением».

И еще о «театральных корнях»: мама родила пять мальчиков, жили скученно, все пятеро в двух комнатах трехкомнатной квартиры, непрерывно играли, ссорились, кривлялись, фантазировали, пародировали – иначе говоря, общались – и, конечно, разыгрывали увиденное кино: «Спокойно, Дункель!», «У вас продается славянский шкаф?», «Не то Махов, не то Мохов...», «Боливар не выдержит двоих!», «А вы не пробовали мочу молодого поросенка?»

Поначалу Дима отнесся к моему заявлению на пляже с энтузиазмом. И дал два совета.

Дима сказал: «Современный спектакль длится два часа. Одна страница текста играет две минуты. Отсюда следует, что страниц в пьесе должно быть 60».

Второй совет был более расплывчатый: «Читай Шекспира и Островского. Они умели писать драмы». Первый совет засел у меня в голове прочно, а второй проскочил мимо: Шекспира и Островского я тогда не тронул. Зато пьесы Кристиана Геббеля и Мишеля де Гельдерода из Диминой библиотеки меня просто ошпарили. Почему, я тогда не анализировал. И решил, что готов писать сам.

Задача заполнить 60 страниц диалогами не представлялась мне особенно тяжелой. Я купил югославскую портативную машинку UNIS – маленькое красное чудо в черном пластмассовом футляре – и с азартом неопита настроил пьесу под названием «Мельхиорова ложка».

После «Ложки» я сделал еще пару попыток что-то сочинить.

Совсем недавно я заставил себя перечитать свои ранние опысы и пришел в ужас. Это было очень плохо.

В 1991 году мне стало не до пьес. Мы уезжали в Америку. Единственный из близких родственников, оставшийся позади, был Дима. В том году он снимал свой первый художественный фильм «Изыди».

Моя югославская машинка тоже переехала в Америку, но оказалась ненужной и нашла себе место в самом дальнем углу моего подвала. Она стоит там до сих пор. Последующие тринадцать американских лет я о своих упражнениях на ниве драматического искусства не вспоминал.

Тем не менее, в 2004 году старая болезнь к сочинительству дала рецидив: я снова решил писать пьесу.

Глава 1. Четверо в Петербурге

Зачем я снова решил писать пьесу – тема болезненная. Обсуждать здесь не хочется. И не будем.

Очевидно одно: без близкого родственника в театральных сферах, я бы никакой новой пьесы сочинять не решился. Я еще не написал ни одной новой строчки, а мысль о проталкивании моего, еще не

созданного, шедевра через океан на российскую сцену уже вызывала у меня чувство тревоги и глубокой тоски.

На сей раз я подошел к процессу сочинительства более обстоятельно: прочел Шекспира, Ибсена, Мольера, Бернарда Шоу, Островского, Чехова, американцев, а также проштудировал замечательный трактат *Lajos Egri "The Art of Creative Writing"*.

Я выбрал трех персонажей, поселил их в петербургскую коммунальную квартиру, послал к ним гостя из-за границы, и история зажила.

К маю 2005 года пьеса была готова, я назвал ее многозначительно «Четверо в Петербурге» и послал Диме.

К тому времени он уже стал популярным в народе кинорежиссером, а об артистическом мире и говорить не приходится: Дмитрия Авторхана знали (и знают) абсолютно все российские актеры театра и кино.

Это обстоятельство чрезвычайно важно для дальнейшего повествования, когда я сам угодил в театр. Но обо всем по порядку.

Дима читать не спешил.

Я продолжал названивать, напоминать о себе, но у знаменитого режиссера был *excuse*: он непрерывно мотался по свету, работал сутками, к тому же, вероятно, подозревал, что нового «Макбета» я не создал.

Наконец Дима прочел. Похвалил диалоги и приступил к критике по существу. Его замечания, на поверхности распылчатые (конфликт, герой, развитие), но по сути верные, били наповал. Я пытался возражать. Но вскоре первая реакция неприятия ушла и пришло отрезвление: пьеса не шедевр, как и что менять – неясно. Настроение было паршивое. Отпихивая от себя реальность, я сказал: «Найди мне театр. А там посмотрим».

К моему удивлению, Дима не стал спорить и тут же предложил Свердловский академический театр драмы, где главным режиссером был его старый приятель Володя Рубанов.

Позже, анализируя случившееся, я понял: Дима решил побереечь нервы. «Творческий приступ», как приступ язвы, в конце концов утихнет, наступит период ремиссии, клиент потихоньку сползет с кровати и поплетется на службу. Забыл упомянуть: в Америке я благополучно катился по инженерной колее (проектировал мосты).

По телефону бас Рубанова звучал благостно: «Сашенька, дорогой, я слышал, ты пьеску написал. Присылай пьеску». Обозначение моей драмы «пьеской» мне категорически не понравилось. Но делать было нечего, я проглотил обиду, прикрылся псевдонимом «Александр Углов» и нажал клавишу на компьютере.

Итак, моя пьеса попала в настоящий театр.

Через пару недель я позвонил Рубанову и спросил: «Прочел?»

Рубанов сказал: «Прочел». Я подождал немного и переспросил. «Так ты прочел?» Рубанов повторил еще раз: «Прочел». Наступило молчание. У меня заныло сердце. Стало очевидно: пьеска – хлам и Рубанов не хочет меня добивать.

Директор театра тоже прочел и тоже был не в восторге.

Наивные мечты, что театру мое дитя понравится, они его примут и воплотят, улетучились. Я позвонил Диме и спросил: «Что делать?» Он сказал: «Пиши другую пьесу». И повесил трубку.

Я опять оказался у подножия горы, так и не побывав на вершине.

Я подумал и сказал себе: «Никогда!» Никогда я не буду писать новую пьесу, пока не поставлю эту. Пьеса может считаться состоявшейся, когда ее увидит зритель. Я потратил на нее год жизни. Потом я вспомнил позорный провал всех прошлых попыток. Короче, я заиклился. Я перезвонил Диме и сказал: «Я учту все замечания, переделаю пьесу и поставлю ее сам».

До сих пор я не понимаю, зачем я это сказал. И на что рассчитывал. После короткой паузы, к моему изумлению (и ужасу), Дима ответил: «Хорошо». Он позвонил директору театра и сказал магическую фразу: «Я гарантирую успех». Директор сдался.

Так в мою жизнь вошел размашистый уральский город Екатеринбург, что на реке Исеть, в прошлом Свердловск, известный на Западе лишь тем, что в нем большевики расстреляли трехсотлетнее царствие Романовых.

Условия договора между моим братом и директором были простые: театр обязался дать мне любых актеров, художника, композитора, декорации и оплатить гостиницу. За пьесу и за мою режиссерскую работу директор платить отказался. Директор любил и уважал Диму (он его звал «Димочка»), но риск провала был слишком велик.

Оглядываясь назад, я не могу не удивляться авантюризму моего брата. То ли он считал, что пьеса так себе, но не безнадежна, и если ее умело поставить... но кто поставит? Я поставлю? Он сам когда-то сказал: из режиссерских потоков в театральных институтах, после пяти лет учебы, реально режиссерами становятся единицы.

Загадка – почему Дима подставился – до сих пор без ответа. Моя теория такова: человеку свойственно недооценивать таланты, которые у него в избытке, и переоценивать те, что в дефиците. «Дар писать» не в Диминой коллекции, посему он относится к драматургам с большим пиететом, нежели они того заслуживают.

Впрочем, решение швырнуть меня в театр, как швыряют в бассейн не умеющего плавать ребенка, было, конечно, авантюрой, но не безумием. У моего брата имелся план. План был прост: я что-то сооружу (?!), а маэстро подъедет за неделю до премьеры и доведет действие до ума.

«Готовься к постановке», – сказал Дима. На дворе было 3 июня 2005 года.

Глава 2. “Full Front Position Is Strong”

И только тут до меня дошел весь ужас того, что я натворил. Я обещал поехать в Россию, явиться в незнакомый театр и, ничего не

понимая в режиссуре, поставить новую, нигде не поставленную пьесу, которая не нравится никому, включая меня самого.

Были и другие проблемы. Я работал в нью-йоркской компании как *project manager* и совершенно не представлял, как за три недели отпуска смогу поставить спектакль в Екатеринбурге. «Лучше об этом не думать и отдаться на волю providения», – решил я и приступил к подготовке.

Первым делом я взял в руки свое болезненное творение и прочел его заново. Краткие замечания Димы, многозначительное молчание Рубанова, а главное, время сделали свое дело: я понял, что и как надо изменить. Потом, во время репетиций, я редактировал и кроил материал еще раз пять-шесть, но главное было сделано. Впервые в жизни у меня в руках была моя пьеса, которая мне нравилась. И нравится до сих пор.

Затем я купил гору книг по театральной режиссуре и прочел их от корки до корки. И узнал массу интересного. Например, что для актера "*full front position is strong, and the profile position is less strong*", что левая часть сцены "*is stronger*", чем правая часть сцены. Почерпнул массу сведений по композиции, движению, ритму, продираясь сквозь леса ненужных глубокомысленностей ("*The actor sitting when the remainder of the group is standing will receive emphasis by sharp contrast*"), но, увы, магическую формулу успеха не обнаружил.

Впрочем, и не рассчитывал. Авторы учебников – Михаил Чехов, *Frank Hauser, Harold Clurman, Michael Bloom* – не способны дать больше, чем ты в состоянии взять.

Я разбил пьесу на мизансцены и изобразил в виде картинок. Часами смотрел я на картинки, пытаюсь заставить персонажей двигаться по сцене, но они упрямылись, не знали, куда идти, а то вдруг начинали суетиться, сталкиваясь и мешая друг другу.

«У тебя нет чувства сцены, поскольку ты на ней еще не был», – успокаивал я себя. «Оно появится, как только ты на нее заберешься...» А вдруг не появится! Вдруг я выйду на сцену, актеры будут ждать, а мне нечего будет сказать! Ведь я должен «вести актеров за собой». Но куда?.. «У тебя должно быть видение всей истории, как она разворачивается на сцене», – отвечал я сам себе. Но никакого видения у меня не было. И что такое – видение?

Были и другие сомнения: «А вдруг я испугаюсь актеров! И не смогу с ними работать!» Я гнал от себя эту мысль, но она не уходила. (Забавно, что мысль о том, что актеры могут взбунтоваться и отказаться работать со мной, меня тогда не посетила.)

Нельзя научиться управлять самолетом по учебнику. И я записался в театральную студию на *Bank Street* в *downtown*.

Наш преподаватель, заброшенный в Нью-Йорк москвич Алексей Бурого, оказался плохим педагогом, но талантливым режиссером. По его приказу худенький филиппинец сделал один шаг, по-военному приставил ногу, потом глубоко вздохнул, сделал еще один шаг – и превратился в безумца Германа из «Пиковой дамы». И даже полнейшая

актерская никудашность филиппинца не помешала свершиться волшебству перевоплощения. Я мучил свой мозг, пытаюсь понять, как это случилось, но тайна сего волшебства ускользала...

При столкновении со сценой мои домашние заготовки рассыпались, а сведения, почерпнутые из книг, казались бесполезной шелухой. Единственный зрительный образ, который меня преследовал, был такой: большой, играющий блесками разных цветов волшебный стеклянный шар падает и разбивается на тысячи осколков. Откуда этот шар возьмется и зачем он нужен – было неясно. Его должен привезти «американский гость»? Зачем? Чушь!

Тем временем, компания, в которой я работал, катастрофически теряла рынок, из шестидесяти человек осталось пять, и 27 октября 2005 года я ее покинул.

Провидение упорно толкало меня к обрыву.

Я решился и купил билет «Нью-Йорк – Екатеринбург» через Москву.

Приближался день отъезда, а вместе с ним – день встречи со злобным, непостижимым чудовищем, имя которому – актер. Червь сомнений грыз мою душу, самомнение трещало по швам, природный оптимизм таял и, как сказал Исаак Бабель, «предвестие истины коснулось меня».

В состоянии, близком к паническому, я отправился в Бруклин к старому знакомому (через Диму), профессиональному театральному режиссеру, зубру, отдавшему русской сцене больше 40 лет жизни – Абраму Львовичу Мадиевскому. Я сказал: «Абрам Львович, научите меня вашей профессии. Дима попросил меня поставить в Екатеринбурге пьесу своего приятеля Углова. Я через неделю улетаю». Зубр пожевал губами, глянул на свою красавицу-жену, театральную актрису Викторию Ивановну, и ничего не ответил. Повисла долгая пауза. Я снова заныл: «Абрам Львович, научите...» Мадиевский поднял голову, посмотрел на меня как на больного и сказал: «Саша, сдайте билет». Я спросил – почему? Он ответил: «Дима сошел с ума. Актеры съедят вас в первый день».

Сердце мое упало. Я понял, что надвигается катастрофа, но билет не сдал.

Глава 3. Екатеринбург

Самолет «Москва – Екатеринбург». Рядом со мной – разведенный американец, хиропрактор из Южной Каролины, летящий в шестой раз на встречу со своей возлюбленной в маленький промышленный город Миасс, что у черта на рогах. Я молчу, а он три часа без остановки разматывает передо мной нескладную семейную ленту. Я слушаю в полуха, думаю о том, что впереди, и вдруг в пошлой мыльной опере засветился бриллиант подлинной драмы. Хиропрактор вместе с возлюбленной едет знакомиться к ее маме, простой деревенской женщине. Они входят к ней в дом, хозяйка видит облезлого

шестидесятилетнего иностранца, рядом свою тридцатичетырехлетнюю красавицу-дочь, измученную двумя неудачными браками, и начинает плакать.

25 января 2006 года я приземлился в Екатеринбурге. Температура – минус 26 градусов. Я угодил на жуткие крещенские морозы, невиданные в России многие десятилетия. Температура тридцать и ниже стояла больше месяца.

Меня встретил шофер из театра с табличкой «Александр Углов». И мы поехали в центр города, в гостиницу «Свердловск».

Весь город – снежный, местами ледяной каток. Ни асфальта, ни бульжника мостовых, ни пешеходных дорожек. Все скрыто под укатанным жестким снежным настом.

Моя первая ночь в гостинице. Одиннадцать вечера. Телефонный звонок в номер. Хрипловатый женский голос: «С девушкой отдохнуть не желаете?» Машинально отвечаю: «Спасибо, в другой раз». Через стенку слышу, как звонок раздаётся в соседнем номере, затем в следующем. И так – по всему этажу. Подобные звонки случались два-три раза в неделю.

Услышав мой рассказ, Рубанов сказал: «Ты представь, она выходит от потного жирного торговца фруктами и поднимается к тебе».

Фантазии театрального режиссера...

Утром, на следующий день после приезда, я встал и поехал трамваем в театр. Проезд стоил 7 рублей, то есть примерно 25 центов. Трамвай набит народом в шубах и полушубках. Кондуктор. Рядом с кабинкой водителя табло с бегущей строкой: «В США скончался известный актер, младший брат Шона Пенна, Крис Пенн... Анекдот: у Ниагарского водопада встречаются два туриста, англичанин и араб. – Моя любимая жена со мной, – сказал англичанин. – И моя любимая жена со мной, – ответил араб. – Остальных я в гостинице оставил».

Я понял, что жители Екатеринбурга в курсе мировых событий, вышел из трамвая и пошел к театру.

Массивное, многоэтажное, причудливой формы здание Свердловского академического театра драмы надвигалось на меня, подавляя своей каменной громадой. Это был настоящий репертуарный русский театр, монстр советского образца: семьдесят актеров в штате, директор, четыре замдиректора, режиссеры, художники, композитор, балетмейстер, фотографы, осветители, два зрительных зала, столярные цеха, пошивочные мастерские, гаражи, музыкальная студия, фотомастерская, столовая, бани. И пятнадцать пьес в репертуаре, начиная от «Каббалы святош» Булгакова и кончая «Идеальным мужем» Оскара Уайльда.

Я обошел парадный вход и зашел со служебного в квартиру при театре, где главный режиссер Володя Рубанов жил со своей подругой, актрисой того же театра.

Вова увидел меня и сказал: «Ну, здравствуй, Саня». Помолчал и добавил: «Давай обнимемся». И крепко обнял меня. Я чуть не заплакал. Мы не виделись 30 лет, никогда не дружили, сидели в общих компаниях пару раз – и все. И вот Володя Рубанов, один из самых талантливых

режиссеров русского театра, обнимает меня, как старого друга. Почему? Может быть, потому, что я написал пьесу? И тем самым стал частью его цеха. А может быть, потому, что вспомнил молодость. Не знаю. Я тогда об этом не думал. В тот момент меня ударило другое. Вова назвал меня Саней. Саня – мое любимое имя (помните «Два капитана?»), но меня почти никто за последние тридцать лет так не называл. А Вова назвал. И я подумал – может быть, театр должен был быть моим домом, а я, прожив жизнь вне его, так и не понял этого, прошел мимо, и теперь, в разгаре заката, мне осталось только сожалеть о судьбе, которая не состоялась.

Впрочем, отношение к театру как возможному второму дому я вскоре изменил...

«Что поставили, Александр Юрьевич», – спросил меня директор театра, вальяжный упитанный господин совковой закваски. «Артур Миллер, "Последний американец"», – уверенно соврал я, вспомнив свою неудачную попытку поставить *"The Last Yankee"* на *Bank Street*.

Мы сидим в просторном директорском кабинете на четвертом этаже и пьем кофе. К стене прикреплен монитор. На его экране виден кабинетный «предбанник» и красивая русская женщина за компьютером. Ее зовут Наташа. Она заместитель директора и его жена...

В отделе распространения билетов мне заявили: название пьесы «Четверо в Петербурге» никуда не годится, публика не пойдет. И тут же предложили другое название: «Билет в один конец». Мне было все равно. Я пошел к директору и сказал: «Вы не возражаете, если пьеса в прокате будет называться "Билет в один конец"?» Директор хитро улыбнулся и важно произнес: «Любое название пьесы, в котором фигурирует слово "конец" администрацией приветствуется».

Рубанов пробежал глазами новый вариант пьесы и сделал два сильных замечания. «Соседка охмуряет заморского гостя грубо. Как шлюха. Так умные женщины не действуют. Тоньше, Санечка, тоньше», – ворковал Рубанов.

Замечание второе: история должна кончатся поступком главного героя. Где поступок?

Я ужасно разозлился. Меня всегда злят верные замечания. Обе проблемы я решил за три часа гостиничного одиночества.

Сцена охмурения получилась слегка абсурдной, но вполне пристойной. Что касается финала – раньше, в финале, героиня метафизически горевала, сидя на чемодане, а теперь она вставала и уходила, унося с собой чемодан и надежды на счастливую жизнь.

Рубанов с интересом прочел новый вариант, улыбнулся и сказал: «Да, вот так».

Глава 4. Актеры

Две недели я смотрел репертуар и выбирал актеров. Счастливое беззаботное время. Впрочем, оказалось, что даже при громадной труппе выбрать подходящих четырех непросто.

Талантливый актер в главной роли – праздник, посредственный – зубная боль. И тогда не спасет ни изобретательная постановка, ни Шекспир, ни Вампилов. Все руководства по режиссуре называли выбор актеров *"the most important single decision the director shall make"*.

В моей истории все четверо героев были главные.

Подобно Агафье Тихоновне, в поисках идеала прикладывавшей губы Никанора Ивановича к носу Ивана Кузьмича, я прикладывал «физику» актера «А» к темпераменту актрисы «Б», потом к возрасту актера «В» и затем к формам актрисы «Д», а ведь я еще не упомянул главное – талант! («средняк все угробит!» – кричал в телефон мой ментор, снимавший кино в Минске). И вот, в тот момент, когда мне казалось, что дело в шляпе, меня огорошили сообщением, что выбранный мной состав нежизнеспособен: актриса «Б» отбила актера «А» у актрисы «Д» и меня ожидает не спокойный репетиционный процесс, а геморрой, и мне пришлось перетасовать актерскую колоду с самого начала.

Наконец, после долгих мучений, выбор был сделан, приказ о распределении ролей вывешен. Предстояло знакомство с актерами – процедура под названием «читка пьесы».

То, что моя настоящая фамилия Авторхан, что я приехал из Нью-Йорка, что я никакой не режиссер, в театре, за исключением директора и Рубанова (и его боевой подруги), не знал никто.

Я нервничал. Позвонил Диме. Дима сказал, что читка пьесы – штука совсем не страшная. «Актеры прочтут пьесу. Потом ты скажешь: "Вопросы есть?" Они скажут: "Нет". Ты с ними попрощаешься, назначишь дату первой репетиции и уйдешь. Вообще, чем меньше ты будешь говорить, тем лучше – меньше скажешь глупостей».

Это был совет мудрый и не новый. Дима бил в больное место. Болтать – причем бессмысленно, лишь ради удовольствия произвести причудливую звуковую волну, а потом наблюдать, как она катится по воздуху, бьет собеседника в лоб и отскакивает в виде улыбки, возмущения, или содрогания – было и остается для меня дорогим пороком. Помнится, Камю где-то заметил, что любимыми занятиями французов является чтение газет и секс. Очевидно, я не француз. В моем случае, первая часть в формуле счастья должна быть заменена «общением». И разве не на болтовню я употребил (точнее, угробил) лучшую часть жизни – начиная с кухни в нашем семейном гнезде на улице Типанова и продолжая в других домах, где в вечном изумлении тонкий слой интеллигенции мусолил идиотизм советского бытия и свои скромные над ним победы.

Но мы отвлеклись. Услышав от меня, что сказал Дима по поводу читки пьесы, Рубанов не согласился: «Актеры прочтут пьесу. Потом ты должен сказать, в чем смысл пьесы. Ты автор. Они ждут». Я перезвонил Диме. Дима сказал: «Володя прав. Ты должен сказать, в чем смысл пьесы... Кстати, в чем смысл пьесы? О чем эта история? Ты автор. Ты должен знать, зачем ты ее писал...»

Я сказал: «Хорошо», а про себя подумал: «Дима считает меня полнейшим идиотом, не способным сказать два слова о собственной пьесе», но промолчал. Инструктаж продолжался. «Фраз должно быть две-три максимум. Напиши и покажи Рубанову. Ты должен эти фразы выучить. Учти. Ты делаешь первый шаг в общении с актерами. Каждый шаг должен быть выигранным. Понят?» Я сказал: «Понят».

Я повесил трубку, вспомнил слова Абрама Львовича, и мне захотелось все бросить, взять билет и уехать домой. Но я этого не сделал. Я написал две фразы, показал их Рубанову, тот хмыкнул что-то одобрительное, и мы отправились на читку.

Актеры сидели за столом.

Рубанов был лаконичен: «Александр Юрьевич Углов из Петербурга. Будет работать с вами. Удачи». И удалился.

Впервые в жизни я остался один на один с настоящими актерами.

Я раздал им по экземпляру пьесы и медленно, от волнения цедя слова, сказал: «Давайте прочтем текст, а потом поговорим».

И актеры начали читать. А я сидел и наблюдал.

Вскоре выяснилось, что Слава читает с трудом, многих слов не знает, не там ставит ударение, что такое «ренессанс» и кто такой Боттичелли ему неизвестно... Дима сказал: «Это нормально. Будешь оставаться после репетиций и объяснять каждое слово». Потом я обнаружил: актеру не надо быть умным, чтобы играть интеллектуалов. Достаточно быть хорошим актером. А Слава – не просто хороший.

Мы продолжили читать. Дошли до реплики: «Камю – апостол западного экзистенциализма». Слава застрял на слове «экзистенциализм». Добродушный Андрей тут же пришел на помощь, а потом сделал попытку прервать читку и рассказать анекдот, в котором фигурировало слово «минет». Я его прервал, и мы пошли дальше.

Юля и Катя читали с интересом. (Обе красивы, изящны, с осиными талиями, слегка загадочны – актрисы!) В какой-то момент Катя, дойдя до появления своей героини во втором действии (сцена охмурения!) стала хохотать. И просто не могла читать дальше...

Похоже, пьеса понравилась.

Я произнес две заготовленные фразы: «Эта история о том, как человек держал в руке счастье, но он не понял этого и ослабил хватку. Счастье выпало из его руки и разбилось». Затем я спросил: «Вопросы есть?» Повисла пауза. Я подумал с облегчением: пронесло! Но ошибся: вопросы были. «Почему у вас герои эксгибиционируют? – спросил Андрей. – Это что – мода такая?» Я выругался про себя, не сразу сообразив, что от меня хотят, и пообещал обсудить этот вопрос на репетициях.

Дима как-то заметил: «Актеры – это всегда черный ящик. Не пытайся их понять. Просто люби их, какие они есть». И добавил: «И держись от них подальше».

Юля, которая должна была исполнять главную героиню, спросила, из вежливости, что-то о театральной жизни Петербурга. Меня ударило в жар: «Начинается!» Вопросов, связанных с моей биографией, я боялся

больше всего. И многозначительно сказал: «В Петербурге богатая театральная жизнь. Премьера нашего спектакля назначена на 18 апреля. Начало репетиций тогда-то». И удалился.

Рубанов продолжал вводить меня в курс дела:

«Для постановки спектакля требуется в среднем 60 точек. Точка – это одна трехчасовая репетиция. Репетиции проводятся два раза в день по три часа с одиннадцати до двух дня и с шести до девяти вечера все дни недели, за исключением понедельника. В понедельник выходной... Ты режиссер. Ты царь и бог. Ты отвечаешь за все. И тебя слушаются беспрекословно. Ты назначаешь календарь репетиций. Захотел – перенес. Захотел – отменил. Захотел – прервал».

Заключительная часть речи Рубанова мне очень понравилась. Я неоднократно пользовался своими правами, когда чувствовал, что устал и больше не могу. А один раз отменил репетицию, чтобы послушать заезжую знаменитость – пианиста Михаила Плетнева. (В программке местной филармонии было сказано нечто вроде: «могучая личность Плетнева подобна титанам эпохи Возрождения...»)

Глава 5. Процесс пошел

Пространство спектакля – одна комната. Дима предложил пространство расширить. И показал как: дверь справа в комнату, дверь слева в квартиру, их соединяет воображаемый идущий по авансцене коридор. Блестящая находка, ибо теперь у нас в распоряжении почти вся квартира, есть где развернуться.

Имея Димин план в кармане, я не боялся встречи с художником. Рубанов сказал: «Обозначь настроение и идею, но в детали не вдавайся. Как бы ты ни старался придумать сценическое решение, талантливый художник сделает это лучше. У них мозги другие».

Он был прав. Толя Шубин, главный художник Театра юных зрителей и приятель Рубанова, за три дня изготовил макет декораций, который меня просто очаровал.

«А что это за разрезы на стенах?» – робко спросил я. «Я вижу стены белыми, с изломами, – сказал Толя. – Летящий образ белых ночей Петербурга...»

Черт его знает – что он там видит? – подумал я, но спорить не стал: макет смотрелся не хуже виденных мной в юности в холлах Александринки и Театра комедии.

Начались репетиции.

Пару дней мы разбирали пьесу за столом, а потом, как говорят актеры, «пошли ногами». Помню ужас, в который я пришел после первой репетиции «ногами».

Скука! Жуткая скука! Я шел по морозу пешком в гостиницу и думал – что делать? И тут меня стукнуло: пусть собирает чемодан! Вечером я заставил Андрея объясняться героине в любви, уговаривать ее бежать и при этом сваливать в чемодан женские тряпки. Андрей старательно делал все, что я просил – носился по сцене, собирал

лифчики, туфли, платья, Юля ломала руки в отчаянии, но веселее не становилось.

Позже, когда Дима и Рубанов вместе увидели эту сцену, они переглянулись и Рубанов остановил прогон. «Идите, погуляйте две минуты», – сказал он артистам. Затем они оба повернулись ко мне и почти в один голос сказали: «Здесь что-то не так». Я беспомощно развел руками.

Тем временем актеры вернулись. Рубанов помолчал и сказал: «Никакой беготни, стойте неподвижно и объяснитесь в любви». И вдруг в сцене появилась внутренняя динамика и глубина. И стало совсем не скучно.

Я много придумывал, сидя в гостинице или шатаясь по городу, но почти все мои домашние заготовки разлетались в пух и прах. Я придумывал новые, потом и они разлетались, и я опять что-то придумывал...

Со сценами на двоих процесс двигался туда-сюда, но когда на сцену выходило четыре актера, я чувствовал себя худо... Начинались споры, пререкания, и тут я часто пользовался своими диктаторскими правами...

Утром я вставал, ехал в театр, репетировал три часа, возвращался в гостиницу, садился за компьютер, что-то меняя в тексте и планируя вечернюю репетицию, смотрел в окно на чадающие заводские трубы, включал телевизор или просто валялся на кровати и снова ехал в театр. И так – полтора месяца.

Маленькое отступление для страдающих ностальгией чревоугодников. Рядом с гостиницей я наткнулся на вывеску «Диетическая столовая», вошел и попал... куда я попал? Синие скатерти, пластмассовые подносы, алюминиевые ложки, вилки, грузные поварахи в белых халатах и кокошниках, важно толкущиеся вокруг огромных алюминиевых котлов, – все это я видел давным-давно в другой, исчезнувшей с карты, стране.

Длинная металлическая стойка. Тарелочки с холодными закусками; витаминный салат – капуста, яблоко, морковка; яйцо под майонезом; холодец; подносы стаканов со сметаной, полные и наполовину; компот из сухофруктов; розовый кисель; стаканы простые, граненые. Глубокие тарелки – каша перловая, рисовая, манная, гречневая с непременно желтым кружочком растаявшего масла в центре. Творожная запеканка, обильно политая сгущенным молоком. (Надоело? Можете пропустить.) Супы – борщ или гороховый, на выбор. На металлических подносах горы котлет, шницели, бефстроганов, жареная треска. Гарниры – картошка, греча. На десерт – коржики молочные, с присыпкой, маленькие кексы с изюмом, слоеные язычки и венец всего – пирожное – тоненькая полоска слоеного пирога прямиком из моей школьной столовой.

Путешествие завершается у кассового аппарата, за которым восседает молодуха-кассирша, тоже в белом халате и кокошнике,

пробивающая крошечные нечитаемые чеки. Обед из трех блюд в переводе на привычную валюту – три доллара.

Боже, как уцелел этот милый моему сердцу динозавр среди моря современных кафешек и макдональдсов?

И еще: в служебном буфете театра я обнаружил большие трехлитровые банки сливового сока с ржавыми металлическими крышками, откуда-то с Украины или Молдавии. Ими были заставлены все гастрономы и овощные магазины моей юности.

...Репетиционные будни продолжались. Рубанов учил: «Не торопи события. Дай актеру время войти. Актерское дело – сложное. Актер должен ухватить ситуацию, интонацию, текст, партнера, пространство. Актеру нужно семь репетиций, чтобы запомнить и сделать как надо. Хороший актер сделает за три. Плохой не сделает никогда».

Бывали и веселые минуты: мне что-то удавалось, я заводился, орал, бегал по сцене... Чем я только не занимался! Декорации, мебель, реквизит, костюмы – вплоть до фасона и цвета лифчиков (в двух сценах актрисы раздевались), музыка, уроки английского произношения, свет.

Слава смотрит, как Юля красится перед зеркалом и должен произнести реплику: «А-а-а, новая помада...» Слава забыл текст и сказал: «А-а-а, боевой раскрас». Спасибо, Слава. Сколько еще новых перлов «великого и могучего» из-за отъезда за бугор я пропустил?

Еще проблема: в комнате героя на стене должен висеть портрет. Я говорю художнику: «Толя, нужна фотография самодовольного пошляка, с выпученными глазами и в шляпе». Толя приносит камеру в театр, мы выбираем актера с подходящей физиономией (заслуженный артист России) и прямо перед съемкой пугаемся: а вдруг актер подаст на нас в суд или потребует комиссионные? Надо что-то срочно придумать. Оказывается, единственный человек в театре, который не боится за свою репутацию, это я. Пришлось надеть шляпу.

Когда директор явился на сдачу спектакля, он глянул на сцену и первое, что сказал, было: «Александр Юрьевич, на каком основании вы вывесили свой портрет на сцене? Так мы не договаривались». Я ответил: «Юрий Владимирович, я готов убрать мой и вывесить ваш, только сначала посмотрите спектакль».

По ходу спектакля становилось ясно, что на портрете изображен господин нетрадиционной ориентации со странными литературными вкусами, и главный герой, обращаясь к нему, кричит: «Ну что, козел скандинавский!» Больше к вопросу о моем «присутствии» на сцене директор не возвращался.

До премьеры оставалось две недели, спектакль был почти собран, когда позвонил Дима. И сказал: «По театру ползут слухи». Я замер.

Глава 6. Рубанов и Дима

И тут я узнаю, что многоопытный Дима, не ставя меня в известность, через день звонил Рубанову и задавал один вопрос: «Не едят?» Рубанов отвечал: «Пока, вроде, нет».

И вдруг Рубанов сам позвонил Диме и сказал: «Приезжай». Оказалось, моя помощница Галя донесла директору, что Углов на репетициях много рассуждает, мало делает и актеры несчастны.

В тот же день, вечером, Рубанов впервые пришел на репетицию. Посидев полчаса молча, он включился в работу и последующие дни уже не я, а он управлял процессом.

А я наблюдал, как работает мастер.

За два дня Рубанов из моих невыразительных кусков собрал и завязал мощное пульсирующее действо, история вдруг заискрилась и заиграла. Актеры больше не спорили, не препирались, они носились как угорелые, авторитет Рубанова был непререкаем, но главное – приближалась премьера и надо было выйти на сцену...

Через день репетиций Рубанов помнил пьесу лучше, чем я. А что говорить о его чудовищной зрительной памяти, когда он, как по кадрам, анализировал каждый жест актеров.

Рубанов придумал начать пьянку друзей во втором акте с песни. И выбрал песню «Белые розы». Пошлый мотивчик чудно лег на настроение сцены – два школьных приятеля вспоминают молодость.

Юля лежит на диване, а Слава лезет ей под юбку со словами: «Я хочу хризантем». Лезет, но как-то неуверенно. Рубанов кричит: «Смелее!» Слава лезет опять, но все равно не получается. Рубанов вскакивает. «Музиль нас учил: театр – искусство фривольное. Ты что, Кати стесняешься?» Рубанов, конечно, шутит, но Катя – жена Славы, реагирует немедленно: «Я не возражаю». Слава опять лезет под юбку – теперь как надо.

За четыре рубановских дня спектакль вчерне был готов.

На пятый день, в середине репетиции, появился Дима. Он просмотрел прогон и пошутил: все сделано, я могу уезжать. Тем не менее, он остался. Рубанов сказал: «Удачи, ребята!» – и испарился.

Итак, за неделю до премьеры Дима взял бразды правления в свои руки. Актеры недоумевали – такого у них никогда не было – сначала с ними работал один режиссер, потом другой, а сейчас из Москвы прилетел третий.

В чем была роль Димы? Он поднял накал всей постановки на сто градусов. Актеры «вышли на эмоцию».

Идею входа Андрея в квартиру переодетым в костюм старушки тоже предложил Дима. Я посоветовал Андрею надеть женский парик, платок и плащ до пола, чтобы скрыть его кривые волосатые ноги. Рубанов и Дима посмотрели на результат и в один голос сказали: наоборот, пусть покажет ноги, наденет чулки, женские туфли и сделает большой бюст. Старушка преобразилась. Стала яркой и смешной. Вывод: любитель мямлит, профессионал играет «на разрыв аорты».

Рубанов вернулся за пару дней до премьеры, и мы втроем просматривали прогоны. Оба мэтра с сигаретами в зубах сидели в первом ряду, записывали свои претензии и высказывали их актерам. Я сидел за ними, тоже писал, но, не в силах сдержаться, шипел в ухо одному и другому свои замечания.

За два дня до премьеры Дима предупредил директора: «Готовьтесь, будет сокрушающий успех».

Глава 7. Премьера

Перед генеральной репетицией немногословный Рубанов вдруг впервые произнес: «Мне нравится твоя история».

Я был на седьмом небе.

Мои уговоры вписать Диму или Рубанова в афишу ничем не увенчались. На афише Александр Углов фигурировал и как автор, и как режиссер.

Кстати, вот вам «театральный факт»: Дима вырвал десять дней из своей занятой жизни, прилетел из Москвы (полет, гостиница – все за свой счет), и сидел целыми днями в театре, работая над чужой постановкой, которая не могла принести ему ни денег, ни славы. Желание выручить родственника? Разумеется. Я лишь цинично добавлю: братца хлебом не корми, дай «память актера».

На генеральную репетицию за день до премьеры приехала пресса. Я дал короткое интервью для телевидения. Заметил, что над спектаклем, кроме меня, работали также известные режиссеры – Владимир Рубанов и Дмитрий Авторхан. И добавил: «Я пригласил Франко Дзеффирелли, но он был занят». Репортер шутки не понял и на следующий день я смотрел мое интервью в утренних телевизионных новостях.

Ко мне подседа милая девушка из местной газеты.

– Герой вашей пьесы – писатель. Он пишет роман. О чем он пишет?

– В пьесе сказано: роман о путешествии двух шведских купцов-гомосексуалистов по Руси в период татаро-монгольского нашествия.

– Тема такая необычная. Нельзя ли поподробнее?

– Вы хотите, чтобы я пересказал вам весь роман? – съехидничал я.

И вспомнил, как на одной репетиции Дима вместе с актерами пытался развить тему моего ненаписанного романа.

Пришел день премьеры, 18 апреля 2006 года.

Я пришел в театр и обнаружил директора в жутком волнении. Лицо его было вспотевшим и очень нервным. На меня он внимания не обратил. Я понял – что-то случилось.

Оказалось, ему сообщили, что на премьеру едет мэр города со всей свитой. По театру сразу побежали слухи.

В результате спектакль задержали на полчаса – мэр приехал со своими заместителями и охраной и вошел в зал.

Пришли и старые кадры театра – народные артисты. Рубанов сказал: «Спектакль наделал шуму. Они редко притаскиваются».

Премьера началась. Я в полуобморочном состоянии ходил у входа в зал, наблюдая, как публика реагирует. Сначала сидели слегка замороженные. Потом стали смеяться.

После спектакля были аплодисменты. Цветы. Пришлось выйти и сказать речь. Я поблагодарил театр, директора, Рубанова, Диму. В фойе подходили зрители, благодарили. Артисты обнимали.

Короче, было все, что бывает на всех премьерах – удачных и неудачных.

Бывшая ведущая актриса ТюЗа, Дими́на приятельница, поцеловала меня и, вздохнув, сказала: «Я всю жизнь мечтала сыграть такую героиню».

И тут я вспомнил свою злосчастную «Мельхиоровую ложку» – мама ее прочла, вытащила папу из кабинета, и они с сияющими глазами поздравили меня с первым драматургическим опытом.

И вот, двадцать один год спустя, слушая овации зрителей и видя в зале Диму, который тоже встал и аплодировал, я горько пожалел, что мама и папа не дожили до этого времени и тоже не сидели в зале.

Меня просят пройти на банкет-экспромт для избранных. Директор постарался: сервировка, изысканные вина, отменные закуски – присутствие мэра обязывало.

Мэр произнес тост за успех.

И тут Дима не выдержал и объявил, что Александр Углов – это его родной брат и что он живет в Америке. Затем сказал, что у него за океаном три брата.

(Три брата – это Боря, инженер-электронщик, Гриша, тренер по гимнастике, и Саша, автор этих строк. Наш брат Витя, к великому несчастью, уже ушел из жизни.)

Мэр удивился и в шутку спросил: «У вас все братья – такие таланты?»

Дима человек театральный, любит эффекты. Он сделал вид, что задумался, и важно произнес: «Все пишут».

Вскоре мы перебрались на актерский банкет. Там все было проще, почти точь-в-точь как в моем конструкторском бюро тридцать лет назад по случаю празднования дня 8 марта – столы, покрытые белой бумагой, водка, стаканчики, дешевый закусон.

Открыл банкет Рубанов. Он встал и раскрыл мое инкогнито:

«Углов – тра-та-та-та-та, приехал из Нью-Йорка, никакой не режиссер, простите нас за то, что мы подставили вас под непрофессионала... и спасибо вам, что вы не устроили ему кровавую баню, терпели...»

Дальше Рубанов сказал, что эта пьеса новая, нигде не ставилась. А с новой пьесой всегда больше хлопот. И вспомнил, как в молодости ставил пьесу Вампилова «Прощание в июне» и они тоже много меняли...

Дальше он похвалил Юлю с самой лучшей ролью в ее карьере. Дальше он похвалил Славу и сказал, что тот поднялся на новые творческие высоты.

Было много выпито и сказано, но все это было уже не так интересно.

Актеры сидели с загадочными улыбками на каменных лицах и не смотрели на меня. Я испугался, подошел, уверил: актеров выбирал я. И только я! (Что было правдой.) Ребята смягчились. Да и чего кукситься – ведь успех! А после успешной премьеры (мне так сказали) режиссер может два дня ходить по театру без штанов.

На следующий день директор затребовал меня в театр.

Рубанов тут же «просчитал ситуацию»: спектакль получился, мэр города доволен, и не дать Углову комиссионные – значит угодить в «историю».

И вот на следующий день я иду в театр. Подписываю новый контракт, в котором сказано – автор получает пять процентов со сбора. Этих денег едва ли хватит сходить раз в месяц в ресторан, но я все равно счастлив: я не подвел театр – затея удалась.

Идет второй показ. Снова смех, слезы, аплодисменты, цветы. После спектакля иду к артистам в гримерную, ставлю французский коньяк “Hennessy”, привезенный из Нью-Йорка, дарю Андрею американскую майку-сувенир, снимаюсь с артистами на память.

На следующий день утром, 20 апреля, выхожу из гостиницы. Меня ждет «белая газель». Финита ля комедия. Я лечу домой.

В самолете «Москва-Нью-Йорк» я мысленно оцениваю свою уральскую эпопею и делаю несколько практических наблюдений:

Первое. Я потерял три килограмма.

Второе. У меня нет таланта режиссера.

Третье. Тяжело начинать в 55 лет.

Прилетев домой, я первым делом позвонил моему знакомому театральному зубру и доложил: «Абрам Львович! Актеры меня не съели, я живой».

Послесловие

Прошел год со дня премьеры. Вчера на интернете я посмотрел афишу Екатеринбургского Академического Театра драмы. Пьеса «Билет в один конец» по-прежнему в репертуаре, только теперь рядом с фамилией постановщика спектакля появились скобочки, а в скобочках стоит «США» – Соединенные Штаты Америки.

И еще я обнаружил, что на мой спектакль билеты стоят 250 рублей, а на все остальные спектакли малой сцены – 150. Пустячок, а приятно.

Послесловие к послесловию

Во время генеральной репетиции я обратил внимание на одну женщину. Она была из пошивочного цеха. Она сидела в последнем ряду, смотрела на сцену и горько плакала. После прогона я подошел к ней и

спросил, чего она плачет? «Я очень за нее переживаю...» – ответила женщина. Она имела в виду главную героиню.

На премьере я снова заметил эту женщину. Она сидела в последнем ряду, нарядно одетая, с мужем. И смотрела во все глаза. И опять плакала.

Предвижу реакцию театрала: видали мы истеричек на премьерах. Театрал прав. И все же...

Вернувшись домой, много месяцев спустя, я несколько раз задавал себе вопрос: стоило ли городить весь этот огород? Сочинять, писать, переписывать, тащиться к черту на рога, пытаться стать тем, кем ты, очевидно, никогда не станешь, тратить нервы, силы, время.

Время, которого так мало и которое совсем не спешит превратиться в деньги.

И добавим еще: и которое ни за какие деньги не купишь.

Я несколько раз принимался мысленно калькулировать. И каждый раз бросал это занятие и вспоминал ту женщину из пошивочного цеха.

Александр Басков (Бродский) – родился в 1937 году. Окончил Ленинградский театральный институт по специальности «театроведение» в 1961 году. Работал на телевидении в Петрозаводске и Ленинграде, в документальном и научно-популярном кино. Написал более 80 сценариев документальных и учебных короткометражных фильмов и телеочерков. В 25 лет стал членом Союза журналистов СССР. В Америке 34 года. Начал со статей, потом перешел на сатиру и юмор. Печатался в «Новом Американце», «Новом Русском Слове» и других изданиях. Книга литературных пародий «Извините за внимание» вышла 30 лет назад. Сейчас на пенсии. Женат, трое детей и пять внуков.

Пародии разных лет

*И это все в меня запало,
И лишь потом во мне очнулось...
Давид Самойлов*

Как объяснить, что я прикипел к юмористическим стихам, пародии, юмору? С детства пытался искать и покупать все, что было интересно и доступно в этом жанре. До сих пор помню кое-что опубликованное. Например, эпиграмма С.Васильева на Г.Рыклина (кто его вспомнит нынче?)

– Ну, как вам Рыклин? – Что ж, читаем.
– Смеетесь после? – После – да.
Мы после Рыклина за чаем
Читаем Чехова всегда...

Этой пародии, по-моему, лет 60.

Помню пародии (и нецензурные тоже) Архангельского, Игина, Васильева, на известных советских писателей и поэтов. Виссарион Саянов, автор романа «Небо и земля» – слышали о таком? Теперь о нем сохранилось только:

– Видел я Саянова –
Трезвого, не пьяного.
– Трезвого, не пьяного –
Значит, не Саянова.

Я коллекционировал и читал все, что попадалось, запоминал и перечитывал. Ну и конечно, – современников: Иртеньева, Филатова,

Гафта, Губермана и самого любимого – остроумнейшего Александра Александровича Иванова.

Лет эдак 55 назад меня попросили выступить на школьном концерте – «почитать какой-нибудь юмор» (просьба учительницы литературы). Я прочитал пародии – как бы написали советские поэты вариации на стихи Пушкина «Урну с водой уронив, об утес ее дева разбила...» До сих пор пытаюсь вспомнить, кто написал... Но некоторые строки помню и сегодня. На Михалкова, к примеру:

Не знаю, для чего однажды Марь Иванна
с кувшином за водой на речку побрела,
но по пути ей встретилась скала,
что все-таки довольно странно...

Я, каюсь, первую строчку впоследствии украл:

Однажды как-то раз поутру Марь Иванна
пошла на улицу Желябова в ОВИР...

Мой первый стишок, опубликованный «Новым Русским Словом», был не пародией, а довольно сердитой реакцией на «Стихи о советском паспорте» Маяковского, надоевшие нам со школы. Мы уезжали в эмиграцию не с паспортом, а паршивенькой зеленой бумажкой, которая называлась «Виза». И вот эти «Стихи о советской визе» и подтолкнули меня на более ироничное, что ли, стихоплетство. Там были строки, которыми я, честно говоря, горжусь:

Что делать поэту?
Достать из штанин
Похабный клочок
из ОВИРа?
Кто ты теперь?
ССР гражданин?
Или скиталец по миру?
Крыл ты Шаяпина. Ленина
– читл.
Сталину слал комплименты.
Что кроме паспорта
получил?
Какие снял дивиденды?
Паспорт – в штанах, а стрелял в висок.
Наверно, подпил
в прострации
А может, пулею пересек
Первый рубеж
эмиграции?
Славят поэтов.
Читают. Чтут.
Памятники даже ставят.

В России всегда пьедесталы
 куют,
 Когда до конца затравят.

Первые пародийные опусы я отправил, естественно, в «Новое Русское Слово», где тогда печатался. Первая пародия попала в руки Инны Богачинской. Она открывала редакционную почту на правах секретарши Якова Моисеевича Седых, главного редактора. Ну откуда я мог знать, что пародия на ее стихи попадет первым делом в ее же руки:

Озадачен декабрь, озадачен.
 Снег озябшую тайну несет.
 Разгадайте, что все это значит,
 Иль хотя бы частично, не все...

А я только что прочел тоненькую книжечку пародий Александра Иванова. И мне захотелось попробовать себя в этом жанре...

Озадачен декабрь, озадачен.
 Дал задачу мне до февраля.
 Догадалась я: снег – это значит
 H₂O, только ниже нуля.

Озабочен апрель, озабочен,
 Сколько тайны в воде дождевой!
 Напишу я стихи, между прочим,
 Разведенные талой водой,

В октябре есть свои секреты –
 В мокром дождике тайный след.
 Как загадочен мир поэта!
 Для читателя ж тайны нет.

Вот и август меня беспокоит,
 В жарком месяце – капли беды...
 Целый год я сумею построить
 На фундаменте чистой воды!

Почему-то Инна обиделась и эти строки никому не показала, но мы впоследствии познакомились и подружились семьями. Она оказалась очаровательной женщиной и талантливой поэтессой. А вот милейшая Евгения Димер на пародию не обиделась и даже подарила мне книжечку своих стихов. Хотя этих ее строк в книжке не было:

Мне страшна автобанная даль,
 И молось я в отчаяньи Богу,
 И тебя провожаю в дорогу
 На широкий и гладкий асфальт,

Где со всех незаметно сторон
Смерть настойчиво к каждому лезет.
Там удары и скрежет железа.
Провожая тебя, как на фронт....

Автострасти-автомордасти

Страшен мне автобанный разгул,
Скрип и скрежет хайвейных экзитов.
В смертный узел движение слито,
Запах смерти на трассе задул.

В «додже» ты словно воин в бою.
Ты глядишь сквозь стекло, как из ДЗОТА.
Из кювета стреляли в «тойоту»...
Дезертир бросил «хонду» свою.

Нажимай посильнее на газ!
«Форду» времени нет для атаки.
Настигают гигантские траки!
«Понтиак» метит врезаться в нас!

Это битва! Сражение! Бой!
Все что движется – может разбиться!
Никуда от хайвея не скрыться...
Если ж стукнут, примчусь за тобой!

Стекла я перебью молотком,
Проколю шепелявые шины.
Подорву под откосом машину
И пойдём по хайвеям пешком!

Надо сказать, Андрей Седых, к которому я зашел поговорить о любимом жанре и подарить только что вышедшую книжечку, меня несколько огорошил: «Пародии надо делать на известных поэтов». Сам он ни строчки не прочитал и, как впоследствии выяснилось, давал все приходящее и приносимое в редакцию супруге. Ей понравилось? Можно печатать...

Современных поэтов Седых не знал и не печатал. Вот хорошенькая Инна – рядом, она своя. Да еще кое-какие старые приятели-эмигранты. А я как бы из новых. Впрочем, печатали изредка...

Уже через пару недель после приезда Сергея Довлатова я встретил его в клубе русских писателей Нью-Йорка. Мы жили неподалеку друг от друга, виделись часто. И когда под редакцией Довлатова стал выходить «Новый Американец», – тут меня стали печатать часто. Зато «Новое Русское Слово» авторам «Нового Американца» указало на дверь – конкурентов Андрей Седых невзлюбил. О поэте Семене Ботвиннике остроумно и ядовито написал сам Довлатов в своей первой книжечке «Соло на ундервуде». Обязательно найдите и прочитайте. А моя

реакция вылилась, естественно, в пародию на стихи С. Ботвинника («Прибрежный лес»):

Прибрежный лес унять не может дрожи.
 Волна у черных плещется камней.
 Не стану я ни крепче, ни моложе,
 Не стану я ни зорче, ни умней.

В огороде бузина...

Трещит в кустах болтливая сорока,
 А у киоска с пивом сохнет клен.
 Глупеем мы от возраста и срока.
 Рука не пишет, разум притушен.

Как трудно с поэтическим народом!
 Да и читатель, видно, не дорос.
 Вот бузина растет за огородом.
 А дядька в Киеве. Почем теперь овес?

Пошли 80-е годы. Стали приезжать толпами новые эмигранты. И тут мне уже было не остановиться. Я стал кропать пародии одну за другой.

Живя в России, мы пользовались (за редким исключением!) общественным транспортом. И вот сел в трамвай довольно известный поэт Игорь Шаферан. По-видимому, в первый раз. Иначе не написал бы той чепухи, которая меня лично развеселила:

Люблю я тесноту и шум
 Везущего к восьми трамвая.
 Ни ярких шляп, ни жарких шуб
 В трамвае этом не бывает...

Помните эту замечательную фразу?

Эй, ты, в шляпе! Выходишь?

Все есть: трамвай, рабочий класс.
 Завод. Сто граммов оптимизма.
 И вот уже готов рассказ
 По правилам соцреализма.

Я помню тот трамвай. С утра
 Бока намнут на поворотах.
 Чуть подтолкнешь кого слегка –
 И заведут с пол-оборота:

Еще в очках! Куды ты прешь?
 А он в такси привык, холера!
 Интеллигентов развелось!
 Небось еврей, из инженеров...

Людской поток угрюм и хмур.
И лишь поэт от счастья тает!
Он прикоснулся поутру
К рабочим ватникам в трамвае!

Я себя причисляю к многомиллионному сонму футбольных болельщиков уже лет 65. Сам играл, и судил, и даже тренировал детишек здесь, в Америке! Всю жизнь мечтал увидеть чемпионат мира – и ведь увидел. В 1986 году был в Мексике, на финальных играх. Видел в деле легендарного Марадону, потрясающего Платини.

И как же было пройти мимо вот этих стихов Григория Поженяна:

Не паситесь в офсайде
В тени у чужого крыльца.
Старых жен не бросайте.
Несите свой крест до конца.

Он же («Песня о друге»):

Уйду с дороги, таков закон.
Третий должен уйти.

Кое-что о футболе или уйди с поля

Не надо пастись в офсайде
В тени у чужих ворот.
Пишите. Или играйте.
Жена пусть в запасе ждет.

Мяч, то есть крест, несите.
И если открыли счет, –
Любимой гол посвятите.
Жена пушай подождет.

Строчку, как мяч, подрезал...
Что-то читатель притих...
Я с углового врезал
Прямо в собственный стих!

Вскричала любовь – «Мазила!»
Швырнула с крыльца бадьей.
Да и жена не простила,
Ушла с футбольным судьей.

Стихи и футбол отныне
Стоят на моем пути.
Третий я – посредине.
А третий должен уйти.

Остался поэт в офсайде,
 В тени у чужого крыльца...
 Стихи его прочитайте.
 Несите свой крест до конца...

Одно время в СССР выходили ежегодные сборники «Альманах поэзии». Зачастую там публиковались такие стишата, что пройти мимо было просто невозможно. Не знаю, стал ли известен нижеупомянутый Борис Ветров, но мне его мысли ужасно понравились. Вот они. Ну просто просятся на пародию. Борис Ветров, «Материя»:

Я стал человеком,
 А мог стать орлом,
 Зеленою веткой,
 Железным веслом...

Кое-что материальное

Я стал человеком,
 А мог стать котом.
 Соломенной шляпкой,
 Дубовым веслом.

Мог – кислой капустой
 И спиленным пнем.
 Вином и закуской,
 Троянским конем.

Двенадцатым стулом,
 Зеленой травой,
 Зубастой акулой,
 Ночною совой.

Пробиркой учебной,
 Горшком под кровать...
 Да мало ли чем мне
 Захочется стать?

Дождем спозаранку,
 Цветным какаду,
 Мог дыркой в баранке,
 Булавкой в заду...

Я все перечислил,
 Я на ноги встал,
 Я стал человеком.
 Поэтом – не стал.

А вот попался поэт из второй волны эмиграции – Иван Буркин.

Не слышали? В Википедии он упомянут, но стихов его я не нашел. Только вот эти записанные когда-то строчки:

Я живу под каштанами,
 Над веселой рекой,
 С недостатками старыми,
 С моей правой рукой...

Ну не повезло человеку, может, инвалид был Иван Афанасьевич?

Пособие по анатомии

Я живу со старухой,
 За рекою совсем,
 С глухотой в правом ухе,
 Слепотой минус семь,

Не видать за туманами
 Недостатки реки.
 Проживу за каштанами
 И без левой руки.

И митральные клапаны
 Я в стихи притащу,
 Даже нос расцарапанный
 Зарифмую к дождю.

Вечерком со старухой
 Недостатки сужу...
 А на левую ногу я
 Больше зла не держу!

Анатолий Софронов. Кто не помнит эту гнусную личность! Партприхлебатель, конъюнктурщик, любимец органов, секретарь Союза писателей. Посмотрите, что он сам о себе написал! И ведь гордился, что был продажной скотиной!

Не объезжайте старого коня!
 Уже он в меру временем объезжен...

Он пережил немало седоков,
 Сменил в пути немало всяких седел.
 И для того, чтоб мчаться далеко,
 Он сил своих в дорогах много отдал.

Мы не забыли эти времена

Не упрекайте старого коня!
 Он гнал за лидером, то лысым, то бровастым!
 Скакал, подобострастно семеня,
 Поэт-кентавр, скакун продажной масти.

Пошлем его скакать за рубежи!
 Подкованный. И партией проверен.
 Такой не подведет. Он первым прибежит.
 А если что – совет как сивый мерин.

На всех рысях к литературе мчась,
 И Запад понося, то в драме, то в сатире,
 Он громко ржал, в конюшню возвратясь,
 Что наш хомут – он самый лучший в мире!

Да, старый конь не портит борозды,
 Но передавит множество народа!
 Он думает, что скачет без узды,
 Поэт-кентавр софроновской породы.

Меня всегда поражала готовность совписов отражать, следовать, всецело поддерживать. Уж на что приличный был поэт Евгений Долматовский, но и он подрабатывал из конъюнктурных соображений.

Тихим лирикам знать пора:
 Говорят про одно и то же
 И на площади рупора,
 И супруги на нежном ложе.

Если нынче у соловьев
 Поэтических слов нехватка, –
 По разряду главнейших слов
 Пусть войдет в словари разрядка.

Ну правильно! В СССР, как известно, секса не было. О чем еще говорить на ложе любви? Двух мнений быть не может – только о разрядке имени тов. Брежнева!

На разрядку – становись!

Ходят слухи: у соловья
 Что-то с голосом не в порядке.
 И откликнулась муза моя
 На побасенки о разрядке.

Никаких цветочков-красот!
 Никаких Пегасов-лошадок!
 Пусть поэзия перейдет
 К воспеванию разных разрядок.

Представляете – свадебный пир,
 А в глазах жениха – желание:
 Говорить о борьбе за мир
 И вот это ... сосу...ще...ствование...

Тихим лирикам невдомек,
 Что маневры, десанты, учения –
 Это Западу наш урок:
 Как читать слово «разоружение».

О детанте везде поем –
 И мутим потихоньку воду...
 Разливается соловьем
 Комсомолец двадцатого года.

Стихи Ильи Гущина из ежегодника поэзии, кажется 1978 года
 (пародия написана в то же время):

Дыни в солнце самом полощутся,
 Под огнем помидоров – салат.
 Виноград покупает уборщица.
 Сочный солнечный виноград...

Фруктово-ягодный венок

Пусть враги от досады морщатся!
 Так и просится «Ох» и «Ах»!
 Виноград покупает уборщица
 На полставки в пяти местах.

Слесарь сок покупает яблочный,
 Деткам тоже стаканчик налил.
 А вот прежде (как непорядочно!)
 Хлебный квас без закуски пил.

Почтальон купил апельсины,
 А фотограф – кило помидор.
 И на радость всему магазину
 Сетку дынь взял простой шофер!

Вот арбузы лежат полосатые...
 Тут бы надо поставить акцент:
 Дескать, вот мы какие богатые –
 Два лимона купил студент!

Умиление к горлу подходит.
 Фрукты-овощи льются рекой...
 Только где это все происходит?
 На какой на планете такой?

Этот фрукт – он базаром отмеченный.
 То не стих, а сплошной артишок!
 Ты постой за картошкой до вечера
 И сваргань про картошку стишок!

А вот эта пародия мне нравится больше других. В общем-то, Глеб Горбовский – поэт небесталанный, самокритичный, однако...

Бьешься ты как рыбка –
Килечка об лед.
Может, я – ошибка,
Выдумка, не тот?

Вижу, ты устала,
Вижу, но не злую...
Мало, слишком мало
Я тебя целую.

Рыбная любовь

Я дошел до точки:
Страсть моя – рассол.
Мысль как сельдь из бочки
Просится на стол.

Килька моя, где ты?
Палтус жировой!
Спинка нежной кеты,
Хариус ты мой!

Как лосось, игрива
У тебя душа.
С пивом особливо
Вобла хороша!

Вижу тебя редко,
Только поутру,
И хожу к соседке
Пробовать икру...

Сельдь и осетрина –
Рыбный дефицит.
Рыбным магазином
Страсть во мне кипит!

Завтра встану рано,
Без минуты семь.
Целовать не стану.
С маслом тебя съем!

В 1991 году я был в Питере. Увидел афишу – «Александр Иванов». Не может быть! – мой, так сказать, заочный учитель, мой кумир! Бросился за билетом. А после концерта постеснялся подойти – попросить автограф и признаться в любви к его творчеству. Мне хочется думать, что вот тот последний стишок ему бы понравился...

Надежда Брагинская – глубокий исследователь творчества Александра Сергеевича Пушкина – пользуется заслуженной популярностью у широкого русскоязычного и русскоязычающего населения Америки. Она – автор книги «О Пушкине», огромного числа статей и радиопередач о русской литературе. Российский Фонд Культуры дважды награждал Н.С. Брагинскую грамотой «За многолетнее служение культуре». Недавно ей была вручена Пушкинская Царскосельская медаль.

*1 марта (28 февраля) 2011 года –
180 лет со дня женитьбы А.С. Пушкина*

А.Пушкин. Женитьба. Первый год. Хроника

Эта небольшая статья по жанру – хроника. Она как бы аккумулирует события, выверяя, отбирая из многих фактов и документов времени наиболее значительные. Автор, естественно, всегда стремится к предельной объективности, которая вряд ли возможна.

Поток материалов – самый разнородный: жизненные ситуации, письма Пушкина, его родных, семьи Гончаровых, переписка его друзей и знакомых с ним и о нем, официальные документы. Естественно, обозначены все стихотворения, созданные тогда Пушкиным.

Этот текст документальный, имеет внутреннюю и хронологическую логику. Потому желательно избегать чтения беглого, при котором возможна потеря чего-то особо значимого. Вот, например, в письме Надежды Осиповны Пушкиной к дочери Ольге 25 июля 1831 года можно упустить при беглом чтении, так сказать, «второй план» последней строки. Именно здесь – те материнские слова о Наталье Николаевне, за которыми прочитывается скромность молодой жены сына, ее милая простота, без притязаний.

Произведения Пушкина комментируются в хронике лишь изредка. Но, например, стихотворение «Клеветникам России» вызывало и вызывает поныне неоднозначные оценки. Потому здесь представлены два мнения, полярные, П.Вяземского и П.Чаадаева, не желательно сосредоточиться лишь на одном.

...Кончался дачный сезон. Предстояло расставание с Царским Селом, с дорогими лицейскими местами. 19 октября 1831 года создано стихотворение «Чем чаще празднует лицей...» об ушедших лицеистах, о кончине любимого Дельвига.

*И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый...*

Больно цитировать в этой хронике горькие строки стихотворения, созданного почти на исходе еще первого года семейной жизни.

Но так написал Пушкин.

Год 1830

«Генерал, с крайним смущением обращаюсь я к власти по совершенно личному обстоятельству... Я женюсь на м-ль Гончаровой... Я получил ее согласие и согласие ее матери; два возражения были мне высказаны при этом: мое имущественное состояние и мое положение относительно правительства. ...Г-жа Гончарова боится отдать дочь за человека, который имел бы несчастье быть на дурном счету у Государя... Счастье мое зависит от одного благосклонного слова того, к кому я и так уже питаю искреннюю и безграничную преданность и благодарность.

...Прошу еще об одной милости: в 1826 году я привез в Москву написанную в ссылке трагедию о Годунове... Государь, соблаговолив прочесть ее, сделал мне несколько замечаний... Но нынешними обстоятельствами я вынужден умолять Его Величество развязать мне руки и позволить мне напечатать трагедию в том виде, как я считаю нужным» (франц.).

А.Пушкин – А.Бенкендорфу, 16 апреля, Москва

«Мои горячо любимые родители, обращаюсь к вам в минуту, которая определит мою судьбу на всю остальную жизнь. Я намерен жениться на молодой девушке, которую люблю уже год, – м-ль Натали Гончаровой. Я получил ее согласие, а также и согласие ее матери. Прошу вашего благословения, не как пустой формальности, но с внутренним убеждением, что это благословение необходимо для моего благополучия» (черновое).

А.Пушкин – Н.О. и С.Л. Пушкиным, 6-11 апреля, Москва

23 апреля создано стихотворение «К вельможе» (посвящено кн. Н.Юсупову – Н.Б.), в нем строки: «С восторгом ценишь ты и блеск Алябьевой, и прелесть Гончаровой».

«Что касается вашего личного положения по отношению к правительству... я нахожу его совершенно соответствующим вашим интересам... Никогда никакая полиция не получала распоряжения следить за вами. В чем же то недоверие, которое будто бы можно в этом отношении найти в вашем положении? Я уполномочиваю вас, милостивый государь, показать это письмо всем тем, кому, по вашему мнению, должно показать. Что касается трагедии вашей о Годунове, то Его Величество разрешает вам напечатать ее за вашей личной ответственностью» (франц.).

А.Бенкендорф – А.Пушкину, 28 апреля, С.-Петербург

«Николай Афанасьевич и Наталья Ивановна Гончаровы имеют честь объявить о помолвке дочери своей Наталии Николаевны с Александром Сергеевичем Пушкиным, сего мая 6 дня 1830 года».

(Пригласительный билет)

«Я питаю отвращение к делам и бумагам. Быть камер-юнкером мне уже не по возрасту, да и что стал бы я делать при Дворе? Мне не позволяют этого ни мои средства, ни занятия. Родным моей жены очень мало дела и до нее, и до меня» (франц.).

А.Пушкин – Е.Хитрово, 19 – 24 мая, Москва

«Сестра сообщает мне любопытную новость – свадьбу Пушкина на Гончаровой... Если круговая порука есть в порядке вещей, то сколько ему бедному носить рогов...»

А.Вульф, «Дневник», 28 июня, Тригорское

7 июля создано стихотворение «Поэту» («Поэт! Не дорожи любовью народной»).

8 июля создан сонет «Мадонна».

«Наталья Николаевна сообщала, что свадьба их беспрестанно была на волоске из-за ссор жениха с тещей, у которой от сумасшествия мужа и неприятностей семейных характер испортился. Пушкин ей не уступал и, когда она говорила ему, что он должен помнить, что вступает в ее семейство, отвечал: “Это дело вашей дочери, – я на ней хочу жениться, а не на вас”».

П.Анненков со слов Н.Н.Пушкиной-Ланской, «Записи», с. 352

7 сентября. Создано стихотворение «Бесы». Болдино.

8 сентября. Создана «Элегия» («Безумных лет угасшее веселье»).

«Ты не можешь вообразить, как весело удрать от невесты, да и засесть стихи писать. Жена не то, что невеста. Куда! Жена свой брат. При ней пиши сколько хошь. А невеста пуце цензора Щеглова, язык и руки связывает... Сегодня от своей получил я премиленькое письмо: обещает выйти за меня и без приданого. Зовет меня в Москву – я приеду не прежде месяца. Соседей ни души, ездю верхом сколько душе угодно, пиши дома сколько вздумается, никто не помешает. Уж я наготовлю тебе всякой всячины, и прозы, и стихов».

А.Пушкин – П.Плетневу, 9 сентября, Болдино

Пушкин о завершении «Евгения Онегина»: «1823 год 9 мая, Кишинев – 1830 25 сент., Болдино. 7 лет 4 ме<сяца> 17 д<ней> 26 сент. А.П<ушкин>».

«Вот в чем было дело: теща моя отлагала свадьбу за приданным, а уж, конечно, не я... Баратынский говорит, что в женихах счастлив только дурак; а человек мыслящий беспокоен и волнуем будущим. Доселе он я – а тут он будет мы. Шутка!»

А.Пушкин – П.Плетневу, 29 сентября, Болдино

«Въезд в Москву запрещен. Ясное дело, что в этом году (будь он проклят) нашей свадьбе не бывать. Мы окружены карантинами. Я провожу мое время в том, что мараю бумагу и злось... Прощайте, повергните меня к стопам вашей матушки; сердечные поклоны вашему семейству. Прощайте, прелестный ангел. Целую кончики ваших крыльев» (франц.).

А.Пушкин - Н.Н.Гончаровой, 11 октября, Болдино

«Посылаю тебе, барон, вассальскую мою подать. Доношу тебе, моему владельцу, что нынешняя осень была детородна и что коли твой смиренный вассал не околеет от сарацинского падежа, холерой именуемого, то в замке твоём, "Литературной газете", песни трубадуров не умолкнут круглый год».

А.Пушкин - А.Дельвигу, 4 ноября, Болдино

Год 1831

«Пушкин был у меня два раза... все так же мил и все тот же жених. Он много написал у себя в деревне».

П.Вяземский - П.Плетневу, 12 января, Москва

«*Il n'est de bonheur que dans les voies communes*» ("Счастье лишь на проторенных дорогах"). Мне за 30 лет. В тридцать лет люди обыкновенно женятся - я поступаю, как люди, и, вероятно, не буду в том раскаиваться».

А.Пушкин - Н.Кривцову, 10 февраля, Москва

«Пушкин женился 18 февраля 1831 г.».

Павел Вяземский, Собр. соч., с. 529

«Филарет таки поставил на своем: их обвенчали не у кн. Сер. Мих. (Домовая церковь кн. С.М.Голицына - Н.Б.), а у старого Вознесенья».

А.Булгаков - К.Булгакову, 19 февраля, Москва

«Во время обряда Пушкин, задев нечаянно за аналой, уронил крест; говорят, при обмене колец одно из них упало на пол. Поэт изменился в лице и тут же шепнул одному из присутствующих: "*Tous les mauvais augures*" ("Все это плохие знаки")».

«Русская старина», 1880, т. 27, с. 148

«Молодые Пушкины жили со дня свадьбы во втором ярусе большого дома (Хитровой) на Арбате».

П.Бартенев, «Русский архив». 1902, I, 56

«Я женат - и счастлив; одно желание мое, чтоб ничего в жизни моей не изменилось - лучшего не дождусь. Это состояние для меня так ново, что, кажется, я переродился».

А.Пушкин - П.Плетневу, 24 февраля 1831 г., Москва

«Была я у них в Москве, стояли тогда у Смоленской Божьей матери, каменный двухэтажный дом... Посмотри, говорит, Марья, вот моя жена! Вынесли мне это показать ее работу, шелком, надо быть, мелко-мелко, четверугольчатое, вот как то окно».

Мария Федоровна (дочь Арины Родионовны, крестьянка сельца Захарово – Н.Б.), «Москвитянин», 1851, № 9-10, с. 32

«Пушкина – беленькая, чистенькая девочка с правильными чертами и лукавыми глазами, как у любой гризетки. Видно, что она неловка еще и неразвязна; а все-таки московщина отражается на ней довольно заметно».

В.Туманский – Г.Туманской, 16 марта, Москва

«Суматоха и хлопоты этого месяца, который отнюдь не мог бы быть назван у нас медовым, до сих пор мешали мне вам написать» {франц.}.

А.Пушкин – Е.Хитрово, 26 марта, Москва

«“Секретно” С.Н.Муханову. Московского полицмейстера I отделения РАПОРТ. “Живущий в Пречистенской части отставной чиновник 10-го класса Александр Сергеев Пушкин вчерашнего числа получил из части свидетельство на выезд из Москвы в Санкт-Петербург вместе с женою своею; а как он, по предписанию бывшего г. обер-полицмейстера от 7-го сентября за № 435 1829 года, состоит под секретным надзором, то я долгом доставляю представить о сем вашему высокоблагородию. Полицмейстер Миллер, № 117. Мая 15 дня 1831 г.”».

«Приехали мы благополучно... в Демутов трактир и на днях отправляемся в Царское Село, где мой домик еще не меблирован».

А.Пушкин – П.Нащокину, около 20 мая, С.-Петербург

25 мая А.С. и Н.Н.Пушкины приезжают из Петербурга в Царское Село и поселяются на лето в доме Китаевой, снятом для них П.Плетневым.

26 мая. День рождения А.С.Пушкина.

26 мая. Вознесение Господне – Дванадесятый праздник, особенно почитаемый Пушкиным.

«Важнейшие события его жизни, по собственному его признанию, все совпали с днем Вознесенья».

П.Анненков, «Материалы», с. 306-307

«Вот уже неделя, как я в Царском Селе... Теперь, кажется, все уладил и стану жить потихоньку без тещи, без экипажа, следственно – без больших расходов и без сплетен».

А.Пушкин – П.Нащокину, 1 июня, Царское Село

«Я был вынужден оставить Москву во избежание всяких дряг, которые могли лишить меня не только покоя».

А.Пушкин – Наталье Ивановне Гончаровой (матери Н.Н.), 26 июня, Царское Село

«Летом 1831 г. в Царском Селе многие ходили нарочно смотреть на Пушкина, как он гулял под руку с женою, обыкновенно около озера. Она бывала в белом платье, в круглой шляпе, и на плечах свитая тогдашнему красная шаль».

А.Смирнова-Россет, «Записки», с. 201

«Когда мы жили в Царском Селе, Пушкин каждое утро ходил купаться, после чая ложился у себя в комнате и начинал писать».

А.Смирнова-Россет, «Автобиография», с. 328

«Хотя летом у нас бывал придворный обед, довольно хороший, я все же любила обедать у Пушкиных. У них подавали зеленый суп с крутыми яйцами, рубленые большие котлеты со шпинатом или щавелем и на десерт варенье из белого крыжовника».

А.Смирнова-Россет, «Автобиография», с. 328

13 июня. Написан акварельный портрет Пушкина, в шляпе. Неизвестный художник.

В № 113 газеты «Северная пчела» (июнь 1831 г.) выход из печати «Бориса Годунова» представлен как «творение первоклассного поэта, обращающего на себя внимание отечественной и иностранной публики».

«Здесь холера, т. е. в Петербурге, а Царское Село оцеплено – так, как при королевских дворах, бывало, за шалости принца секли его пажа. Жду дороговизны, и скупость наследственная и благоприобретенная во мне тревожится. О делах жены моей не имею никаких известий, и дедушка, и теща отмалчиваются и рады, что Бог послал их Ташеньке муженька такого смиренного».

А.Пушкин – П.Нащокину, около 20 июня, Царское Село

18 июня к Пушкину приезжают родители (проездом в Павловск). 22 июня Н.О.Пушкина отметила на даче Китаевой свой день рождения.

«В Царском Селе оказалась дороговизна. Я здесь без экипажа и без пирожного, а деньги все-таки уходят. Вообрази, что со дня нашего отъезда я выпил одну только бутылку шампанского, да и ту не вдруг».

А.Пушкин – П.Нащокину, 26 июня, Царское Село

Июнь. Е.Розен присылает опубликованное без подписи в «Северных Цветах» стихотворение «26 мая» (24 строки) в честь дня рождения Пушкина: «Сей день Богам в хвалу и честь мы ставим – Так! Гения сошествие мы славим!»

«Жену свою Пушкин иногда звал: "Моя косая Мадонна". У нее глаза были несколько вкось. Пушкин восхищался природным здравым ее смыслом. Она тоже любила его действительно».

В.Вяземская по записи Бартенева, «Русский Архив», 1900, I, с. 398.

9 июля. Переезд Императорского Двора в Царское Село.

13 июля. День казни пятерых декабристов в 1826 году.

«Пушкин признавался А.О.Смирновой, что в этот день он тайно молился о повешенных».

Митрополит Анастасий, «Пушкин в его отношении к религии и Православной Церкви», М., 1991, с. 47.

Около 20 июля. Разговор Пушкина в парке с Николаем I. Высочайше повелено принять поэта на службу в Иностранную коллегию, разрешить работу в архивах для написания Истории Петра Первого.

«...царь взял меня в службу... он дал мне жалованье, открыл мне архивы... Он сказал: "*Puisqu'il est marié et qu'il n'est pas riche, il faut faire aller sa marmite...*" ("Раз он женат и небогат, надо дать ему средства к жизни")».

А.Пушкин - П.Плетневу, 22 июля, Царское Село

«Император и Императрица встретили Натали и Александра: они остановились с ними поговорить, и Императрица сказала Натали, что очень рада с нею познакомиться... Вот она и вынуждена явиться при Дворе, совсем против своей воли».

Н.О.Пушкина - О.С.Павлищевой, 25 июля, Павловск

«Пушкин мой сосед, и мы видимся с ним часто. Женка его очень милое творение, и он с нею мне весьма нравится. Я более и более за него радуюсь тому, что он женат. И душа, и жизнь, и поэзия в выигрыше».

В.Жуковский - П.Вяземскому и А.Тургеневу, Конец июля, Царское Село

2 августа. Завершено стихотворение «Клеветникам России».

«Посылаю тебе с Гоголем сказки моего друга Ив.П.Белкина; отдай их в простую цензуру, да и приступим к изданию».

А.Пушкин - П.Плетневу, около 15 августа, Царское Село

17 августа. Пушкин и Наталья Николаевна обедают в Павловске у родителей.

24 - 27 августа. Завершена «Сказка о царе Салтане...».

«У Плетнева я был, отдал ему в исправности ваши посылку и письмо. Прощайте. Да сохранит вас Бог вместе с Надеждою Николаевною».

Н.Гоголь - А.Пушкину, «Переписка», с. 137

«У нас все благополучно: бунтов, наводнения и холеры нет... Ваша Надежда Николаевна, то есть моя Наталья Николаевна – благодарит Вас за воспоминание и сердечно кланяется Вам».

А.Пушкин – Н.Гоголю, 25 августа, Царское Село

26 августа. 19-я годовщина Бородинской битвы. Натальин день. Именины Натальи Николаевны.

27 августа. День рождения Натальи Николаевны (1812 г.).

30 августа. День Кавалерственного Праздника Святого Александра Невского. Возможно (?), именины Пушкина.

«*A propos*: не именинник ли ты завтра? Поздравляю тебя и целую».

П.Плетнев – А.Пушкину в Михайловское, 29 августа 1825 г.

«Теща моя не унимается... Дедушка ни гу-гу. До сих пор ничего не сделано для Натальи Николаевны; мои дела идут помаленьку. Печатаю *incognito* мои повести, первый экземпляр перешлю тебе».

А.Пушкин – П.Нащокину, 3 сентября, Царское Село

5 сентября. Благодарственный молебен в дворцовой церкви по случаю взятия Варшавы. По всей вероятности, на нем присутствовали Пушкин с Натальей Николаевной.

5 сентября. Написано стихотворение «Бородинская годовщина».

5 сентября. Написано стихотворение В.Жуковского «Русская песня на взятие Варшавы».

Поставлена дата под вторым автографом стихотворения «Клеветникам России»: «5 сент., 1831. Царское Село».

«Будь у нас гласность печати, никогда Ж<уковский> не подумал бы, Пушкин не осмелился бы воспеть победы Паскевича ("Клеветникам России"- Н.Б.), потому что курам на смех быть вне себя от изумления, видя, что льву удалось, наконец, наложить лапу на мышь».

П.Вяземский, «Дневник», с. 153-154

17 сентября. Именины Надежды Осиповны Пушкиной.

«Я только что прочел ваших два стихотворения ("Клеветникам России" и "Бородинская годовщина" – Н.Б.). Друг мой, никогда еще вы не доставляли мне столько удовольствия. Вот вы, наконец, и национальный поэт; вы, наконец, угадали свое призвание».

П.Чаадаев – А.Пушкину, 18 сентября, Москва

«Не совестно ли сравнивать нынешние события с Бородином ("Бородинская годовщина" – Н.Б.)? Там мы бились один против 10, а здесь, напротив, 10 против одного. Это дело весьма важно в государственном отношении, но тут нет ни на грош поэзии».

П.Вяземский, «Дневник», с. 151-152

«Лестно для Пушкина заступить место Карамзина. Пусть употребит талант свой, ум и время на дело полезное, а не на вздорные стишки, как бы ни были они плавны и остры».

А.Булгаков – К.Булгакову, 19 сентября, Москва

«Между ими царствует большая дружба и согласие: Таша обожает своего мужа, который также ее любит; дай Бог, чтоб их блаженство и впредь не нарушалось».

Д.Н.Гончаров (брат Н.Н. – Н.Б.) – А.Н.Гончарову в Полотняный Завод, 24 сентября, Царское Село

Сентябрь – октябрь. Пушкин дорабатывает VIII главу «Евгения Онегина».

5 октября – беловая рукопись «Письма Онегина» («5 окт. 1831 г.»).

«Мне совестно быть неаккуратным, но я совершенно расстроился: женюсь, я думал издерживать втрое против прежнего, вышло вдесятеро».

А.Пушкин – П.Нащокину, 7 октября, Царское Село

9 октября. Цензурное разрешение на издание «Северных Цветов» на 1832 год, подготовленных Пушкиным к печати в память А.А.Дельвига.

«Осмеливаюсь беспокоить Ваше высокопревосходительство покорнейшею просьбою о дозволении издать особою книгою стихотворения мои, напечатанные уже в течение трех последних лет».

А.Пушкин – А.Бенкендорфу, середина октября, Царское Село

«Мне не известно, чтобы его Величество разрешили Вам все Ваши сочинения печатать под одною Вашею только ответственностью... а потому Вам надлежит по-прежнему испрашивать всякий раз высочайшее Его Величества соизволение».

А.Бенкендорф – А.Пушкину, 19 октября, С.-Петербург

19 октября. Двадцатая годовщина Лицея.

19 октября. Помечен беловой автограф стихотворения «Чем чаще празднует Лицей...». В нем строки:

...И мнится, очередь за мной,
Зовет меня мой Дельвиг милый...
...Туда, в толпу теней родных
Навек от нас утекший гений.

После 19 октября – переезд из Царского Села в Санкт-Петербург.

Квартира Пушкина с октября 1831 года по май 1832 года была в Галерной улице, дом Брискорн.

«Жена Пушкина появилась в большом свете, где ее приняли очень хорошо; она понравилась всем и своими манерами и своей фигурой, в которой находят что-то трогательное».

М.Сердобин – Б.Вревскому, 17 ноября, С.-Петербург

«Государь Император всемилостивейше пожаловать соизволил состоящего в ведомости Гос. Коллегии Иностр. Дел коллежского секретаря Пушкина в титулярные советники».

«Высочайший Указ» от 6 декабря, 1831 г.

«Однажды на вопрос Баратынского, не помешает ли он ей, если прочтет в ее присутствии Пушкину новые стихотворения, Наталья Николаевна ответила: “Читайте, пожалуйста, я не слушаю”».

Л.Павлищев, «Воспоминания», с. 57

С первого года женитьбы «... Пушкин узнал нужду, и хотя никто из самых близких не слышал от него ни единой жалобы, беспокойство о существовании омрачало часто его лицо».

Н.Смирнов, «Русский архив», 1882, с. 233

«Пушкин здесь, но что-то пасмурен и рассеян».

М.Погодин - С.Шевыреву, 21 декабря, Москва.

«“Секретно”. Чиновник 10 кл. Александр Пушкин 24 числа сего месяца выехал отсюда в С.-Петербург; во время жительства его в Пречистенской части ничего за ним законопротивного не замечено. Полицмейстер Миллер. 26 декабря. Москва».

Слава Бродский – выпускник Московского государственного университета (математического отделения мехмата). Автор нескольких книг по прикладной математической статистике, опубликованных в России в 70-х – 80-х годах. С 1991 года живет в Соединенных Штатах Америки и работает в финансовой индустрии Манхеттена. Свою писательскую карьеру начал в 2004 году. За прошедшие с тех пор годы были опубликованы такие его книги как «Бредовый суп», «Релятивистская концепция языка»,

«Исторические анекдоты», «Смешные детские рассказы», «Большая кулинарная книга развитого социализма». Слава Бродский – вице-президент компании “MetLife”. Он живет с женой в Миллбурне (Нью-Джерси). Его вебсайт – www.slavabrodsky.com.

Отрывки из повести «Бредовый суп»*

Первый компьютер

Я знаю, что теперь мало кто любит вспоминать давние времена. Я сам не люблю. Но иногда все-таки буду делать исключения. Вот и сейчас – несколько часов из каких-то там дремучих времен.

Случилось все это в восемьдесят пятом году в Москве, летом. Я только что пришел на работу, а на моем столе уже звонил телефон. Это был мой шеф.

– Здравствуй, Илья, – сказал он.

– Доброе утро, Борис Борисыч.

– Не такое уж оно доброе, – сказал шеф. – К нам комиссия едет министерскую систему проверять. Только что Четаев звонил. Я жду тебя через пятнадцать минут.

Четаев работал у нас тогда директором института. А заодно был у них председателем. А у них уж так принято было: кто директор, тот и председатель. Или наоборот. Я уж сейчас точно и не помню.

До Четаева работал у нас другой директор. Тот был куда как мягче. Если они там наверху придумывали что-то, то он, конечно, объявлял нам об этом, какой бы чушью оно ни было. Но сделаем мы это или не сделаем, его не особенно волновало.

А вот Четаев совсем другим человеком был. Мне один из наших, из институтских, жаловался, что раз в неделю, не реже, снился ему один

* Бредовый суп., изд-во «Лимбус Пресс», С.-Петербург, 2004, 288 с.

и тот же сон. Сидит он якобы утром дома и завтракает. И тут у него над ухом Четаев как гаркнет: «Какой у тебя экономический эффект?» Ну и мой знакомый вскакивал весь в холодном поту. И никак от этих снов отделаться не мог.

Теперь никто и не помнит, какой такой экономический эффект у них был. А когда я рассказываю, то мне никто не верит. Потому что получается, что вся страна работала, так сказать, в обратном направлении.

Сейчас я приведу вам небольшой пример. Скажем, вы сделали какой-нибудь станок и продали его на фабрику. А на фабрике на станке наделали стульев на тысячу рублей. Так вот, если вы свой станок продали за восемьсот рублей, то экономический эффект будет двести рублей, а если – за тысячу рублей, то никакого эффекта у вас не будет. Чем дороже продали, тем вам хуже. Почему так считали, никто объяснить не мог. Да никто и не задумывался. А Четаев, так вот, не задумываясь, с нас в высшей степени строго это все спрашивал и был за это на очень хорошем счету где-то там, у своих.

У меня еще оставалось десять минут. Я сел в кресло, вытянул поудобнее ноги и закрыл глаза.

Мы спустились вниз и стали расспрашивать девушку, где можно безопасно ходить. И она дала нам карту, на которой она обвела карандашом маленький прямоугольник, и сказала, что если мы не будем выходить за пределы французского квартала, то все будет вполне безопасно.

– А если выйдем? – спросил я.

– Наверное, тоже все будет в порядке, – сказала девушка, – но я не советую вам этого делать.

– Как нам пройти к центру?

– Вы повернете здесь налево и пойдете все время прямо, никуда не сворачивая. Через пять минут вы будете в центре.

Мы вышли из гостиницы, повернули налево и побрели к центру. На улицах было много народу. И чем дальше мы шли, тем труднее нам было пробираться в толпе. Через каждые сорок-пятьдесят метров мы встречали какие-то небольшие музыкальные группы, и все это было похоже на какой-то джазовый фестиваль.

– Илюша! – услышал я чей-то голос совсем рядом с нами и обернулся.

Я увидел девушку с молодым человеком. Они приветливо махали нам, и выглядело это так, как будто мы с ними сговорились здесь встретиться. Более того, по всей видимости, мы были с ними хорошо знакомы, потому что, когда подошли к ним, стали называть их Мирой и Лешей, и девушка Мира схватила меня за рукав совсем по-простому и куда-то потащила.

– Тебе это должно понравиться, – сказала она.

– Что «это»? – спросил я.

– Сейчас увидишь.
 – Откуда ты знаешь, что мне может понравиться?
 – Я знаю, – сказала Мира, – говорю тебе, я знаю. Тебе это очень понравится.

Пока Мира тащила меня куда-то, она непрерывно что-то говорила.

– Мы пойдем в Дом устриц, – сказала она.
 – Там что, устрицы живут? – спросил я.
 – Нет, там устриц едят. Но мы пойдем туда не сразу, не сейчас.
 – А куда же мы идем сейчас?
 – Ты сам все увидишь, – сказала Мира.

Мы продвигались в густой толпе молодых людей, среди которых было много совсем молоденьких девушек. И вдруг я увидел, как одна из них резко задрала свою майку, обнажив себя. Все одобрительно закричали, и девушка опустила майку и стала смотреть наверх, на балкон второго этажа, где стояло много молодых парней. Один из них бросил что-то этой девушке. И когда она поймала и надела это на себя, я понял, что это были бусы. Толпа опять одобрительно загудела, и в эту же секунду другая девушка, которая стояла рядом со мной, повернулась ко мне и тоже задрала свою майку поверх головы, обнажив свои совершенно белые груди. И груди эти, которые были необыкновенно хороши, из-за того что она стояла с поднятыми руками, хоть и были довольно большими, просто-таки торчком торчали прямо мне в лицо, и у меня от этого, конечно, сразу же перехватило дыхание.

Я открыл глаза и в испуге посмотрел на часы. Прошло десять минут, как я сел в кресло и, по-видимому, сразу же заснул. И я удивился, какая же чертовщина может вот так, ни с того ни с сего, присниться человеку. Все, абсолютно все, в моем сне было странно и неправдоподобно. И меня еще удивило то, что когда мне все это снилось, то никакой чертовщиной мне это не казалось. И я подумал, что в следующий раз, когда мне будет что-то такое сниться, надо постараться понять, что это все – сон, и проснуться.

А сейчас мне надо было бы поскорее переключиться на министерскую систему. А про нее и в нашем институте, да и в самом министерстве, знали только в самых общих чертах. Как, кстати, и про все, что мы вообще делали. Хотя считалось, что мы работали над важнейшими государственными планами. Планы эти разрабатывались у них в государственном комитете простыми чиновниками. Естественно, они не могли представить себе, над чем страна должна была работать следующие пять лет. Поэтому они даже не утруждали себя, чтобы понять, что они там планируют. Просто рассылали набор каких-то слов. А на местах уже это все каждый по-своему расшифровывал, и потом уже народ какие-то невообразимые диссертации защищал, многие академиками становились, всякие премии получали.

Я вспомнил, как однажды мне позвонил один мой знакомый. Когда-то мы с ним на одном курсе учились. А потом он пошел работать в этот самый государственный комитет.

- Слушай, - сказал он, - у нас тут пока еще недобор. Вместо восьмидесяти программ, мы только шестьдесят пять набрали. Если хочешь, давай свои предложения.

- Да я уж и не знаю, что давать, - сказал я. - Меня тут в институте уже мучили на этот счет.

- Ты же, я помню, какими-то египетскими квадратами занимался.

- Латинскими прямоугольниками.

- Точно. Я думаю, это пойдет. Давай я прямо сейчас твою тему и застолблю. Давай, диктуй название.

Я продиктовал ему мою тему.

- Отлично, - сказал мой знакомый. - Только у нас сейчас автоматизированные системы должны идти. Поэтому давай начнем так: «Автоматизированная система...», а дальше уже по тексту. Не возражаешь?

- Нет, - сказал я. - А что это такое?

- Я тебе потом все пришлю. А сейчас давай решим, какое тебе финансирование нужно.

- Да мне много не надо. Пяти, наверное, хватит.

- Учти, что это на пять лет.

- На пять лет? Тогда пиши двадцать пять.

- Хорошо, пишу тебе двадцать пять миллионов на пять лет.

- Миллионов? - спросил я. - Я имел в виду двадцать пять тысяч.

- Ты что, с ума сошел? У нас меньше пяти миллионов программ нет.

- Правда? Ну тогда пиши пять миллионов.

- Вот и отлично, - сказал мой знакомый, - значит, пять миллионов на пять лет. Можешь уже слать нам развернутую программу.

В институте нашем программу мою утвердили мгновенно. Они уже, оказывается, полгода мучились, не знали, что послать. Через год программа эта вернулась в наш институт из комитета на выполнение. Из пяти миллионов мы потратили на зарплату за эти пять лет только несколько тысяч. В командировку я один раз съездил. Это еще двести рублей. И две ручки мне купили по рублю за штуку. А остальные деньги там где-то просто зачеркнули.

Работу по программе мы закончили в срок и через пять лет послали в комитет отчет. А там его хранили потом в течение десяти лет. Вот и все.

Я пошел к своему шефу и по дороге стал думать о том, как могло случиться, что все эти совершенно бессмысленные вещи всем казались абсолютно естественными, нормальными и обыденными. А потом я подумал, что это все очень похоже на какой-то кошмарный сон. И мне пришло в голову, что, может быть, я на самом-то деле именно сейчас и сплю. И я даже удивился, почему мне это не приходило в голову раньше.

Если это очень похоже на сон, то почему же я только сейчас впервые заподозрил, что я сплю? И я стал думать, как мне можно было бы проверить, сплю я или нет, и как можно было бы проснуться. И мне даже сделалось как-то не по себе от всего этого. И наконец я понял, что я думаю совсем не о том, о чем надо. А надо было думать о том, как же нам выкрутиться с этой министерской системой. Ведь мы ее даже и не начинали еще делать.

А закрутилось все с того, что наш министр узнал, что премьер-министр поставил себе на стол компьютер. Ну и, естественно, наш министр велел установить у него точно такой же компьютер, какой был у его шефа. А у шефа этого на столе стояла «Электроника-85». Лучше этой «Электроники» у нас тогда ничего не было. Стоила она недорого. А достать ее было ужас как трудно. Премьер-то достал. А нашему министру это все никак не удавалось. Хотя какой-то другой министр, который «Электронику» делал, клятвенно обещал ему в июле восемьдесят пятого года выделить шесть штук.

А вы, наверное, и не знаете, почему нам шесть компьютеров нужны были? А у нас было любому известно, что для того, чтобы «Электроника-85» работала, нужно еще пять таких же на запасные части.

Так вот. Было это в феврале восемьдесят пятого, когда министру нашему пообещали шесть компьютеров к июлю. И он сразу приказ издал, чтобы сделать все, как надо, в недельный срок. То есть к первому марта. Приказ отправили нашему Четаеву только в апреле. Четаев, конечно, прекрасно знал, что все, что по вычислительной части, надо передавать в нашу лабораторию. Но пока он понял, что компьютеры – это то же самое, уже прошел июнь. Когда приказ увидел Борис Борисыч, был уже июль.

Ну что здесь можно было сделать? Сказать, что же вы, мол, приказ отправили в апреле с мартовским сроком, да еще и о компьютерах забыли? Нет, так обычно никто не делал. Я предлагал шефу послать в министерство план разработки системы лет на десять. Они вполне могли бы его по ошибке и утвердить. Но Борис Борисыч нашел другое решение. Как только он увидел, что срок уже давно прошел, то он отрапортовал в министерство, что система готова. При этом объяснил министру, что нам нужны еще два месяца после того, как компьютеры привезут. А вот для чего нам были нужны эти два месяца, я придумал. Для того, чтобы компьютеры заизолировать проволокой, чтобы из американского посольства не смогли ничего такого на шпионить. Я, правда, это в шутку предложил. Но Борис Борисыч все это немедленно одобрил. Так наше объяснение и было принято там, наверху.

Министр, получив известие, что система готова, и забыв, что компьютеров еще нет, отрапортовал премьеру, что все в полном порядке. А премьер прямо отрапортовал в самый главный их орган,

который они почему-то называли политическим бюро. Вот они там и решили посмотреть, как у нас все это работает.

Я вошел в кабинет шефа.

- Где Митя? – спросил он меня.

- Дома, наверное, – сказал я, – отсыпается после ночной смены на овощной базе.

- Звони ему срочно. Нет, подожди. Слушай меня внимательно. Звонил министр. Сказал, что через пятьдесят минут он ЕГО привезет к нам.

- А кого «ЕГО»? – спросил я.

Тут Борис Борисыч посмотрел на меня так, что я сразу все понял: ну о чем со мной можно говорить, если я простых даже вещей не понимаю.

- Слушай, – сказал он, – ты можешь что-нибудь сделать?

- Да вы что, Борис Борисыч, не знаете, что «Электроники» нет и неизвестно, будет ли она когда-нибудь.

- А эта... у тебя есть? – спросил Борис Борисыч и стал свой лоб морщить.

- Какая еще «эта»?

- Ну, эта...

- «Искра», что ли?

- Во-во!

- А при чем тут «Искра»? – спросил я.

Тут он опять на меня посмотрел, и я сразу понял, что он хотел бы сказать: «Вот работаешь тут с такими. Так мало того, что сами ничего придумать не в состоянии, так даже когда им все объяснишь, и то ухватить не могут».

Ну, тут я уже сразу сказал, что, мол, понял, Борис Борисыч. А что я понял-то? Эта «Искра» вообще-то шла как персональная ЭВМ. Хотя от земли оторвать ее было невозможно. Такая она тяжелая была. А может, еще и потому, что она к полу на болтах намертво была прикручена. Да еще у нашей «Искры» каких-то ламп не хватало. Потому что там, где эти лампы делали, вместо трехсот тысяч сделали только восемь штук. Правда, их министр обещал нашему министру специально для нас сделать девятую сверх плана. Но, конечно, сразу об этом забыл.

Я позвонил Мите. Хорошо, что он еще спать не лег. «Приезжайте, – сказал я, – тут такое творится».

Приехал Митя. А я к тому моменту уже нарисовал табличку «Электроника-85» и прилепил ее к «Искре». И решили мы набрать побольше всяких таблиц. Скажем, какой-то там завод план производства выполнил на сто пятьдесят процентов, а другой – только на девяносто девять.

Хотя, должен сказать, что выдать такую информацию, что план выполнен на девяносто девять процентов, мог только самый последний недотепа. Обычно все писали больше. А сколько писали, зависело и от

того, сколько на самом деле было, и как крепко сидел директор, и от многих других вещей. Вот, скажем, если план был выполнен на сорок семь процентов и директор никаким уважением не пользовался нигде, тогда он должен был написать скромно: сто один и две десятых процента. А если директор был крепкий какой-нибудь, то он и при семнадцати процентах мог написать сто тридцать четыре и семь десятых процента. И был бы еще крепче после этого.

Вот и решили мы с Митей представить дело так, будто вот прямо сейчас к нам информация стекается со всех заводов страны. Но тут, как назло, «Искра» совсем отказалась работать, и мы смогли набрать только одну единственную таблицу, и из всего, что на «Искре» было, работали только выключатель и ручка яркости монитора.

А в это время подкатили к нам черные машины. Смотрим, идет наш министр и что-то услужливо объясняет какому-то дяде. А дядя был очень старый, конечно, но так – ничего особенного. Может быть, только шея его и выдавала. Крепкая она у него была. Ну, как у них у всех. И номер на машине был с тремя нулями в начале.

Для тех, кто уже не помнит ничего или не знал никогда, скажу, что с одним нулем машин довольно много разъезжало и в них всякого рода начальство сидело. С двумя – члены правительства ездили, и народ такие машины членовозами называл. А три нуля я только вот один раз в жизни и увидел.

Подошли к нам ребята эти трехнулевые, и мы начали объяснять им, как наша система работает.

– Вот это, – сказал я, – рапорт Уральского горно-металлургического комбината. План по добыче черного сланца выполнен на сто двадцать процентов.

– То есть, – сказал Митя, – перевыполнен на двадцать процентов.

Тут я ручку яркости у монитора крутанул туда и обратно. Картинка пропала и тут же появилась обратно.

– А вот, – опять сказал я, – рапорт Уральского горно-металлургического комбината. План по добыче черного сланца выполнен на сто двадцать процентов.

– То есть, – сказал Митя, – перевыполнен на двадцать процентов.

Тут я опять ручку покрутил и толкнул Митю в бок.

– А вот – рапорт Уральского горно-металлургического комбината, – сказал Митя. – План по добыче черного сланца выполнен на сто двадцать процентов.

– То есть, – сказал я, – перевыполнен на двадцать процентов.

Посмотрели мы с Митей на них. Вроде бы все нормально.

Вот с цепкостью, изворотливостью и живучестью – это у них всегда хорошо было. А с памятью и сообразительностью – с этим как-то похуже.

– А где же этот компьютер вообще стоит всегда? – спросил дядя.

Тут наш министр отличился:

- У меня в кабинете, – сказал он.
- А информация с заводов как поступает? – спросил дядя.
- По проводам, – не моргнув глазом, ответил министр.

Дядя был доволен ужасно. Потом они пошли в кабинет к Четаеву. А через пару часов вызвал Борис Борисыч нас с Митей и сказал, что дядя был в восторге и дал отзыв о системе как об уникальном явлении. И что он сказал, что это первый в стране компьютер, работающий на службе у народа, и просил поблагодарить создателей системы и выразить им свое восхищение. И еще дядя сказал, что системе нет аналога не только в стране, но, по всей видимости, и за рубежом, и он велел Четаеву без всяких там проволочек представлять ее на Государственную премию.

- Слушай, Илья, – сказал мне Борис Борисыч, – ведь ты же сегодня в отпуск уходишь.

- Да, – сказал я, – у меня поезд через полтора часа.

Тут мысли мои закрутились совсем в другом направлении. Вспомнил я, что все билеты на поезд у меня, что сам я на поезде не поеду, потому что мне надо машину гнать. И гнать ее, как всегда, буду ночью. Вспомнил, как Кирилл меня спросил:

- Ну, в этот раз ты не опоздаешь? Помнишь, как ты в прошлый раз нас подвел?

- Чуть не подвел, – уточнил я.

- Чуть не подвел, – согласился Кирилл.

А в прошлый раз я прибежал к поезду, когда он уже тронулся. И я бежал за ним с выпученными глазами. Ребята заметили меня и бросились в тамбур. И я видел, как кто-то уже теснил проводника от дверей. В одной руке у меня было три пустых фляги, а в другой – одна, но наполовину с медом. И я пытался на ходу забросить их в открытую дверь вагона. И та, которая была с медом, каким-то чудом упала вниз, под вагон. И я закричал что-то. И все закричали. И какой-то пассажир, не из наших, с испугу рванул стоп-кран.

А еще я вспомнил, что я должен домой заскочить за шмотками. И что, хотя до переезда оставалось около месяца, уже сейчас было ясно, что больше четверых мы на него никак не наберем. И много еще чего такого вспомнил. И услышал я, как Борис Борисыч спросил:

- Ты куда едешь-то?

- В деревню, – сказал я, – на пасеку.

- Отдохнуть, значит? Это хорошо. Поезжай, отдохни.

- Ну так я побежал? – сказал я.

- Беги, беги, – сказал Борис Борисыч.

И побежал я отдыхать.

Саратовская оратория

Первый день откачки на пасеке – это всегда праздник. Настроение у всех было приподнятое. И день этот с самого начала складывался очень удачно. Ночью прошел сильный дождь, а утром стало довольно прилично припекать. И пчела пошла из ульев так дружно, как будто бы это был еще июль.

Вся команда наша была в сборе. Последних привез накануне днем Аркаша. Так мало того, что он приехал почти с полным баком, так еще на последней заправке накормил бензоколонщику какими-то конфетами, и она залила ему все четыре канистры, которые он вез с собой. И теперь они стояли дружно так в тенишке и просто радовали глаз.

Все примусы и паровые кастрюли работали безотказно. Еще с вечера были опробованы все наши медогонки и паровые ножи. И все, что требовало какой-то починки, уже было починено. Все фляги были давным-давно вымыты и сгруппированы вокруг медогонных будок, а будки окопаны землей, и все щели в них заткнуты пучками полыни. Халаты наши были постираны, а сетки проверены и заштопаны, и застежки на них посажены на катушки. Дымари все были вычищены, и кто-то даже собрал для них большой запас гнилушек и лосиного говна.

И в первую утреннюю пробную откачку рамки пришли такими полновесными, что первые шесть фляг были заполнены всего лишь с двенадцати корпусов. А когда я стал отбирать мед, то оторвать глаз от этих рамок мне было очень трудно, настолько они были изумительными. И были они запечатаны, наверное, не меньше, чем на две трети. А в самом верху, с обеих сторон, миллиметров на пять, наверное, печатка выступала за верхний брусок. Ну и вы, конечно, понимаете, что и резать такие рамки было одно удовольствие. И я только жалел, что не могу остановиться хоть на пару секунд и полюбоваться на них. Потому что пара лишних секунд – это пяток лишних пчел в отборочном корпусе. Ну и народ в будке будет ворчать: мол, зачем пчелы много принес. И я успокаивал себя тем, что после обеда, когда обе будки будут забиты под крышу и народ начнет потихоньку роптать, что, мол, хватит уже, что же нам до полуночи тут крутилку крутить, вот тогда я пойду к ним на помощь и успею еще насмотреться на все эти рамки. И пойдет нож паровой сверху вниз единым движением. И тончайшая восковая пленка соскользнет в отстойник. А рамка, как будто сама, повернется под нож другой стороной. И всего лишь через полчаса медогонный приемник уже будет забит до отказа. И тогда я пойду к медогонке, а на резку поставлю Витьку-неумельша. И при полном-то приемнике даже он вполне сможет час продержаться. А заодно пусть, дурашка, забрус наш теплый вволю поест. Вряд ли он когда пробовал такое. И неизвестно, попробует ли еще когда. Потому что неясно, где он на следующий год окажется. Знает пасека: кто на лесополосу приехал, тот, считай, уже и не жилец в стране этой. Считай, что уже и заявление отъездное сочинил и подписал. Только вот отнести осталось.

И все предобеденное время мыслями своими я был в медогонной будке. Я, конечно, понимал, что хоть народ там и доволен был, а все равно никто еще не знал, надо ли особенно радоваться или нет. Потому что одно дело, если я выбирал только рамки, которые пожирнее, а другое дело, если они все были такие. И когда я подвез к будке очередную порцию корпусов и Аркаша стал их у меня принимать и посмотрел на меня вопросительно, я, конечно, знал, что он хотел спросить. И я сказал, что беру все подряд. И он крикнул так одобрительно. И я слышал, как он в будке сказал кому-то «подряд, подряд». И все загудели дальше «подряд, подряд».

Вот почему настроение у всех должно было быть отличным. Да оно и было отличным у всех. У всех, кроме меня.

А для меня этот первый день откачки, как всегда, был печальным днем. Потому что в этот день я прощался с летом. На следующий день я уезжал в Москву. И, как всегда, на то, чтобы попировать на откачке, уже и дней у меня от отпуска не оставалось. Поэтому и настроение у меня было на полтора тона ниже, чем у всех.

А весь свой законный и незаконный отпуск я потратил на то, чтобы пчела пришла к главному взятку во всей своей силе. Но сделать это было не так-то легко в том году. Да что там говорить, этот год был очень трудным для нас.

Этот год, действительно, был очень трудным для нас. Еще зимой мы стали подозревать по разным признакам, что зимовка прошла плохо. И мы все торопились с весенней выставкой. И когда мы наконец выставили пчел из омшаника и пчела облетелась, то все равно прошло еще, наверное, две недели, прежде чем воздух хотя бы в середине дня стал прогреваться до двенадцати градусов. И когда мы начали осматривать семьи одну за другой, то обнаружили, что почти все они были в довольно плохом состоянии. Как правило, в ульях было влажно и все рамки были сильно опоношены. Жизнь едва теплилась в тех семьях, где корма хватило до весны. Но во многих ульях клубы пошли не в том направлении, где был мед, а в противоположном – и погибли еще, наверное, в середине зимы.

И поэтому нам опять пришлось гнать в Сочи КАМАЗ, а не ехать туда на «Жигулях», как мы планировали осенью. А когда мы стали покупать пчелиные пакеты в таком большом количестве, то уже не могли выбирать только ротовские семьи. И нам пришлось везти полным-полно Дадана. И каждую дадановскую рамку нужно было потом обрезать прямо по живому расплоду. А это можно сравнить только с какой-нибудь хирургической операцией. Только для живости сравнения надо было бы представить себе, что хирургу нового пациента подсовывают каждые две минуты и, конечно, что пчелы цапают его ежесекундно за все открытые и неоткрытые места.

После того как мы обрезали всего Дадана, мы получили около семидесяти плодных маток, и я стал формировать отводки на них. В результате, вместо ста полудохлых зимовальных семей мы получили

четыреста. Тоже, в сущности, полудохлых, но готовых взорваться в любую минуту. И в этом была следующая наша забота – не допустить, чтобы семьи изошли роями. А это значило, что надо было поставить на каждую из четырехсот семей по два, три, а то и четыре дополнительных корпуса с сушью и вощиной. И если ты делал все правильно, то к середине июля семья встречала главный взяток тремя плотно набитыми пчелой корпусами. Вот тогда самым сильным сверху можно было бросить еще два или три корпуса суши. И вот эту сушь пчела потом и заливала медом и запечатывала той самой прекрасной печаткой, от которой нельзя было оторвать глаз.

Я вспоминал о нашем трудном годе и думал о том, что все эти молодые симпатичные ребята, которые приехали вчера первый раз на пасеку нам на подмогу и которые не были испытаны на переезде (а о переезде, наверное, придется еще сказать отдельное, особое слово), и знать не знали обо всем об этом. Они думали, конечно, что пчеловодный сезон начался только в день их приезда. И когда через две недели они уедут с пасеки, они будут думать, что этим все и закончилось.

А кому-то из наших еще придется пролечить всех пчел от вароатоза и подготовить их к переезду. Четыреста корпусов по десять рамок в каждом – это будет четыре тысячи рамок. И в каждую с двух сторон надо загнать по гвоздю с трех ударов. Двадцать четыре тысячи ударов. Много ли это?

А вы, кстати, никогда не пробовали по улью постучать? Нет? А попробуйте как-нибудь. Не обязательно молотком. Просто пальцем, легонько так: «тук-тук, мол, кто там живет?»

Наверное, вы уже догадались, что после этого будет. Вот я поэтому-то и спрашиваю: много ли это – двадцать четыре тысячи ударов? Ну, если куда попало колотить, то, я думаю, это не так уж и много. А если молотком по открытым ульям, то это, пожалуй, прилично будет.

О чем еще я думал тогда? Думал я о том, что еще в августе надо будет перевезти все на нашу зимнюю базу и потом успеть подкормить пчел к зиме. За зиму пару раз придется пчел проведать. И не с пустыми руками, конечно. А надо будет достать на сахарозаводе в Борисоглебске флягу сахарной пудры, смешать ее с медом и пчелиной пылью и слепить небольшие лепешки, которые надо будет в каждую семью осторожненько так положить прямо над клубом. А к этому ко всему еще нужно было бы добавить небольшие организационные подробности. Продукты всякие, лекарства и еще много чего надо будет привезти по весне из Москвы. И не только всем нашим соседям, а и директору пчелобазы, председателю колхоза и его агроному, трактористам и еще много кому. Справку в ветеринарной лечебнице надо будет получить о том, что у пчел наших нет ни одной заразной болезни. И это притом, что по всей России нельзя найти ни одной здоровой пчелиной семьи. Ну и много еще чего надо будет сделать. И когда я начал обо всем об этом думать, то мне просто тошно стало.

- Что призадумался? – спросил меня Кирилл.

- Да так что-то, – сказал я. – Слушай, Кирилл, а помнишь, я тебя спрашивал в Москве, сколько у нас пустых корпусов стоит?

- Вроде бы спрашивал.

- И что ты мне ответил?

- Не помню. А что такое?

- А то, что ты сказал, что их сорок, а тут их, наверное, за триста было.

Тут Кирилл стал мне что-то такое говорить, что ежели пчела занимает столько-то корпусов и все это умножить на что-то, да еще вычесть какое-то количество вошины с учетом чего-то там такого, то как раз и получится, что наващивать нужно только сорок корпусов.

- А я не спрашивал тебя, Кирилл, сколько корпусов придется наващивать. Я тебя спрашивал, сколько у нас пустых корпусов.

- Знаешь, – сказал Кирилл, – в греческой философии есть такой ораторский прием. На букву «дэ». Не знаешь?

- Нет, не знаю.

- А зря, – сказал Кирилл. – «Демагогия» называется.

- Ораторский прием? – сказал я. – Во-первых, я совсем и не ору, а очень спокоен.

- Не умничай, – сказал Кирилл.

- А, во-вторых, что ты, Кирилл, себе позволяешь? На прошлой неделе ты меня бюрократам обозвал, сейчас демагогом, а что завтра ждать прикажешь?

А на прошлой неделе Кирилл обозвал меня бюрократам не просто так. Связано это было с тем, что на моей службе я поднимался потихоньку вверх. И вот как-то назначили меня каким-то там большим начальником по компьютерным программам.

Примерно за месяц до того, как это случилось, повел меня шеф к министру знакомиться. Ну, сидим, разговариваем. Шеф меня в лучшем свете ему представляет. А министр и говорит: «Это мы еще поглядим, каким он окажется. Да и ты (это он моему шефу), кстати, тоже». И курит, собака, непрерывно. И когда он хотел пепел стряхнуть, то мой шеф так ему услужливо стал пепельницу пододвигать, и как-то неловко зацепил ее, и вывернул все это дело прямо на ковер. Ну, а министр тут и говорит: «Видишь, пока от тебя один только вред».

Потом они там между собой все-таки обо всем договорились, и все вышло так, как мой шеф хотел. И через месяц с чем-то вручили мне ключ от хранилищ министерского фонда компьютерных программ. Это было несколько залов со стеллажами, заполненными от пола до потолка магнитными лентами. А на лентах были записаны собранные со всего мира программы для всех возможных машин и операционных систем, включая сами операционные системы. И мой шеф уже разъяснял мне мою задачу: ко мне пойдут заказы на программы со всех концов страны. А я только и должен буду, что копировать их и рассылать.

Компьютерное пиратство весьма поощрялось в стране и являлось частью государственных планов. И все это получалось очень и очень

лихо. Хотя в других областях, говорят, были большие проблемы. Ребята из одного технологического института мне жаловались в середине семидесятых, что никак не могут воспроизвести немецкую технологию тридцать третьего года, которую у немцев в сорок пятом утащили. А вот вычислительная техника – она, конечно, для пиратства была наиболее приспособлена.

Я стал думать, как мне из этого компьютерного бизнеса можно было бы выкрутиться. Но проблема рассосалась сама собой. За все годы моей работы на этом посту мы так и не получили ни одного заказа. Но не потому, что никому не нужны были бесплатные программы. А потому, что на местах обзавестись любой программой вполне могли и без постороннего участия.

Все это имело еще и побочный эффект. Слухи о моем высоком назначении проникли в нашу пасечную среду, и народ стал меня сначала за глаза и в шутку, а потом уже по всякому поводу и всерьез бюрократом называть. Ну, например, если мне кто-то звонил по телефону и моя секретарша говорила: «Илюша сейчас очень заняты и к телефону подойти никак не могут», то, конечно, это вызывало град насмешек. Хотя, сами понимаете, это я ее так подговорил отвечать. Чтобы не разочаровывать народ.

– А ты это все всерьез принимаешь? – сказал я Кириллу.

– Что? – спросил Кирилл.

– Да ничего, – сказал я и замолчал.

И Кирилл тоже замолчал. И я почувствовал, что он на меня слегка обиделся даже. Ну и я тоже вроде бы на него обиделся.

Наконец стали подавать обед, и мы с Кириллом увидели, как Ника понесла на стол здоровенную кастрюлю с супом. Она порубила туда все, что у нас было: свеклу, морковь, какую-то прошлогоднюю свежую капусту. А я еще вывернул туда две банки зеленого горошка. И суп так замечательно пах, что голова начинала кружиться.

А на столе уже раскорячились два громадных бока копченых бараньих ребрышек, которые я еще по весне закупил в колхозном распределителе. И тогда, в первый день откочки, я достал их из фляги, вкопанной по самую крышку в самом затененном месте нашей лесополосы.

А на сладкое я приготовил блины. Я испек их из какой-то розовой муки, похожей на сухую краску. Наткнулся я на нее в маленьком магазинчике Балашова, когда ездил последний раз на рынок. Почему мука была такая розовая, никто сказать не мог. И я долго колебался: покупать или не покупать. И все-таки купил. И, вы знаете, испеклись блины довольно-таки неплохо. И я попросил Нику потомить их в масле на большой чугунной сковороде под тяжелой крышкой, прежде чем подать на стол. А когда я жарил блины, то весь слюной изошел, предвкушая, как мы будем их макать в только что откаченный мед.

Ну и, естественно, ведро яблочного компота, которое должно было пойти на записку блинов, тоже уже было готово. А из-за этого компота у

меня с Никой, с поварихой нашей, даже возник небольшой спор. Она собиралась яблоки чистить и выковыривать из них червяков.

Ну, вам, наверное, случалось быть в колхозных яблоневых садах Саратовской области. Ни на каком *Halloween* потом я не видел столько паутины. В июле на деревьях уже не было ни одного листочка и все яблоки, которые еще не попадали, были донельзя маленькими и изъеденными червяками во всех возможных направлениях. Как можно было из них всех этих червяков выковырять? Надо было положить эти яблоки в ведро с водой, прямо из мешка высыпать туда сахар и варить полчаса. Вот и все. Ну а Ника готовить компот таким образом отказалась наотрез. Так что пришлось и это мне самому сделать. И ведро компота уже стояло готовое несколько часов в холодке.

А вот о чем еще никто, кроме меня, не знал, так это о стоящей одиноко фляге на прямом солнце. Она была наполовину заполнена остатками прошлогоднего забруса. За месяц до того я залил ее водой и добавил пачку дрожжей. Ну, вы знаете, наверное, как тяжело хорошему меду начать бродить. Что уж только я ни пробовал. Бухнул туда какую-то зачерствевшую буханку черного хлеба, которая начала уже немного плесневеть с боков. Потом добавил прокисшей сметаны. Но это было все абсолютно без толку. Хорошо еще, что кто-то из местных надоумил меня собрать овса, который у нас везде в том году взошел по краю дороги. И я долго повозился с ним, пытаюсь растереть его хорошенько, прежде чем кинуть во флягу. Наконец, ближе уже к концу июля, медовуха пошла. И когда я пробовал ее тогда, я уже почувствовал в ней, знаете, такую зарождающуюся силу. И к первому дню откочки, по моим расчетам, она должна была достигнуть полной степени готовности.

Я увидел, как Кирилл покосил глазом на стол, за которым потихоньку рассаживалась вся наша компания. И мы побрели туда тоже и как-то довольно быстро развеселились. И уже за целый день никто из нас ни разу не вспомнил ни о корпусах с рамками, ни о вощине, ни о бюрократах и ни об известном ораторском приеме греческой философии – демагогии.

К вопросу о глупых вопросах

...Я пошел по Массачусетс-авеню в сторону Гарвард-бридж. Вышел на набережную. Повернул налево и шел еще несколько минут вдоль реки. Потом опять повернул налево, обогнул математический корпус МГТ, открыл своим ключом дверь черного хода и поднялся на второй этаж. Свет в компьютерной комнате не горел. Я открыл дверь, и свет тут же зажегся. Я сел на стул, открыл свою сумку, достал письмо, которое получил утром, и решил прочитать его еще раз. Хотя даже когда я только вскрывал конверт утром, то, не читая еще письма, уже знал, что мне пишут. Меня благодарили за присланное резюме, восхищались моим образованием, отмечали большой опыт работы и сообщали мне, что в настоящее время, к сожалению, все позиции уже заняты. Далее

мне сообщали, что, как только освободится подходящее место, со мной сразу же войдут в контакт и с этой целью мое резюме заносится в их базу данных.

И я вспомнил, как я обрадовался, когда я получил первое такое письмо. Я стал его всем показывать, и народ читал его абсолютно безо всякого воодушевления. И я не понимал такой реакции, пока кто-то не сказал мне, что по смыслу это все означает, что мое резюме выкинули в мусорную корзину, скорее всего, даже не читая.

Я сел за компьютер, стал проверять свою почту и, когда не нашел там ничего хорошего, я открыл вчерашнее Аркашино письмо и стал его перечитывать.

Аркаша писал мне о том, что весенняя выставка в этом году была довольно поздняя. Но, несмотря на это, пчела облетелась очень дружно и потерь было не так уж и много. И я стал представлять себе задний двор нашей зимней базы в Богане: забор с воротами и примыкающими к ним с обеих сторон двумя мастерскими, отгораживающими небольшой внутренний дворик от основной части, разобранные стены и крыши медогонных будок и все наше оборудование под двумя огромными навесами, громадные завалы стоек корпусов с сушью, намеренно неровные ряды ульев и снег сплошь в маленьких коричневых точках весеннего очистительного облета. И мне даже показалось, что я почувствовал запах этого облета, замечательнее которого нет никакого другого запаха на свете.

Я перечитал Аркашино письмо снова, а потом еще один раз. И это письмо все висело у меня открытым на экране монитора. А мыслями своими я опять вернулся к этой загадочной базе данных, куда поместили мое резюме. И я все думал и думал об этом, пока мне не стало совсем муторно. Я попытался переключиться на что-то другое. И вспомнил, как я разговаривал сегодня утром с Митей и как он мне рассказывал про агентство по устройству на работу. Он был там вчера, и его учили, как вести себя на интервью. Агент, который тренировал его, подметил у него кучу ошибок. Во-первых, он раскритиковал всю его одежду. Он стал смеяться, когда увидел Митину жилетку, и он велел ему снять ее немедленно. А когда Митя снял ее, то агент даже сделал вид, что хочет выбросить ее в мусорное ведро. Но потом он все-таки отдал эту жилетку Мите, взяв с него обещание никогда ее больше не надевать.

Ботинки у Мити были со шнурками, а нужно было без шнурков. Или, наоборот, ботинки были без шнурков, а надо было со шнурками. И я пытался вспомнить, нужны ли шнурки или нет, и, конечно, так и не вспомнил.

Ремня на брюках у Мити не было. И агент очень из-за этого расстроился и сказал, что он даже не понимает, как это может такому умному человеку, как Митя, в голову прийти, чтобы брюки надеть без ремня.

Белые рубашки мы с Митей купили на какой-то большой распродаже. Так агент это, конечно, сразу же заметил и сказал, что рубашка должна быть хоть чуточку, но лучше.

Галстук был у Мити в яркую полоску. А надо было, оказывается, купить гораздо более скучный галстук с мелким повторяющимся рисунком, чтобы издали он казался в крупную клетку. И Митя сказал агенту тогда, что он не может позволить себе купить галстук за восемьдесят долларов. А мне еще добавил, что он в месяц тратит на всю еду и одежду никак не более сорока долларов. Ну и агент сказал, что Митя должен это рассматривать как *investment*. И что нельзя серьезно говорить о таких пустяковых деньгах, которые по сравнению с Митиной будущей зарплатой вообще просто смешны.

Когда они с одеждой закончили и начали интервью разыгрывать во всех деталях, то ошибки посыпались одна за другой. Руку, оказывается, Митя пожал вяло. И со второго захода ему тоже не удалось правильно руку пожать – пережал почему-то. В кресло плюхнулся хоть и по приглашению, но все равно раньше, чем агент в свое кресло сел. В глаза Митя не смотрел и не улыбался. А когда агент сказал ему об этом и Митя начал улыбаться, так агент заметил, что он не имел в виду, что улыбаться надо с открытым ртом.

Разговор о том, как Митя добрался до офиса, он почему-то не поддержал. А надо было полминуты поговорить на эту тему и еще что-то добавить по своему усмотрению или пошутить. Но тоже не долго. Минуты полторы – не больше. А потом надо было почтительно замолчать и ждать вопросов.

Когда агент попросил Митю рассказать о себе, то Митя понес всякую чепуху из своей биографии. А полагалось говорить только об опыте работы и немного об образовании.

Потом они стали репетировать, как Митя собирается ответить на вопрос, почему он хочет работать в том банке, куда он якобы пришел на интервью. И Митя стал говорить что-то об интересной работе, но агент тут же прервал его и стал что-то долго ему объяснять, из чего Митя понял только, что он должен будет сказать, что с самого раннего детства он слышал об этом банке и всю свою жизнь мечтал о нем. И уехал из своей страны в Америку только потому, чтобы работать в этом банке.

Потом агент сказал, что настало время послушать вопросы, которые есть у Мити. И Митя стал говорить, что хочет спросить о деньгах. И агент сказал, что это очень глупый вопрос. И что ему весьма печально слышать от Мити такой глупый вопрос. И хуже всего было то, что вопрос этот оказался таким глупым, что агент никак не ожидал услышать его от Мити.

И я вспомнил, что, когда мы гуляли и Алька сказала Мите про глупый вопрос, то его даже передернуло как-то. И я, конечно, сразу понял тогда, почему.

Короче, агент сказал Мите, что о деньгах он сам не должен заводить разговор ни при каких обстоятельствах. А когда Митя стал выяснять, что он должен отвечать про деньги, если его спросят об этом, то агент сказал, что к этому еще очень и очень долгий путь. И когда Митя

вспомнил, что кто-то ему посоветовал на вопрос о деньгах отвечать, что он рассмотрит любое предложение, то агент сказал, что раньше, года два тому назад, он тоже посоветовал бы так сказать, но сейчас лучше называть определенные цифры. Так создается впечатление, что ты знаешь себе цену.

Потом Митя спросил у агента что-то насчет бороды, и агент опять сказал, что года два тому назад он посоветовал бы бороду сбрить. Но сейчас ситуация несколько изменилась. Народ понял, что русские программисты и аналитики – это хорошо. Ну и поэтому к бороде уже нет такого отрицательного отношения.

И Митя заявил агенту, что теперь он чувствует себя подготовленным к техническому интервью. На что агент заметил, что это вовсе не было подготовкой к техническому интервью и что он готовил Митю к тому, чтобы его допустили до технического интервью, где обычно дают всякого рода тесты. И агент сказал, что не вполне уверен, что Митю с первого раза допустят до технического интервью, но уж если допустят, то он надеется, что тут-то Митя проявит себя с самой лучшей стороны. А иначе бы он с ним и не связывался бы.

В конце разговора агент еще раз посмотрел Митино резюме и сказал, что он не видит там упоминания о том, что у Мити есть официальное разрешение на работу. И Митя сказал, что раньше такое упоминание у него было. Но потом кто-то из его знакомых посоветовал ему это выкинуть. А потом кто-то другой, наоборот, посоветовал вставить. И так случилось несколько раз. И Мите это все надоело, и он решил, что он воспользуется советом того из своих знакомых, кто зарабатывает больше. Вот тогда-то он и выбросил окончательно это из резюме. Ну и агент сначала отрицательно отреагировал на эту Митину идею, но потом спросил, а сколько же зарабатывает его знакомый, которого Митя в конце концов послушался. И когда Митя сказал, сколько, агент согласился: ладно, мол, оставляем все, как есть.

Когда Митя закончил свой рассказ, я так осторожно спросил у него, а как же он умудряется прожить в месяц на сорок долларов. И Митя рассказал мне и об итальянском рынке в Бостоне, и о фруктах и овощах в Кембридже по средам и субботам для бедных, и о распродажах одежды по двадцать пять центов за фунт, и о богатейших кембриджских помоечных днях, и о многих других полезных вещах рассказал мне Митя...

Белая «хонда»

Свет стал проникать ко мне со всех сторон.

Те задания, которые я получал от Кирана, уже не казались мне сплошной абракадаброй. Напротив, все чаще и чаще я почти сразу же знал, с какого боку к ним можно было подступиться.

Я уже не шархался в сторону по утрам от нашей очаровательной Лори, когда она спрашивала меня, что я хотел бы заказать себе на

завтрак. А однажды я даже сказал ей, что мне нравится ее свитер. И я только был поражен, какой щедрой улыбкой она одарила меня за это.

Встречи в нашей группе по средам, на которых раньше все звучало для меня, как шум прибоя, теперь стали наполняться вполне определенным содержанием. Более того, уже несколько раз Киран в ходе обсуждений обращался с вопросами ко мне. И пока все мои выступления заканчивались вполне благополучно. Если не считать, конечно, что народ всякий раз морщился, пытаясь понять меня. Но Киран все схватывал с полуслова и очень лихо разъяснял всем, что я хотел сказать. И я только удивлялся, почему его ужасающий акцент со всеми этими супермягкими «эль» не представлял никаких проблем для всех наших.

Я все еще допускал, что меня могут выгнать с работы в любую минуту. Но с каждым днем во мне росла надежда на то, что, может быть, этого не случится.

Утром ко мне подошла Эми, попросила отложить все мои задания и работать над проектом, который она мне тут же и вручила. Я спросил у нее, знает ли об этом Киран. И Эми сказала, что проект она дает мне по распоряжению нашего президента и Киран, конечно, об этом знает. И добавила, что проект, возможно, потребует специальных математических знаний.

- У тебя как с математикой? – спросила Эми.
- Не так уж и плохо, – сказал я.

Проект оказался для меня легким. И к ланчу я с ним разделался и пометил его в нашей базе данных как выполненный. В эту минуту ко мне подошел Киран.

- Хей, Илья, – сказал он, – что ты сейчас делаешь?
- Только что закончил *Bid-Asked Option Price*.
- Очень хорошо. Где ты?
- Что? – спросил я.
- Как идут дела у тебя? Это очень важно.
- Что ты имеешь в виду? – спросил я.
- Это очень важный проект, – сказал Киран, – постарайся сделать там все, что ты можешь.
- Я уже закончил его.
- Закончил?
- Да, – сказал я.
- Что ты имеешь в виду?
- Я все сделал.
- Ты меня не понял, – сказал Киран, – я говорю о проекте, который тебе дала сегодня утром Эми.
- Да, – сказал я, – *Bid-Asked Option Price*. Я все сделал.
- Ты шутишь?
- Нет, я не шучу.
- Ты что, ничего не знаешь?
- Наверное, нет.

- Эми с Францем работали над этим проектом три недели, и у них ничего не вышло.

- Я этого не знал, - сказал я.

- У тебя сошлись результаты с Блумбергом? - спросил Киран.

- Да, до седьмого знака.

- Слушай, это здорово.

- Спасибо, - сказал я.

- Ты сделал большую работу.

- Спасибо, - еще раз сказал я.

- Иди скажи это скорее Эми. Это очень важно.

- Хорошо, - сказал я.

Я прошел мимо Эминого офиса, подошел к своему столу и стал переключать что-то с места на место. Потом я поднял трубку и позвонил в «Чейз».

- Ты как? - спросил я Маринку.

- Хорошо. А ты как?

- Нормально. Меня, наверное, не выгонят из "*Software Solutions*".

- Что ты там сделал?

- *Bid-Asked Option Price*.

- Молодец, - сказала Маринка.

- Спасибо, - сказал я.

- Я знала, что ты молодец.

- Спасибо, - сказал я опять.

- Значит, мы пойдем смотреть сегодня дом?

- Ты сошла с ума, - сказал я.

- Сколько ты там уже работаешь?

- Почти десять месяцев.

- Ты там засиделся. Я позвоню завтра в агентство.

- Ты с ума сошла, - сказал я.

- Ладно, я пошла на ланч.

- Хорошо, - сказал я.

- Ты тоже пойди.

- Хорошо, - сказал я.

- Выброси сэндвич, который ты взял сегодня с собой, и пойди куда-нибудь.

- Хорошо, - сказал я.

Я повесил трубку и почувствовал, что кто-то стоит у меня за спиной. Я обернулся. Это был наш президент. Он улыбался мне. Рядом с ним стояла Эми. Она тоже улыбалась.

- Ты сделал *Bid-Ask*? - спросил президент.

- Да, - сказал я.

- У тебя сошлись результаты с Блумбергом?

- Да, до седьмого знака.

- *Jesus Christ!* Ты сделал большую работу.

- Спасибо, - сказал я.

- Вот видишь, - сказал президент Эми, - я же говорил, что это надо дать ему.

- Да, - сказала Эми.
- Видишь, я был прав.
- На то ты и президент, - сказала Эми. - Это твоя работа.
- Да, - сказал президент. - Я знаю.
- Он похлопал меня по плечу.
- Продолжай в том же духе, - сказал он и пошел к себе в офис.
- Обязательно, - сказал я ему вслед.

Я не захотел вызывать лифт и стал спускаться с нашего третьего этажа по лестнице. И пока я шел вниз, я думал, что, конечно же, все получилось на удивление здорово. Судя по всему, президенту пришлось кого-то убеждать, чтобы дать этот проект мне. И, наверное, ему никто не верил. Да и сам президент, по всей видимости, не очень-то верил в то, что он предлагал. И я все спрашивал себя, почему они не дали мне этот проект три недели тому назад. И сам себе отвечал: потому что я не вызываю у людей никакого доверия.

Я спустился вниз, подошел к большому зеркалу, которое висело у нас в холле, и стал смотреть на себя. Эта идиотская борода, тяжелый взгляд. И вообще все остальное. И чем дольше я смотрел на себя, тем яснее я понимал, что действительно мой облик не мог вызывать никакого доверия ни у кого.

И я стал вспоминать все подобные обидные истории, которые произошли со мной или с моими друзьями. Я вспомнил, как один мой знакомый, Володя, рассказывал, как он в первый раз пришел в бридж-клуб Массачусетского технологического института. У него не было партнера, и он попросил директора турнира познакомить его с кем-то, кто тоже пришел один. И директор сказал ему, что он приветствует, что Володя пришел в клуб MIT и сказал, что это очень хороший клуб и что там играло много знаменитых людей. Володя спросил директора, играл ли там Норберт Винер. И директор ответил, что нет, Норберт Винер не играл. И он спросил Володю, как он играет. И Володя сказал, что играет он не так уж и плохо.

И этот его ответ был точно таким же, какими были все мои ответы в *"Software Solutions"* о моих познаниях в любой области. И тут я подумал, что, может быть, в этом-то и кроется причина всего. Я вспомнил, как в первый день, когда я пришел в *"Software Solutions"*, Франц сказал мне, что он эксперт в математике. И я подумал, что нас, наверное, как-то не так учили английскому в школе. Наверное, эксперт - это и означает, что ты знаешь что-то неплохо. А когда ты говоришь, что знаешь что-то неплохо, все начинают думать, что ты вообще ничего не знаешь.

Директор дал Володе в напарники совсем молодого парнишку, которого все в клубе звали Мэтт, и они начали играть. Володя сказал мне, что играть ему было ужасно трудно, потому что он тогда еще плохо понимал, что народ вокруг говорил. И народ косился на него довольно-таки сильно из-за всего его необычного для них облика.

Никто там, конечно, не мог даже себе представить, что человек с таким ужасающим английским может быть на голову выше любого из них в бридже. Хотя, как сказал Володя, обстановка там в целом была весьма дружелюбная. Почти за каждым столом, куда он приходил с Мэттом, ему обязательно кто-то говорил, что у него замечательный английский.

Я наконец-то отошел от зеркала и вышел из “*Software Solutions*” на улицу. Пошел мелкий дождь, и сразу стало прохладно. Я сел в машину и выехал на Сильван-авеню. Там я повернул налево, доехал почти до моста Джордж-Вашингтон, запарковал машину на стоянке “*A&P*”, вошел внутрь и остановился около стойки “*Salad Bar*”. И я стал смотреть, как и куда народ все это накладывает, и тоже стал выбирать себе всякую всячину. Наконец я взял еще маленькую пластмассовую посудину и положил туда малину и ежевику.

Я вышел на улицу. Дождь кончился, и стало опять жарко, хотя был уже конец сентября. Я все продолжал вспоминать о том, что мне рассказывал когда-то Володя.

Конечно, Володя сразу понял, что Мэтт играет еще очень плохо. И Володя старался не ставить его перед трудным выбором. И я вспомнил, что еще в России Володя славился тем, что мог успешно играть даже с довольно слабым партнером.

Когда турнир закончился и результаты были подсчитаны, оказалось, что Володя с Мэттом заняли первое место, набрав при этом восемьдесят четыре процента очков. Это был абсолютный рекорд клуба МПТ за все время его существования.

Все обступили Мэтта. Он стоял красный от волнения и принимал поздравления. И Володя слышал, как кто-то сказал: «Смотри, Мэтт второй год только играет, а какой прогресс».

Какой-то парень подошел к Мэтту поздравить его.

– С кем ты играл? – спросил он Мэтта.

Мэтт показал на Володю.

– *Jesus Christ!* – сказал парень. – Как ты вырос, Мэтт.

Я спросил тогда у Володи, поздравил ли его кто-нибудь. И он сказал, что к нему подошел директор и спросил, понравилось ли ему играть с Мэттом. И когда Володя ответил, что понравилось, директор сказал, что он не обещает, что каждый раз он сможет давать ему такого сильного партнера, как Мэтт, но если Володя будет приходить регулярно, то он сможет найти себе какого-нибудь игрока, который будет соответствовать ему по силе. И в заключение директор сказал, что у Володи очень хороший английский.

И я вспомнил, как раньше меня тоже хвалили за мой замечательный английский. Но за последние несколько месяцев я не слышал этого ни от кого ни разу. И я все пытался понять, что это могло бы означать.

Рядом со мной остановилась белая «хонда», и девушка стала что-то спрашивать меня. Я на мгновение задумался, пытаясь понять, как же ей

объяснить, что я не местный и не только ничего не знаю здесь, но даже толком не понимаю, что она говорит мне. Но потом вспомнил про *Bid-Asked Option Price* и подошел к ней поближе.

- Как мне попасть на Гарден-Стейт-Парквей? - спросила девушка.

- Тебе нужен Юг или Север? - спросил я.

- Юг, - сказала девушка.

- Развернись прямо здесь и поезжай обратно до конца улицы. Там повернешь направо. На втором светофоре поверни налево. А потом тебя поведут знаки.

- Большое спасибо, - сказала девушка.

- Всегда пожалуйста, - сказал я.

Белое Рождество

Это было совсем недавно. На Рождество. Мы сидели у нас, доедали рождественского гуся. И я сказал, что это все-таки здорово получилось, что у нас тут Белое Рождество. И Маринка спросила меня, что это значит - Белое Рождество. И я сказал, что это то же самое, что *White Christmas*. И все засмеялись. А Маринка мне заметила, что я пользуюсь тем, что нет Светки, а то она не позволила бы мне коверкать русский язык. И все опять засмеялись.

И Ося сказал, что Белого Рождества у нас тут не было уже тридцать лет и что он очень рад, что они успели прилететь обратно, потому что те, которые летели в самый последний момент, наверняка надолго застряли в аэропорту.

И тут я спросил Осю, как они слетали в Лондон. И Ося сказал, что слетали хорошо, но вот только кормили их в самолете плохо. И хотя сидели они в первом классе, сиденья были не очень удобные.

- Послушай, Ося, - сказал я, - а ты залегал когда-нибудь на третьей полке плацкартного вагона Москва-Воронеж? И приходилось ли тебе посещать их вагон-ресторан? И какого ты мнения о битках по-флотски?

- На третьей полке, - ответил мне Ося, - залегать приходилось. А вот что такое битки по-флотски, уже не припомню. И ты забудь. А лучше скажи мне: ты заметил, что в Лондоне половина машин без водителей ездит?

- Конечно, заметил. Пассажир есть, а водителя нет.

А народ в это время еще продолжал обсуждать весь этот неожиданный снегопад. И кто-то стал говорить, как это хорошо, когда у машины все оси ведущие.

- А у меня, - сказала Маринка, - что-то машина стала плохо дорогу держать.

- А почему ты так думаешь? - спросил я.

- А помнишь, как мы из Бостона в снегопад по льду ехали? Часов пять, наверное.

- В снегопад? По льду? Небольшой снег шел – это я помню. Но лед надо было еще поискать. А пять часов мы ехали потому, что бульдозеров нагнали расчищать снег видимо-невидимо. Тебе никогда не приходилось видеть, как выглядит зимой дорога Москва-Волгоград? Снег намерзает в середине выше, чем по краям, и ты едешь по ней, как по огромному ледяному бревну. Никогда не пробовала? Нет? А то бы ты почувствовала, как это бывает, когда машина дорогу не держит.

- Ну, не знаю, – сказала Маринка. – Но все равно, мне кажется, мою уже менять надо. Она скоро сыпаться начнет. Вот уже и с тормозами что-то не то.

- Что «не то»? Тебе всего-навсего поменяли колодки.

- По-моему, у нее звук даже изменился.

- У нашей тоже, – сказал Леша. – Когда я ее завожу.

- Леша, – сказал я, – но она у тебя все-таки заводится, правда?

- Конечно, заводится, раз я ее завожу.

- А рассказать тебе, как заводится машина с подсосом?

- Не надо, – сказал Леша. – Про подсос не надо.

- А мне кажется, – сказала Мира, – что наша как-то все дергает.

- Дергает? – сказал Леша. – Что-то я не замечал.

- Правильно, потому что это трудно заметить. Но если вот так ногой нажать сначала несильно, а потом сильно, то может дернуть.

- Ребята, я просто не могу вас слушать, – сказал я. – Вы когда-нибудь сидели за рулем «Москвича-2140»? Хотите, я вам расскажу...

- Вечер воспоминаний, – сказал Леша и закрыл глаза.

- Что такое? – сказала Маринка. – Ты мне Илюшку не обижай. Давай, Илюша, вспомни еще что-нибудь. А на Лешку не обращай внимания. Он глупый.

И подвинулась ко мне поближе.

- Все вы глупые, – сказал я, – просто слушать вас не могу, когда вы о машинах начинаете говорить. Просто уши вянут.

- Хорошо, – сказал Леша, – о машинах больше ни слова.

И все стали меня успокаивать и чего-то там оправдываться начали. Но я уже никого не слушал, потому что стал думать о чем-то своем. Стал все вспоминать. И все свои машины вспомнил. И все свои третьи полки вспомнил. И гололед вспомнил. И грязь непролазную вспомнил. И я провалился в свои воспоминания так глубоко, что они стали уже казаться мне сном. И я продолжал вспоминать и вспоминать все в своем полусне. И я вспомнил, как я уезжал с пасеки в самый последний раз.

Я уезжал с пасеки в самый последний раз. Пошел сильный дождь. И я не доехал до асфальта, наверное, с полкилометра. А наш КАМАЗ сел еще раньше. И меня сначала пытался вытащить обычный гусеничный трактор. Но вскоре сел и он. Да, не зря говорят, что саратовский чернозем в дождь хуже глины.

И я под дождем пошел в деревню за большим колесным трактором. И он вытащил всех нас. Но грязь все-таки сделала свое дело: порвались все тормозные трубки. И все эти сто двадцать километров до нашей

зимней базы в Богане мне пришлось ехать без тормозов. Быстро темнело, а дождь продолжал лить. Водитель КАМАЗа, как всегда, куда-то торопился и подгонял меня нещадно. Я делал подгазовку и включал первую на полном ходу, когда надо было тормозить. Казалось, что Саратов прощался со мной и проверял все, чему он меня научил.

Ну что ж, смотри, Саратов. Я отпускаю педаль газа, выжимаю сцепление, перехожу в нейтралку, отпускаю педаль сцепления и опять нажимаю на газ, доводя двигатель до поросячьего визга. Теперь еще раз выжимаю сцепление и включаю первую передачу. Видишь, Саратов, вошло, как в масло! Теперь отпускаю сцепление – и как будто парашют раскрылся сзади.

Утром следующего дня я вышел во двор нашего боганского дома. Два дня тому назад мы перевезли туда все наши ульи, и они занимали половину всего пространства до реки и были уже почти готовы для того, чтобы пойти через два с половиной месяца в омшаник на зимовку.

Мне надо было уже уезжать, но я никак не мог заставить себя уйти оттуда. Я стал ходить между рядами и смотреть, не забыли ли мы в спешке открыть какой-нибудь леток. Было еще довольно прохладно, и лет еще не начался. Я постучал по крышке одного из ульев. И в ту же секунду две или три пчелы вылетели из него и стали меня вяло атаковать. Одна из них хотела было цапнуть меня за руку, но в самый последний момент, наверное, передумала и смогла вытянуть свое жало обратно в брюшко. И я только почувствовал слабый, едва осязаемый укус. Это было, скорее, похоже на прощальный поцелуй.

Я вошел в дом. Мне попался под руку какой-то детский цветной мелок. И я написал им на двери, которая отделяла основную часть дома от маленькой спальни: «Я скоро вернусь». И тогда мне показалось, что я не вернусь туда никогда.

Я ехал в Москву и не видел перед собой ничего, потому что перед глазами у меня все стояли ульи с номерами на крышках. Я помнил все о каждой семье.

– Кто-то звонит в дверь? – спросил я.

– Я ничего не слышала – сказала Маринка.

– Пойду посмотрю, – сказал я.

Я стал обходить вокруг нашего стола, и, когда я уже шел по гостиной, раздался еще один звонок. Я открыл дверь. На пороге стоял Саратов.

– Хей, Саратов! – сказал я. – Как хорошо, что ты пришел. Давай заходи, брат. Садись с нами. Как же мне тебя не хватало. Ты знаешь, у нас тут крупные неприятности. На Маринкиной «хонде» колодки поизносились. Вот мы и думаем, чинить ее или выбрасывать.

– Выбрасывать, конечно, – сказал Саратов.

– Точно! Мы тут так сообща и решили.

– Ну и хорошо.

– Да ты садись, садись.

– Я ненадолго, – сказал Саратов.

- Я знаю, - сказал я. - Я знаю. А давай-ка я налью тебе отличное виски - «Лафройг». Ты вряд ли пробовал такое. И скажи, побьет ли оно Санькин самогон?

Саратов отхлебнул из стакана.

- М-м-м?! - сказал он.

- А-а, я же говорил тебе! Слушай, Саратов, ты знаешь, о чем я тут только что вспоминал?

- О чем?

- О том, как я ехал тогда из Боганы в Москву в самый последний раз и не видел перед собой ничего.

- Потому что перед глазами у тебя стояли ульи с номерами на крышках?

- Да. И я помнил все о каждой семье. Да я и сейчас все помню.

- Давай проверим, - сказал Саратов. - Номер сто восемь.

- Зимовалая, - сказал я. - В начале лета я отобрал у нее четыре рамки расплода. Но в самую жару пчела все равно выкучивалась на всех летках. Но я все-таки не дал ей отроиться.

- Номер сто пятьдесят пять.

- Со следами глины на крышке? - спросил я.

- Можешь не продолжать. Номер пятьдесят четыре.

- Отводок, - сказал я.

Это был отводок на плодную кавказскую матку. Весной пчела едва обсиживала два сота с расплодом. И матка зачервила буквально на второй день. А через неделю она червила уже от бруска до бруска. Без единого пропуска. И я ставил по дополнительному корпусу каждую неделю. А в августе с шести корпусов я снял пятьдесят полновесных медовых рамок, запечатанных кавказской печаткой тоже от бруска до бруска.

- Ну что, Саратов, твои деды снимали по восемь пудов с семьи?

- Бывало, - сказал Саратов.

- А ты помнишь тот год, Саратов, когда дождей не было ни одного с апреля.

- И в июле уже все поля были перепаханы, и вы стояли на черной земле.

- И мы стояли на черной земле. И контрольный улей показывал минус каждый день. А на следующий год мы стояли на гречишном поле. И было очень жарко. И я все боялся, как бы опять не произошла прошлогодняя история. И вот прошел сильный дождь. А на следующий день с самого утра стало парить. И гречиха отрыгнула.

- Да, - сказал Саратов, - и когда ты утром зашел на край поля, то ощутил сильнейший тошнотворный запах гречишного нектара. И ты стоял полупьяный и смотрел, как вокруг шевелился живой пчелиный ковер.

- А осенью вся Москва с ума сходила от нашего шоколадного меда. И потом еще долго все спрашивали о нем. Но такого меда уже больше никогда не было.

- А знаешь, о чем я сейчас думаю? - сказал Саратов.

- О чем?

- А какой же мед был самым-самым?

- Может быть, тот, шоколадный?

- Может быть, - сказал Саратов.

- Нет, - сказал я. - Ты помнишь наш самый первый мед?

- С сильным, но нежнейшим привкусом кориандра?

- С сильным, но нежнейшим привкусом кориандра. Этот, наверное, и был самый-самый.

- Может быть, потому, что это был ваш первый мед?

- Нет, - сказал я. - Я никогда потом не пробовал ничего более замечательного. Мы собрали всего-то двадцать восемь фляг с наших первых двадцати восьми семей. Но чистый кориандровый мед был только в первых четырех флягах. И когда мы попробовали его прямо из фляги, у нас глаза на лоб полезли от мощного, все забивающего вкуса кинзы. Но когда мед сел, он стал удивительно спокойным и нежным. Теперь этот мед мало кто уже помнит.

- А подсолнечный мед следующего года? - сказал Саратов.

- Его легче было отколоть молотком, чем отрезать ножом.

- А он все равно просто таял во рту.

- А разноцвет последних годов - смесь подсолнуха, осота и сурепки? Он был, как паста, и с особо мелкими кристаллами, как, впрочем, и весь наш мед.

- А ты помнишь ваш сотовый мед?

- Я готовил его в секциях. Всего несколько секций каждый год. В лучшей семье. А когда пчела готова была уже запечатать мед, я вскрывал пару полновесных рамок, и секции получались ровными, без единого дефекта.

- Но, наверное, ничто не могло сравниться с прямо-таки ошеломляющим вкусом теплого, почти горячего забруса в медогонной будке. И всегда было приятно смотреть на того, кто пробовал его впервые.

- А помнишь, Саратов, - сказал я, - как наш Фима опрокинул керосиновую лампу в медогонку?

- А ведь ты предупреждал его, - сказал Саратов.

- А ведь я предупреждал его.

- И еще долго стояла у вас эта керосиновая фляга меда.

- И каждый из нас пытался попробовать этот мед. Но мы так и не дали его пчеле на обсушку.

- Да, в тот год вообще одна беда шла за другой еще с весны.

В тот год одна беда шла за другой еще с весны. Один из КАМАЗов, на котором мы везли пакеты с пчелами из Сочи, был без кондиционера. И когда случилась небольшая поломка, он полчаса простоял на жаре. И хотя мы не запарили пчелу, она пошла наружу из всех щелей.

И когда мы открыли двери КАМАЗа, чтобы разгрузить пакеты, на нас обрушилось гигантское пчелиное облако.

Пакеты – не улы. И я приехал на разгрузку налегке, в майке и в сандалиях. И когда я стоял на платформе КАМАЗа по щиколотку в пчелином месиве, я не различал уже отдельных укусов. Я только чувствовал сплошное жжение везде, и особенно на ногах и на спине.

Мы потеряли много пчелы тогда. И весь этот край пасеки, с того зополучного КАМАЗа, все эти сто пятьдесят семей, которые стояли ближе к берегу реки, к главному взятку едва набрали по полтора корпуса пчелы. И мы всё откладывали откачку, надеясь на длительный поддерживающий взяток с осота. Но он оборвался в том году еще раньше обычного.

И я все звонил Кириллу и спрашивал, почему он не дает команду качать. А Кирилл говорил, что качать нельзя из-за напада. И я пытался убедить его в том, что с каждым днем будет только хуже. А Кирилл, конечно, прекрасно понимал это. Но ни он, ни я не могли поехать на пасеку тогда. И я поехал туда только через несколько дней.

С большим трудом я уговорил ребят попробовать качать. Они работали в будке, а я пошел отбирать мед.

У меня было никак не более одной минуты на улей. После чего начинался страшнейший, доселе невиданный мною пчелиный напад. И мне приходилось каждый раз менять позицию. Это давало всего, наверное, десять–пятнадцать лишних секунд. И порой мне казалось, что, вопреки всем законам природы, пчела шла уже на движущуюся цель, то есть на меня.

Но в будке все оказалось гораздо сложнее. Только за те две-три секунды, когда мы открывали дверь, пчела вливалась рекой внутрь и мгновенно ложилась сплошным ковром на все вскрытые и невскрытые рамки, на паровые ножи и забрус, забивала все краны медогонок и сквозь небольшие отверстия только для струй меда проникала во флаги.

Но мы все-таки откачали весь мед.

– Но вы все-таки откачали тогда весь мед, – сказал Саратов.

– Да, но качать его пришлось ночью. Каждый вечер мы начинали в восемь, когда кончался лёт, и качали до самого утра.

– При свете керосиновой лампы, – сказал Саратов.

– При свете керосиновой лампы, – сказал я. – Только не надо было ставить ее на медогонку, конечно.

– Слушай, вспоминать так вспоминать, – сказал Саратов. – Ты помнишь, как вы грузили мед в багажный вагон поезда Волгоград–Москва? Он стоял в Борисоглебске всего две минуты.

– А флаг было около ста. И каждая весила четыре пуда. Сто двадцать секунд и сто флагов. И с каждой надо было пробежать метров тридцать и забросить ее вверх, на платформу вагона.

– Сколько вас там было? – спросил Саратов. – Шестеро?

– Пятеро наших и вокзальный милиционер.

– Он был ваш друг?

– Да. Все были наши друзья.

И председатель колхоза – он ставил нас в лучшие лесополосы.

И все наши соседи – мы не успевали еще скинуть рюкзаки, а они уже несли нам соленые огурцы, картошку и молоко.

И директор пчелобазы – в трудный первый год он долго и терпеливо слушал всю нашу историю и вдруг сказал: «У вас это дело пойдет» – и дал нам две пятикилограммовые пачки вошины в долг.

И даже самолет в небе, который травил сорняки. Он тоже был нашим другом. И наши поля всегда оставались нетронутыми, и к июлю все вокруг нас до горизонта, было затоплено сплошным желтым морем сурепки.

Мы вполне освоились в этой стране и могли бы существовать в ней долго, научившись не переступать черты, отделявшей нас от тех, на чьей стороне была сила. Но нам всегда хотелось верить, что все это не будет продолжаться вечно. Они должны были допустить ошибку. Потому что, хотя они уже очень изменились, но все же, как и с самого начала, все до единого, с самого первого до самого последнего, были невеждами.

– И они все-таки допустили ошибку.

– Да, – сказал я, – и мы вырвались из клетки.

– Ну, мне пора, – сказал Саратов.

– Уже?

– Да. Спасибо за «Лафроиг».

– Слушай, Саратов, – сказал я, – давай вспомним еще что-нибудь напоследок. Помнишь, как прибежал я тогда к поезду?

– Когда он уже тронулся?

– Когда он уже тронулся. И я бежал за ним с выпученными глазами.

– Ребята заметили тебя и бросились в тамбур.

– И я видел, как кто-то уже теснил проводника от дверей.

– В одной руке у тебя было три пустых фляги, а в другой – одна.

Но наполовину с медом.

– И я пытался на ходу забросить их в открытую дверь вагона. И та, которая была с медом, каким-то чудом упала вниз, под вагон. И я закричал что-то.

– И все закричали.

– И все закричали. И какой-то пассажир, не из наших, с испугу рванул стоп-кран.

Анна Голицына – родилась и выросла в Москве. Выпускница математического класса 57-й школы. Училась на мехмате МГУ, там же защитила кандидатскую диссертацию. В 1992 году уехала с семьей – сначала в Англию, потом в Америку, где живет до сих пор (в последнее время – в Большом Бостоне). Анна работает программистом. Пишет стихи на русском и английском языках, а также философские эссе на тему восприятия искусства и на другие темы. Подборки ее стихов были опубликованы в журналах «Черепаша на острове» и «Кругозор». Еще одна подборка стихов принята в «Новый журнал», издающийся в Нью-Йорке. Анна увлеченно занимается фотографией, в основном студийной портретной съемкой. Ее фотографии Наума Коржавина были опубликованы в российской «Независимой газете» и «Кругозоре».

Публика и Элита: о профессиональной и непрофессиональной оценке поэзии

Эссе

Введение

Это эссе о том, как Публика и Элита (или Эксперты) воспринимают и оценивают искусство на примере поэзии. Хочу сразу же подчеркнуть, что речь никоим образом не пойдет о социальной элите. Под Элитой в этом эссе понимается творческая и околотворческая элита, Элита в искусстве, или, иногда более конкретно, Элита в поэзии. Все положения эссе применимы к поэзии, но я достаточно часто буду говорить об искусстве вообще. Ведь интересно отметить и общие тенденции в искусстве, когда они существуют, не так ли?

В эссе речь пойдет в основном о различии во вкусах Публики и Элиты. Хочу сразу подчеркнуть, что различия во вкусах этих групп – не единственный фактор, действующий на наше восприятие, или на нашу положительную или отрицательную оценку того или иного стихотворения, или того или иного произведения искусства. Существуют и другие важные факторы, влияющие на восприятие, но их обсуждение находится за пределами этого эссе.

Два слова о моем отношении к искусству. Я пишу стихи и фотографирую, специализируясь на студийных портретах. Некоторые

мои стихи и несколько фотографий опубликованы. У меня также есть небольшой опыт в керамике и мозаике. Мой многолетний интерес к теории восприятия искусства отражен в нескольких эссе и многочисленных дискуссиях в интернете на эту тему, на примерах поэзии и фотографии.

Элита - кто они?

Для начала я хочу дать более или менее точное определение Элиты для нужд этого эссе. Как я уже упоминала, это не социальная элита, а элита в конкретном искусстве или, в данном случае, элита в поэзии. Публика – это все остальные. В дальнейшем я еще буду говорить о переходной группе Новичков.

Элита в поэзии – это признанные поэты или поэты-профессионалы, эксперты, литературные критики, специализирующиеся в поэзии, и знатоки поэзии. Аналогичным образом можно определить элиту для любого искусства: это профессионалы в этом виде искусства, эксперты, критики и знатоки.

При всем многообразии переходных стадий, различие между Элитой и Публикой, или, в первом приближении, профессионалами и непрофессионалами, вполне реально, и многие с этим согласятся. Я бы еще добавила, что это различие зависит от группы людей, рассматриваемых в данный момент. Один и тот же человек может быть профессионалом или экспертом для одной группы людей и принадлежать Публике в другой, более профессиональной группе. Например, знаток поэзии на «высоком» интеллигентном уровне, сочиняющий стихи для провинциальной газеты, вполне может быть, по сравнению со своими друзьями, элитой или профессионалом в поэзии. Однако, скорее всего, его нельзя считать профессионалом по сравнению с известными литературными критиками или с поэтами, регулярно печатающимися в «Неве» или «Арионе», или с поэтами, чьи имена мы учили в школе.

Почему я рассматриваю эти четыре группы вместе, называя их Элитой, – профессионалов в определенном виде искусства, экспертов, критиков и знатоков? Потому что люди из этих групп знают, понимают и чувствуют искусство, в котором они специализируются, обычно заметно лучше, чем Публика или Новички. Например, Элита в поэзии знает в тонкостях правила стихосложения, историю поэзии, творчество великих и не столь великих поэтов. Элита знакома со многими и многими произведениями искусства и, как правило, разбирается в различных его течениях (скажем, акмеизм или футуризм в поэзии). Например, Элита в поэзии способна более компетентно, чем Публика, судить об оригинальности какого-либо стихотворения (насколько оригинальность может быть точно установлена, но это – тема другого разговора). Элита в определенном смысле натренирована в своем искусстве, и эта тренировка делает ее понимание, восприятие и чувства статистически лучше, подобно результатам любого вида тренировки – в

спорте, в умении обращаться с компьютером или в вокале. Хотя, конечно же, даже серьезные тренировки не являются гарантией серьезного успеха.

Вкусы Публики и Элиты

Теперь я хотела бы поговорить о том, какого рода искусство предпочитает Элита и какое искусство предпочитает Публика. Все последующие наблюдения – чисто статистические, в среднем. Речь идет только о тенденциях.

Сложность и простота. Элита часто предпочитает искусство настолько сложное (Герман Гессе, некоторые стихотворения Мандельштама или Бахыта Кенжеева) или настолько простое («Черный квадрат» Малевича), что Публике эти произведения искусства неизвестны, безразличны или активно не нравятся. Сложное искусство может вызывать сложные мысли, чувство неопределенности, многозначности или предоставлять только рамки для развития эмоций и мыслей читателя или зрителя. Например, я участвовала в бурной дискуссии по поводу следующего короткого стихотворения Мандельштама:

Люблю появление ткани,
 Когда после двух или трех,
 А то четырех задыханий
 Придет выпрямительный вздох –
 И дугами парусных гонок
 Открытые формы чертя,
 Играет пространство спросонок –
 Не знавшее люльки дитя.

Насколько это стихотворение просто или сложно, определенно или неопределенно, я сейчас обсуждать не буду, но обсуждающие разделились на два четко выраженных лагеря: тех, кто считал, что его неопределенность и сложность приемлема, и тех, кто считал, что неприемлема. Принимающие обвиняли противоположную сторону в зашоренности и ограниченности, отвергающие обвиняли противников в претенциозности и притворстве. («Не может нормальный человек всерьез такое любить».) Надо ли говорить, в каком лагере, только среднестатистически, я вижу в основном знатоков поэзии, и в каком я вижу в основном Публику по отношению к этому стихотворению? Это была довольно типичная дискуссия об искусстве, различные вариации которой я слышала и видела неоднократно, конкретно в поэзии, живописи, музыке и профессиональной фотографии.

Техническое мастерство. Профессионалам, экспертам, критикам и, в какой-то мере, знатокам часто необходимо техническое мастерство, в той степени, в какой оно применимо к определенному виду искусства или к его конкретному жанру. Публика в этом отношении гораздо

менее придирчива, во многом потому, что она не знает многих технических аспектов этого вида искусства или ей все равно. Применительно к поэзии можно упомянуть более тонкие аспекты рифмовки, как например, является ли «театра – гладиаторов» «хорошей» или «плохой» рифмой, или насколько определенный вид рифм должен или не должен соблюдаться на протяжении всего стихотворения.

Маргинальность. В отличие от Публики, Элита в искусстве часто любит пограничные, или маргинальные, произведения искусства. Это наблюдение относится скорее к Элите последних лет ста. Элита все уже видела, и ей необходима оригинальность, и Элита способна оценить оригинальность. Маргинальное искусство является одним из способов добиться оригинальности, хотя, конечно, не единственным способом. Наблюдение это относится скорее к визуальным видам искусства (скажем, акула в формальдегиде или писсуар – как искусство), но и в поэзии можно упомянуть, скажем, некоторые стихотворения Кедрова на грани смысла или на грани обыденного смысла:

Невеста лохматая светом
невесомые лестницы скачут
она плавную дрожь удочеряет
она петли дверные вяжет
она пальчики человечит
стругает свое отраженье
на червивом батуте пляшет
ширеет ширмой мерцает медом

Знание. Элита знает свой вид искусства, скажем, поэзию. Она знает поэтов прошлого и современности, она знает сиюминутные, значимые для этого искусства события. Публика часто не знает или знает заметно меньше.

Отрицательные эмоции. Элита зачастую считает отрицательные эмоции (включая шок), вызываемые конкретным произведением искусства, положительным явлением. Любая эмоция – это хорошо, только равнодушие плохо. В визуальных искусствах это, скажем, графическое изображение насилия или экскременты в качестве изобразительного средства. Публика в основном предпочитает положительные эмоции. Убедительных примеров для поэзии я не знаю. Можно вспомнить садистские стишки, популярные много лет назад. Насколько любовь к ним элитарна, впрочем, очень большой вопрос, но что они привлекали именно шокирующим воздействием, для меня несомненно. Для тех, кто не знает, классический пример:

Недолго мучилась старушка
В высоковольтных проводах.
Ее обугленная тушка
Внушала долго птицам страх.

Избранное искусство. Элита в искусстве решает, что будет выставлено в музеях и какие стихи будут напечатаны в журналах. Публика достаточно часто жалуется на качество современных журнальных поэтических публикаций.

История искусства. Элита пишет историю искусства, включая поэзию, в журналах, в газетах, на престижных сайтах, в рекламируемых Элитой же уважаемых книгах. Это вполне вероятное объяснение, почему только «настоящее» искусство выживает со временем. Публику в основном не заботят вышедшие из моды имена. Злободневные стихи Дмитрия Быкова читают больше, чем Фета и, вполне может быть, больше, чем Блока.

Единственно правильный вкус. И Публика, и Элита зачастую считают, что их вкус – единственно правильный вкус. Стоит, правда, отметить несколько важных тенденций. Новички в искусстве (или в поэзии), хотя по-прежнему принадлежат к Публике, обычно слушают мнение Элиты, иногда жертвуя своим видением в угоду элитарному или профессиональному видению (подобная «жертва» имеет и плюсы, и минусы). Элита, которая ценит только общепонятное искусство, только общепонятную поэзию, имеет вкусы, сходные со вкусами Публики, и такой Элите это нравится, она считает это правильным. Профессиональные критики, дилеры и редакторы зачастую понимают и элитарные, и неэлитарные вкусы и могут менять свой выбор и свои рекомендации в зависимости от целевой аудитории. Формируются ли элитарные вкусы, особенно у категории Знатоков, независимо друг от друга или просто каждый представитель Элиты предпочитает любить то, что любит другие представители Элиты? Я много раз слышала утверждение, особенно от представителей Публики, что невозможно себе представить, что такое-то и такое-то произведение, такое-то и такое-то стихотворение может искренне кому-то нравиться. «Они притворяются, что это им нравится, а на самом деле просто слепо следуют моде». Я лично думаю, что элитарные вкусы могут развиваться и независимо, и зависимо от окружения.

Приобретение элитарных вкусов

Все представители Элиты любого искусства, все профессионалы когда-то были новичками в какой-то момент своей жизни. Чем больше они занимаются тем или иным искусством, тем больше их вкусы и мнения изменяются.

Насколько я понимаю, несколько факторов ответственны за эволюцию вкусов и мнений отдельного будущего профессионала или представителя Элиты в искусстве. В каждом конкретном случае часто нельзя сказать, какие именно факторы были наиболее важны.

Вы не можете быть частью Элиты или быть профессионалом только в своих глазах в искусстве вообще и в поэзии в частности. Кто-то еще должен считать ваши мнения и вкусы профессиональными или

близкими к тому. Для каждой профессии это означает, что вы должны владеть определенным набором навыков и суждений и вы должны быть способны адекватно их продемонстрировать другим профессионалам или знатокам. Вы можете частично отколоться от профессиональной среды и начать делать что-то по-другому или приобрести свое особое мнение, но, по мере вашего отдаления от среды профессионалов, последние все меньше и меньше склонны вас считать одним из своих, до тех пор, пока не произойдет полный разрыв. Вы больше не профессионал, не элита или никогда таковым и не были. Чем больше вы игнорируете или нарушаете какие-либо правила или соглашения (не важно, идет ли речь о правилах Публики или правилах Элиты), тем меньше вы принадлежите соответственно Публике или Элите. Это, кстати, весьма общее положение, применимое к любой социальной группе.

Каков же механизм приобретения элитарных или профессиональных вкусов или навыков? Существует несколько возможностей:

- Новичок просто верит мнению Элиты, не слишком размышляя, и это вполне срабатывает.

- Новичок принимает мнение Элиты и действительно видит и чувствует, что да, это мнение правильное, это работает, эта мысль верна. Жаль, что он не знал этого раньше. По сути – это сознательная учеба.

- Новичку это мнение не нравится, но он пасует перед ним, опасаясь унижения со стороны своих более образованных знакомых, и понемногу привыкает к этому мнению. «Молитесь, и вера придет» – обычный совет священников.

- Новичку это мнение не нравится, но он приобретает другие профессиональные навыки и мнения и затем с успехом (если ему повезет) нарушает несколько правил и соглашений определенного искусства и становится знаменитым в каких-либо кругах. Когда люди говорят, что в искусстве нет правил, посмотрите на такого-то – чаще всего это именно случай нарушения нескольких, но отнюдь не всех правил. Простейшие примеры – импрессионисты или Маяковский.

- Новичок остается, увы, новичком.

Глубокое понимание искусства

Большинство Элиты чувствует и понимает соответствующее искусство глубже, чем обычные люди. Люди, понимающие искусство глубже и богаче, – это те, кто видит и понимает аспекты искусства, которые Публика не видит или не понимает, если, конечно, эти аспекты действительно существуют. Подобное понимание может включать как чисто технические аспекты соответствующего искусства, так и не технические, например, способность читать между строк или расшифровывать эмоции героя. В идеале, профессионал или знаток должен очень хорошо понимать и технические, и не технические

аспекты соответствующего вида искусства, но не очевидно, что и то и другое действительно необходимо для профессионализма.

Что именно дает возможность человеку понимать искусство, скажем поэзию, богаче и лучше? Я бы отметила следующие факторы:

Опыт восприятия соответствующего искусства. Чем больше вы видите или слышите это искусство, чувствуете его, подвержены его влиянию, обсуждаете его, читаете о нем, тем больше вы способны видеть и чувствовать нюансы, оригинальность или вторичность, тем больше ваша душа или сердце становятся натренированными, подобно спортивным тренировкам. Читайте и обсуждайте больше стихов, и вы будете чувствовать их лучше.

Опыт творчества. Творите искусство, пишите стихи. Тогда вы не только погружены в искусство, но также знаете и его техническую сторону. Обычно это делает ваш опыт в искусстве богаче, но возможен и серьезный побочный эффект: техническая сторона дела может начать играть слишком большую роль в вашем восприятии. Прекрасные эмоциональные стихи, в которых «нарушено» какое-либо правило стихосложения, могут получить теперь только отрицательную оценку. Публику, как правило, не волнуют нарушенные правила стихосложения, или она готова применять только примитивные, выученные в школе правила.

Восприимчивость души. Я считаю, что чем выше восприимчивость души, тем тоньше и богаче воспринимается соответствующее искусство. Есть стихи, скажем, некоторые стихи Мандельштама или Кенжеева, которые мне мало что дают. До какой-то степени я считаю, что я к ним недостаточно восприимчива. Впрочем, может быть, мы просто на разной волне.

Откровение. Я имею в виду откровение в смысле восприятия определенного жанра, или определенного поэта или художника, или определенного произведения искусства. Я не понимала феномен Гойи, пока не побывала в музее Прадо в Мадриде. Там на меня снизошло самое настоящее откровение и понимание, которое отбросило свой свет и на другие его произведения.

Влияние мнения Публики и Элиты

Влияние мнения Публики и Элиты друг на друга в основном происходит следующим образом.

Публика – это деньги. Искусство, которое только для Публики, приносит гораздо больше дохода, чем искусство, которое только для Знатоков или Элиты в искусстве. Фильмы для Публики показывают во многих огромных кинотеатрах, а элитарные фильмы, скажем, многие фильмы с международных фестивалей, показывают в немногих маленьких залах. Элита смотрит фильмы для Публики (не все или не всё считает настоящим искусством), но Публика почти никогда не смотрит фильмы для Элиты. Похожая картина наблюдается и в других

искусствах. Так как Публика – это деньги, многие серьезные художники и поэты творят то, что Публике нравится. Стихи Быкова читают многие, и читать их легко.

Элита – это слава. Часто – слава в гораздо более узких элитарных или профессиональных кругах, но творцы все равно хотят иметь эту славу в глазах Элиты, поскольку считается, что в этом случае ее вес больше. Но я бы сказала, что слава в элитарных кругах действительно весит больше, если речь идет о сложном для восприятия искусстве, которое, в среднем, труднее производить. Впрочем, я не считаю, что элитарная слава многих современных картин и инсталляций, часто концептуально очень простых, более весома. В этом отношении я – необразованная, не чувствующая Публика.

Часть Публики хочет стать Элитой или просто отдает Элите должное и поэтому ценит элитарное/профессиональное мнение.

Современные музеи изобразительных искусств основаны на вкусах знатоков и прочей Элиты. Так что какое-то обучение Публики происходит и по этим каналам.

Серьезные современные поэтические журналы рассчитаны на вкусы Элиты. Публика их просто не читает. Время 60-х прошло. Но когда-то Публика читала их, и ее взгляды приближались к элитарным.

Публика и Элита как социальные группы

Мы все принадлежим ко многим социальным группам одновременно. Группы могут быть по стране проживания, национальности, полу, образованию, психологическому типу, хобби, взглядам политической партии, по профессии, восприятию определенного вида искусства и т.п. Принадлежность к любой из этих социальных групп не определяет нас полностью как личность. Принадлежность к группе также не столько определяет нашу личность, сколько что-то говорит о нашей личности, в большей или меньшей степени. Наши группы влияют на нас в смысле наших воззрений и нашего восприятия. Чаще всего мы не только принадлежим к какой-либо группе, но и хотим быть ближе к ней, и сознательно или подсознательно мы принимаем те или иные мнения, превалирующие в той или иной группе.

Из английской Википедии в моем переводе:

«С точки зрения социальных наук, "социальная группа" может быть определена как сообщество двух или более человек, влияющих друг на друга, обладающих похожими чертами характера и ощущением единства. Согласно этому определению, общество в целом можно рассматривать как одну большую группу, хотя в большинстве случаев социальные группы значительно меньше. Социальная группа представляет собой ту или иную степень социальной общности, большую, чем просто скопление людей, скажем, на автобусной

остановке или выстроившихся в очереди. Склонности, общие для членов группы, могут определяться интересами, ценностями, представлениями, этническим или социальным происхождением, родственными связями. Пол Хэйр считает определяющей чертой такой группы социальное взаимовлияние».

С этой точки зрения Элита в искусстве (творцы, эксперты, критики и знатоки) является группой, хотя, конечно, не столь жестко определенной, как пол или страна проживания. Общий интерес Элиты в искусстве – это соответствующее искусство. Элита зачастую гордится тем, что понимает и принимает сложное искусство, которое Публика не понимает. Элита охотно распространяет новости и мнения об искусстве, которые неинтересны или кажутся неверными Публике. «А читали вы уже такую-то книгу?» «А что вы думаете о Владимире Гандельсмане?» «А, пока не читали...»

Публика не является столь сформированной группой, как Элита. Большая часть Публики не интересуется искусством вообще (кроме фильмов) и поэзией в частности. Но та часть Публики, которая все-таки думает об искусстве и которая сравнивает свои представления об искусстве с представлениями Элиты – уже более определенная социальная группа. И именно эта часть Публики более склонна считать, что искусство должно быть всеобщим и понятным, и более склонна к игнорированию профессионального мнения.

Как понятия Публики и Элиты могут помочь в творчестве

Эта часть эссе рассчитана на людей, которые практически занимаются каким-либо искусством, скажем, пишут стихи или фотографируют. Несмотря на то, что я в основном интересуюсь тем, как устроены различные вещи, а также тем, как устроены, так сказать, наши головы, я вижу некоторое практическое применение понятий Публики и Элиты.

Большинство поэтов имеют некие предварительные представления о том, как их стихи будут приняты в большем мире. Иногда эти представления не оправдываются, особенно у начинающих поэтов. Одной из причин, почему стихотворение может не нравиться конкретной аудитории, может быть то, что оно и не было создано для этой аудитории. Если стихотворение было сознательно или подсознательно написано для элитарного восприятия, оно, скорее всего, не понравится Публике. Я уже говорила о том, как отличаются, в среднем, вкусы Публики и Элиты. В моем представлении Кенжеев во многом элитарен, а стихи Дмитрия Быкова, безусловно, – для Публики (я лично считаю их достаточно слабыми во многих поэтических отношениях). Неопределенно-символичное стихотворение будет скорее для Элиты, а что-то простое и неоригинальное, но зажигательное – для Публики. Для кого, как вы полагаете, следующий отрывок из стихотворения?

...Засыпал скульптурою, а очнулся – посмертным слепком,
и полуслепцом к тому же. В зимний омут затянут,
поневоле он думает о государстве крепком,
где журавли не летают, зато и цветы не вянут...

Так что в следующий раз, когда ваше стихотворение каким-либо читателям не понравится, одной из возможных, только возможных, причин может быть это различие между Публикой и Элитой.

Заключение

Это эссе – об одном из многих факторов, которые влияют на наше восприятие искусства, на наши симпатии и антипатии в искусстве. Существуют и другие факторы, некоторые из них я обсуждаю в других своих эссе.

Стихотворения

Яд

В среду отравлена, в пятницу разум затих.
Буйные травы покрыли расчерченный тщательно сад.
Юной крапивы укол не сильнее укулов других.
Ядом сочится вино, опьяняяще радостен яд.

Кувшин

Когда наполнится кувшин
Водой из черного фонтана,
Я подожду тебя, один
В тени столетнего платана.

Не посмотрю тебе в глаза,
Скажу последние два слова,
И вспыхнет неба бирюза
Над дудкой Ганса-крысолова.

Американская элегия

Спокойна и элегична,
Крошу методично салат.
Расстались – ну вот и отлично.
Все рады, я рада, ты рад.

Краснеют всю помидоры,
Змеится густой майонез,
В тени полупущенной шторы
Мерцает редиски разрез.

И листья салата ложатся
 Рядком под наточенный нож.
 Зачем мне с тенями сражаться,
 Когда все равно не придешь?

Соседи болтают неспешно,
 Скучая за сеткой дверей.
 Поет за окном пересмешник,
 А думала, что соловей*.

Ипостаси

За ипостасью ипостась –
 Чутье подкожно –
 Вот эта – истинна, а та,
 Наверно, ложна.

Поблекли старые листы,
 На новых – краска.
 Дрожат под тяжестью мосты,
 Плечо – под лаской.

Сгорает медленно в огне
 Клубок сомнений.
 Неуловимы, по стене
 Летают тени.

Порядок

Пригнаны ровно, всегда совпадают
 С плоскостью нужной
 Дни.

Все на работе схвачено крепко,
 Это другие –
 Вниз.

Ясно и четко мысль излагая,
 Льется свободно
 Речь.

Связи по делу, флирт под контролем,
 Лишних не надо
 Встреч.

Что или кто нарушает порядок –
 Недопустимо,
 Прочь.

---

* *Примечание:* В Америке соловьев нет, но пересмешники поют очень похоже.

Только неясно, что же мне делать,
Если настанет
Ночь.

Дно

Я во сне опускаюсь
К пустынному дну,
Чтоб не видеть рассвета,
Не ждать поутру.
И на дне затаюсь,
Позабыв глубину,
Я надеюсь, что я
До конца не умру.

И попробовав чуть
Горьковатой воды,
Я русалкой всплыву,
Не пугаясь беды,
Возвращаясь туда,
Где не принадлежу,
Я, пожалуй, пока
Умирать погожу.

Так маши, моя сойка,
Бирюзовым крылом.
Нежно-серые тучи
Над старым стволом
Проливайтесь дождем,
Уходящим в песок.
По заросшему полю
Путь мой наискосок.

Наталья Зарембская – родилась в Ленинграде. Долгие годы работала в Искусствоведческой секции Государственного экскурсионного бюро. В 1992-м уехала, уже из Санкт-Петербурга, в Бостон. Интерес к искусству привел ее в Музей Изабеллы Гарднер, с которым она связана до сих пор. Участвовала в организации выставки коллекций Петергофа в Лас-Вегасе. Переводила каталог для выставки Фаберже. Во главе компании “Let’s Go! Tours” объездила с туристами всю Новую Англию. С 2007 года живет на Манхэттене в Нью-Йорке.

*ОБЭРИУ. Введение в тему**

Мое эссе не претендует на лавры литературоведческого исследования. С тех пор как многолетние табу были сняты, обэриуты пережили бум, который, до известной степени, не исчерпал себя и в наши дни. Количество статей и книг, излагающих микроскопические детали жизни людей, судьбы которых были изучены эпохой, не поддается описанию. Я обязана большей частью фактологического материала этим публикациям. Что же касается собственно творчества обэриутов, то в варианте самиздата эти тексты хранились в нашей семье с 70-х годов.

Замечу также, что тур, посвященный русскому авангарду и обэриутам, был подготовлен в Ленинградском экскурсионном бюро моими коллегами и мною уже в 80-е годы. Часть материала, особенно по истории Петербургского авангарда 20-х годов, взята из разработок этого тура.

Затронутые события заканчиваются арестом Введенского, Хармса, Бахтерева и других в 1931 году. Я надеюсь, что текст может быть интересен как своего рода введение в тему.

Введение

Мы будем говорить о ленинградской поэтах, входивших в краткий период поэтической молодости в литературную группировку со странным названием ОБЭРИУ.

Вот их имена из оригинального манифеста группы:

Александр ВВЕДЕНСКИЙ
 Константин ВАГИНОВ
 Игорь БАХТЕРЕВ

---

* Первая часть транскрипта выступления на заседании Миллбурнского литературного клуба 30 мая 2011 года.

Николай ЗАБОЛОЦКИЙ
 Даниил ХАРМС
 Борис (Доивбер) ЛЕВИН

Время, отсчитанное собственно ОБЭРИУ, было коротким – два с небольшим года. В январе 1928 года состоялось первое публичное выступление группы. Весной 1930 года – в общежитии Ленинградского университета – последнее. Время активного литературного творчества для членов группы было, конечно, более протяженным. Они заявили о себе зрелыми стихами где-то в первой половине – середине 20-ых годов – и не оставляли творчества до самой смерти, которая, кстати, не заставила себя ждать большинство из них.

Все же краткий период существования ОБЭРИУ был катализатором творческих судеб его участников. Они были молоды. Изобретателю названия группы, Бахтереву, было 20 лет, а самому «пожилому», Вагинову, – 28. В них был нерастраченный юношеский задор, который так хорошо выразили члены другой петроградской группы – авангардного кино ФЭКС, – поместившие на стенах своей студии цитату из Марка Твена: «Лучше быть молодым щенком, чем старой райской птицей».

Вернемся ко времени, когда все это начиналось. В 1918 году столица переехала в Москву и начался процесс превращения имперского центра в «великий город с областной судьбой». Новые власти активно помогали этому процессу. Красный террор 1918 года, расстрел митрополита Вениамина и других представителей духовенства достались Петрограду как часть общенациональных инициатив Советской власти.

Последним пароксизмом колыбели революции был Кронштадтский мятеж в марте 1921 года под лозунгом «Советы без коммунистов». Мятеж был подавлен Тухачевским. Последовал расстрел более 2-х тысяч его участников.

В процессе чистки после мятежа ВЧК сфабриковало в том же году дело группы Таганцева, в результате которого был расстрелян поэт Н.Гумилев и с ним еще 60 человек.

Впрочем, время было такое, что можно было умереть и от пули, как Гумилев, и от недоедания, как Блок. Оба погибли в августе 1921 года. Одному было 35, а другому – 40 лет.

В следующем, 1922 году в тридцать семь лет умер Велемир Хлебников.

Осенью 1922 года была проведена акция «Философский пароход». Так она названа была потому, что в ссылку отправляли в основном Петроградскую профессуру, среди которой было много философов. Инициатором этой акции был Ленин. Поддержавший его Троцкий говорил: «Мы этих людей выслали потому, что расстрелять их не было повода, а терпеть было невозможно». На двух пароходах «Обербургермейстер Хакен» и «Пруссия» из Петрограда в Штеттин было вывезено 160 человек, среди них Николай Бердяев. Впрочем, такие

же высылки осуществлялись – на пароходах из Украины и поездами из Москвы – в Латвию и Германию.

Все могло и должно было кончиться уже тогда, в начале 20-х. Десятилетнюю отсрочку дал НЭП. Тот же 10-й съезд РКП(б) (8 – 16 марта 1921 года), делегаты которого участвовали в подавлении Кронштадтского мятежа, объявил о конце политики военного коммунизма и принял постановление о Новой экономической политике.

Начался тот удивительный период в жизни России, во временные рамки которого и уложилась вся история ОБЭРИУ. НЭПу мы обязаны такими песенными шедеврами, как «Мурка», «Цыпленок жареный», «Фонарики», «Крутится, вертится шар голубой...» За год до Манифеста обэриутов, в 1926 году, Яков Ядов, по просьбе куплетиста Григория Красавина, написал бессмертные «Бублики»:

Горячи бублики
Для нашей публики,
Гони-ка рублики,
Народ, скорей!
И в ночь ненастную
Меня, несчастную,
Торговку частную,
Ты пожалей.

НЭП, при всей его изначальной культурной пошлости, давал ощущение возможности плюрализма, инициативы, независимой от государственного контроля. Улучшить свои представления о вкусе первые «новые русские» просто не успели. НЭП начали давить уже с середины 20-х годов. Он задыхался и погибал вместе с деятелями культуры, большинство из которых исползовало реалии НЭПа лишь для злой иронии и насмешки.

Между тем жизнь принимала новые очертания.

В 1922 году страна начала называться СССР.

В 1924 году Петроград стал Ленинградом.

В 1926 году Ленинградскую партийную организацию возглавляет Киров – земляк Заболоцкого. Оба из Вятской губернии, оба учились в Уржуме. Киров любил пошутить в духе времени. Выступая на праздновании 15-тилетия ЧК-ОГПУ, он говорил: «...ЧК-ГПУ – это орган, призванный карать, а если попросту изобразить это дело, – не только карать, а карать по-настоящему, чтобы на том свете был замечен прирост населения благодаря деятельности нашего ГПУ». Было это, впрочем, в 1932 году. А во времена ОБЭРИУ он был больше занят практическими делами: развитием народного хозяйства, а также сношением храмов, погромом Академии наук («Академическое дело»), строительством Беломорско-Балтийского канала и курированием СЛОНа – Соловецкого лагеря особого назначения.

Итак, середина 20-х годов. Эксцессы красного террора и убийственного голода позади. НЭП дышит с трудом, но еще жив. На

сцене появляются наши герои. Каждый имеет свою предысторию. Начнем по старшинству.

Константин Вагинов

Константин Константинович Вагинов – петербуржец. Четыре поколения в Петербурге, как скажет герой его будущего романа «Козлиная песнь». Родился в 1899 году в семье обрусевших немцев в Петербурге. Настоящая фамилия – Вагенгейм. Отец – жандармский полковник, мать – дочь богатого сибирского помещика. Успел получить полное гимназическое образование в старой России, в гимназии Гуревича. Еще гимназистом Вагинов начал писать стихи – как он впоследствии вспоминал, под влиянием «Цветов зла» Ш.Бодлера. Большое влияние оказало на него также творчество русских символистов – как поэтов, так и художников объединения «Мир искусства».

Поступил на Юридический факультет Петроградского университета в 1917 году, а в 1919 был мобилизован в Красную Армию. Про эту часть своей биографии Вагинов сказал:

Война и голод, точно сон,
Оставили лишь скверный привкус.

Станным образом его армейский опыт никак не отразился в его творчестве. К 1921 году он уже в Петрограде. В университете его не восстановили из-за непролетарского происхождения. Но Вагинов не унывал. Он с головой окунулся в литературную жизнь города. По своим собственным словам, он состоял почти во всех поэтических объединениях. Посещал «сумасшедший корабль» – Дом искусств, где проходили, в частности, занятия поэтической студии Н.С.Гумилева «Звучащая раковина».

Как вспоминала поэтесса И.Наппельбаум, стихи Вагинова, который был «самый маленький, самый худенький, с самым слабым голосом, самый "не такой", но сразу выразителен и значим», производили огромное впечатление: «Когда вставал и начинал читать – появлялся новый мир, ни с кем и ни с чем не сравнимый и волнующий... все слушали и давали уводить себя в этот призрачный, пригрезившийся поэту мир. Наш Мэтр, с ясным, как небосклон, мировоззрением, с зеркальной эстетикой, он замирал и, не противясь, входил в призрачный сад поэзии Константина Вагинова».

Поэт Георгий Адамович выразился прозаичнее и, возможно, точнее: «Стихи Вагинова вызывали в нем (Гумилеве) сдержанное, бессильное раздражение...»

Поэзию Вагинова одобряли В.Брюсов и В.Ходасевич. Отмечали необычность его эпитетов и метафор, введение в современные стихи античных образов и мировоззрений пантеизма. Сам Вагинов называл себя «поэтом трагической забавы».

То, что Вагинов был обласкан мэтрами, не удивляет. Его стихи действительно звучат как голос из зазеркалья – из той, ушедшей жизни. На Петроград он смотрел как на Рим времен упадка.

О, удалимся на острова Вырождений,
 Построим хрустальные замки снов,
 Поставим тигров и львов на ступенях,
 Будем следить течение облаков.
 Пусть звучит музыка в узорных беседках,
 Звуки скрипок среди аллей,
 Пусть поют птицы в золоченых клетках,
 Будут наши лица лилий белей.

В его собственных пристрастиях проявлялось желание удержать уходящий мир подлинной образованности и культуры. Вагинов самостоятельно изучил старофранцузский и итальянский языки, чтобы читать собранные книги в оригинале, брал уроки греческого, чтобы переводить греческую прозу, занимался испанским, умел танцевать менуэт, экосез и другие старинные танцы.

Еще в 1921 году группа «Кольцо поэтов имени К.Фофанова» выпустила его первую книгу «Путешествие в Хаос». В 1926 вышла его вторая книга стихов без названия. Так что к моменту его знакомства, сначала с Бахтеревым, а затем с другими будущими обэриутами, он уже был состоявшимся поэтом, хорошо известным в узком кругу. Для Бахтерева и его друзей Вагинов был мэтром. Кроме того, именно по инициативе Вагинова, который входил в приемную комиссию, Хармс в 1926 году был принят в Ленинградское отделение Всероссийского Союза поэтов.

Еще впереди были прозаические произведения, которые заставляют говорить о Вагинове прежде всего как авторе модернистских романов. Именно в прозе его творчество оказалось более всего созвучно обэриутам.

Николай Заболоцкий

Николай Алексеевич Заболоцкий был родом из Вятской губернии. Отец – агроном, мать – сельская учительница. Год рождения 1903. Когда в 1913 году он поступил в реальное училище в Уржуме, то, как он вспоминал, «...три года уже писал стихи. ...За стеклянной дверцей отцовского шкафа, наклеенное на картоночку, виднелось наставление, вырезанное отцом из календаря. И теперь, сорок лет спустя, довольно его помню: "Милый друг! Люби и уважай книги. Книги плод ума человеческого. Береги их, не рви, и не пачкай. Написать книгу нелегко. Для многих книги – все равно как хлеб". Здесь, около книжного шкафа я навсегда выбрал себе профессию и стал писателем».

Заболоцкий (или Заболотский, как он тогда писал свою фамилию) едет для продолжения образования в Москву и поступает в Московский

университет сразу на два факультета – филологический и медицинский. Очень скоро, однако, переезжает в Петроград, где в 1925 году заканчивает Педагогический институт имени Герцена по отделению языка и литературы. О себе он говорил, что к этому времени уже накопил очень толстую тетрадь очень плохих стихов. Подражал то Есенину, то Блоку. В следующем году его призывают на военную службу. Гражданская война уже позади и его армейский опыт был весьма падающим – служил он в Ленинграде, на Выборгской стороне, и уже в 1927 году уволился в запас. Получил место в отделе Детской книги ленинградского Госиздата, которым руководил Маршак.

К 26-му году относятся его первые «настоящие» стихи, в которых он обрел свой поэтический голос. Еще впереди его первая книга «Столбцы», вышедшая в 1929-ом, но вот его ранняя зарисовка Ленинграда времен НЭПа:

Вечерний бар

В глуши бутылочного рая,
Где пальмы высохли давно,
Под электричеством играя,
В бокале плавало окно.
Оно, как золото, блестело,
Потом садилось, тяжелело,
Над ним пивной дымок вился...
Но это рассказать нельзя.

И дальше:

Глаза упали, точно гири,
Бокал разбили, вышла ночь,
И жирные автомобили,
Схватив под мышки Пикадилли,
Легко откатывали прочь.
А за окном в глуши времен
Блистал на мачте лампион.
Там Невский в блеске и тоске,
В ночи переменявший краски,
От сказки был на волоске,
Ветрами вея без опаски.
И как бы яростью объятый,
Через туман, тоску, бензин,
Над башней рвался шар крылатый
И имя «Зингер» возносил.

Несмотря на некоторую разгульность описанной картины, Заболоцкий был весьма положительным молодым человеком. Единственный из авторов «Манифеста», имел законченное высшее образование по специальности. Сказывалось провинциальное

происхождение и воспитание в хорошей семье с крепкими устоями, где он был старшим из шести детей.

Характерно первое впечатление Хармса и Введенского. Они познакомились с Заболоцким в мае 1926 года на чтении в Союзе поэтов. Бахтерев рассказывает об этом, правда, с чужих слов:

Мало кому известного Заболоцкого объявили последним. К столу подошел молодой человек, аккуратно одетый, юношески розовощекий.

– А похож на мелкого служащего, любопытно. Внешность бывает обманчива, – Введенский говорил с видом снисходительного мэтра.

Читал Заболоцкий «Белую ночь», которая позднее вошла в «Столбцы»:

*...И всюду сумасшедший бред.
Листами сонными колышим,
Он льется в окна, липнет к крышам,
Вздыхает дыбом волоса...
И ночь, подобно самозванке,
Открыв молочные глаза,
Качается в спиртовой банке
И просится на небеса...*

Триумфа не было, – настороженное внимание, сдержанные аплодисменты. Реакция Хармса и Введенского, однако, была немедленной. Они встали и пошли между рядов навстречу поэту. Назвав свои фамилии, жали ему руку, поздравляли. Хармс громогласно объявил: он потрясен, такого с ним не бывало. Введенский: ему давно не доводилось слушать «стоящие стихи», наконец, повезло – дождался.

Александр Введенский

Александр Иванович Введенский – петербуржец, интеллигент, как и Вагинов. Родился в 1904 году. Отец его служил в Поземельном банке, а мать была врачом в клинике профессора Отто – родильном доме, сохранившем свое название до наших дней через все потрясения века. Введенский учился на Петроградской стороне в гимназии Л.Д.Лентовской, где учился также будущий филолог – академик Дмитрий Сергеевич Лихачев. В Лентовке Введенский познакомился и подружился на всю жизнь с Ленией Липавским и Яшей Друскиным.

Преподавательский состав в школе был очень сильный. Рисование преподавал брат Леонида Андреева. Особое влияние на Введенского оказал преподаватель литературы Леонид Владимирович Георг, большой знаток поэзии, лично знакомый с А.Блоком, организовавший кружок «Костер», в котором читали Блока, Ахматову, Гумилева. Введенский был активным участником этого кружка.

Леонид Савельевич Липавский (псевдоним Л.Савельев), которого Маршак считал одним из самых образованных литераторов, был теоретиком ОБЭРИУ, ответственным, так сказать, за подведение идеологической и философской базы. На квартире у него и его жены

Тамары Александровны Липавской (Мейер) на Гатчинской улице прошли многие сборы участников группы. Липавский погиб в первые дни на фронте в 41-ом, а Яков Друскин прожил долгую жизнь (умер в 1980 году). На его долю выпало сохранить важную часть наследия Хармса. Он был также первым исследователем творчества Введенского. Друскин окончил консерваторию и философский факультет университета, но зарабатывал на жизнь преподаванием математики в средней школе.

В 1921 году семнадцатилетний Введенский кончает школу, не сдав экзамена по русскому языку. На этом его официальное образование фактически заканчивается. Он, правда, поступает – сначала на юридический факультет Петроградского университета, затем на китайское отделение Восточного факультета, чтобы учиться вместе с Тамарой Мейер, которая позднее станет женой Липавского. Но Мейер из университета вычищают, и Введенский покидает университет вслед за ней. Его дальнейшим «университетом» стала художественная среда Петербурга.

Чтобы поддержать себя, работал кем придется – одно время был почтальоном, потом конторщиком на электростанции «Уткина Заводь». В 1924 году вступил в Ленинградское отделение Союза поэтов. В юношеские годы любил Блока, в начале своего поэтического пути обращался к Клюеву, Кузмину. Постепенно смещался влево. Стал учеником авангардного поэта, режиссера и художника Игоря Терентьева, затем – заумника Александра Туфанова, основателя «Ордена Заумников DSO».

Введенского интересовали все современные виды искусства. В те же годы он – частый гость в Институте художественной культуры, которым руководил Малевич и где преподавал Татлин. Чуть позже он знакомится со школой левого искусства Филонова и его учениками.

Введенский не был поклонником внешнего эпатажа. Художник Борис Семенов вспоминал:

Один и тот же серый костюм, кепка с пуговкой, ленивая походочка – никаких тростей, крахмальных воротничков. Единственная любимая вещица – серебряный мундштук с кавказской чернью... При этом ... было что-то гусарское в его цыганских глазах, да и в пристрастии к рискованным спорам «на пари». Деньги не задерживались в его руках, они просто испарялись из его потертого бумажника.

С теми, кто ему не нравился, Введенский мог держаться высокомерно, напуская на себя маску мэтра и знатока поэзии. Женщины его обожали.

Когда дошло дело до манифеста обэриутов, о нем уже было сказано: Введенский – «крайняя левая нашего объединения» (из декларации ОБЭРИУ).

Вот известнейший пример из «Начала Поэмы» 1926-го года:

верьте верьте
 ватошной смерти
 верьте папским парусам
 дни и ночи
 холод пастбищ
 голос шашек
 птичий срам
 ходит в гости тьма коленей
 летний штык тягучий ад
 гром гляди каспийский пашет
 хоры резвые
 посмешищ
 небо грозное кидает
 взоры птичьи на Кронштадт.

Быстротечность жизни мучила Введенского с молодых ногтей. Тема смерти, иногда в абсурдном, иногда в ерническом варианте, присутствует во многих его стихах:

...И пистолет я в рот вложил,
 как бы вина бутылку,
 через секунду ощутил
 стук пули по затылку.
 И разорвался мой затылок
 на пять и шесть частей.

Он говорил:

...Я понял, чем отличаюсь от прошлых писателей, да и вообще людей. Те говорили: жизнь – мгновение в сравнении с вечностью. Я говорю: она вообще мгновение, даже в сравнении с мгновением.

Даниил Хармс

Даниил Иванович Хармс был годом моложе Введенского – родился в 1905 году, 30 декабря.

Хармс утверждал, что отец непременно хотел, чтобы сын родился в Новый год, так что зачатие было запланировано на 1-е Апреля. Однако все планы были нарушены тем, что он родился на четыре месяца раньше срока.

«В инкубаторе я просидел четыре месяца. Помню только, что инкубатор был стеклянный, прозрачный и с градусником. Я сидел внутри инкубатора на вате. Больше я ничего не помню. Через четыре месяца меня вынули из инкубатора. Это сделали как раз 1-го января 1906 года».

Более элегическое описание – в одном из поздних рассказов: «Я родился в камыше. Как мышь. Моя мать меня родила и положила в воду. И я поплыл. Какая-то рыба, с четырьмя усам на носу, кружилась около

меня. Я заплакал. И рыба заплакала. Вдруг мы увидели, что плывет по воде каша. Мы съели эту кашу и начали смеяться. Нам было очень весело...» В это время Хармсу было уже очень невесело – шел 1935 год.

Настоящая фамилия Хармса – Ювачев. Отец его был из семьи дворцовых полотеров. Было бы это во времена первых Романовых, к революции он был бы уже князем. Однако времени не хватило, и он стал мичманом Императорского флота. Потом был арестован по делу «Народной воли», провел годы на каторге, стал миролюбцем. Отцу Хармса повезло больше с, так сказать, «литературным признанием», чем его сыну. Упоминание о встречах с ним можно найти у Чехова, Толстого, Волошина. В 1893 году Чехов сделал Ювачева прототипом революционера – героя своего «Рассказа неизвестного человека». К 1899 году он, бывший участник заговора с целью убийства Александра III, был полностью восстановлен в правах и вернулся в Петербург.

Ювачев-сын учился в привилегированной немецкой школе «Петершуле». В 1924 году поступил в Ленинградский электротехникум, но вскоре был вынужден его оставить из-за «слабой посещаемости» и «неактивности в общественных работах». Таким образом, ни высшего, ни среднего специального образования Даниил получить не смог.

В 1925 году Ювачев познакомился с поэтическим и философским кружком чинарей, куда входили Александр Введенский, Леонид Липавский, Яков Друскин и другие. Он быстро приобрел скандальную известность в кругах литераторов-авангардистов под своим, изобретенным еще в семнадцать лет, псевдонимом «Хармс». Псевдонимов у Ювачева было много, и он играючи менял их: Ххармс, Хаармс, Дандан, Чармс, Карл Иванович Шустерлинг и другие. Однако именно псевдоним «Хармс» с его амбивалентностью (от французского *“charme”* – шарм, обаяние, и от английского *“harm”* – вред) наиболее точно отражал сущность отношения Даниила и к жизни, и к творчеству.

Именно как Хармса Ювачева приняли во Всероссийский Союз поэтов в 1926-ом. К этому времени ему удалось напечатать два стихотворения – «Случай на железной дороге» и «Стих Петра Яшкина – коммуниста», которые он и представил.

Этот «Стих Петра Яшкина» – должен был бы уже тогда насторожить критику:

Мы бежали как сажени
на последнее сраженье
наши пики притупились
мы сидели у костра
реки сохли под ногою
мы кричали: мы нагоним!
плечи дурые высоки
морда белая востра

Что еще за «белая морда» в красных войсках?

В состав приемной комиссии входил Николай Тихонов, которому было под тридцать в тот момент, автор знаменитых строк:

Гвозди бы делать из этих людей,
Крепче б не было в мире гвоздей

Понятно, что опусы Хармса его не вдохновили, но, по крайней мере, он не стал обвинять его с ходу в контрреволюционности и согласился с предложением Вагинова принять Хармса в Союз.

Игорь Бахтерев

Самый молодой из «отцов-основателей», Игорь Владимирович Бахтерев родился в Петербурге в 1908 году. Его мать была одной из первых женщин-юристов. Отец – инженер-механик. К моменту описываемых событий ему было всего 20 лет. Бахтерев был поэт, но всегда больше интересовался театром.

Он прожил долгую и относительно благополучную жизнь, пережив всех своих «подельщиков». В 1938 году написал в соавторстве с Александром Разумовским патристическую пьесу «Полководец Суворов». Бахтерев умер в 1996 году в возрасте 88 лет, оставив воспоминания о событиях своей молодости, обэриутах, Заболоцком и многих других.

В воспоминаниях можно заметить несколько желчную ноту. Бахтерев продолжал писать в стол в обэриутском духе. 30 лет работал над поэмой «Лу». С 80-х годов печатался в самиздатовском журнале «Транспонанс». Но так и не дождался такого же интереса к себе, какой возник по отношению к Хармсу и Введенскому.

Из «Лу» (1984) – дань молодости:

Кас зарм и гры.
Цвет и бец.
Бень финь ковра.
Бень.
Финь.
Ковра.
Бру ру ак га гу.
Бясь бясь.

Что происходило в Петербурге в это время

Тема эта необъятна, так как художественная жизнь в Петрограде была в эти годы исключительно интенсивна и в каждой области творчества включала в себя явления самого разного толка – от сугубо традиционных до декларирующих отказ от любого культурного наследия.

Мы ограничим себя разговором о «левом» искусстве, определившем художественное лицо эпохи. Интересное, несколько герметическое, определение дал ему искусствовед Николай Пунин:

«Левым» в искусстве будет все то, что «левые» художники назовут «левым».

Это высказывание, типичное для новых, непризнанных направлений в искусстве, было тем более справедливо, что общество «микенцев», – тех, кого во времена «Бродячей Собаки» презрительно называли фармацевтами, – к середине 20-х годов было или истреблено, или спаслось бегством. Пришедшие им на смену «дорийцы» – те, кто в 20-е состояли в РАППе или АХРРе, а позднее составили ядро Советских творческих союзов – по натуральной предрасположенности или благодаря хорошему политическому нюху, ненавидели все «левое» как класс.

Таким образом, репутация «левого» художника становилась внутренним делом сообщества людей, преданных новому искусству. Истоки этого искусства лежали в предреволюционных годах. Последовавший Октябрьский переворот, своими призывами до основания разрушить старый мир, захватил многих ниспровергателей традиций. И поскольку какое-то время у новой власти до искусства руки не доходили, двадцатые годы стали неповторимым десятилетием, когда «расцветали сто цветов, соперничали сто школ».

В эту эпоху процветал дух исканий, новаторства практически во всех областях творчества. Это было время личностей, оригиналов, принципиальных достижений, определивших во многом пути развития искусства в XX веке. Между разными видами «левого» искусства существовали явные родственные связи – и глубоко содержательные, и формальные. Дело не только во влияниях и заимствованиях, а в общности художественного процесса, в тех общих токах, пронизывающих искусство, которые позволяют нам говорить о стиле эпохи.

В Петрограде/Ленинграде в эти годы существовало несколько важных центров авангардного искусства, с деятельностью которых неоднократно пересекались пути наших героев.

На Исаакиевской площади (или на площади Воровского, как она тогда называлась), в бывшем доме Мятлевых, с 1923 года работал Государственный институт художественной культуры (ГИНХУК). Предшественником его был Музей художественной культуры, располагавший блестящей коллекцией живописных и графических работ художников начала XX века (около двух тысяч работ). В коллекции были работы Малевича, Матюшина, Мансурова, Татлина и других. Организатором его был назначен художник Натан Альтман. Большой вклад в организацию музея внес и Николай Николаевич Пунин – практически единственный профессиональный искусствовед, связавший себя с авангардными течениями.

В штате музея работало всего четыре человека за чисто символическую оплату. За краткий период существования музея ими было опубликовано 1470 научных работ. По воскресеньям читались лекции, доклады, организовывались диспуты, демонстрации работ. Для публики музей был открыт по четыре часа три раза в неделю.

В связи с реформой, проходившей в стенах Свободных художественных мастерских (бывшей Академии художеств), профессор М.Матюшин, который руководил «Мастерской пространственного реализма», переносит свою деятельность в Музей художественной культуры, где ему предоставили помещение под лабораторию. Кроме матюшинской, при музее появляются другие лаборатории, например, фонологическая лаборатория Игоря Терентьева, тогда еще поэта, позже – известного в Ленинграде режиссера. Музей де-факто превращается в учебное заведение. В связи с этим в октябре 1923 года он и был преобразован в ГИНХУК.

Предложение о преобразовании Музея в институт внес от «группы левых художников» П.Н.Филонов в докладе, прочитанном 9 июня 1923 года на музейной конференции в Петрограде. Цель деятельности института была четко сформулирована: «Научный анализ и оформление явлений в области искусства». Добавим – авангардного искусства. В сущности, была сделана попытка «разгерметизировать» определение Пунина, дать критерии критического похода к оценке новых направлений, отделить халтуру и приспособленчество от реальных достижений – задача, ставящая в тупик и нынешнего зрителя на выставках современного искусства.

Кроме того, институт стал объединением творческих групп разных направлений. Лидеры этих групп питали слабость к широкомасштабным заявлениям и философскому взгляду на мир. Как бы критически ни воспринимались сегодня многие из этих текстов, важно, что они помогли авторам сделать неопределимый вклад в развитие всех направлений художественной деятельности.

«Экспериментальный отдел» Павла Андреевича Мансурова (1895 – 1983) исследовал возможности применения форм органического мира в архитектуре. Заметим, что применение биоформ получит широкое распространение в мировой архитектуре 60 – 70-х годов.

Отдел «Органической культуры» возглавил Михаил Васильевич Матюшин (1861 – 1934) – композитор, живописец, педагог, мыслитель. Отдел изучал проблемы психологии восприятия, актуальные и сегодня. Практическим результатом деятельности отдела был выпуск «Справочника по цвету», который долгое время использовался художниками при оформлении витрин, окраске фасадов, интерьеров, в работе по фарфору, при реставрациях. Учениками Матюшина были известные художники-графики Юрий Васнецов и Валентин Курдов.

Глубокий и внимательный интерес к природе, к «органике», был присущ и Павлу Николаевичу Филонову (1883 – 1941) – художнику, который тоже был связан с ГИНХУКом. Филонов и Матюшин испытывали взаимное влияние и интерес друг к другу. Матюшину принадлежит первое и наиболее глубокое исследование искусства Филонова – статья «Творчество Павла Филонова», опубликованная еще в 1916 году.

Отделом «Материальная культура» руководил Владимир Евграфович Татлин (1885 – 1953), создатель пластического символа

революции – модели памятника III Интернационала. В мастерской Татлина развивался тот вид деятельности художника, без которого невозможно представить XX век, – здесь рождался дизайн, художественное конструирование.

Директором института и руководителем отдела «формально-теоретического» был Казимир Северинович Малевич (1878 – 1935) – художник, оказавший влияние на архитектуру, изобразительное и прикладное искусство первой половины XX века.

В дореволюционные годы имя Малевича было связано с напумевшим полотном «Черный квадрат», в революционные – с первой постановкой «Мистерии-буфф» Маяковского (1918, Мейерхольд).

Малевич создал свое собственное направление в искусстве – супрематизм (от латинского «высший»). Если отбросить теоретические объяснения (сам Малевич, особенно в начале творчества, под супрематизмом понимал верховенство цвета, освобожденного от вторичной функции раскрашивания узнаваемого объекта), то супрематизм – это стиль. Стиль, найденный Малевичем, узнаваемый и тиражированный в работах других художников, в том числе прикладников. В 20-е годы, однако, основное внимание Малевича было сосредоточено на архитектуре. Он создавал «Архитектоны», которые больше всего напоминают то, что мы привыкли видеть сегодня в городе, подобных Нью-Йорку. Своего рода Интернациональный стиль – лет за десять до первых построек такого типа.

ГИНХУК был феноменальным центром новых идей, источником творческого озона, которым дышала молодежь. Введенский, как мы уже упоминали, учился в институте, остальные обэриуты, не будучи формально студентами, были «болельщиками», для которых преподаватели института были кумирами.

Директор института Малевич сочетал авторитарность характера с равнодушием к рангам. Охотно шел на контакт с молодежью. В 1926 году будущие обэриуты задумали организовать театр «Радикс» – идея Бахтерева, – чтобы поставить пьесу Введенского и Хармса «Моя мама вся в часах». Решили обратиться к Малевичу за поддержкой. Вот сценка из воспоминаний режиссера Георгия Кацмана об одном из первых личных контактов обэриутов с Малевичем:

...Введенский решил организовать переговоры с ГИНХУКом, точнее – с его директором Казимиром Малевичем, который симпатизировал левому искусству и имел возможность сразу помочь «Радиксу». Встреча произошла 12 октября 1926 года. ... Войдя в здание ГИНХУКа, просители (Введенский, Кацман, Хармс, Бахтерев) разулись и далее шли босыми (очевидно, в знак смирения), а войдя в кабинет Малевича, встали на колени и протянули бумагу. Малевич в ответ поднялся и тоже встал перед гостями на колени. Так, коленапреклоненные, они начали разговор. Малевичу идея понравилась: «Я – старый безобразник, вы – молодые, посмотрим, что получится», – и он

написал распоряжение коменданту о предоставлении «Радиксу» Белого зала ГИНХУКа, а также подсобных помещений.

Узость взглядов на цели и задачи искусства определила судьбу ГИНХУКа. В газете «Ленинградская правда» от 10 июня 1926 года вышла статья АХРРовского критика Г.Серого «Монастырь на госснабжении», автор которой утверждал политическую вредоносность деятельности института. Он увидел в архитекторах Малевича, в цветовых разработках Матюшина, в экспериментах по созданию «органической формы» Мансурова лишь бессмысленный формализм и напрасную трату государственных средств. В том же 1926 году ГИНХУК был ликвидирован. Типографский набор сборника трудов ГИНХУКа был рассыпан.

Формально, однако, ГИНХУК не был разогнан, а стал частью Института истории искусств, который располагался здесь же, на площади. До революции – так называемый Зубовский институт, открытый в первом этаже семейного дома его владельцем Валентином Платоновичем Зубовым. Институт был признан Высшим учебным заведением по истории искусств еще до революции (в 1916 году). В послереволюционные годы на базе его был создан научно-исследовательский институт и Высшие курсы искусствоведения, которыми руководил Адриан Иванович Пиотровский (1898 – 1938, умер в тюрьме). Здесь преподавали Жирмунский и Эйхенбаум, Энгельгардт и Тынянов. Семинары по современной прозе вели тогда молодые Каверин, Тихонов, Федин. В 20-е годы Белый зал Института еще сохранялся как один из живых центров нового искусства.

Поэтические корни творчества обэриутов

Обэриуты были интеллигентами не в первом поколении. Знали классическую поэзию. В ранние годы любили Блока. К 1925 году Хармс составил список «Стихотворения наизустные мною». В нем – В.Каменский, И.Северянин, А.Блок, В.Инбер, Н.Гумилев, Ф.Сологуб, А.Белый, А.Ахматова, В.Маяковский, Н.Асеев, С.Есенин, В.Хлебников, А.Туфанов, Е.Вигилянский, В.Март, В.Марков. Преимущество отдано эгофутуризму (Северянин, 1887 – 1941) и кубофутуризму (Маяковский, 1893 – 1930) – по 19 стихотворений каждого. Отец ранние эксперименты сына не одобрял, предпочитая стихи Некрасова. По этому поводу Хармс пишет шутливую эпиграмму:

Мои стихи тебе, папаша,
Напоминают просто кашель.
Твой стих, не спорю, много выше,
Но для меня он шишел вышел.

В 20-е годы Хармс общался с поэтом-эгофутуристом Константином Олиповым (Фофановым, 1889 – 1940), бывшим соратником Игоря Северянина. Стихи Олипова воплощали

доведенную до логического предела поэтику эгофутуризма: себя он именовал «Родителем Мироздания», гением и совершенством:

Я – Самодержец Вдохновенья,
Непогрешимец Божества.
Собою Сам, Творец Творенья,
Бессмертной Жизни – Голова!

Все слова он писал с большой буквы.

Тем не менее, этот безвредный безумец был сочтен опасным для Советской власти и с 1930 года и до смерти странствовал по тюрьмам.

Следующим по времени мощным влиянием, особенно на Введенского и Хармса, была поэзия уже умершего «Председателя Земного Шара» – Велемира Хлебникова (1885 – 1922), Алексея (иногда подписывался Александр) Крученых (1886 – 1968) и Давида Бурлюка (1882 – 1967) – «заумь».

«Заумь», или «заумный язык», возник в русской поэзии в творчестве Хлебникова – как одна из составляющих его знаменитого «звездного языка». В мировом языке будущего, по замыслу автора, сами звуки должны были бы передавать любые значения. Сам Хлебников предложил вполне разумное объяснение того, что такое «заумь»:

Заумный язык – значит находящийся за пределами разума.

...То, что в заклинаниях, заговорах заумный язык господствует и вытесняет разумный, доказывает, что у него особая власть над сознанием, особые права на жизнь наряду с разумным. Но есть путь сделать заумный язык разумным.

...Если взять одно слово, допустим, чашка, то мы не знаем, какое значение имеет для целого слова каждый отдельный звук. Но если собрать все слова с первым звуком Ч (чаша, череп, чан, чулок и т. д.), то все остальные звуки друг друга уничтожат, и то общее значение, какое есть у этих слов, и будет значением Ч.

Странно, до какой степени классикой звучат стихи Хлебникова в наши дни:

Крылышкуя золотописьмом
Тончайших жил,
Кузнечик в кузов пуза уложил
Прибрежных много трав и вер.
Пинь, пинь, пинь! – тарарахнул зинзивер.
О, лебедиво!
О, озари!

Хлебников обладал абсолютным поэтическим слухом. Применительно к его поэзии «заумь» кажется словом, обозначающим нечто, не соответствующее его значению. В сущности, это набор поэтических неологизмов.

Вот пример упражнения раннего Хармса в автоматической зауми – прозе, переходящей в белый стих (из письма к его первой жене Эстер):

Оказывается ты меня зовешь, но я вошел уже в азарт и мне охота писать все дальше и дальше. Какой-то жесткий картон сгибается в тиле и теме, даже гюкерики назоняют стрехи. Такамбы глвеются стинерий позвойные клюши.

Гирейся сиверий старайный каранда,
супинся сдвигоной минется шерсти.
Глазофиоли здвойнись развротели
зовись на секунду наивным чуродом.

Это Хармс, студент Хлебникова и Туфанова, еще не обретший свой собственный уникальный голос.

Кстати, об Александре Туфанове (1877 – 1941), весьма колоритной фигуре Ленинградской поэтической жизни. Как я уже сказала, Хлебников был мертв, а Крученых и Бурлюк были в Москве. Туфанов же был в Ленинграде. Он считал себя наследником хлебниковского престола и называл себя «Председателем Земного Шара Зауми» – все-таки хоть какое-то, но отличие. В 1925 году он объявил об организации «Ордена заумников DSO», в который вступили Хармс и Введенский. Туфанов «доступно» объяснял странное название:

DSO – значение заумное: при ослаблении вещественных преград (D) лучевое устремление (S) в века при расширенном восприятии пространства и времени (O).

Как многие самоучки, Туфанов обожал ссылаться на научные авторитеты, а еще больше любил строгую классификацию всех явлений бытия. Строгую, но несколько безумную. Все поэты у него размещались по кругу: с 1-го до 40-го градуса – те, кто исправляет мир (символисты, ЛЕФ, РАПП), с 40-го по 89-й – те, кто его воспроизводит (реалисты, акмеисты), с 90-го по 179-й – те, кто его украшает (импрессионисты, футуристы, имажинисты). Дальше, со 180-го по 360-й градус, шла зона зауми...

Прошлое у Туфанова было, с точки зрения новой власти, весьма и весьма сомнительное. Это ему принадлежали строки, навеянные гибелью брата в белой армии:

Просил пощады при расстреле
Плененный коммунист,
А мы, стреляя, песни пели
Под пулеметный свист.

Однако по иронии судьбы именно контакт с «мальчишками» Хармсом и Введенским оказался для него впоследствии губительнее всего.

Из других современников можно упомянуть Михаила Кузмина (1872 – 1936). Дружеские отношения Введенского и Хармса с Кузминым, начавшиеся в 1925 году, продолжались довольно долго. Дневник Кузмина весьма часто упоминает об их визитах. В записной книжке

Хармса 1927-го года можно найти еще не опубликованные фрагменты кузминской поэмы «Форель разбивает лед»:

... И потом я верю,
 Что лед разбить возможно для форели,
 Когда она упорна. Вот и все.

Важным источником для обэриутов в их стремлении очистить поэтический язык от стилевых наслоений был городской фольклор, примитивизм русской домашней поэзии и нарочитый примитивизм поэзии Козьмы Пруткова и его создателей – графа Алексея Константиновича Толстого (1817 – 1875) и братьев Жемчужниковых.

Попытки опубликоваться в эти ранние годы также показывают, с кем они были готовы выступить под одной обложкой. Одной из таких попыток была идея совместного с имажинистами сборника «Необычайные свидания друзей». Предполагалось объединиться с москвичами. В списке поэтов от Ленинграда, кроме ныне малоизвестных Афанасьева-Соловьева и Ричиотти, были также Введенский и Хармс. С московской стороны – Мариенгоф, Есенин, Эрдман. Ничего из затеи не вышло. В какой-то момент владелец издательства «Красный Путь» поэт-футурист Ховин сбежал из города, спасаясь от должников.

В 1925 году в Москве было создано кооперативное издательство «Узел». Сама возможность создания кооперативного издательства писателей была одним из следствий еще не до конца удушенного НЭПа. Официально издательство называлось «Промысловое кооперативное товарищество поэтов под наименованием Книгоиздательство “Узел”». По своему правовому положению оно не отличалось от любой трудовой артели. Одним из учредителей был Б.Пастернак, а секретарем правления был избран В.Луговской. В кружок входили Павел Антокольский, Бенедикт Лившиц, Илья Сельвинский и другие.

Хармс и Введенский, узнав об этом в начале 1926 года, обратились с письмом к Б. Пастернаку:

*Уважаемый Борис Леонтьевич,
 мы слышали от М.А.Кузмина о существовании в Москве издательства «Узел».*

Мы оба являемся единственными левыми поэтами Петрограда, причем не имеем возможности здесь печататься. Прилагаем к письму стихи, как образцы нашего творчества, и просим Вас сообщить нам о возможности напечатания наших вещей в альманахе «Узла» или же отдельной книжкой...

*Даниил Хармс
 АлександрВведенский (так он подписывался в те годы)*

Назвав Пастернака Борисом Леонтьевичем, они, в сущности, могли дальше не продолжать. Ответа не было, и опубликоваться им не удалось. История с Пастернаком определила в дальнейшем отношение

Хармса к нему как к представителю литературного «истеблишмента». В этом контексте понятна хармсовская злая шутка:

Экспромт

Как известно у полупоэта Бориса Пастернака была собака по имени Балаган. И вот однажды, купаясь в озере, Борис Пастернак сказал столпившемуся на берегу народу:

*– Вон смотрите, под осиною
Роет землю Балаган!*

С тех пор этот экспромт известного полупоэта сделался поговоркой.

Обе истории характерны тем, что эти молодые поэты, несмотря на весь эпатаж и дерзость юности, в своих практических попытках даже не пытались рассматривать себя вне современного им литературного пейзажа, пытались прорваться к публикациям самым обычным для начинающих поэтов путем.

Времена, однако, были другие. Экспериментаторы дореволюционной России могли сколько угодно эпатировать публику и быть уверены, что им не придется платить не только в политическом смысле – об этом не могло быть и речи, – но и в экономическом. Всегда можно было найти спонсора – магната или просто состоятельного человека, независимого издателя или антрепренера. Новые антрепренеры 20-х годов были заняты первоначальным накоплением капитала в условиях усиливающегося государственного гнета. Из материального искусства они предпочитали антиквариат, а из «не материального» – кафешантан. Те же, кто пытался использовать новые возможности в издательском деле, не обладали деловой сметкой. Относительный успех московского «Узла» определялся тем, что его организатор Петр Никанорович Зайцев работал в ВЦСПС и имел доступ к государственной полиграфической базе.

Первые шаги к объединению

Исследователи творчества обэриутов определили последовательность и время знакомства наших героев с точностью до дня. Скажем лишь, что к 1926-му году определилось основное ядро группы и ее литературное окружение. Среди них:

Леонид Савельевич Липавский (1904 – 1941) – писатель, философ и поэт, в жену которого Тамару Мейер был в юности влюблен Введенский. На квартире Липавских прошли многие собрания обэриутов.

Яков Семенович Друскин (1902 – 1980) – философ, литератор, теолог, искусствовед, музыкант, игравший наизусть Букстехуде, доживший до семидесяти восьми лет и спасший важную часть наследия Хармса.

Евгений Львович Шварц (1896 – 1958), драматург, автор пьес «Дракон», «Тень», «Два Клена», проживший относительно благополучную жизнь.

Борис (Дойвбер) Михайлович Левин (1904 – 1941), из хасидов. Прозаик. Маршак, обыгрывая имя Дойвбер (медведь), называл его гималайским медведем.

Несколько позднее присоединился к ним Юрий Владимиров, поэт и прозаик, умерший рано, в возрасте двадцати двух лет, от туберкулеза.

Люди эти общались непрерывно, как только и бывает в юности, переходили из дома в дом, дискутировали, пили дешевое вино. Были полны энергии и замыслов.

После вступления в Союз поэтов ученики Туфанова захотели самоопределиться и назвали себя «Левым Флангом». К 1926-му году, когда круг друзей и единомышленников расширился, Хармс решает переименовать объединение во «Фланг Левых» – что в лоб, что по лбу. Однако на этот раз у него наполеоновские планы. Он надеется объединить все левые силы Ленинграда, приглашает своего наставника Туфанова, поэтов Вигилиянского (также ученика Туфанова), Димитриева, Цимбала, Синельникова, конечно Введенского, Бахтерева и Заболоцкого и некоторых других. И Казимира Малевича.

Хармс предполагал создать строго иерархическую организацию с членами I, II и III разрядов. В высшее руководство он предлагал Малевича, Введенского, Бахтерева и себя. Поразительно, что это безумное прожектерство нашло отклик у Малевича, который всерьез вел переговоры и предложил название для новой организации – УНОВИС – «утвердители нового искусства». Это было фактически название его прежней Витебской группы, и Хармс категорически возражал. После встреч Малевич уехал с выставками в Варшаву и Берлин, а вернувшись, был арестован как германский шпион. Таким образом, масштабные планы организовать объединение под эгидой ГИНХУКа рухнули.

Однако «Фланг Левых» формально продолжал существовать. Так же, как и «Радикс». Единственным фактическим выходом обоих объединений было то, что эти названия использовались на плакатах о литературных вечерах. Выступали в «Кружке друзей камерной музыки» (Невский 52, там, где Театр марионеток Деммени), в Союзе поэтов (в Елисеевском особняке на Мойке), в расположении 59-го стрелкового полка, где служили Заболоцкий и Вигилиянский. После поэтической части танцевали фокстрот.

В марте 1927 года название группы снова меняется. Хармс записывает:

«Академия Левых Классиков» – так назвались мы с пятницы 25 марта 1927 г. Название пришло почти одновременно Гаге (Георгию Кацману, 1908 – 1985 – Н.З.), Игорю (Бахтереву – Н.З.) и мне. Пришло оно у Кацманов, мы были там, чтобы писать декларацию, и вот нас осенило название. Все согласны. Кроме Шурки (Введенского – Н.З.). Этот скептик проплеванный ни на какое

название, кроме чинаря, не год. Долгожданное решение этой задачи, наконец, пришло. Надо полагать, решение блестящее.

Идея его состояла в том, чтобы «застолбить» свое место в современном авангарде, указать на своего рода образцовый характер собственного пути в литературе. Кроме этого, подспудно в названии содержится намек на то, что в творчестве «левых классиков» обновлялось наследие классической литературы.

Долго они под этим названием не продержались. Вначале на собрании литературного кружка Высших курсов искусствоведения при ГИИИ (Государственный институт истории искусств) выступление «классиков» вызвало такую резко отрицательную реакцию, что Хармс, взобравшись на стул и потрясая тростью, возгласил: «Я в конюшнях и публичных домах не читаю!»

В «Смене» появилась статья, требовавшая исключения Хармса из легальной советской организации – Союза поэтов – за сравнение советского ВУЗа с публичным домом и конюшнями.

Затем был арестован режиссер Георгий Кацман, член «Радикса», тот, кто должен был ставить пьесу Хармса «Моя мама вся в часах». Он был осужден и отправлен в Печорский лагерь, где после освобождения остался в качестве вольнонаемного. Это его, видимо, и спасло – он прожил долгую жизнь и скончался в 1985 году.

К осени 1927 года количество выступлений участников «Академии левых классиков» сократилось до минимума. В тогдашних условиях все меньше и меньше находилось руководителей и директоров, готовых согласиться на предоставление своих помещений малоизвестной группе, которая вдобавок заявляла о своей приверженности к авангардной эстетике.

Все это действовало угнетающе. Какое-то время собирались на квартире Хармса два раза в неделю. Но чувствовалось, что дело заходит в тупик. Заболоцкий даже мечтал о возрождении «Бродячей Собаки» – Пронин был еще жив, и в Петербурге. Конечно в 1927 году эти прожекты были нереальными.

Три левых часа

В один из таких дней произошло чудо. Хармсу позвонил Николай Баскаков (1896 – 1937), директор ленинградского Дома печати, помещавшегося на Фонтанке в Шуваловском дворце и позднее превратившегося в Дом дружбы у Аничкова моста. В это время Дом печати был еще одним пристанищем «левых», как некогда ГИИИ, закрытый в конце предыдущего года. Баскаков был наслышан о деятельности Хармса и его товарищей и предлагал группе официально войти в состав Дома печати в качестве одной из его секций.

Баскаков чрезвычайно интересовался авангардным искусством. Именно он пригласил в 1926 году в маленький (на 200 мест) театр Дома печати Игоря Терентьева, который осуществил там свои знаменитые

постановки, включая самую громкую из них, «Ревизор» в заумной интерпретации, в 1927 году.

Баскаков давно уже следил за выступлениями «Левого фланга» и «Академии левых классиков», был и сам на некоторых их вечерах, в частности на вечере в «Кружке друзей камерной музыки». Баскаков обещал им полную творческую независимость, но ставил одно условие – смена названия. Он объяснял это тем, что слово «левое» приобрело политическую окраску. В печати оно ассоциировалось уже почти исключительно с так называемой «левой оппозицией» (Троцкий, Радек, Серебряков и другие) в ВКП(б), к которой примыкал и сам директор. В ноябрьские праздники 1927 года сторонники «левых» провели свои демонстрации в Москве и Ленинграде, после чего их судьба была решена.

Поразительно, на каком волоске все это висело. Баскаков, как член «левой оппозиции», был так и так обречен, но после демонстраций часы были запущены. Далее все зависело от того, сколько времени понадобится ОГПУ для подготовки дела. К счастью, на это ушло несколько месяцев – и это все, что им было отпущено.

Итак, надо было придумать новое название. Кроме «левого» запретными уже были слово «авангард», потому что оно использовалось на западе, и все, что кончается на «изм» – слишком похоже на троцкизм. Бахтерев утверждал, что именно он предложил аббревиатуру ОБЭРИУ – «Объединение реального искусства», а Хармс лишь изменил Е на Э, чтобы затушевать смысл. Кроме того было добавлено У – для того, чтобы на вопрос «Почему ОБЭРИУ?» можно было ответить «Потому, что кончается на У».

Задумывались ли вы над тем, почему слово ОБЭРИУ слышали все, а остальные названия – «Орден заумников DSO», «Левый фланг», «Фланг левых», АЛК (Академия левых классиков) – помнят только специалисты? Я бы сказала, что ОБЭРИУ – пример зауми в действии. Еще Хлебников говорил, что бессмысленные заклинания и заговоры имеют особую силу воздействия на сознание. Бессмыслица ОБЭРИУ – залог его выразительности и легкого запоминания.

Сам факт приглашения «академиков» в Дом печати воспринимался как оглушительный успех. Из разряда литературных скандалистов они превращались в группу с официальным статусом, могли теперь собираться в комфортабельной гостиной с мягкими креслами в Доме печати. Печататься в официальных бюллетенях и публикациях.

По предложению Баскакова группа стала готовить вечер с чтением стихов и театральной постановкой, который был намечен на январь 1928 года. Заболоцкому было поручено разработать Манифест новой группы. Бахтереву и Левину было поручено написать раздел об обэриутском театре. Обэриуты решили пригласить новых членов, и сделали это солидно – от имени Дома печати. Однако после серии интервью с вопросами типа «Где находится ваш нос?», и «Ваше отношение к Козьме Пруткову?» было отобрано всего двое – Александр

Разумовский и Клементий Минц, в будущем сценарист популярного фильма «Укротительница тигров» (1956). Оба были студентами киноотделения Института истории искусств. Им было поручено добавить раздел «На путях к новому кино» для Манифеста.

Манифест весь пронизан стремлением к синтетичности и всеохватности всех видов нового искусства. Характерно, что он начинается со своего рода «крика души»:

...Мы совершенно не понимаем, почему ряд художественных школ, упорно, честно и настойчиво работающих в этой области – сидят как бы на задворках искусства, в то время, как они должны всемерно поддерживаться всей советской общественностью. Нам непонятно, почему Школа Филонова вытеснена из Академии, почему Малевич не может развернуть своей архитектурной работы в СССР, почему так нелепо освящен «Ревизор» Терентьева? Нам не понятно, почему т. н. левое искусство, имеющее за своей спиной немало заслуг и достижений, расценивается как безнадежный отброс и еще хуже – как шарлатанство. Сколько внутренней нечестности, сколько собственной художественной несостоятельности таится в этом диком подходе.

В дальнейшем обэриуты отвечают на центральный вопрос, который они сами сформулировали, так: «Кто мы? И почему мы?»:

...Посмотрите на предмет голыми глазами и вы увидите его впервые очищенным от ветхой литературной позолоты. Может быть вы будете утверждать, что наши сюжеты «не-реальны» и «не-логичны»? А кто сказал, что житейская логика обязательна для искусства?

...Люди конкретного мира, предмета и слова – в этом направлении мы видим свое общественное значение. Ощущать мир рабочим движением руки, очищать предмет от мусора стародавних истлевших культур – разве это не реальная потребность нашего времени? Поэтому и объединение наше носит название ОБЭРИУ – Объединение Реального Искусства.

Конкретность, взгляд, очищенный от стилевых наслоений, – один из основных лейтмотивов, наиболее приложимый к самому Заболоцкому, который и писал этот раздел. Призыв увидеть мир глазами Адама, вернуть словам первоначальное значение. Мне вспоминается графика Дюрера, в частности, его великолепный рисунок рук (1506 г.) к картине «Христос среди книжников». Уже побывав в Италии и ознакомившись с тем, как «надо», он вглядывается в свой предмет так, как будто видит его впервые в жизни. Рисует со старанием деревенского примитива, достигая удивительной силы изображения.

*...Соединив безумие с умом,
Среди пустынных смыслов мы построим дом –
Училище миров, неведомых доселе.
Поэзия есть мысль, устроенная в теле.*

Заболоцкий. Предостережение, 1932 (вошло в «Столбцы»)

Обэриуты начали подготовку к вечеру. Вечер было решено назвать «Три левых часа» – все-таки трудно было расстаться с термином «левый». Три часа соответствовали трем отделениям вечера. Первый час – чтение поэтами своих стихов, второй – спектакль по пьесе Хармса «Елизавета Бам», третий час – экспериментальный фильм Минца и Разумовского под названием «Фильм № 1. Мясорубка».

Жанр пьесы определили как «кровавая драма». Бехтерев и Левин участвовали в разработке сюжета, а затем Хармс, засев плотно за работу, написал ее не то за три, не то за четыре дня.

В конечном итоге пьеса получила название по имени главной героини: «Елизавета Бам».

24 декабря 1927 года состоялась первая читка пьесы. Хармс приглашает на то же собрание учеников Малевича – Веру Ермолаеву (1893 – 1937) и Льва Юдина (1903 – 1941), двоюродного брата пианистки Марии Юдиной, – и просит их подготовить плакат. Актерами были знакомые Хармса по «Радиксу» и знакомые Бахтерева и Кацмана по Институту истории искусств. Среди них были поэты Вигилианский и Варшавский; некто Чарли Маневич – рабочий Путиловского завода, член самодельности, а также Николай Кропачев – поэт и кочегар торгового флота – и другие.

Эскизы декораций к постановке рисовал Бахтерев, музыку сочинял студент музыкального отделения Института истории искусств Павел Вульфийус, впоследствии – профессор консерватории. Специально для спектакля он собрал симфонический оркестр, к которому Баскаков разрешил присоединить большой любительский хор Дома печати.

Новый, 1928 год обэриуты встречали вместе, в квартире Павла Котельникова, инженера сцены. Наверное, это был чуть ли не самый счастливый Новый год в их жизни: меньше чем через месяц предстоял их вечер, а впереди им виделись творческие успехи и широкое признание.

Ермолаева и Юдин нарисовали огромный плакат, который был установлен на углу Невского и набережной Фонтанки, у Аничкова моста. Он представлял собой как бы фрагмент, вырезанный из исполинского плаката, во много раз большего. В результате на плакат Ермолаевой и Юдина попали лишь отдельные огромные буквы, обрывки гигантских слов, которые сами по себе ничего не значили, но отсылали к каким-то иным смыслам, частью которых они якобы являлись. На этот плакат были наклеены печатные афиши вечера, изданные двойным тиражом. По предложению Заболоцкого, наклеивались по две афиши рядом, одна обычным образом, а вторая вверх ногами. Как пояснил он сам – «чтобы прохожие внимание обращали и задерживались». И, разумеется, прохожие, не привыкшие ни к чему подобному, останавливались и задерживались.

Клементий Минц вспоминал, как он работал «живой рекламой» спектакля:

В один из вечеров на Невском проспекте, по соседству с Хармсом, прогуливался и автор этих строк, в ту пору встретивший еще только свою двадцатую весну. Он гулял в качестве живой рекламы. На нем было надето пальто – треугольник из холста на деревянных распорках, исписанного – вдоль и поперек – надписями... Все это привлекало внимание любопытных. Они старались прочесть все, что было написано на рекламном пальто.

Я сейчас не помню всего, но кое-что осталось в памяти:

$2 \times 2 = 5$

Обэриуты – новый отряд революционного искусства!

Мы вам не пироги!

Придя в наш театр, забудьте все то, что вы привыкли видеть во всех театрах!

Поэзия – это не манная каша!

Кино – это десятая муза, а не паразит литературы и живописи!

Мы не паразиты литературы и живописи!

Мы обэриуты, а не писатели-сезонники!

Не поставщики сезонной литературы!

И еще раз на углу пальто, красными буквами: $2 \times 2 = 5!$

Афиши были посланы не только в Госиздат, Публичную библиотеку и прочие культурные организации, но и в Промбанк, Севзапторг, Северсоюз, Губфин и даже в консульства.

Писатель Владимир Лившиц вспоминает, как Даниил Хармс приглашал публику на выступления ОБЭРИУ в Доме печати:

...Невский проспект. Весна. У Дома книги остановились трамваи, стоит толпа. Все – пассажиры, кондукторши, вагоновожатые – высунулись из трамвайных окон и смотрят на 4-й этаж. Там, на узеньком карнизе, спиной к стене, лицом к публике, стоит долговязый молодой человек в гольфах, гетрах, тупоносых башмаках, клетчатом пиджаке и спокойно курит трубку. Время от времени он вынимает трубку изо рта и громко произносит: «Все на литературный вечер ОБЭРИУтов!». Затем начинает двигаться от одного открытого окна к другому и также лицом к публике, снова кричит: «Все на литературный вечер ОБЭРИУтов!», ловко поворачивается, подтягивается на руках и исчезает в окне. Появляется вновь и снова зазывает на литературный вечер ОБЭРИУтов.

Количество персонально приглашенных было определено в пятнадцать человек. Приглашались Маршак, Терентьев, Туфанов, художники Малевич, Матюшин, Мансуров, Филонов, литературовед Степанов, Эйхенбаум, музыковед Соллертинский. Накануне вечера в Доме печати сообщили, что желающих приобрести билеты почти нет, выручка кассы на тот момент составляла всего несколько рублей. Однако в день вечера неожиданно набежала толпа. Очереди запрудили все вокруг. Начало вечера пришлось перенести на час, и прошел он с оглушительным успехом.

Хармс выехал на сцену, восседая на огромном шкафу, который передвигали спрятавшиеся в нем энтузиасты. Читал в основном «заумные» стихи вроде таких:

Черуки́к дощены́м ша́гом
осклабя́сь в улы́бку кикю
распу́шить по ветрову́лу!
разбежа́ться на траву
обсусале́нная фи́га
будто кика́
на паром
будто па́па пилигри́мом
на коме́ту ускака́л
ау деау дербады́ра
ау деау дерраба́ра
ау деау хахетиги
Монна Ванна
хочет пить.

Вагинов читал «Поэму Квадратов» :

Да, я поэт трагической забавы,
А все же жизнь смертельно хороша.
Как будто женщина с лилейными руками,
А не тлетворный куб из меди и стекла.
Снует базар, любимый говор черни.
Фонтан Бахчисарайский помнишь, друг?
Так от пластических Венер в квадраты кубов
Провалимся...

На трехколесном велосипеде выехал для чтения своих стихов на сцену Введенский.

Заболоцкий в выцветшей гимнастерке прочел свое «Движение»:

Сидит извозчик, как на троне,
Из ваты сделана броня,
И борода, как на иконе,
Лежит, монетами звеня.
А бедный конь руками машет,
То вытянется, как налим,
То снова восемь ног сверкают
В его блестящем животе.

После антракта началась пьеса «Елизавета Бам ». И хотя написана она была Хармсом в момент подъема и на поверхности кажется фарсом, основное настроение пьесы – ощущение ужаса, неизбежности незаслуженного наказания и неспособности от него увильнуть.

Это, кстати, был первый и последний показ пьесы – до наших с вами дней. Сегодня пьесу ставят во многих городах. От Сыктывкара (Театр «Фантастическая Реальность») до Москвы (Театр «Эрмитаж», постановка Левитина в 2002 году). От Харькова (Театр имени Шевченко, группа «БаоБаБ») до Кривого Рога.

За «Елизаветой Бам» последовал показ «Мясорубки». Это был антивоенный фильм. Вначале поезда едут на фронт, потом – мелькание обрывков ленты, как бы аннигиляция людей, доехавших до линии фронта, затем снова бесконечные воинские эшелоны.

Затем – танцевальная интермедия. Художественная часть закончилась около часу ночи, но публика единогласно проголосовала против предложения отложить дебаты на завтра. Обсуждение продлилось до рассвета. По воспоминаниям Бахтерева, «служащие Дома печати рассказывали про чудо: до окончания диспута ни один зритель не взял в гардеробе пальто».

Это не значило, впрочем, что зрители были в восторге. Многие выступления были резко отрицательными. Чему удивляться? Если даже отбросить политические мотивы, много ли у авангардного искусства подлинных почитателей и в наши дни? Для большинства «левое» искусство остается белибердой. Все же это был прекрасный момент. Люди были задеты за живое, спорили, возмущались, но никто не размахивал дубиной и не взводил курка. Хотя драки, по правде говоря, опасались.

Итак, вечер ОБЭРИУ был успешным. На следующий день в вечерней «Красной газете» появился фельетон Лидии Лесной (Шперлинг) под названием «Ыгуеребо» – одно из немногих слов на «Ы» в русском языке. Статья была резко отрицательной, но прямых политических обвинений не содержала. Выступления продолжались, хотя никогда уже не были столь масштабными, как первое. Успех также был переменным – в зависимости от аудитории.

Абсурд советский и европейский

Особенности творчества обэриутов позволяют проводить параллели с творчеством абсурдистов, как литературным, так и театральным. Швейцарский исследователь Хармса Жан-Филипп Жаккар, например, сравнивает «Елизавету Бам» с пьесами Ионеско, особенно с «Лысой певицей» и «Носорогом». Он же отмечает сходство настроения пьесы с «Процессом» Кафки (1883 – 1924), впервые опубликованном, кстати, в 1925 году, всего за два года до «трех левых часов» («Процесс» был написан 1914 – 1915 годах, но впервые опубликован уже после смерти Кафки).

Надо признать, что Жаккар находит иногда удивительное сходство пассажей между «Елизаветой Бам» и «Лысой Певицей», написанной 20-ю годами позже. Такие сопоставления греют душу, но не меняют того факта, что обэриуты для Европы и мира остаются эзотерической группой, известной специалистам, и в пантеон абсурда не входят.

Самолюбие многих авторов абсурда – от Альфреда Жарри до Тома Стопшарда – страдало в разной степени от консервативной критики и непонимания публики. Жарри даже умер рано от

расстройства, а больше – от наркомании. Однако об аресте и насильственной гибели речи не заходило.

Ионеско писал о себе в 1957 году:

Прошло семь лет с того момента, когда в Париже сыграли мою первую пьесу. Это был скромный успех, посредственный скандал. У моей второй пьесы провал был немного более громким, скандал несколько покрупнее. А после появления моих третьей, четвертой, пятой... восьмой пьес слух об их провалах стал распространяться гигантскими шагами. ...Я думаю, что если неуспех будет распространяться таким образом, он превратится в триумф.

Беккет, получивший за свои чудачества Нобелевскую премию в 1969 году, писал два года свою пьесу «В ожидании Годо». После первой постановки в Париже в 1954 году она несколько лет оседала в сознании театралов, пока, наконец, стала знаменитой и сделала знаменитым своего автора.

Все это – примеры нормальной борьбы за литературное выживание.

Для обэриутов же дверь приоткрылась на краткий миг и захлопнулась навсегда. «Елизавету Бам» Хармс написал за четыре дня – и слава богу, что торопился. Поставлена она была один раз самодеятельными силами.

Замечу, что в неприятии творчества обэриутов с эстетической точки зрения я не вижу ничего патологически злодейского. Оно, это творчество – что называется, на любителя, за исключением юморесок Хармса, конечно. Весьма равнодушно относилась к обэриутам Ахматова. Единственной связью Мандельштама с обэриутами было то, что они с Хармсом и Введенским были исключены из Союза поэтов на одном и том же заседании в 1929 году – за неуплату членских взносов. Маяковский проявил некий вельможный интерес к ленинградской группе, когда Хармс и Введенский обратились к нему за поддержкой во время его выступления в Ленинграде. Однако дальше этого дело не пошло. Мнение Брика оказалось достаточным, чтобы Маяковский, вернувшись в Москву, забыл об инциденте. О Пастернаке мы уже упоминали.

Однако в применении к обэриутам мы говорим о вещах другого сорта – об арестах, шельмовании в печати, остракизме, невозможности напечататься и физическом уничтожении.

Конец главы

Весной 1930 года, после выступления в общежитии студентов Ленинградского университета, поэзия обэриутов была объявлена в печати «контрреволюционной поэзией классового врага». Статья была напечатана в «Смене». Автором ее был Лев Нильвич (Никольский), работник ОГПУ, как и многие литераторы тех и последующих лет. Называлась статья «Реакционное жонглерство (об одной вылазке

литературных хулиганов)». Причина, по которой решено было действовать, в статье изложена отчетливо:

Их совсем немного. Их можно сосчитать по пальцам одной руки. ...Их не печатают, они почти не выступают. И о них не следовало бы говорить, если бы они не вздумали вдруг понести свое «искусство» в массы. А они вздумали... Обэриуты далеки от строительства. Они ненавидят борьбу, которую ведет пролетариат. Их уход от жизни, их бессмысленная поэзия, их заумное жонглерство – это протест против диктатуры пролетариата. Поэзия их поэтому контрреволюционна. Это поэзия чуждых нам людей, поэзия классового врага – так заявило пролетарское студенчество.

Примерно в то же время в журнале «Ленинград» появилась статья Н.Слепнева «На переломе», в которой об обэриутах говорилось как о «явно враждебном нашему социалистическому строительству и нашей советской революционной литературе течении».

Выступления обэриутов прекратились, но было уже поздно. В октябре 1931 года был подписан смертный приговор НЭПу (11 октября 1931 года принято постановление о полном запрете частной торговли в СССР). Пора было навести порядок и в искусстве.

В декабре 1931 были арестованы Введенский, Хармс, Бахтерев, Андроников, Туфанов и другие. К этому моменту ругать обэриутов стало модным занятием. Даже после их ареста их коллеги по литературному цеху старались не упустить момента. Асеев выступил с резкой речью, статью в стиле политического доноса напечатала Ольга Берггольц. Вел дело следователь ОГПУ Алексей Бузников – еще один пример сотрудника карательных органов с литературными амбициями.

На этом конкретном и типичном для времени событии мы опустим занавес. Отшумели двадцатые. Начиналось десятилетие «большого террора». О том, что произошло с нашими героями позднее, расскажем в другой раз – если до этого дойдет дело.

Петр Ильинский – прозаик, поэт, эссеист. Родился в 1965 году в Ленинграде, выпускник МГУ, научный работник, в 1991 – 1998 и 2001 – 2003 годах – сотрудник Гарвардского университета. Книги: «Перемены цвета» (Эдинбург, 2001), «Резьба по камню» (СПб., 2002), «Долгий миг рождения. Опыт размышления о древнерусской истории VIII–X вв.» (М., 2004) и «Легенда о Вавилоне» (СПб., 2007). Статьи и рассказы публиковались в российской и зарубежной периодике («Отечественные записки», «Время и место», «Русский журнал», «Зарубежные записки», «Северная Аврора»). Живет в Кембридже (США), работает по специальности в частном секторе, преподает в Бостонском университете.

На самом краю леса

Амл жил на краю леса, а Увл в лесу. У Амла был небольшой дом без окон, с крышей из когтистых можжевельных лап, проложенных дерном. За домом цвел сад из нескольких деревьев, растопыривался бурыми пятнами маленький огород, а дальше колосилось ровное поле в сотню шагов. Вот владения Амла.

В землянке, покрытой хворостом, пережидал непогоду Увл. Лук и стрелы висели у него за спиной, копьё держал он на правом плече. Крепки были его руки и неутомимы мускулистые ноги. Острые камни привязывал Увл тугой травой к гибким, но прочным ветвям – так делал он свое оружие. Плечи его охватывала рысья шкура. Все лесные тропы знал Увл и не боялся темноты.

Руки Амла тоже были налиты силой: каждый день проводил он в работе. От восхода и до заката боролся Амл с землей, упрашивал ее и беспокоил. Пахал, поливал, окучивал, сеял, собирал. Короткими палками, плоскими камнями мешал он почву и ворошил сыпучие комья слоистого песка. Вырывал с корнем дурные, неплодные побеги и ждал. Долго ждал. И только один раз за много лун – когда воздух был уже не жарок, но еще не холоден, земля отвечала Амлу длиннотельными ростками, набухавшими колосками и твердыми зернами. Иначе наполнял свои дни Увл: крался по лесу в поисках добычи, догонял ее, вытянувшись в стремительном рывке, и отдыхал, насытившись кровью и сладким мясом.

Ночью Амл ласкал Офу, выносливую и умелую, всегда помогавшую ему в поле, знавшую, как отыскать съедобные корни, искусную в плетении веревок. Увл пережидал тьму в одиночку – он лежал на сухих листьях в самой глубине землянки и видел во сне огонь,

яркий и горячий, тянущий к нему алчные языки. Увлу было теплее от этого пламени, чем от настоящего костра, который он изредка разжигал, чтобы приготовить убитую дичь или согреться в зимнюю ночь.

Амл в нечастые морозы тоже запаливал угловой очаг, с удовольствием вдыхал он жаркий дым. Ноздри его были уже, чем у Увла, и любили запах тлеющих сучьев. В холода так тяжело расставаться с утренней дремотой, но еще самыми серыми сумерками быстро выбирался Амл из-под вороха старой травы и тут же слышал, что снаружи копошится Офа – она всегда вставала раньше его.

Никто не помнил, как это началось, никто не задумывался, кем так было заведено. Так было всегда, так должно было быть всегда. Ничего не менялось, ничего не могло измениться. Только деревья в саду Амла не жили здесь испокон веков – он принес их с самого края леса, испробовав небольшие, кислые плоды, висевшие на низких ветках. Желто-зеленые, твердые, но не слишком. Их нельзя было есть много, но их можно было есть время от времени. Долго держать во рту и понемногу размягчать зубами и языком. Сладкой становилась от них слюна, густела она понемногу и могла утолить голод. Офа тоже сосала плоды и одобрительно цокала. Малорослыми уродились деревья, приносившие кисло-сладкую пищу, но Амл прокопал к ним длинную и тонкую канаву от топкого ручья, и они не умирали. Амл долго копал канаву и часто ее чистил. Знал Амл, что без воды – речной или дождевой – не живут ни люди, ни травы.

Твердой и липкой была земля, вынутая Амлом. Он обложил ею шалаш, чтобы его не разбрасывал зимний ветер. Длиннее вытягивалась канава, все выше становились стены. Засохли они, затвердели. Так у Амла появился дом – в нем было теплее, чем в шалаше. Огонь стал держать Амл в своем доме, отдельный угол огородил Амл для горящего дерева, для щепок и мертвой травы. В шалаше нельзя огню – тесно. Разбрасывает огонь шалаша, дырявит их, наружу стремится. Закончив очаг, на опушку пошел Амл и наломал можжевельных веток, переметал ими стены, новую крышу для дома сделал он для себя и для Офы. Не боялся Амл леса, но никогда не ходил он туда без дела.

На противоположном конце равнины, далеко, за пустым, не разрыхленным полем во много тысяч шагов, тоже жили люди, и жили они, совсем как Амл, но отдельно от него. Вместе просили землю и вместе боролись с ней. Вместе ловили юркую рыбу в покойной реке. Рыли канавы в мелком песке, к полю вели речную воду. Только не слушалась их вода, в землю возвращалась, обратно в Мать-Реку стремилась она. Когда-то давно Амл побывал там, на другом конце широкого поля, и привел оттуда Офу. Много людей возводили песчаные горы по краям покатым канав, и много женщин жило с ними в шалашах. Они часто ели и работали хуже мужчин. Меньше песка могли вынуть они. Воду заклинали они, но не слушалась их вода, не знали женщины нужных слов.

Рыба обижалась на людей – дома хотели ее лишить, убегала рыба, пропадала, не давалась в руки. Мало становилось еды, тяжесть

опускалась на людей, копавших непослушную землю на берегу ленивой реки. Мелководной травой питались они, и зелены были их рты. В шалашах без огня жили они и грели друг друга зимой. Живот к животу, спина к спине. Поздно вставали они в темное время и медленно шагали по песчаным холмам. Женщину можно было раздобыть на том краю поля. Офа досталась Амлу легко – совсем немного плодов со своего поля отдал он за нее, малый мешок. Редка была рыба и невкусна трава в ту луну, когда Офа ушла с Амлом.

Увл не боялся зимы. Вместе с лесом жил Увл, никогда голодным не засыпал он. В дождь и ветер глубоко в землянку зарывался Увл и ждал. И всегда уставал ветер, истощался дождь, снова выходил на охоту Увл, и ни разу не оставался он без добычи. Шуршала трава, качались ветви, дрожали кусты. Много еды было в лесу. Всю ее видел Увл. Всю ее чуял Увл, знал на вкус и на ощупь. Он был искусный охотник.

Увл и Амл встречались у верховьев реки, у шипучего источника, переходившего в водопад. Там они искали камни, один для наконечников и лезвий, другой – для сверл и мотыг. Без надобности в лес не заходил Амл, светлых держался он мест. Вольно гулял по лесу Увл, незачем было ему покидать мягкую тень деревьев, не влекла его пустота широкого поля. Но без камня нельзя одолеть зверя и укротить землю. Камни высматривали Увл и Амл, проверяли их, пробовали. Никогда не говорили друг с другом они и держались поодаль. Исподлобья поглядывали Амл и Увл, занятые своим делом. Недовольства от присутствия другого не испытывали они – разные камни нужны жителю леса и работнику поля. Знали оба – нет между ними спора. Подбирал иногда Амл камни, которые бросил Увл, и Увл, бывало, примечал и поднимал те камни, которые подержал в руках и оставил Амл. Одни были остры и хрупки, другие – тверды и круглы. Они не менялись камнями. Так шло время.

Однажды Офа собирала ягоды на опушке. Небольшие, красные, сладкие на вкус. Большой лист сорвала Офа, чтобы удержать ягоды – в две ладони свои, нет, в три, и еще один лист, такой же мохнатый и крепкий. Много было ягод, и быстро заполнили они оба листа и сыпались на землю. Рукой держала Офа листы – нет, двумя руками держала Офа их и не могла больше собирать ягоды. Острой горкой лежали они у нее на руках и падали – то с одного края, то с другого. Положила Офа листы на землю, тонкую ветку отломилла она и продела сквозь листы. Снова стала одна рука свободной у Офы, снова собирала она ягоды, мягкие и сладкие. Густо и часто росли они, и Офа, не заметив этого, зашла далеко в лес. Она не боялась.

Увл увидел ее, но ничего не сделал, только пристально смотрел из густого сплетения колючих кустов. Ягод уродилось много, и все их собрала Офа. Офа была довольна. Она ушла из леса, думая о том, как обрадуется Амл и как похвалит ее. Еще она знала, что урожай в поле и огороде тоже был хороший. Офе было сладко от ягод. Увл крался за ней до самого края леса, но ничего не сделал. Ему хотелось залезть на дерево, переплыть реку, голыми руками задушить острозубого вепря. Изю всех

сил прыгнул Увл, когда Офа ушла из леса, и повис на высоком суку. Увл не знал, почему он это сделал.

На другой день Увл преследовал дичь, но услышал, как Амл и Офа перекрикиваются в поле, и оставил погоню. Вместо этого он опять прокрался на край леса и смотрел, как Амл работает, как Офа помогает ему, вяжет траву, приносит еду, как они играют друг с другом, как взлетают их крики. Широкими были ноздри Увла, а стали еще шире. Увл подумал о том, что он сильнее Амла и что у него есть оружие, которым можно убить самого большого медведя. Но он ничего не сделал.

Спустя несколько дней Увл почувал, что в лес пришли Чужие. Их было больше, чем один, и они умели охотиться. У них были тяжелые палки, расширявшиеся книзу, и острые прямые ветки с кусками плоского камня на конце. Суковатые дубинки и длинные копья несли чужие на крутых волосатых плечах. У Увла тоже были такие орудия, и он умел ими пользоваться. Много зверей убил ими Увл. Но он был один и сначала захотел притаиться, скрыться между деревьев и переждать, а потом вдруг передумал, напрямую пробрался к опушке и увидел вдали работавшую в поле Офу. В тесном кустарнике стоял Увл и не знал, что делать. Потом он услышал Чужих – близко подошли они – и хорошо спрятался. Они его не заметили – они пришли из другого леса и не знали здешних запахов. Чужие были грязные и голодные, глубоко сидели их скошенные глаза, и кости незнакомых зверей висели у них на шее. Их было трое. Один, один и еще один. Совсем рядом стояли они, листья кустов раздвигали они. Чужие тоже увидели Офу и ничего не сказали, но переглянулись между собой. Уши их дрогнули, а колени согнулись. Теснее к земле припали Чужие. Увл видел их движения, и ноздри его раздувались.

Он выстрелил из лука и попал в шею тому, кто был ближе всего, ударил копьём другого. Стремительно бросился Увл и глубоко воткнул свое копьё – туда, где нет у человека костей, метил Увл. Чавкнуло копьё, когда входило, и когда выходило, тоже чавкнуло. Не отскочил наконечник – хорошо его закрепил Увл.

Третий Чужой долго бежал и прыгал через кусты – быстро бежал, огибая деревья и овраги, но не знал он леса, в котором жил Увл. Дважды проскочил он одну и ту же лощину и поскользнулся – там догонял его Увл. Чужой устал больше Увла. Он был слабее, он прошел много шагов по незнакомому лесу и давно не ел. Увл увидел это в его глазах. Широкими стали теперь глаза, во все стороны смотрели они.

Упругой кошкой, все прямее и тверже, прыгал Увл, кроликом метался по траве Чужой. Теперь в другую сторону бежали они, и редел лес, и шумела близкая вода. Увл был рядом и чужой оглянулся, хотя знал, что нельзя оглядываться, когда убегаешь. Спотыкается, оглянувшись, загнанный зверь – знает это любой, живущий в лесу. Понимал Чужой, что сейчас умрет, и дышал тяжело. Ничего не сказал он Увлу, и мокрым было его лицо. Увл догнал Чужого над бурлившей рекой и одним ударом сбросил со скалы.

- И-я-я-а-ху! – громко закричал Увл и опять прыгнул как можно выше, на самом обрыве прыгнул он, и ударил себя кулаком в грудь. Это был клич победы. Течение унесло тело убитого. Увл смотрел, как оно крутится в водоворотах и медленно уплывает вдаль. Увл был рад – он знал, что мертвечина портит реку.

Увл вернулся на опушку и обнаружил, что первый, раненый в шею Чужой исчез. Увл понюхал следы – его еще можно было догнать. Увл не знал, что ему делать. Труп с зияющей раной в боку лежал неподалеку, а вокруг него копошились довольные птицы. Внутренности Чужого тащили они наружу и не спорили между собой. Увлу не захотелось снова кричать: «И-я-я-а-ху!» Офа ничего не заметила и продолжала работать. Она знала, что в этом лесу охотится Увл, но никогда его не видела.

Несколько дней Увл был настороже и ждал, не вернутся ли Чужие, не приведет ли их обратно тот, которого он ранил в шею. Увл прошел по его следу и знал, что беглец спустился к воде – там, где она становилась спокойней – и исчез. Чужой мог утонуть или уйти в другой лес, достаться зверям, вернуться туда, откуда пришел. Так думал Увл. Никто не появлялся – наверно, решил Увл, Чужой умер, все-таки его рана была глубока. С ней тяжело идти и еще тяжелее плыть.

Так Увл понял, что он сильнее многих людей – он один справился с троими. Нет равных ему в этом лесу и не будет. Увл знал, что убивать людей, умеющих жить в чаще и одолевая реки, опаснее, чем ходить на медведя. Одного, одного и еще одного Чужого лишил жизни Увл. И конечно он сильнее Амла – у того даже не было копыя и лука. И тяжелой палки, узкой с одного конца, широкой с другого. Только смешные орудия, которыми он мял безответную землю, копошил узкое поле, формовал из мокрой земли кирпичи для новой пристройки рядом с домом. Конечно, подумал Увл, я сильнее Амла. Я – великий охотник и победитель Чужих. Так думал Увл, но ничего не сделал.

Эта зима была тяжелой. Никогда не видел Увл таких холодов, длинных и злых. Медленно шли они, и никак не уставал гулкий ветер, ворошивший траву на крыше землянки, срывавший настил из переплетенных сучьев. Увл запас много тонких ломтей запеченного в дыме мяса, но пропало оно, исчезло, рассеялось в морозном воздухе. Не каждый день ел он мясо, но зима все тянулась, а мяса не стало, совсем не стало его. Увл уложил в углу сухие ягоды и ломкие травы – они кончились. Увл ловил мелких, изможденных ветром, плохо бежавших зверей, пек их на слабом огне и ел недожаренными. Он рыл липкий весенний снег, к утру покрывавшийся твердой ледяной коркой, и собирал осеннюю пищу, уцелевшую от белок. Невелика была его добыча, и горькие желуди жевал Увл. Боль поселилась в животе Увла, вкрадчивая, но жгучая. Так кончалась зима и никак не могла закончиться. Увл искал прогалины в снегу и не находил. Как-то раз он пришел на окраину леса – там снег лежал не так плотно и из-под него показалась старая трава. Холодных бездвижных насекомых щелкал зубами Увл, но не унималась тягучая боль.

За редкой сеткой поникших деревьев Увл увидел дом Амла. Рядом с ним плыл густой черный дым. Снега в поле оставалось совсем немного. Идти было легко. Опираясь на копьё, Увл сделал несколько шагов в сторону дома Амла. Потом еще несколько. Из леса выбрался Увл – медленно двигался он. Увл подошел к дому и увидел, что рядом стоит небольшая пристройка, из которой доносятся запахи пищи. Между нею и домом – частая вереница следов. Увл знал, чьи это следы. Увл был искусный охотник. Дверь пристройки отступила вбок, и наружу вышел Амл. В руках у него была еда – Увл не знал, как она называется, но это была еда. Много разной еды было в руках у Амла. Амл увидел Увла и молчал. В руках у Увла было копьё, Увл был голоден и темен лицом. Амл положил часть еды на плоский камень рядом с пристройкой и пошел в дом. Увл ничего не сделал.

Когда Амл исчез, Увл взял еду. Ему хотелось что было силы вгрызться в тяжелый и податливый кусок, но он до него не дотронулся. Вот как поступил Увл. Он ушел в лес, медленно-медленно. Увл очень устал. Там на опушке сел он на старую траву и съел пищу, которую ему дал Амл – не всю сразу, а немного, оставив большую часть на утро. Увл умел голодать, он знал, что после вкрадчивой боли в самом нутре нельзя жарко и часто глотать. Но такой долгой боли у него никогда не было – потому осторожно двигались его зубы, потому часто останавливались. Все ниже отступало жжение по телу Увла, уже не касалось оно самой груди, не бурлило, не требовало, не кусало. Тишина наступала внутри него, покойная тишина.

Утром Увл проснулся не таким замерзшим, как раньше. Он сначала не понял, почему ему сегодня легче распрямить свои члены, отчего они стали послушнее, но потом вспомнил. Увл улыбнулся. Он достал завернутые в шкуру остатки еды и долго, не торопясь, жевал. К Увлу вернулись силы, и в этот день он поймал зайца. Он сумел развести большой костер и хорошо согрелся. Заяц был вкусным. Но еда Амла тоже была вкусна. Почему Амл дал ему еду? Увл не знал. У меня было копьё, подумал он. И я могучий охотник.

Зима ушла, утомился ветер, пропал леденящий дождь. Увл снова рыскал по лесу: ловил добычу, ел спелые ягоды. Он окреп, он был сыт. Отовсюду звали его знаки и звуки. Много пищи было в лесу, и всю ее мог раздобыть Увл. Как-то раз на краю леса до него донеслись запахи из дома Амла, и ему снова захотелось той самой еды, которую он однажды испробовал. Увл прошел мимо новой травы на том месте, где он грыз пряный и податливый кусок незнакомой снеди, и никого не встретил. По свежепахнувшим следам он догадался, что Амл и Офа ушли работать на новое поле, за канаву, которую вырыл Амл. Увл не огорчился и не обрадовался. Он отодвинул дверь пристройки и увидел, что внутри есть еда. Увл нюхал и выбирал. Увл пробовал. Еда была разная, и не вся понравилась Увлу – он ронял ненужную и принимался за следующую. Сытым ушел Увл, неспешно и ни от кого не прячась. На обратном пути он встретил Амла и Офу. Их лица немного изменились, когда они увидели Увла. Увл не знал, что им сказать. В его животе было тепло. Ему

не нужна была добыча. Он потряс копьём и закричал: «И-я-я-а-ху!» Увл ушел в лес.

Со стороны дома Амла доносился треск и стук. Увл не ходил смотреть – он знал, что Амл работает. Ничего не менялось, ничего не могло измениться. Амл всегда работал – от восхода и до заката работал Амл своими смешными короткими и кривыми палками и плоскими камнями. Увл ходил по другой стороне леса, охотился на оленей. Спустя сколько-то дней Увлу снова захотелось необычной пищи. Никаких запахов не слышал Увл, и холодного ветра не было в тот день. Воздух едва струился и мягко шевелил послушные листья, ровно стрекотали обитатели густой и упругой травы – в человеческий пояс росла она.

Увл вышел из леса, но не увидел дома Амла. Вместо него возвышалась крепкая стена из камней, замаслированных мокрой землей, по самому верху ощерена острыми кольями была эта стена. Высокий забор ограждал дом и пристройку, в которой хранилась еда. Увл обошел стену, но не нашел в ней изъяна, только низкую дверь. Увл захотел отодвинуть ее – дверь не позволила, Увл ударил – она не поддавалась. Стена плохо пахла, грязной, совсем не речной водой пахла она – Увл не хотел ее трогать и через нее перебираться. Остро торчали вверх кольца из плотно пригнанных веток. Увл спрятался у двери и лежал два дня. Слился с землей Увл. Его нельзя было увидеть из-за забора. Увл был великий охотник. Потом дверь дрогнула, легла и уползла в сторону, и из отверстия неторопливо выбрался Амл. Увл взлетел и ударил его обратным концом копья. Не был Чужим Амл, не метил Увл острым камнем туда, где у Амла кончались кости. Перегнулся Амл, повалился набок, ноги к животу прижал он. Несколько раз ударил его Увл, а потом потянулся и пролез в дверь.

Увл сытно поел. Много всякой еды отведал Увл. Старую еду с легкостью узнавал Увл, но и новую еду то и дело откусывал он. И потом долго пил – в пристройке у Амла была вкусная, никогда не пробованная Увлем вода блеклого желтого цвета. В изделии из мокрой земли обитала она, но грязи не чувствовалось в ней. Не речной была эта вода, тяжестью и сладостью обладала она. В большой, крепко закрытой плошке жила вода, скрытая ото всех. Но почувял ее Увл и сорвал, сломал крышку. Увл был могучий охотник. Легко лилась вкусная вода, и легко пила. Увл окунул свою голову в плошку из мокрой земли – так радовался он. Вода сделала Увла очень веселым. Он вышел из пристройки и высоко подпрыгнул. И снова подпрыгнул, и закричал: «И-я-я-а-ху!»

Потом Увл поймал Офу. Это было нетрудно. Офа пряталась от него в доме под ворохом сухой травы, а потом рычала и билась, когда он ее нашел. Но Увл был много сильнее. Увл не хотел делать ей больно, поэтому они долго боролись. Увл победил. Увлу было жарко и хорошо. Офа перестала с ним бороться. Увл не хотел спать в доме из мокрой земли. Идя назад, он приметил уязвимое место в стене, поддел его копьём, толкнул, потом еще толкнул и оттащил в сторону шершавый и тяжелый камень. Дыра появилась в заборе, большая дыра. Так

возвращался Увл – во весь рост, не сгибаясь. Была уже ночь, он почувял, что Амл уполз куда-то в сторону. В темноте прятался Амл, с поджатыми к животу ногами видя по земле он, по мокрой земле. Рядом, в канаве, лежал Амл. Увлу он был не нужен. Подбрасывая с руки на руку твердое копьё, в лес ушел Увл мимо притихшей ночной травы.

Луна умерла, и снова родилась, опять исчезла и вновь раздулась круглым чревом. Реже становилась лесная добыча. Плохо ловился зверь, он стал далеко обходить Увла. Избегали его ловушек зайцы, не кормились вблизи силков куропатки, береглись на другой стороне реки пугливые олени. Увл решил, что ему снова нужно пойти к Амлу. Там было тепло и сытно, он это помнил. Много радости жило в доме у Амла. Пробегая иногда по самому краю леса, Увл видел, что дыра в стене осталась незаделанной. Увл был доволен. Он знал, что в этот раз ему не нужно будет ждать две ночи.

Подходя к ограде, Увл почувял сильный запах странной желтой воды, которая ему так понравилась. Это был хороший знак. Увлу стало весело. Увл перепрыгнул через проем в стене и упал в яму, прикрытую мягкой травой. В глубокую яму из мокрой земли упал Увл и повредил ногу. И копьё сломал Увл. Треснуло древко копьё, на две части развалилось оно. Головой ударился Увл, потемнело у него в глазах. И сразу же боль настигла Увла, сильная боль в правой ноге, не вкрадчивая – яростная боль бросилась Увлу в ногу и без устали билась во все стороны его тела. В самый низ живота стреляла она, вдоль спины грызла она, в голову врезалась она. Свет в яме мелькнул и исчез. Круглая крышка наполнила на дыру, как на плошку с желтой водой, и украсила радостный день. Увл не знал, что теперь делать.

Наконечник копьё был острый. Увл нашел его у реки, много зверей убил Увл тем копьём. В яме умирало копьё, стало оно смешным и коротким, как те орудия, которыми работал Амл. Скреб мокрую землю остатками своего копьё Увл, он хотел выбраться наверх. Вдруг мелькнул свет и за ним прилетел камень. Он ударил Увла над левым глазом, сильно ударил. Покачнулся Увл, на раненую ногу оперся он. И еще один камень попал в Увла, тяжелый камень. Не было больше света.

Когда Увл очнулся, почувствовал он, что очень устал. Почти как в конце зимы. Только тогда не прыгала голодным бельчонком боль в правой ноге. Снова было темно. Увл лежал в яме. Увл хотел закричать: «И-я-я-а-ху!» – но не смог. Увл хотел убить Амла. Пересилил себя Увл, сел и опять копал край ямы, но твердой стала мокрая земля, плохо подавалась она, он только резал себе пальцы. Увл ослабел и не мог много работать. Потом Увл заснул.

Амл хотел убить Увла. Он не стал сразу засыпать яму. Глубоким, но не слишком, был колодец из мокрой земли, густой, совсем не похожей на мелкий песок у дальней реки. Тяжестью дышала эта земля. Амл был один, и не мог сразу бросить вниз всю гору плотной глины, многослойной, многоцветной, вынутой им из ямы. И все камни, что он заготовил, чтобы убить Увла. Даже вместе с Офой тяжело было сдвинуть холм, что насыпали они. Нет, один остался Амл. Офа

помогала ему копать яму, хорошо работала она, траву подносила и ветки, корзину за корзиной вынимала она, полными земли были эти корзины, но куда-то делась, пропала Офа, когда Увл оказался внизу, когда крышкой из крепких сучьев запер колодец Амл, когда тяжелые камни приготовил он. Нет, слышал Амл, в доме копошилась она. Нет, вот в огороде рылась она. Нет, вот в лес – с большой корзиной из веток и листьев уходила она. В яме сидел Увл – не страшилась Офа тревожить лесную тень.

Амл боялся, а вдруг Увл сумеет вылезти? Увл был могучий охотник. Амл решил: пусть Увл умирает долго. Амл знал, что без воды не живут ни звери, ни люди. Четыре, пять восходов – и все, высыхают они навсегда. Стойче людей травы, дольше могут не пить они. Так думал Амл. Офа пришла, она принесла ему еду, она видела, что Амл не засыпал яму. Офа кормила Амла вкусными ягодами из леса, сытными корнями с огорода кормила она его. Крышку колодца тяжелыми камнями придавили они – твердо стояла крышка. Амл ждал, Амл ел и пил, не заходя в дом, Амл спал с тяжелой палкой в руках, Амл считал закаты, а потом обвязал веревку вокруг самого большого камня, приказал Офе следить за ней и полез вниз. Веревка была крепкая – Амл с Офой вместе сплели ее из травяных стеблей. Амл не хотел просто так засыпать яму, он хотел увидеть Увла.

Офа держала веревку, чтобы она не вертелась. Хорошо держала веревку Офа – Амлу было удобно спускаться. Амл взял с собой острый кусок камня, которым он лущил семена. Увл еще дышал, но хрипло и редко. Одна нога у него была вывернута. В яме стоял Амл и смотрел. Амл не стал резать Увла. И засыпать яму не стал он. С помощью Офы Амл вылез обратно, забрав с собой умершее оружие Увла, взял еще одну веревку и снова спустился вниз. Офа хорошо держала веревку, и она почти не вертелась. Амл вытащил Увла. Увл был ранен – его правая нога стала наполовину чужой. Амл нанес Увлу еще одну рану тем самым ножом, которым он лущил семена. Бесплезным другим, но полезным себе сделал Увла Амл, и заткнул его новую рану свежей травой, чтобы только полжизни ушло из Увла. Так поступил Амл.

Крепкую веревку навесил Амл Увлу на шею и связал ему руки и ноги, но сделал так, чтобы правая нога Увла не стала ему совсем чужой, а осталась поделенной между ним и ямой. Чтобы Увл, когда поправится, мог ходить, но не слишком быстро. Амл влил в рот Увлу воды и еще воды. Увл очнулся. Тело его болело внизу и стало чужим, в самом низу стало чужим. Руки его и ноги были непослушны. Плохо видел Увл, плохо слышал. Правая нога болела, но не была совсем чужой. Рядом стояла еда. Увл стал ее грызть. Увл не умер.

Увл жил рядом с пристройкой, в маленькой конуре. Он делал то, что ему приказывал Амл. Носил грузы, поднимал воду из колодца – да, появилась вода в том колодце, который вырыл Амл. Вода была вкусная, почти как речная. Мокрой землей обмазал Амл корзины из гибкой травы, привязал к ним веревку и ловить ими воду стал Амл. Увла поставил он над колодцем и дал ему новые корзины из травы и мокрой

земли. Так работал Увл. Уходила сквозь щели вода, быстрее сладких ягод была она, но не вся пропадала, успевал Увл перелить ее в большую плошку рядом с колодцем. Увл не смотрел на Офу и ни о чем не думал. Ему не хотелось в лес, и он больше не чувствовал его запаха. Через несколько лун у Офы родился мальчик. Скулами и плечами он был похож на Увла. Амл не любил этого ребенка, но ничего с ним не сделал. Офа была рада.

Однажды весной Амл увидел, что на его поле кормятся птицы. Это были куропатки, небольшая стая. Кто знает, откуда прилетели они? Куропатки не боялись Амла, он сумел подобраться к ним и убить одну случайным камнем, что легко вместился в его ладонь: метко бросил Амл увесистый камень, завертелась подшибленная куропатка, прыгнул он, схватил ее за шею и свернул голову. Остальные птицы захлопали крыльями и пропали над куцей травой. Амл был доволен – они с Офой изжарили куропатку на послушном огне и съели. Вкусная птица кормилась на поле у Амла. Офа резала куропатку наконечником копья Увла – он был очень острый. Давно на реке нашел Увл этот камень. Офа бросила Увлу несколько костей. Увл долго ел и мычал. Он больше не мог кричать: «И-я-я-а-ху!» Амл тоже бросил Увлу одну кость. Увл хорошо работал. У них всегда доставало воды в большой плошке и сытных корней в пристройке. Амлу было жалко, что такой вкусной еды не повторится – он знал, что ему повезло и куропатки больше не прилетят, а если прилетят, то не подпустят его к себе. Амл сходил на реку и отыскал несколько острых и длинных камней, которые обычно набирал Увл. Теперь у Амла было много ножей и они могли хорошо резать.

Осенью Амл собирал зерно, в самом дальнем углу своего нового поля, по ту сторону канавы. В мешке оказалась дыра. В мешке из сушеной травы, который сделала Офа. Едва-едва прохутился мешок, не то Амл бы сразу заметил. Только нет: малого отверстия не углядел он. Сноровисто и ловко работала Офа, незачем было проверять ее. Амл взвалил мешок на спину и пошел домой. Зерно сыпалось по следам Амла, но он не видел. Он только удивлялся, почему ему немного легче в конце дороги: такого никогда не случалось. Амл увидел потерю у самого дома и был недоволен. Он побил Офу, но не сильно – зерна пропало не так много. Офа хорошо умела делать мешки, только в этом одном была дыра, меньше крайнего пальца ноги была она. Утром Амл услышал, что куропатки опять прилетели и едят зерно у самого дома. Амл не стал искать камней, а разбросал зерно по двору и в пристройке, а потом отворил низкую дверь в изгороди. Несколько куропаток зашли за забор и клевали зерно, дергая длинными шеями. Они были больше обычных куропаток – таких птиц Амл еще не видел. Ни одна не захотела идти в пристройку, тогда Амл пошел туда сам, взял два мешка и приказал Офе помогать. Они поймали двух больших куропаток с разными гребешками, но не стали их убивать, а заперли в пристройке. Куропатки клевались сквозь мешки, но крепко держали их Офа и Амл,

пальцев не разжимали они. Совсем дырявыми стали эти мешки, негодными для работы. Увлу в этот раз не досталось костей.

Амл кормил куропаток зерном и травой и давал им воду. Без воды не может никто – ни птица, ни зверь, ни дерево, ни человек. Стойче всех только деревья, долго могут терпеть они без питья. В пристройке жили большие куропатки и иногда разговаривали между собой на птичьем языке. Дергали головами, чистили горло и ели зерно. Ночью кричали они иногда, бестолковые птицы. Увл сидел рядом на привязи, но не мог понять, о чем они говорят. У больших куропаток вывелись птенцы, которые никогда не бывали на воле, не видели леса и поля. Амл тоже держал их в пристройке, но скоро заметил, что во время дождя и небесных ударов они забираются в самый угол и не хотят выходить к кормушке, пока не просветлеет. Быстро росли птенцы. Амл уже не боялся, что они улетят, и не закрывал дверь, когда приходил их кормить. Совсем неосторожным стал Амл. Один раз старая куропатка проскользнула за его спиной, взмыла в воздух, обогнула двор и прилетела обратно. Птенцы плохо летали и, набрав вес, вразвалку ходили по двору. Они не любили, когда их заставляли выходить за изгородь, чтобы есть свежую траву.

Куропатки часто неслись. Раз в несколько лун приносили они приплод. Амл стал забирать у них яйца. Маленькая тайна обитала внутри свежих яиц – не сразу об этом догадался Амл. Их можно было пить – вот что! Маленькую дыру, словно в старом мешке, проделать в скорлупе и пить – вкусно это. Амл приказал Увлу хорошо кормить куропаток и дал ему одно яйцо. Увлу яйцо тоже понравилось, и он с тех пор не забывал давать куропаткам еду, но никогда не понимал, о чем они разговаривают.

У Офы родился еще один мальчик. Нос и уши его были, как у Амла. Амл любил этого ребенка больше первого. Первого ребенка звали Одр, а второго Бадр. Густые брови и серые глаза были у них, как у Офы. Одр и Бадр не любили друг друга, но Офа не разрешала им часто драться. Одр и Бадр помогали отцу в поле, но Одр все время отлынивал от работы. В лес стремился Одр, хоть и не было у него там дела. Одр не боялся. Запах зверей хорошо чувствовал Одр. Амл очень сердился. Однажды Одр должен был пасти куропаток неподалеку от дома, но не уследил, и они, никогда не жившие на воле, наелись ядовитой травы на опушке. С желтыми цветами была та трава, едким густым соком исходила. Две куропатки умерли. Амл побил Одра – он знал, что их мясо теперь нельзя есть. Одр захотел убить Амла, но ничего не сделал.

Как-то раз в дни убывающего солнца братья под надзором Амла работали в поле и вдруг услышали яростный крик. Человечий – нет, звериный – похоже. Из леса был этот крик. Повторился он в последний раз, а потом перешел в затихающее урчание. Амл недовольно обернулся, но Одр стоял рядом. Тогда Амл подождал еще немного, а затем послал его посмотреть, в чем дело. Тот, кто кричит, не прячется. Амл не знал, что из леса могут прийти Чужие. Не боялся Амл, но не ходил в лес без дела и всегда держался светлых мест. Одр прибежал

обратно, скоро прибежал он, махая руками. За собой звал их Одр. Они пошли втроем и на опушке увидели козлиную семью – немного осталось от этой семьи, не было ее больше. Сильный хищник задрал круторогого самца, смертельно ранил козу, но сам тоже не уберется. Молод, наверно, был он, потерял осторожность в победном бою, получил страшный удар в бок и утратил добычу. Липким светом блестели рога мертвого козла. Обильно теряя кровь, ушел на лежбище хищный зверь, без мяса остался он. Быть может, Одр вспугнул его. Не захотел зверь еще одной схватки, опасался он людского пота. Рядом с холодевшей козой стоял уже крепкий, но еще маленький детеныш и лизал ее раны.

Амл показал козленку траву. Козленок подошел и ел из рук Амла. Амл надел на него веревку, и козий детеныш пошел за ним в дом. Амл привязал его у столба и стал кормить травой. Утром козленок блеял, громкий был у него голос. Мертвую мать звал он. Амл дал ему травы, и козленок замолчал. Амл наказал Бадру кормить его дважды в день – утром и вечером. Бадр слушался. Козленок ел из рук Бадра, а из рук Одра не ел. Помнил козленок звериную кровь, с запахом Одра путал ее. Одр не любил Бадра.

Детеныш вырос и стал новой козой. У Офы родился еще один сын. Его звали Ирл. Ирл был добрый. Он любил играть с прутиками и камешками. Его любили все, даже Одр.

Коза паслась на лужайке неподалеку от дома. Амл хорошо привязал козу, и она ела вкусную траву. Не было там вредных цветов, источающих едкий сок. Из леса вышел бородастый козел. Он упал в яму, которую сделал Амл. Амл вытащил козла из ямы, вылечил и привязал во дворе рядом с козой. Он радовался. Теперь у него будет много маленьких козлят. Козел никого не любил. Увлу приказали давать козлу траву. Увл делал, но неохотно. Козел все время хотел ударить Увла. Увл не мог быстро ходить.

Скоро у Офы родилась дочь. Ее звали Уна. У козы тоже родился детеныш. У нее тоже было молоко, как у Офы. Офа увидела, что у козы большое вымя и что с него иногда течет молоко – даже когда детеныш не пьет. Коза ходила по двору и ела траву, которую ей давал Бадр. У Офы теперь не было столько молока, как после рождения Одра. Уна часто плакала. Офа приказала Бадру кормить козу, а сама начала давить козий живот руками и лить козлиное молоко в глиняную плошку – в плошку из мокрой земли. Офа пила это молоко и не болела. Амл пил и тоже не болел. Так Амл узнал, что люди могут пить звериное молоко. Без питья не может никто – ни звери, ни травы. Уну поили козлиным молоком, и она была розовая. Офа научилась брать молоко у козы, и козел не мог ей помешать.

Амл сделал в заборе ворота вместо низкой калитки, потому что много было ноши с поля, на котором работали его дети, – надо было часто пасти коз, которыми владел Амл, и кормить на лугу куропаток, которых разводил Амл. Там, где когда-то прошел наружу Увл, теперь были ворота. Из двух плоских крышек складывались они, твердыми

сучьями переплетались. В обе стороны открывались ворота в стене, за которой жил Амл. Куропатки не любили выходить со двора – они любили зерно больше травы. Амл сначала ел сам, потом разрешал есть Офе, потом детям, потом Увлу и только потом своим зверям. Куропаткам не всегда хватало зерна, и их надо было тоже пасти, как коз. Крепкие ворота сделал Амл.

Амл и Офа хорошо жили. Увл много работал, мало ел и ничего не просил. Он хромал и никуда не хотел убежать. У него был низкий круглый живот. Ничего не хотел он и не умел говорить. Он забыл, как кричать «И-я-я-а-ху!» Одр и Бадр работали хуже Увла, особенно Одр. Амл иногда бил их тонкой гладкой палкой, больше доставалось Одру. Все равно они работали не так хорошо, как ему хотелось – играли, бегали по полю друг за другом. Бесполезными были такие дни. Амл злился. Иногда Офа просила детей слушаться Амла, и они работали лучше. Амл снова злился, но не так сильно.

Ирл был еще маленький, и его не заставляли работать. Ирла все любили. Ирл играл с прутиками и смотрел, как Офа мнет козий живот. Дети ели больше, чем сам Амл, больше, чем Офа, больше, чем Увл, но у Амла были куропатки и была коза. Еды хватало. Все равно Амл решил, что перед тем как искать женщин Одру, Бадру и Ирлу, нужно сбывать Уну. Тогда женщины Одра и Бадра будут помогать Офе делать еду и носить ее в поле, плести веревки и корзины – лучше, чем маленькая Уна. Уна много ела, но не могла хорошо работать. Амл помнил, что на дальнем конце поля, у спокойной реки живут люди. Их было больше, чем в его доме, только они строили шалаши на мягком песке. Женщины с зыбкого берега не умели заклинять воду, но тверды были их шеи и плечи – как у Офы. Людям у реки могли быть нужны другие женщины, знавшие о мокрой земле. Так думал Амл. Длинными были дни и теплыми ночи. Амл нагрузился провизией, приготовил в подарок людям на другом конце поля веревки, мешки и корзины и пошел искать Уне мужчину.

В это время из леса пришли Чужие. Некому было увидеть их, некому встретить. Снова они появились, Чужие, и вышли из леса. Быстро пробежали через опушку и оказались у самой стены. Много их было – почти как пальцев на руке. Один, один, один и еще один – четверо. Над травой стелились они узкими стремительными тенями. Все дети играли в стороне от дома, далеко от стены, за канавой, и Чужие их не заметили. Ворота были открыты. Офа бегала по двору, но Чужие ее поймали. Она ранила одного из них, сильно ранила, острым ножом, которым резала плоды из сада и корни с огорода. Чужие ее долго били тяжелыми палками. Один из них оказался неподалеку от сидевшего на привязи Увла, неживого Увла с круглым животом. Увл вскочил и прокусил Чужому шею. Большой кусок мяса вырвал Увл у Чужого, прыгнула кровь Чужого на пыльный двор. Лег он на землю и быстрыми пятками трогал песок. Белые пятна скользили по небу, не торопясь, заползли на распаренный огненный круг. Твердой была земля и

мокрой она становилась. Чужие убили Увла, взяли еду, подожгли пристройку и ушли в лес.

Дым от пристройки увидел Амл. Он хорошо сходил на другой конец поля, на реку с сыпучим песком. Выгодную сделку совершил Амл, удался ему хороший обмен. О мужчине для Уны, о женщинах для Бадра и Одра сговорился он. Амл успел потушить дом. Он нашел детей в стороне под стогом старой травы – это были Бадр, Ирл и Уна. Трое, не четверо. Ничего не знали они. Одр наказал им спрятаться, а сам затянул повязку на широком лбу и ушел неизвестно куда. Амл пошел в дом и увидел Офу. В грязной воде лежала Офа и молчала. Она не могла ходить. И Увла увидел Амл и закопал его за сгоревшей пристройкой. Обломки старого ножа и веревку-ошейник бросил Амл в яму вместе с Увлем. Амл не знал, почему он это сделал. Бадр помогал Амлу. Медленно двигались они, быстро исчезала в кадке вода. Не стоял никто у колодца, не копошился у деревьев в саду. Не играли дети. Сразу многих помощников лишился Амл.

Думал Амл, не уйти ли ему подальше от леса, не оставить ли дом и поле. Жалко было Амлу бросать то, что он сделал своими руками, но смотрела на него тяжелым взором густая чаща, и душным страхом веяло из нее. На самый край леса отволол труп Чужого Амл, и прыгали вокруг разорванной шеи остроносые птицы. Думал Амл, что теперь делать, и не мог решить.

Через три дня Амл, Бадр, Ирл и Уна работали в поле – тогда из леса вышел Одр. Он был черен, и в руке его изгибался лук. Крепкой хваткой держали пальцы разящий полумесяц. Одр давно сделал лук и хранил его в ближней роще. Молчал он о своей тайне. Хорошая тетива была в том луке – Офа научила Одра плести веревки и отдала ему самую лучшую, самую тугую и тонкую.

...Еще одну новость принесла Офа из леса давным-давно, и уже показала ее маленькой Уне. В день, когда Амл изловил Увла, волосами зацепилась Офа за колючую ветвь рядом с опушкой и долго не могла освободиться, упрямо держали волосы и не хотели рваться. С той поры волосы себе и детям резала Офа острым ножом и не бросала их в огонь. Длинными и упругими были волосы, прочнее от них становились веревки. Так многие дни проводила Офа, часто-часто двигались ее пальцы. Уна сидела рядом и плакала – не слушался ее крепкий волос, ускользала из рук гибкая трава. Знала она все тайны, только вырасти оставалось ей. И от Одра ничего не скрыла Офа – хоть и женским было это ремесло, но не запретным для мужчины. Не любил работать в поле Одр, даже готов был с Офой плести веревки, только не ворошить землю, не просить ее, не пререкаться с ней.

Офа нашла для Одра старый лук Увла. Когда-то Амл вынул этот лук из колодца, куда упал Увл. Долго смотрел Одр на лук и ничего не понимал. Углу в руки дал он его и опять смотрел. Не пробудилось ничего в голове Увла, не услышал он запахов и шелеста листьев, только подобрал со двора короткую ветку и показал Одру, что далеко может лететь она. Короткой, ненужной веткой попал Увл в козу, что стояла у

стены, совсем рядом с ними объедала траву, пробивавшуюся сквозь колья, и не обращала внимания на людей. Недовольна была коза, что к ней прилетела ветка и ткнула ее в бок. Подальше от Увла отошла она. Не любила Увла коза, только Бадра любила она, потому что он давал ей траву. Другую ветку, побольше, взял Одр, согнул лук – и порвалась на нем дряхлая струна, только все уже понял Одр и не подходил больше к Увлу никогда.

Крепкую и гибкую ветвь нашел в лесу Одр и надел на нее тетиву. Ростом с Одра была она. Не сразу отыскал ее Одр – много ветвей и сучьев испробовал он. Только одно дерево в глубине чащи несло упругие и твердые ветки – не ломались они, когда самой тугой веревкой обматывал их концы Одр. Самую лучшую выбрал Одр и долго ее резал и гнул. Много тонких палок разной длины сделал Одр – только те, что были прямее всего, летели туда, куда он хотел, только те, что несли на конце маленький кусочек носатого камня, в землю могли воткнуться. У реки, почти в самой чаще, нашел Одр нужные камни. Не боялся он леса, и теперь были у него там дела.

Далеко летели стрелы, которые смастерил Одр. Радостно резали воздух они своими острыми носами и смотрели только вперед. Одр уходил в лес, Одр учился, Одр мог попасть в дерево с многих шагов. Сколько пальцев на руках – на столько шагов уходил Одр, и еще на столько, и тогда попадал в дерево. Отравленные стрелы сделал он, вымазав их в густом соке коварных цветов, убивших куропаток. Хорошо спрятал свою работу Одр – завернул в мешок и опустил в глубокое дерево, в самую сердцевину ствола. Одр не знал, для чего ему эти стрелы...

Горела пристройка, жидким дымом в ярком солнце расходилась она. Над мягкой травой звериными прыжками мерил Одр лесные тропы – бесшумно летел он. Отыскал Одр упругий лук и вынул из дула свистящие стрелы. Оставшихся Чужих близко видел он – только двое их было, много меньше, чем пальцев на одной руке, не то что раньше. Одного убил Увл, из самого его горла красный кусок вырвал Увл. Второго сильно ранила Офа – не смог далеко идти он, грузным комом полз к деревьям, держась за левый бок, и остался на самом краю леса. Сначала сидел он и гулко дышал, а потом улегся на палую листву, на сучья и иголки и дрожал ногами. Обоих последних Чужих ранил Одр стрелами, выпущенными из засады: в щеку одному и плечо другому попал Одр.

Долго бежал от них Одр – слабее двух взрослых мужчин с толстыми палками был он. Целый день бежал Одр сквозь кусты, по оврагам леса, который он плохо знал. Дважды побывал он в одной и той же ложине, но заметил там едва видимую тропинку, и не поймали его Чужие, хотя близко были они. Громко ступал Одр, и не мог спрятаться от Чужих. Через реку плыл он и взбирался на обрывистые камни. Мешали плыть Чужим толстые палки, медленно шли они по воде. На второй день отстали Чужие от Одра, но он еще долго бежал, прежде чем заметил, что больше нет за ним шума жестокой погони. На третий день

Одр вернулся и нашел Чужих на самом берегу реки. Пить хотели они, но не могли. Не живет без воды ни трава, ни человек, ни зверь. Недалеко друг от друга лежали Чужие и хрипели густой пеной. Осторожно, чтобы не запачкаться отравленной кровью, Одр надрезал им шею коротким волнистым ножом, который дала ему Офа. Мокрыми стали камни.

Он не будет больше жить в доме, Одр. В лес уходит он, Одр. С луком в руках, темный, как ночь, Одр, со стрелами за спиной. Жаль, подумал Амл, я сговорился о женщине для него. Люди на другом краю поля решат, что я их обманул. Придется им сделать подарки. Больше мешков и больше веревок. Нехорошо, подумал Амл, плохой обмен удался мне. Офу хотел увидеть Одр. Нет, сказал Амл. Одр хотел убить Амла, но потом понял, повернулся и пропал в лесу. Амл решил никуда не уходить. Долго восстанавливал Амл забор и укреплял ворота.

Офа болела две луны, не вставая, болела она, а потом умерла. За сгоревшей пристройкой, рядом с Увлем зарыл ее Амл. Долго копал Амл. Он это делал один, старым скребком, тем, которым рыл колодец у самой стены, той же корзиной выгребал землю, с которой Офа помогала ему. Не хотел Амл, чтобы Бадр видел его. Крепкую веревку, большую плоску, старую корзину и самый лучший мешок вместе с Офой зарыл Амл. Жалко было Амлу, но все равно зарыл он этот мешок. Не осталось у него другого. Уна еще не умела делать такие хорошие мешки – она была маленькая. Все тайны Офы знала она, но не могли ее пальцы бежать так легко и так долго по стеблям сухих трав. Станут они ловчей и быстрее, но не сразу, не сейчас, пусть только пройдет одна зима и еще одна. Знал об этом Амл, но не хотел долго ждать. Думал он, как поступить.

Амл снова работал в поле – теперь ему помогали Бадр и Ирл. Ирл вырос, Ирл ходил на реку за острыми камнями. Ирл прыгал по высокому берегу. Одр видел Ирла, но ничего не говорил и ничего не делал. Ирла все любили. Ирл сделал себе новые ножи, разные для поля и для дома, для травы и для птицы. Козе и козлу было тяжело летом – на них висело много грязной шерсти. Тяжело дышали они. Ирл срезал эту шерсть, но не выбросил, а положил в мешок. Ирл научился работать, в поле ходил он. Хорошо с плодоносной травой обращался Ирл – подсекал острым ножом, вязал ее, носил в дом. Амл был доволен.

Во время урожая с другого конца поля пришли люди. Издалека, от покойной реки, из шалашей на нестойком песке. Они вели женщин для детей Амла. На голове поклажу несли они, далеко виднелись они на широкой равнине. Одна из них была совсем не та, о которой сговаривался Амл. Много моложе, почти девочка была она, словно Уна. Амл обрадовался – значит, можно будет взять эту женщину для Ирла. И не дарить подарки. Хороший обмен удался Амлу. Очень доволен был Амл, и отдал людям с другого конца поля свою дочь Уну. Уна не хотела уходить на другой край поля, громко плакала она и кричала. В мешок посадили Уну, и унесли далеко, на зыбкий песок.

Дом Амла увидели люди, забравшие Уну, мокрую землю увидели они, длинную канаву увидели они и деревья с кислыми плодами. Амл показал им, как умеют копать Ирл и Бадр, как чистят они канаву от песка, как поднимают воду из колодца. Довольными ушли люди и Уну с собой забрали. Ирлу было жалко Уну, в лес убежал он и блестел глазами. Долго тянулся опустевший день – до самой темноты. Потом обратно вернулся Ирл – знал он, что так должно быть. Так было всегда, так должно было быть всегда. Ничего не менялось, ничего не могло измениться. Не может женщина жить там, где она родилась. Понимал это Ирл, но жалел очень маленькую Уну. Уна была – розовая.

Две новые женщины, Илта и Энна, стали жить в доме Амла, плести мешки и веревки. Тесно стало в доме. Тогда Амл и его дети Бадр и Ирл сделали много кирпичей из липкой глины, из мокрой земли, обожгли их на огне и построили еще один дом, больше прежнего. Бадр с Илтой стали в нем жить. Старше Ирла был Бадр. И пристройку заново сделали они – лучше и выше прежней.

Однажды из леса вышел Одр. Он убил могучего лося. Знал Одр, что не сможет один съесть все мясо широкогорого зверя. В человеческий рост был этот лось. Освежеванную тушу принес из леса Одр и положил ее у ворот. Не хотел видеть Одра Амл, и Бадр не хотел говорить с ним. Но вышел из-за стены Ирл и положил перед Одром два круга хлеба и большую чашку молока. И лосиную тушу забрал Ирл. С трудом поднял ее Ирл и унес во двор. Ирла все любили.

Женщины приготовили лосиное мясо на большом костре. Амл и Бадр ели досыта, до отвала ели они. Одр выпил молоко и забрал хлеб. Видел Одр, что это Ирл вынес ему еду. Не голоден был Одр, но выпил молоко. И хлеб забрал Одр. Ирл срезал лосиную шкуру острым ножом и стал спать под ней вместе с Энной. Заползала к нему под самый край, под густой звериный волос, Энна, на старой траве лежали они, под лосиной шкурой. Им было тепло и удобно.

Зима наступила рано. Холодная была зима. Ледяным дождем стучала она, колочим ветром свистела она. Женщины часто ходили в пристройку за едой, за мешками ходили они туда. Не было у Бадра и Илты жаркой лосиной шкуры, и они часто мерзли. Среди мешков в пристройке был один совсем старый, с козьей шерстью, которую срезал Ирл. Бадр и Илта укрыли этим мешком свои ноги, и им стало тепло. Бадр удивился, но ему было приятно. Коза Амла уже давно постарела, у нее народилось много детей. Бадр подумал, что у козы такая же теплая шкура, как у лося, только меньше. Бадр видел, что у козы теперь новая шерсть. Коза любила Бадра – он всегда давал ей вкусную траву.

Весной в лес пришли Чужие. На этот раз много было их – как пальцев на руке, как целая горсть: один, один, один, один и еще один. Пятеро было их, но не заметил их Одр. Не услышал он ничего: ни крика, ни треска, ни шевеления. На другом конце леса был Одр и не сразу заметил Чужих, а они совсем не почуяли Одра, не увидели следов его. К дому Амла, к дому Бадра шли Чужие. Одр ничего им не сделал. Он не любил Амла, и Бадра не любил он. Только потом вспомнил он о

маленьком Ирле. Ирла все любили. Уже не маленьким был Ирл, с Энной спал он под лосиной шкурой, но маленьким Ирл оставался для Одра. Одр передумал и пошел за Чужими. Одр опоздал.

Твердо топтали Чужие мягкую землю. Вышли из леса они на равнину, высоко смотрели они, и Одр не мог подобраться к ним совсем близко. Яростно вился Одр в невысокой траве, по самому ее краю. Хорошо видел он Чужих. Их было пятеро – как целая горсть – и сильными мужчинами были они, коренастые и с широкими плечами, и в руках держали они толстые палки с зазубренными камнями на концах. Глубокие выемки оставляли их уверенно ступавшие ноги, видел Одр приплюснутые пальцы и скошенные пятки горячих следов. Одр был очень не рад, что поздно заметил Чужих и что не сразу пошел за ними. Одр любил Ирла. В землю он вжался и крался по ней, подобно змее.

Чужие не могли пробраться через забор. Острыми кольями отгоняли их Амл и его дети. И ворота не смогли разбить Чужие. Крепкими были ворота, которые построил Амл, без его разрешения в стороны не уходили они. Тогда Чужие развели у ворот костер, траву и сучья притащили они с опушки и стали их жечь. А еще – окунали в костер свои стрелы и кидали их во двор Амла. Камни летели из-за забора, но не отступали Чужие. Сильнее разгорелся огонь, захватывала небо алчная чернота, водой дрожал воздух над домом. Тогда распахнулись ворота, в их проеме появился Амл. Дети его были рядом, справа и слева стояли они. Отодвинулись створки ворот, открыла стена выщербленный пламенем рот. Колья и острые камни держали в руках Амл и его дети, и шли они через дым. Бросились на них чужие с поднятыми палками, но уже на спине одного из них сидел Одр. Горло резал ему Одр, как пойманному оленю. Мокрой становилась трава.

Трое Чужих напали на Амла и его детей, а четвертый, самый сильный, повернулся к Одру и хотел его ударить. Бедра и скулы, как у Увла, были у Одра. Чужой целил в Одра. Свистнуло небо, когда опускались его плечи. Быстр был Одр, как Офа, и увернулся от руки Чужого. Поскользнулся Чужой, но крепко стоял Одр. Темно было его лицо. Бросил Одр копьё и ранил Чужого в глаз. Одр был могучий охотник. «И-я-я-а-ху!» – закричал Одр и еще одним ударом сломал дубину Чужого и голову его проломил Одр. Словно яйцо куропатки, раскрылась голова. Так сражался Одр. Он был великий воин.

С тремя Чужими дрались Амл и его сыновья. Они не умели сражаться так хорошо, как Одр. Мотыги и сверла умели держать они, но не палки с раздвоенными концами и острыми камнями, прикрученными вязкой травой. Рядом стояли они, во все стороны отбивались они. Ранили Чужих Амл и его сыновья, но не очень сильно. Хуже пришлось им самим, много хуже. Чужие били их острыми палками по рукам и ногам. Чужие побеждали. В Ирла целили Чужие, прямо в живот ему целили они, сразу двое, но закрыл его своим телом Амл. Ирла все любили.

Сзади на Чужих прыгнул Одр. Он был великий воин. Три удара нанес он и только один раз промахнулся. Все Чужие умерли, мокрой

траву сделали они. Только один лежал рядом, гулко дышал и ждал, когда его убьют. Амл тоже умер, когда заслонил Ирла. Одр и Бадр хотели надрезать шею последнему Чужому, до конца оросить траву хотели они, но Ирл не разрешил им порвать колотившуюся жилу. Это был не тот Чужой, который убил Амла. Ирл связал Чужого веревками, надел ему на голову мешок, и бросил в пристройку. Одр и Бадр были недовольны, но ничего не сделали. Ирла все любили.

Амла закопали за пристройкой, рядом с Увлом и Офой. Лучшую мотыгу положили Одр, Бадр и Ирл вместе с Амлом, много мешков и плешек. Так много добра положили они, что на том месте, где остался Амл, появился небольшой холм. Его было хорошо видно изо всех домов, от пристройки и от ворот. Костер разожгли Одр, Бадр и Ирл, ели большую куропатку, пили желтую воду, молчали. Так прошла ночь. Женщины в доме сидели и отдыхали – все палки Чужих подобрали они и в дом унесли. Все копыя их и ожерелья их. Ближе к лесу оттащили женщины тела – пусть удобно будет птицам, пусть вкусно будет зверям. Не пугал женщин лес – знали они, что Чужие все умерли. Все, все Чужие умерли.

Из последнего Чужого сделали раба, братья вместе разложили его во дворе и нанесли ему рану, чтобы он был полезен не себе, а другим. Бадр отдал раба Ирлу. Новый раб жил в пристройке и хорошо работал. На шее у него была веревка, и ему давали много костей. Раб был рад, что его не убили. Ирл теперь жил один в доме Амла. У его женщины, Энны, был большой живот. И у женщины Бадра, Илты, был большой живот. Лето стояло липкое и жаркое, и пели в траве невидимые голоса. Обе женщины радовались – у каждой был свой дом, и у каждой будут дети. Они не могли работать.

Новый раб помогал Бадру и Ирлу в поле, но дома помогал только Энне, а не Илте. Ведь Бадр отдал раба Ирлу. У Илты был большой живот, и она не всегда могла готовить пищу. Бадр думал: мне нужен еще один раб, для моей женщины. Чужой, ненужный себе, полезный другим. Бадр не знал, как попросить Одра, чтобы тот раздобыл ему раба. Бадр придумал, что на людей можно поставить ловушки, совсем как на зверей. Вдоль высокой травы, на самом краю леса. И в самом лесу, по дороге на водопой. Легко это. Без воды не может никто – ни дерево, ни птица, ни человек. Ирл бы мог попросить Одра, думал Бадр. Ирла все любили.

Ирл научил женщин стричь коз, они набивали мешки шерстью, и никому из них не было холодно в домах из мокрой земли, даже зимой. Бадр и Ирл были довольны. Они не боялись, что из леса к ним придут Чужие. В лесу жил Одр. Он был великий воин и могучий охотник. Иногда Одр приносил на край поля туши убитых животных. Старое дерево в саду умерло, и Бадр с Ирлом сделали из него стойку, на которую Одр мог класть туши. В землю вколотили они деревянные ноги и поставили на них твердый щит. Чтобы маленькие полевые зверьки не испортили за ночь тела животного, которое убил Одр. Бадр и Ирл оставляли Одру хлеб, молоко и куропачьи яйца, даже веревки и плешки.

На опушке, на самом краю леса. Они совсем не боялись. Они починили забор. Он был очень крепкий. Раб помогал им чинить забор.

Так было всегда, так должно было быть всегда. Ничего не менялось, ничего не могло измениться. Никто не помнил, как это началось, никто не задумывался, кем так было заведено. В поле и в лесу, и далеко, у покойной реки, на зыбучем песке жили люди. Камни держали они в руках и твердые палки. Шуршал ветками лес, пела в поле трава.

Не хватало воды на два поля, на огород, на деревья с кислыми плодами. Новая канава была нужна, в разные стороны поворачивала она. Тяжело жить без питья – и траве, и человеку. Дерево стойче других, но не может и оно без воды. К самой стене, все ближе к деревьям тянулась канава. Над воротами с кольев смотрели на лес человеческие черепа – головы Чужих висели там, охраняли они лесной путь. И никому больше не было страшно.

2008 – 2011

Рудольф Иоффе – родился в Москве. Работал сначала на заводе, потом в науке. В 1999 году иммигрировал в США к сыну. Сейчас живет в Нью-Йорке. Свой первый рассказ написал для внука и внучки в конце 2009 года.

Поселок стрелковой фабрики

В последнее время без этих поездок по понедельникам вечером в Куркино, к Толику в баню, он уже не мог обходиться: они отвлекали от невеселых раздумий и стали для него настоящим событием. И не только потому, что он уже давно любил баню с хорошей парилкой, после которой к нему всегда приходило ни с чем не сравнимое ощущение легкости, но и из-за совершенно нового для него отношения к жизни собиравшихся там приятелей Толика: выросшего в том же Куркино и побывавшего, как и сам Толик, к своим сорока годам несколько раз на зоне Гродина, который вместе с Толиком трудился на Митинском кладбище и совсем неплохо там зарабатывал; променявшего скучную жизнь сварщика на каком-то почтовом ящике на жизнь профессионального каталы Володи, которого все ласково называли «Сынок»; бывшего директора большого продовольственного магазина в центре Москвы – Иваныча, совсем недавно похоронившего двадцатилетнего сына, который погиб на Ленинградском шоссе, сбитый пьяным водителем большого грузовика. Уже несколько лет Иваныч промышлял случайными заработками, постоянно мотаясь в Венгрию и Германию и торгуя матрешками, которые он покупал или в Москве на вернисаже в Измайлово, или в Горьковской области и, пряча от таможенников в набитой до предела машине, отвозил в гостиницу под Будапештом, и бошовским электроинструментом, привезенным из Германии для продажи в Москве. С Иванычем он случайно встретился в Коптевских банях несколько лет назад, через него и попал в этот, поначалу казавшийся ему, выросшему в обычной московской семье и всю жизнь проработавшему в никому не нужной «науке», странным и непонятным, мир совсем не похожих на него людей.

Вот и вчера был понедельник, и, как обычно по понедельникам, они сидели в бане у Толика, правда, в этот раз вчетвером, без Сынка.

Баня была новой. Толик поставил ее на месте старой, сгоревшей в прошлом году, за неделю до Нового года.

Он хорошо помнил тот вечер накануне Нового года. После очередного захода в парилку, как обычно, играли, по рублику, в секу. Он не играл и смотрел через небольшое окно на огород, покрытый слоем мягкого, недавно выпавшего снега, в который они перед этим ныряли, как в неглубокую речку. На улице было темно, и по еле слышному шороху он решил, что пошел снег.

- Снег пошел, - сказал он, повернувшись к увлеченным игрой мужикам.

- С чего ты решил? - спросил Толик.

- Да подойди к окну, посмотри и послушай.

Толик встал и долго смотрел в окно, вслушиваясь в странные звуки. В этот момент он и сообразил, что что-то не так и что звуки, которые он принял за шум падающего снега, раздаются не с улицы, а из парилки в глубине бани. Он резко открыл дверь душевой и, проскочив через нее в парилку, сразу же все понял.

В парилке, тускло освещенной небольшой, под потолком, лампочкой, уже было темно от заполнившего ее дыма, а в углу возле печки мелькали небольшие языки пламени.

- Горим! - крикнул он в предбанник и попытался поднять стоявший в душевой бачок с холодной водой.

Вместе с выбежавшим из предбанника Сынком они втащили бачок в парилку и вылили воду на уже потемневшие от огня доски. Воды в бачке было мало, и они попытались сбить пламя первой попавшей под руку одеждой. Пока они с Сынком безуспешно боролись в парилке с огнем, Иваныч и Гродин успели одеться и вытащить из прихожей на снег три мешка картошки, которую Толик каждый год собирал у себя в огороде, а сам Толик из дома звонил местным пожарникам. Пожарная машина из ближайшего, в трех километрах, депо приехала через двадцать минут. Вылезший из кабины пожарник сказал, что у них полупустая цистерна и что насоса для закачки в цистерну воды из колодца у них нет. К этому времени успели загореться висевшие на чердаке сухие, нарезанные ранним летом дубовые веники, и когда стало ясно, что баня сгорит полностью, три полупьяных пожарника стали ломать полусгнивший забор, через который огонь от полыхающей бани мог перекинуться к дому на соседнем участке. Ночь была тихая, пошел небольшой снег, и через час, когда от бани осталась только большое черное пятно и покрывая сажей печка с высокой трубой, пожарники попросили бутылку водки и, с трудом развернувшись, уехали. Минут через двадцать уехал и он. И, как обычно, забросил жившего неподалеку Сынка.

Еще там, во время пожара, он предложил всем скинуться на новую баню, но Толик сразу же отказался и весной на месте сгоревшей бани поставил новую, с просторным светлым чердаком, на котором они летом могли играть в карты, а рядом с баней - крытую небольшую бильярдную.

После того, как он попарил каждого по три раза и они, разморенные, пили на чердаке круто заваренный чай и слушали очередную и, как всегда, обильно пересыпанную матом байку Гродина, он наконец-то решился. Они молча все выслушали и согласились помочь. Даже они, с их доходами, хорошо понимали, что для него означает потеря пятнадцати тысяч зеленых, которые ему никак не хотел отдавать Польшинский.

Разговор получился долгим. Толик и Гродин вспоминали похожие истории, с которыми им на кладбище приходилось сталкиваться чуть ли не каждый день. Решили, что для начала к Польшинскому вместе с ним лучше всего поехать Иванычу – двухметрового роста и веса под сто килограмм – и подробно учили его, как говорить с Польшинским. Главное – объяснить тому, что деньги лучше отдать по-хорошему, потому что они не его, а точнее – не только его, но и их, и что они-то всегда найдут способ получить их обратно. А надо будет, и «на счетчик поставят».

Толик предложил им взять его «БМВ», но, подумав, решили, что и «форда» Иваныча для первого визита к Польшинскому будет вполне достаточно. Не такой уж он и крутой. А в следующий раз, если будет надо, можно будет поехать и на «БМВ» и в другом составе. Он знал, что по вторникам с утра Польшинский обычно бывает на месте, и они сразу же и договорились, в котором часу завтра Иваныч заедет за ним на Войковскую.

* * * * *

Дорога заняла у них часа полтора. Ехать пришлось через весь город с севера на юг, с Ленинградки на Симферопольское шоссе, а потом, мимо Битцево, Щербинки и Быково, до Поселка Стрелковой Фабрики. Всю дорогу Иваныч молчал, слушая радио и иногда тихо ругаясь на не вовремя переключавшиеся светофоры и мешавших ему водителей.

Пока ехали, он снова и снова пытался понять, как все это случилось и почему все дороги, которыми он шел в своей жизни, в итоге привели его в этот мир – мир Польшинского, досок и мыслей о возможной потере не только своих, но и чужих, и совсем немалых, денег.

Он думал о том, с чего началась эта полоса в его жизни, и никак не мог разобраться. Наверное, думал он, во всем виновата судьба. Мы все что-то предполагаем, на что-то надеемся, а решает все случай. В последнее время вся его прошлая жизнь переплелась с настоящим в какой-то плотный клубок, который ему никак не удавалось распутать.

С Польшинским около года назад его познакомил Марик, с которым когда-то в самом конце войны, году в сорок четвертом, после их возвращения в Москву из эвакуации, за одну парту в первом классе случайно сел его младший брат. Евгений Георгиевич, отец Марика, один из первых советских цеховиков, начавший после войны торговать левым лесом, через своего сына познакомился с его мамой и почему-то проникся к ней таким безграничным доверием, что попросил ее (совершенного чужого для него человека) спрятать его деньги и драгоценности, которые из-за их сомнительного происхождения боялся

держат у себя дома. Так, где-то в конце сороковых годов, все это богатство оказалось в сорока километрах от Москвы на дачном участке с домиком, в котором в то время круглый год одиноко жил муж погибшей в самом начале войны сестры его мамы. Зарытый в землю за стеной домика тайник с бутылками, набитыми драгоценностями и сберкнижками на предьявителя, пролежал там около сорока лет, до восьмидесят третьего года, когда они с помощью Евгения Георгиевича, который прислал им рабочих и помог недорого купить все, что им было нужно для стройки, сломали старый домик и на его месте построили новый.

За прошедшие с того времени годы Марик несколько раз обращался к нему с просьбой снять деньги с оставшихся ему в наследство от отца сберкнижек на предьявителя, которых, со слов его брата, у Марика с каждым годом оставалось все меньше и меньше. Но, тем не менее, Марик по-прежнему продолжал жить практически ни в чем себе не отказывая.

И поэтому именно Марика он вспомнил полгода назад после поездки Иваныча в США и покупки там, на продажу, трех машин. С одной из машин проблем никаких у них не было. Ее Иваныч привез «под заказ». А две другие после, естественно, «левой» таможни, зависли. Ожидание постепенно становилось все более и более неприятным, и тогда он решил предложить «тойоту» Марику. Тот сначала поломался для виду, но в конце концов, хотя и мог сразу же рассчитаться сполна, согласился на очень выгодный для себя вариант – в кредит, с выплатой долга по частям в течение полутора лет.

Потом он через Марика свел с Польшинским одного из своих приятелей, с которым часто играл в бридж после знакомства во время двухнедельного отпуска в пансионате «Березки». Он знал, что после смерти отца у Марика осталась какая-то доля в нескольких торгующих пиломатериалами магазинах, в одном из которых, в районе Подольска, Польшинский и хозяйничал на правах партнера. К сожалению, он тогда не догадывался, что к тому времени Марик полностью растерял авторитет и все отцовские связи и реально не контролировал работу все еще формально частично принадлежавших ему магазинов.

В течение нескольких месяцев его приятель-бриджист продал через Польшинского несколько вагонов досок. Вагоны с досками Польшинскому приходили из Балахны с большого бумажного комбината. Древесину, из которой комбинат делал бумагу, покупали в Карелии, частично расплачиваясь за нее наличными. Наличные можно было получить только через доверенных людей, которые продавали часть полученных комбинатом из Карелии досок. Польшинский разгружал вагоны, в течение двух недель продавал доски и полностью за них расплачивался. Дело шло гладко, и все были довольны. Он в этом деле никак не участвовал и никаких своих денег в это не вкладывал. Он только надеялся, что дополнительные доходы Польшинского от продажи пиломатериалов помогут каким-то образом Марику быстрее рассчитаться за взятую им в кредит «тойоту».

Однажды, совершенно случайно, он оказался свидетелем разговора его очень близкого друга Стаса со своими знакомыми ленинградцами, которые рассказывали о недавней поездке в один из леспромхозов в Карелии. И, видно, в этот момент в его голове сработал какой-то невидимый ограничитель, и карусель закрутилась.

Стас знал о его контактах с Польшинским и сразу же предложил ленинградцам подумать о возможной продаже через Польшинского леса, который они покупали в Карелии. Тут же договорились о том, что через неделю Стасу по факсу из Ленинграда пришлют конкретные предложения, которые можно показать Польшинскому. Ленинградские знакомые Стаса сразу же, правда, предупредили, что Польшинский должен иметь дело только с ними и что о леспромхозе ему совсем не обязательно знать. Кроме того, оговорили и минимальный объем поставки – четыре вагона и полную оплату сразу же после отправки вагонов из Ленинграда.

Прошло несколько дней, и он поехал к Польшинскому. Он знал, что предложение ленинградцев заинтересует Польшинского.

– Ну что? Будешь брат?

– Надо подумать.

– Думай, только не долго. У них есть и другие варианты. Но имей в виду, что брат надо, как минимум, четыре вагона и не на реализацию, а с предоплатой.

– Да у меня денег сразу таких не найдется. Может, в долю войдешь?

Он заранее знал, что Польшинский не согласится на предоплату, и был готов к этому предложению.

– А сколько я должен вложить в это дело?

– Я думаю тысяч пятнадцать. Но это мы потом уточним. И передай им, что ничего за глаза покупать я не буду. Если договоришься, то поедем в Ленинград. Если доска хорошая, то там же, после отправки, можно будет и деньги отдать.

– Хорошо. С ленинградцами я свяжусь, но мне тоже нужно подумать и кое с кем посоветоваться. Таких денег, как ты понимаешь, у меня нет. Может быть, удастся найти кого-то, кто согласится войти в долю, или у кого-то занять. И мне заранее нужно знать, когда ты сможешь полностью рассчитаться со мной.

– Тут проблем нет: через месяц после того, как доски будут у меня.

– Тогда все, я поехал. Ты думай, и я подумаю. Через несколько дней я или подъеду, или позвоню.

Через два дня он позвонил Польшинскому. Как он и думал, предлагаемые ленинградцами цены, с доставкой на место, того полностью устроили. А когда он узнал, что проблема с деньгами решаема и что вагоны уже находятся в Ленинграде, попросил согласовать с ленинградцами день, когда они смогут все посмотреть на месте и там же договориться обо всем окончательно.

– Свяжись с ними сегодня и скажи, что мы можем выехать к ним на машине хоть завтра.

На том и расстались.

Спустя несколько дней водитель Полынского на его черной «Волге» отвез их в Ленинград. Ехали ночью и утром уже были в назначенном месте на каком-то большом и, видно, когда-то закрытом заводе с подъездными путями, на которых уже стояли вагоны с досками.

После того, как он познакомил встречавших их ленинградцев с Полынским и Полынский придирчиво осмотрел все четыре вагона, они поднялись на третий этаж и через пустую большую приемную прошли в кабинет главного инженера. Там Полынский подписал нужные документы и отдал одному из ленинградцев заранее приготовленный пакет со сто долларовыми купюрами. Отметив заключенную сделку неплохим коньяком и пожелав ленинградцам удачи, они сели в машину и в тот же день были уже в Москве.

Вагоны из Ленинграда пришли через несколько дней, а когда еще через неделю он приехал к Полынскому, то увидел, что досок в магазине уже не осталось.

- Быстро. Рассчитаемся?

- Мы же договаривались через месяц.

- А почему не сейчас?

- Да все взял хороший знакомый. Он дом начал строить. Обещал деньги отдать через пару недель.

- Ладно. Я подожду. А проблем не будет?

- Да какие проблемы. Не волнуйся. Через пару недель полностью рассчитаюсь.

- А может, часть сегодня отдашь?

- А тебе очень нужно? Потерпи несколько дней.

- Потерплю. Куда мне деваться.

Прошло две недели, месяц. Полынский молчал. Застать его по телефону никак не удавалось, в голову лезли разные мысли, и он без предупреждения поехал в Поселок Стрелковой Фабрики.

Попал туда около десяти, но Полынского на месте не было. Через пару часов он появился.

- Ты куда пропал? Звоню, звоню, и все впустую.

- Да мотаться много приходится. Куча проблем навалилась.

- Деньги приготовил?

- Пока нет. Придется еще подождать несколько дней.

- Сколько?

- Дней десять. Не больше.

- Ладно. Приеду через десять дней. Но имей в виду, что ты меня сильно подводишь, могут быть неприятности.

Не попрощавшись, он повернулся, сел в машину и уехал в Москву.

Прошло десять дней. Денег нет. Прошло еще десять дней. Денег опять нет. И тут, наконец, он понял, что сам он никогда денег с Полынского не получит.

Разговор со Стасом ничем не помог. Надежды на Марика исчезли давно. И тогда он решил рассказать обо всем Иванычу. Иваныч его сразу же понял, и они решили все обсудить в бане.

От всех этих невеселых воспоминаний и грустных мыслей его оторвал Иваныч.

- Пора просыпаться. Мы уже подъезжаем.

- Ты подожди меня в машине, я скоро.

По крутой лестнице он поднялся наверх и через открытую дверь кабинета Польшинского увидел сидящую за столом женщину - полноватую, одетую с претензией, молодящуюся брюнетку средних лет. Она оказалась заочно знакомой с ним женой Польшинского, и на его вопрос, где можно найти самого, сказала, что сейчас он на стройке их нового дома и подробно объяснила, как туда можно проехать.

Через полтора километра они свернули с шоссе и еще через десять минут подъехали к небольшому озеру или пруду, на берегу которого стоял большой, но еще не достроенный дом. Не доезжая дома, они остановились, он вышел из машины и пошел к стоявшему у дома Польшинскому, который с удивлением смотрел на незнакомый ему «форд».

- Здравствуй, Михал Николаич. Неплохо устроился.

- Ты за деньгами приехал?

- Да это не я приехал. Меня привезли. Тут с тобой поговорить хотели, подожди минуту. На всякий случай - его зовут Александр Иванович. Он тебе все объяснит.

Он повернулся и пошел к уже вылезшему из машины Иванычу.

Минут через десять Иваныч вернулся, молча завел двигатель, развернулся и поехал обратно, а Польшинский с задумчивым видом остался стоять рядом с домом. После выезда на шоссе Иваныч повернулся к нему:

- Он вроде бы все понял и обещал позвонить тебе на этой неделе.

- А подробнее можешь?

- А зачем? Ничего интересного. Он мужик тертый и все сразу же понял.

- Ну ладно. Спасибо. Буду ждать до конца недели. Если он не объявится, в понедельник будем решать, что делать дальше.

У первой же станции метро они попрощались, и он поехал к Стасу в больницу.

Выйдя из метро, он купил нескольких яблок и груш и плитку хорошего шоколада, и ставшей за полгода привычной и хорошо знакомой дорогой пошел в голубой корпус больницы.

* * * * *

И в среду, и в четверг никто не звонил. Ожидая звонка, в эти два дня он все время был дома, никуда не ездил и никому не звонил. И только вечером в четверг около шести часов, когда стало ясно, что уже никто не позвонит, он вышел из дома и с тяжелой душой поехал к Стасу в больницу.

В пятницу, в одиннадцать утра, позвонила жена Польшинского.

- Я в курсе ваших дел. Миша рассказал мне о вашей встрече с ним в понедельник. Скажите вашим друзьям, чтобы не беспокоились. Я не

звонила вам раньше потому, что у нас самих большие проблемы. Его во вторник забрали. Надеюсь, что не по вашей наводке?

- Вы с ума сошли. Нам-то зачем это нужно? Свои проблемы мы можем решить сами, без всяких ментов. А как забрали? И почему?

- Остановили менты. Нашли в бардачке пистолет. Чей? Откуда? Где разрешение? Разрешения нет. Поехали в Подольск разбираться. Три дня прошло. Домой не отпускают. Все разбираются. Судом грозят. Нам кажется, что они заодно с нашей «крышей». А те совсем обнаглели. Им уже пятнадцать процентов мало. Требуют двадцать пять. Разборки, угрозы. Вот и пришлось пистолет купить и возить его с собой в машине. Они об этом узнали и, видно, настучали ментам. Сейчас от ментов откупаться нужно. А денег нет.

Я у него была вчера. Он просил позвонить и помочь. Он хочет продать кое-что с базы: пару станков, грузовик или автобус. Может, кто-то купит. Тогда и деньги будут, с вами рассчитаемся.

Он понимал, что пока Полинского держат менты, ни Стас, ни его куркинские друзья ничем ему не помогут. Все попытки что-то продать из того, о чем говорила жена Полинского, быстро кончились неудачей. Время было такое, что никто не хотел ничего покупать, да и лишних денег ни у кого не было.

Раньше у него никогда не было никаких долгов, и мысль о невозможности вернуть лежащему в больнице Стасу взятые у него, по сути дела, под честное слово деньги не выходила из головы и отравляла его, ставшую совершенно невыносимой, жизнь. Он много времени проводил в одиночестве дома, бесцельно слоняясь по коридору между кухней и комнатой и не пытаясь чем-то заняться.

Из-за растущей в нем пустоты и какой-то обреченности он постепенно совсем перестал ездить к Толику в баню и стал реже бывать в больнице. Он знал, что и там и там его ждут, и хорошо понимал, что так не годится, но ничего не мог изменить, и это осознание собственной слабости еще больше угнетало его.

Прошел еще месяц. Лето кончилось, и наступила дождливая осень.

Жена опять улетела к сыну, а Стас по-прежнему находился в больнице, и прогнозы врачей с каждым днем становились все более и более мрачными.

Как-то утром, после очередного тоскливого воскресенья, когда он был дома один, в квартиру позвонили. Он открыл дверь и увидел стоящего на лестничной клетке шофера Полинского. Тот молча протянул ему какой-то пакет и сразу же ушел. В пакете лежала толстая зеленоватая пачка стодолларовых купюр.

Он понял, что Полинского выпустили и он сумел что-то сделать, и подумал, что наконец-то все кончилось и что он должен поскорее забыть о Полинском и Поселке Стрелковой Фабрики и вообще обо всей этой истории, полностью выбившей его на несколько месяцев из колеи привычной, хоть и не очень спокойной, жизни.

Он сразу же позвонил Стасу и Иванычу, оделся, спустился в гараж, взял машину и привычной дорогой поехал в больницу, а оттуда, не заезжая домой, - в Куркино, к Толику в баню.

Яна Кане – родилась и выросла в Ленинграде. Несколько лет училась в ЛИТО под руководством Вячеслава Абрамовича Лейкина. Эмигрировала в США в 1979 году. Окончила школу в Нью-Йорке, получила степень бакалавра по информатике в Принстонском университете, затем степень доктора философии в области статистики в Корнелльском университете. Работает старшим аналитиком в фирме “Alcatel-Lucent”. Стихи Яны Кане, написанные на русском языке, вошли в несколько антологий, включая сборники «Общая Тетрадь», «Неразведенные Мосты» (выпуски 2007 и 2011 гг.) и «Двадцать три». Стихи на английском несколько раз печатались в журнале “Chronogram”.

В пустоту без парашюта

Я отобрала для этой книги эссе и несколько стихов, в которых взаимодействуют две важные для меня темы: давняя дружба, духовное общение с моими однокашниками по поэтическому кружку Вячеслава Абрамовича Лейкина, а также интерес к философии буддизма и даосизма.

Эссе «В пустоту без парашюта» зародилось в моих письмах, адресованных Тате (Тане) Гаенко и Кире Румянцевой. С Таней и Кирой я подружилась в середине 70-х годов, когда нам было двенадцать – четырнадцать лет. Мы писали стихи, и каждый четверг встречались в 448-й комнате Лениздата на занятиях ЛИТО под руководством (вернее, под веселым предводительством) Вячеслава Абрамовича. Дружба эта не угаšla, не состарилась несмотря на несхожесть судеб, жизненного опыта, мировоззрений.

Кира и Тата несколько лет ведут свою страницу «Дом у Дороги» в интернетном журнале *LifeJournal* («Живой Журнал», или «ЖЖ»). Они описывают «Дом у Дороги» так: «Мы планируем размещать на страницах своего ЖЖ разнообразные материалы, приобретенные из жизни и из Сети, которые покажутся нам и могут оказаться вам интересными в аспекте ОСМЫСЛЕНИЯ МИРА И ЖИЗНИ ЧЕЛОВЕКА по большому счету – притчи и анекдоты, действительные истории и художественные зарисовки, вопросы и советы, картинки и схемы». Порой темы, которые мы с ними обсуждаем в частной переписке, кажутся Кире и Тате подходящими для «Дома у Дороги», и мы перекраиваем эти материалы из частного «разговора» по электронной

почте в «публичный разговор», в котором принимают участие их читатели.

Эссе «В пустоту без парашюта» было написано летом 2010 года. К сожалению, с тех пор учитель «Тай Чи», Мастер Ю, о котором я рассказала, ушел из жизни. Это огромная потеря, которую я еще не успела полностью осознать и принять. У меня не поднимается рука аккуратно переправить мои строки о Мастере Ю, заменив грамматическую форму глаголов с настоящего на прошедшее время.

Оглядываясь на стихи, которые я написала за последние тридцать с лишним лет, я вижу, что осознание идеи пустоты в том смысле, который я постаралась выразить в этом эссе, это – результат поиска, который начался давно, наверное, еще в период отрочества, и который многие годы проходил подспудно. Я расположила стихи примерно в хронологическом порядке. Самое раннее стихотворение в подборке было написано, когда мне было лет четырнадцать, еще до того, как я и мои родители эмигрировали из России. Заключительные три стихотворения я написала за последние шесть месяцев. Эти стихи, по сути, – путевые заметки долгого (и до сих пор продолжающегося) путешествия.

В пустоту без парашюта: Эссе

Введение

Я ставлю себе задачей описать как можно более правдиво и точно свое понимание и свой опыт использования понятия пустоты. Если кто-то из читателей найдет для себя в этом что-то полезное, будет замечательно. Если кому-то будет просто интересно прочесть это эссе – тоже хорошо. Но я ни в коем случае не хочу проповедовать свои идеи, то есть пытаться кого-либо убедить переключить по моей мерке свои философские или религиозные воззрения. Я полагаю, что один и тот же путь может оказаться полезным для одного человека и неподходящим, даже опасным, для другого.

Я начала заниматься «прыжками в пустоту без парашюта» лет 20 назад. Под такими «прыжками» я подразумеваю все более сознательное изучение, осмысление и использование концепций пустоты и иллюзии, основанных на буддийском понятии «шуньята» и на понятии пустоты в «Дао дэ Цзин» (или, точнее, в переводах «Дао дэ Цзин», которые я читала).

Хотя отправной точкой для моих «путешествий в пустоту» является соприкосновение с буддизмом и даосизмом, я не считаю себя вправе, да и не имею желаний, вещать от лица какой-либо философской традиции или религии. Я могу говорить только о своем опыте, о своем сегодняшнем взгляде на мир.

Что я подразумеваю под понятием «пустота»

Я читала и слышала немало толкований «пустоты». Они очень различаются по стилю и подходу к теме. Мне сначала казалось, что и по содержанию они тоже совсем разные, что они говорят о совершенно разных вещах. Постепенно, на основе собственного опыта я убедилась, что они описывают единое целое. Но «пустота» – это понятие столь обширное и разнообразное в своих проявлениях, что невозможно единым описанием или определением охватить его целиком. Приходится либо сосредотачиваться на каком-то одном аспекте, либо описывать свой опыт, свое ощущение от соприкосновения с этим понятием в конкретных ситуациях, не пытаясь его определить или обобщить.

Начну с нескольких кратких цитат из различных источников. Надеюсь, что они дадут читателю некоторое представление об отправных точках моих путешествий. Однако замечу, что я довольно много и долго читала и о буддизме, и о даосизме, прежде чем начала активно и сознательно пытаться освоить идеи этих учений, применять их в собственной жизни.

Сперва приведу несколько цитат, отражающих взгляды «изнутри» буддизма и даосизма. Вот стих 11 из Дао дэ Цзин в переводе Доброхотовых:

Тридцать спиц входят в одну ступицу,
Но не будь она пуста посередине, не было бы колеса.
Кувшин лепят из глины,
Но не будь он пуст внутри, на что был бы пригоден?
В доме делают окна, двери и стены,
Но не будь пустоты между ними, где тогда жить?
Во всем главное – внутренняя пустота.

А вот три цитаты из «Дхаммапады» в переводе Топорова. («Дхаммапада» – свод изречений Будды, изустно переданных из поколения в поколение его последователями и записанных спустя примерно 2 или 3 столетия после его смерти).

У кого совсем нет отождествления себя с именем и формой и кто не печалится, не имея ничего, именно такого называют бхикшу (бхикшу – высшая степень монашеского посвящения – Я.К.).

Выдержка, долготерпение – высший аскетизм, высшая нирвана, – говорят просветленные, – ибо причиняющий вред другим – не отшельник, обижающий других – не аскет.

В небе нет пути; нет отшельника вне нас. Люди находят радость в иллюзиях, татхагаты свободны от иллюзий. (татхагата – буквально «Просто Прохожий» – просветленный человек – Я.К.).

Пема Чодрон, буддийская монахиня, которая является влиятельным учителем буддизма в Северной Америке, в одной из своих лекций сказала так (цитирую по моим записям, перевод с английского мой):

Разбуженное сердце больше всего похоже на безответную, не встретившую взаимности любовь... Тоска, томление так велики, что сердце распаивается настежь. Оно раскрывается все шире и шире, так, что кажется – вот-вот умрешь от радости и печали. Это и есть шуньята.

Bodhichitta, awakened heart... it's more like an unrequited love affair. ... The longing is so great that your heart opens. It keeps opening until you think you are going to die of joy and sadness... This is Sunyata.

А теперь приведу примеры взглядов «снаружи»:

Русскоязычная Википедия пишет о понятии Шуньята так:

...пустой, находящийся за пределами чувственного восприятия, непостижимый, (добавление значения возможности того, что все может возникнуть) – понятие философии буддизма, полагающее отсутствие собственной природы вещей и феноменов (дхарм) ввиду их обусловленности и взаимозависимости. Шуньята – наиболее трудное понятие буддизма, не поддающееся простому описанию и определению. Постигание «пустоты» – важная цель буддийских медитаций...

Энциклопедия «Кругосвет» добавляет:

...«Реализация» Шуньяты сознанием адепта считается оптимальным способом познания «вещей как они есть», а также духовной терапией, освоение которой сопровождается культивированием совершенств (парамиты) – терпения, сострадания и силы и одновременно устранинности от иллюзорного мира, которые составляют основные достижения в «пути бодхисаттвы». В текстах Палийского канона понятие «пустотность» встречается сравнительно редко. По мнению некоторых буддологов, она означает там отсутствие факторов, препятствующих медитации и «освобождению», и заодно само «освобождение» как таковое, но вместе с тем сама шуньята является объектом медитации. Имеются высказывания о том, что проповеди Будды суть учение о «пустотности»...

«Энциклопедия эзотеризма» дает такую справку:

Кьюн, шунья, шуньята («пустой», «пустота», «невещественный», «невещественность») – ключевые слова фундаментальной для всей Махаяны концепции буддизма. Точные ее определения разнятся в соответствии с каждой школой или сектой. Согласно Чаньской Школе, только ум является реальным. Он является «кьюн» совсем не в том смысле, что он вакуум, а в смысле, что он не имеет собственных характеристик и поэтому не может восприниматься чувствами, как то, что имеет форму, размер, цвет и т.д. Явления пусты потому, что все они являются временными созданиями ума, который обладает чудесной способностью производить внутри себя

всевозможные типы явлений. Как умственные создания они являются естественно пустыми, или невещественными.

А теперь перейду к своим собственным мыслям, к своему опыту.

Когда, следуя совету буддизма, я по-настоящему внимательно всматриваюсь в любое явление, то вижу, что мое привычное представление о нем не соответствует реальности. То есть моя концепция реальности оказывается «пустой». Бывает, что мое понятие на поверку оказывается иллюзией (то есть вовсе не отражает истинную суть вещей). Чаще я вижу, что мой взгляд на вещи имеет основу в реальности, но является упрощением, несовершенной моделью.

Говоря техническим языком (а для меня такой язык сподручнее для абстрактных разговоров), мое представление о любом аспекте реальности – это проекция этого предмета или понятия, или явления из многомерного пространства на подпространство меньшей размерности. Нередко мое восприятие – это еще и проекция с искажениями.

Чтобы пояснить, что я имею в виду, когда говорю о проекции, приведу пример проекции объекта из трехмерного пространства на двумерные подпространства. Представьте себе конус, подвешенный к потолку за «верхушку». Если осветить конус сверху, то тень, которую он отбросит на пол (то есть на двумерное пространство, параллельное «доньшку» конуса), будет выглядеть, как круг. А если осветить его сбоку, то он отбросит тень на двумерное пространство стены. И эта тень-проекция будет треугольной. Даже если пол и стена ровные, то есть не искажают проекцию, каждая двумерная проекция-тень не дает полного и правильного представления о трехмерной реальности конуса.

Я в повседневном своем сознательном и подсознательном мышлении о мире представляю себе его разделенным на статичные и отдельные предметы, явления, существа и т. д. Хотя я способна осознать существование зависимостей, взаимодействий и причинно-следственных связей между явлениями, я могу проследить только очень малое число таких связей.

На самом же деле все и вся в мире – это динамические процессы, постоянно находящиеся в течении, в переходе из одного состояния в другое. И, кроме того, каждая частичка взаимодействует в этом своем течении со всеми остальными составляющими частями вселенной. К тому же все, происходящее в данный момент, обусловлено прошлым вселенной. Нет, пожалуй, и это не совсем полное описание. Существование – это непрерывный, единый поток, разделение которого на «капли-объекты», на отдельные «струи-явления», на прошлое, настоящее и будущее кажется мне (когда я вглядываюсь достаточно сосредоточенно и пристально) условностью, сконструированной моим мышлением.

Я полагаю, что дискретизирование, упрощение и даже искажение реальности в нашем восприятии неизбежно. Более того, оно «биологически необходимо», потому что вселенная большая, а мозг человеческий – маленький и приспособленный эволюцией для

выживания и продолжения рода, а не для озарения и достижения душевного совершенства. Упрощенная модель реальности позволяет быстро ориентироваться в ситуации и принимать решения, которые, как правило, адекватны целям выживания и продолжения рода в конкретных ситуациях, «предусмотренных» долгим процессом эволюции. (А ситуации, «предусмотренные» эволюцией, это – сцены из жизни охотника-собирателя или даже более древние пласты истории развития человека как вида.) Искажения реальности – это, как правило, результат эмоциональных и подсознательных процессов, в которых, так же, как и в упрощениях, могут быть замешаны инстинкты и даже физиологические рефлексy.

Короче, у всего этого есть эволюционная основа. Так что, полагаю, нет смысла сетовать на наш привычный процесс восприятия мира и реакцию на него.

Однако моя система ценностей «вышла из повиновения» классической эволюции. Выживание и продолжение рода не кажутся мне наивысшим благом. Умиротворенность, душевное совершенствование, мудрость и уменьшение страданий (и моих, и чужих) являются для меня более желанными целями. По крайней мере, так дело обстоит на уровне моего сознательного мышления. И потому я стараюсь всмотреться в свои собственные привычные суждения и реакции, проверить их и оценить с точки зрения своих же высших целей.

Я думаю, нет смысла пытаться в этом эссе рассуждать, правильно это или нет, хорошо или плохо, что у меня такие ценности. Я принимаю их за исходное условие. Я понимаю и признаю, что если у моего читателя другие ценности, то все мои рассуждения покажутся ему бесосновательными.

Постараюсь проиллюстрировать некоторые аспекты вышесказанного маленьким примером. У моих родителей с юности была группа близких друзей, с которыми они проводили много времени, когда мы жили в Ленинграде, и с которыми они поддерживают связь и до сей поры. Для меня в детстве эти люди были любимыми дядями и тетями. Я и до сих пор с ними сохраняю теплые отношения. Но среди них был один человек (назову его условно Файнман), к которому я испытывала необъяснимое недоверие, вплоть до неприязни. Даже его имя мне не нравилось. Поскольку он никакими своими поступками не заслуживал такого отношения и поскольку я была ребенком благовоспитанным и вежливым, я не проявляла своих чувств и не говорила ничего своим родителям. Потом моя семья эмигрировала в США, и я Файнмана много лет не видела.

Но вот в какой-то момент, когда я уже была взрослой замужней женщиной, мои родители с радостью объявили, что Файнман с женой и детьми тоже эмигрировал и поселился в соседнем штате, так что мы сможем с ними видаться. Я опять испытала безотчетное чувство неудовольствия и тревоги, чего на этот раз от родителей не скрyla. Они изумились моей реакции, поскольку они Файнмана знали многие

десятилетия и питали к нему самые теплые чувства. Наконец мама вспомнила такой эпизод. Когда я была совсем маленькой, Файнман сказал мне «Я Бармалей, я ем маленьких детей» и стал за мной гоняться, а я от него с визгом убегала. Он думал, что я с ним играю, что мне весело (ведь маленькие дети действительно часто с восторгом играют в «игры-страшилки»). Но мои родители поняли, что я не на шутку испугалась. Они попросили его прекратить эту игру, что он и сделал. Надо сказать, что я этот эпизод не помнила, и даже когда мама мне о нем рассказала, эта сцена в моей памяти не всплыла. Однако мне этот случай показался достаточно убедительным объяснением моего недоверия к этому человеку.

Я не скажу, что мое отношение к Файнману тут же изменилось. Но я стала к нему присматриваться и пришла к выводу, что он действительно доброжелательный, милый и интеллигентный человек. Теперь я просто диву даюсь, вспоминая свою давнишнюю неприязнь к нему. Впрочем, с точки зрения эволюции, при встрече с потенциальным Бармалеем есть смысл не пытаться выяснить, какова реальность на самом деле, а брать ноги в руки. И раз записав кого-то в Бармалеи, проще и надежнее и дальше избегать этого человека, а не пересматривать всякий раз свое решение заново.

Вообще, действительность нередко удивляет меня и в большом, и в малом, оказывается совсем иной, чем мне представлялось. Такое расхождение между тем, что мне кажется, чего я ожидаю, и тем, что происходит на самом деле, я наблюдаю не только во внешнем мире, но даже и внутри себя. Независимо от того, какие эмоции (радость, страх, горе или просто интерес и любопытство) вызывают у меня конкретные обстоятельства этого расхождения, само ощущение удивления или шока я воспринимаю как «соприкосновение с пустотой».

Мне кажется, что это мое стремление осознать реальность ближе к тому, какая она есть, по возможности «поймать с поличным» иллюзии и искажения и ослабить их хватку, вполне созвучны с ключевыми стремлениями и буддизма, и даосизма.

Отличие моего взгляда от того, что мне приходилось читать и слышать, состоит в том, что возникновение искажений и иллюзий кажется мне не ошибкой, не неисправностью, а одновременно и неизбежным побочным эффектом, и даже частью «механизма», самого эволюционного процесса формирования человека.

Вообще-то, вопрос о том, откуда берутся наши иллюзии, наши понятия, которые кажутся нам столь очевидно-твердыми, а на деле оказываются «пустыми», – это, на мой взгляд, вопрос второстепенный. Поэтому мне не мешает разница между тем, как я объясняю сама себе возникновение этих явлений, и тем, как это объясняют «традиционные» буддисты. В Дао дэ Цзин я вообще не вижу попыток объяснить, почему мир и люди такие, какие они есть. Но и это мне не мешает. Я с почтением, восхищением и охотой учусь и у буддизма, и у даосизма тому, как двигаться к этим своим высшим ценностям. Да это и не

удивительно – ведь само определение этих ценностей я для себя сформировала под влиянием этих учений.

Теперь перейду к самой практике «прыжков в пустоту».

Я и мое имя

Начну с понятия собственного «я». Когда я мыслю привычными категориями, «вскользь», то я воспринимаю собственное «я» как нечто, находящееся в уникальных отношениях с вселенной. То есть «я» – это нечто, радикально отличное от всего и всех, что «не я». Это «я» представляется чем-то, в центре своем неизменным и неизменяемым. И мне кажется очень важным сделать так, чтобы это «я» заслуживало и получало внимание и одобрение со стороны окружающих, а также выполняло бы свои обязанности в мире, заслуживало бы своего собственного одобрения.

Но когда я начинаю всматриваться повнимательнее, то вижу и ощущаю, что на самом деле такое «я» – иллюзия. У меня нету даже единственного, неизменного имени. Как ко мне обращаются, как я представляюсь, зависит от контекста. Вот для читателей я – Я.К. Подруги Тата и Кира ко мне обращаются по прозвищу. Для дочки я – то американская *“mommy”*, то русская «мамушка». В особо официальных рабочих ситуациях меня представляют как «доктора» и произносят мою фамилию на американский манер и т.д. И мой внутренний дискурс не однороден. Я думаю то по-русски, то по-английски, а то на какой-то смеси слов и бессловесных ощущений. И в зависимости от «формы» – от того, какую роль я играю, на какое имя откликаюсь, на каком языке думаю, меняется и мое «содержание»: мой взгляд на вещи, мои способности, даже мои эмоциональные реакции. Эти изменения не всегда радикальны, но для меня заметны.

Я полагаю, что разные люди, с которыми я взаимодействую в разных контекстах, опишут и оценят меня по-разному. Например, есть ситуации, где я проявляю (как правило) достаточно высокий уровень умственных способностей и познаний, а есть ситуации, где просто поразительно, какая я тупица и невежда (например, за рулем машины). В каких-то ситуациях я веду себя невозмутимо и сдержанно, а в других – откровенно хохочу или впадаю в панику. Реакция разных людей на меня будет очень разной и потому, что они получат очень разных Я.К., и потому, что сами они тоже очень разные и в отношениях со мной играют разные роли.

К тому же, и мое тело, и мой внутренний мир меняются со временем. В конце концов это «я» умрет.

И, конечно же, мое «я» не более и не менее важно, чем все остальные «я», населяющие мир.

Короче, мое «я» существует («я мыслю – значит, существую»), но совсем по-другому, чем мне это представляется, когда я об этом думаю поверхностно, по привычке. «Цепляние» за иллюзорное «я» превращает

его в эгоцентричное «Я-Я-Я», сосредоточенное на себе, а значит – неспособное принимать реальность такой, какая она есть, а потому болезненное, страдающее и причиняющее неудобства и даже страдания другим. Я стараюсь с помощью буддизма и даосизма, посредством «прыжков в пустоту» ослабить это цепляние, стряхнуть, хотя бы время от времени, бремя этой иллюзии.

Вышеупомянутая буддийская монахиня Пема Чодрон в своих лекциях «Там, где страшно» сказала: «Отсутствие эго – это, по существу, просто гибкая самоидентификация, которая проявляется в жизни в таких качествах, как любознательность, адаптивность, чувство юмора, легкость и игривость. Это способность смиряться с незнанием и непониманием, даже с незнанием самого себя или других людей» (перевод с английского А. Сливковой – М. Гаятри).

О каменных стенах

Я смотрю на то, как я воспринимаю не только саму себя, но и других людей, скажем, свою дочку. Поскольку она растет «на глазах», я не склонна забывать о том, что она – не статическая «точка», а процесс непрерывного изменения. Но мне все время хочется найти способ сделать ее неуязвимой, гарантировать, что она будет защищена от всех бед и бессмертна (или, по крайней мере, переживет меня).

С одной стороны – это чувство вполне естественно и необходимо. Было бы ужасно, если бы я не испытывала такого желания. И с точки зрения эволюции такое желание вполне логично. С другой стороны, идея, что что-либо может сделать ее неуязвимой и бессмертной – иллюзия. И если я цепляюсь за такую иллюзию, то рискую здорово ей навредить – и психологически, и практически. Мне кажется, что родители иногда уродуют жизнь своим детям именно потому, что они пытаются «вытрясти» из вселенной или из своего чада такие гарантии.

Вообще, желание добиться неоспоримой власти над всем, что может изнутри или снаружи угрожать комфорту и незыблемости привычного «я», вокруг которого вращается привычное «мироздание», – это, по-моему, один из основных двигателей того, что мы склонны называть «человеческим злом». Домашний тиран, избивающий жену и детей, «чтобы знали свое место и не смели...», скупой рыцарь, для которого золото важнее, чем человеческие кровь и слезы, участник толпы, забивающей камнями женщину, обвиненную в непокорности к диктатам семьи или общины, погромщик, инквизитор, опричник, террорист (красный, белый или любой другой расцветки) – все это, на мой взгляд, печальные примеры людей, пытающихся любой ценой заткнуть все щели, из которых дует сквознячок пустоты, сомнения, неопределенности.

Иллюзия возможности существования каких-то гарантий, какой-то внутренней или внешней непоколебимой каменной стены, за которой можно укрыться от страданий и сомнений, – это, по-моему,

одно из наиболее фундаментальных заблуждений. Даже самая настоящая каменная стена, в конце концов, может оказаться иллюзией – то есть оказывается, что и за каменной стеной невозможно укрыться так, как этого людям хочется.

Расскажу в этой связи запомнившуюся мне историю. Лет 20 назад мне довелось побывать в Люксембурге. Это очаровательное, кажущееся игрушечным и сказочным маленькое государство в самом центре Европы, в Арденнских горах. Теперь это конфетка для туристов. Но вокруг самого города Люксембурга сохранились очень небольшие участки каменной стены совершенно невероятной толщины. Экскурсовод рассказал, что когда-то весь город был обнесен такой стеной.

Дело в том, что Люксембург построен на скале, окруженной ущельями. Еще в древнеримские времена было ясно, что такую точку легко оборонять и трудно взять боем. Поэтому там с древних времен была крепость. В X веке эти земли были куплены неким Сигфридом, и он решил построить себе там неприступную твердыню. За этим, почти десять веков, повторялась одна и та же история. Город считался неприступным, а потому становился лакомой приманкой для французских и немецких властителей, которым хотелось иметь пресловутую «каменную стену». Город осаждали. Многие такие попытки и впрямь оказывались неудачными, но в конце концов хитростью или с помощью новоявленных военных технологий крепость кому-то удавалось взять. Победитель, доказав на деле, что крепость неуязвимой не является, решал, что это – поправимый изъян, и укреплял ее еще более высокими и мощными стенами.

И вот, к середине XIX века, Люксембург стал городом, в котором практически не было ни солнечного света, ни свежего воздуха (несмотря на то, что вокруг него расстилались потрясающие красотой и свежестью горные виды). В Люксембурге в те времена была высокая смертность от туберкулеза и самоубийств.

В середине XIX века город снова стал яблоком раздора между Францией и Германией. Дело почти докатилось до военных действий, но каким-то образом нашлось дипломатическое решение. Обе стороны согласились, что Люксембург станет нейтральным графством. Я уже не помню, каким образом было решено снести эти каменные стены – было ли это частью договора между Францией и Германией или почином самих жителей города. Так или иначе, эти стены разобрали ценою огромных усилий. В результате город потерял свое стратегическое значение, а также перестал быть для своих жителей мрачным казематом, где они мерли, как мухи.

Погоня за этой фантазией неуязвимости, попытки спрятать от себя тот факт, что желаемое – иллюзорно, часто приводят к абсурдному, безумному поведению и даже к безжалостности по отношению к себе или другим. Никто и ничто никому не может быть на самом деле «каменной стеной». Мы все физически, эмоционально и духовно

уязвимы. Единственное, что мы можем предложить себе самим и друг другу – это принятие, неравнодушие, сострадание, посильная помощь.

Иллюзия поэтического перевода

Ранее я процитировала стих из «Дао Дэ Цзин» в переводе Н. и Т.Доброхотовых. Теперь я хочу сказать несколько слов о переводах, поскольку проблема постижения текста через посредников сопряжена в моем сознании с идеями пустоты и иллюзии. Это в особенности касается такого древнего, глубокого, многогранного, поэтического и предельно сжатого текста, как «Дао Дэ Цзин». Я понимаю – несмотря на то, что я многие годы ориентируюсь на эту книгу как на путеводную звезду, мое соприкосновение с ней является в определенном смысле иллюзией. Я читаю различные переводы и на английский, и на русский языки, и все они разные по тону, по оттенкам содержания, по тому, что выставляется на передний план, а что затушевывается. Поверить в то, что один из этих переводов «правильный», было бы ошибкой. Поверить в то, что мой собственный синтез прочитанного является правильным пониманием, тоже было бы ошибкой. Но и махнуть рукой на всю затею изучения этой книги тоже было бы для меня ошибкой. Остается одновременно сознавать иллюзорность, пустоту моего ориентира и – стремиться к нему.

Пустота как прием

Теперь приведу пример использования концепции пустоты и иллюзии в конкретном физическом контексте. Я занимаюсь Тай Чи. Это вид искусства самозащиты или оздоровительной гимнастики, основанный на концепциях даосизма.

Наш учитель (Мастер) много внимания уделяет идее динамического (свободно перетекающего) баланса между «пустотой» и «наполненностью» в применении к единоборству.

Тут надо сказать пару слов о единоборстве на наших уроках. Цель состоит в том, чтобы испытать результаты собственной практики, а не в том, чтобы нанести повреждения или причинить боль напарнику. Мы не ударяем и не пинаем друг друга. Мы пытаемся сместить напарника, заставить его потерять равновесие, не потеряв при этом своего равновесия.

На данной стадии я понимаю идею применения пустоты и иллюзии так: мой собственный вес, а также вес (сила напарника), которые я «принимаю» в единоборстве, должны быть сосредоточены на одной оси, проходящей от моей «наполненной» руки, то есть той точки моего тела, через которую идет контакт (как правило, это предплечье), и до той точки, где «наполненная», то есть опорная, нога опирается на землю. «Пустая» рука и «пустая» нога соприкасаются с напарником и землей очень легко. Но их функция не менее важна, чем функция

«наполненных» конечностей, поскольку «пустые» конечности служат центрами вращения, делают мою ситуацию динамичной. Сместить напарника, особенно если он крупнее и сильнее меня, необходимо не применением моей силы, а применением его силы. Я должна сперва «заманить» его (создать у него иллюзию устойчивости и преимущества вдоль какой-то оси движения), а потом исподволь, быстро и плавно «перетечь» в позицию, где либо его вес и кинетическая энергия, либо внутренняя конфигурация костяка и сухожилий, оказываются в неестественной для него ориентации. В такой ситуации он вынужден либо продолжить начатое им движение, но уже не имея ожидаемого сопротивления, а, значит, и опоры с моей стороны, либо «уступить» мне.

Когда Мастер показывает нам такое применение пустоты, то выглядит это как волшебство. Движения Мастера, невысокого, сухощавого человека (которому 81 год) практически незаметны. А «соперник» (как правило, человек на голову выше Мастера и превышающий его весом больше чем наполовину), после нескольких потуг, вдруг отлетает с огромной скоростью и приземляется с грохотом.

Веселая пустота

До сего момента я говорила о пустоте как об отсутствии или изъятии чего-либо (иллюзий, сопротивления). И «выражение лица» у этих аспектов пустоты было весьма серьезное. Но пустота имеет и совсем другой аспект: веселый, манящий, созидательный, общительный. И я хочу теперь сказать несколько слов о пустоте такого рода.

В своем Живом Журнале «Дом у дороги» Кира и Тата уже писали о нашем общем учителе – В. А. Лейкине. Он многие годы вел занятия детского ЛИТО при ленинградской газете «Ленинские Искры». На занятиях он вовлекал нас в литературные игры, в которых пустота белого пространства на листе бумаги оказывалась потайной дверцей в волшебный мир. Он предлагал нам затравку – например, строчки из классиков, или рифмы (буриме), или какую-то поэтическую форму, или первую строчку еще несуществующего повествования. Нашим заданием было придумать продолжение на заданную тему или стихи в заданной форме. Это было совсем не похоже на унылое писание школьных сочинений. Не было никаких гласных или негласных правил, никакого принуждения. И мы, выхватив из его рук предложенную нам игрушку, зажигались общим вдохновением, вздохом сочиняли, хохоча, передавали друг другу измаранные листы, разбивались на группы и соревновались друг с другом, и снова объединялись в создании забавнейших, часто совершенно неожиданных произведений.

Для меня эти игры – одни из самых счастливых и дорогих воспоминаний детства. И мне кажется, что именно эти совместные «полеты в пустоту» сдружили нас так, что никакие повороты судьбы и различия в мировоззрении не смогли впоследствии разъединить нас.

Лечение пустотой

Теперь, когда я наметила, что я имею в виду под «пустотой», я хочу рассказать о том, почему я заинтересовалась буддизмом и даосизмом и почему я так много внимания уделяю конкретно этой теме.

Я изначально встала на этот путь не из любви к философии, а потому, что меня, как говорится, «приперло к стенке». Я в те времена была совсем молодой женщиной, но у меня возникли нешуточные проблемы со здоровьем. Меня донимали всяческие инфекции. Меня лечили антибиотиками, но эти препараты еще более расшатывали мою иммунную систему и делали меня ходячим курортом для вирусов или бактерий. По моим сегодняшним понятиям, первопричиной этих неполадок был постоянный, острый стресс. А стресс этот был вызван иллюзиями и заблуждениями в том, кто и что я есть, чего я должна от себя ожидать и требовать.

В США есть такая поговорка: если обнаружил, что находишься в яме, то перестань копать. Я, к сожалению, долго и ожесточенно продолжала углублять свою «яму», то есть пыталась решить свои проблемы все более жесткими требованиями и упреками по отношению к самой себе.

Мне посчастливилось, что я попала к врачу, который понял мою ситуацию (потому, что он сам побывал в сходной). С его помощью я осознала, что стандартная западная медицина, в сочетании с унтер-пришибеевской самодисциплиной, не только не способна мне помочь в корне решить проблему, но и, наоборот, приводит к обратным последствиям. И я стала искать другие пути. В тот момент я вытащила из книжного шкафа книгу, по которой когда-то изучала различные религии и философские традиции в обзорном курсе в колледже. Я перечитала эту книгу совсем другими глазами, чем когда я видела в ней лишь академический учебник. Буддизм и даосизм непосредственно и убедительно (для меня) указали мне на то, как и в какую яму я попала и как следует из нее выбираться.

На этом пути я движусь не по прямой линии, а по траектории со многими извилинами и отступлениями, повторяя на разные лады одни и те же ошибки. Иногда мне кажется, что я, как Винни Пух и Пятачок, хожу по кругу, изучая свои же следы на снегу. Однако когда я более внимательно и терпеливо всматриваюсь в происходящее, я вижу, что это все же не круг, а спираль. За 20 лет я многое поняла и многому научилась. Кстати, и здоровье мое намного улучшилось.

От экземы и простуды
Защитит ученье Будды.
Лечит грипп, бронхит и сплин
Лао-цзы в Дао Дэ Цзин.

Поначалу прямое ощущение пустоты меня пугало и отталкивало. Теперь «прыжки в пустоту» стали для меня чем-то вроде занятий

экстремальным видом спорта – мне и страшно бывает, и весело, и интересно. Но самое главное, что в жизни мне это помогает. Часто, когда я вдруг вижу себя как бы со стороны – пыхтящей, напряженной и подавленной обреченными на провал усилиями построить очередную каменную стену – мне становится одновременно смешно, жалко, и досадно. Не скажу, что мне удастся прекратить такую суету. Но все же пыл, как правило, несколько умеряется. Я стала более веселым, уравновешенным и открытым человеком, чем была в молодости. А потому от меня больше пользы и меньше напряжения для окружающих. (По крайней мере, мне так кажется).

Какой ценой?

Я обратила внимание, что в русскоязычном интернете при обсуждениях так называемых «восточных мудростей» (то есть буддизма, даосизма и индуизма) нередко используются термины типа «нигилизм», «безразличие», «равнодушие», «апатия», «абсурдность», «отрицание».

Поэтому возможно, что у некоторых читателей возникнут вопросы: А какой ценой ты стала более веселым, уравновешенным и открытым человеком? Не стала ли ты при этом черствой и ленивой? Не приучают ли тебя эти учения к абсурду и хаосу в восприятии мира? Не используешь ли ты эти учения, чтобы оправдать апатию или даже аморальность во взаимоотношениях с людьми? Например, если рассматривать концепцию абсолютных гарантий как иллюзию, то не приведет ли это к тому, что предательство и измена могут показаться естественными и даже приемлемыми? И если ты надеешься, что кто-либо из читателей найдет для себя что-то полезное в этом эссе, не рискуешь ли ты и этого читателя направить или утвердить в таком направлении?

Те читатели, которых такие вопросы не тревожат, могут теперь перепрыгнуть к заключительному параграфу. А для остальных я постараюсь дать трехступенчатый ответ.

Во-первых, хотя я пришла к выводу, что многие страдания людей (в том числе мои собственные) проистекают от иллюзий, я по собственному опыту знаю, что сами эти страдания вовсе не являются иллюзорными. То есть когда человеку плохо, участие и помощь и, в то же время, уважение к его личности ему необходимы совершенно независимо от того, как он попал в эту ситуацию. Иллюзии возникают и долго удерживаются у людей не потому, что мы плохие, упрямые или глупые, а потому, что это – эффект того упрощения, фильтрации необъятной вселенной, которое необходимо для нашего выживания.

Более того, я не могу знать, как устроено сознание и бытие другого человека, что является для него правдой, а что иллюзией, что для него возможно, полезно и необходимо на данном этапе его жизни. Законы этики и морали направлены на то, чтобы не причинять друг другу страдания, даже когда мы не знаем, чего хочет или не хочет каждый

участник ситуации. Абсолютных гарантий никто и ничто нам дать не может, но это не оправдывает подлости, точно так же, как тот факт, что все люди смертны и каждый в конце концов умрет, не оправдывает убийство.

Поэтому я смотрю на концепцию пустоты и иллюзии не как на замену участию и этичному поведению в отношениях с другими людьми, а как на орудие, которое помогает мне быть более эффективной в моих усилиях. Иногда молчаливое присутствие, участие без вмешательства, принятие ситуации такой, какая она есть, кажутся мне более мудрым выбором, чем активные действия. Но это вовсе не то же самое, что равнодушие и апатия.

Во-вторых, абсурд (то есть вздор, нелепость) не есть свойство буддизма или даосизма, а скорее симптом, который эти учения выявляют и используют в устранении иллюзий. Абсурд возникает, как правило, в результате того, что человек принимает свои иллюзии за абсолютную, единственно возможную реальность, а потом пытается перекроить мир (внутренний или внешний) так, чтобы не было видно расхождения между тем, что должно происходить согласно его модели мироздания, и тем, что происходит на самом деле.

В-третьих, я думаю, что каждый взрослый человек должен сам для себя решать, в каком направлении двигаться, как и в каких целях использовать различные идеи.

Я стараюсь настолько близко подойти к первоисточникам буддизма и даосизма, насколько это для меня возможно (то есть через чтение многочисленных переводов). Будда сам не оставил после себя письменных документов, сохранились лишь записи его учений, сделанные его последователями. Лао-цзы оставил нам лишь одну краткую (хотя и неизмеримо глубокою) книгу. Так что невозможно заявить с полной уверенностью, что именно Будда или Лао-цзы сказали бы нам по каждому важному вопросу, как бы они приспособили свои учения к обстоятельствам нашего времени, к психологии конкретных людей и социумов. А даже если бы я и могла получить от них прямые указания к действию, все равно это не сняло бы с меня моральной ответственности за мои решения и поступки.

Когда я читаю эти первоисточники, меня трогает и согревает то глубокое сострадание к людям, ко всему живому, которое является движущей силой, сердцем, гонящим кровь по жилам этих текстов. В то же время, я отдаю себе отчет, что это не является гарантией, что эти учения будут использованы в соответствии с намерениями их основоположников.

С одной стороны, можно привести пример Ашоки Великого – индийского императора, который был безжалостным воином-завоевателем, но, познав буддизм, полностью изменил цели и методы своего правления, раскаялся в причиненных им страданиях и приложил огромные усилия, чтобы сделать жизнь людей (да и животных тоже) в своем царстве более счастливой, чтобы исключить страдания.

Но с другой стороны, можно указать на Миямото Мусаси, автора «Книги Пяти Колец», которая стала его наследием. Он тоже был воином-самураем. Книга Пяти Колец – пособие по изучению военного ремесла, в особенности техники фехтования (не как спорта, а как способа убивать и калечить врагов). Его книга основана на принципах философии зен-буддизма. (Зен, кстати говоря, является сплавом буддизма с даосизмом.) Последняя глава «Книги Пяти Колец» – размышление и наставление о «пустоте». Я читала эту книгу (в переводе на английский язык) и не буду скрывать, что была очарована ею точно так же, как я была очарована выставкой классических японских мечей и доспехов, на которой я недавно побывала. Простота и гармоничность формы, красота абсолютной эффективности в сочетании с тем особым бдительным вниманием, которое вызывают у нас вещи, сопряженные с опасностью, волнуют и привлекают. К тому же в кодексе чести самурая, в его идеалах бесстрашия и артистической и философской утонченности есть огромная притягательная сила. Однако, в конечном итоге, и эти молниеподобные мечи, и эта отточенная, как лезвие, книга – орудия, предназначенные для того, чтобы превратить живого человека в кровавый обрубок.

В этом смысле буддизм и даосизм можно сравнить с медициной. Усилия Гипократа и Флоренс Найтингейл были направлены на облегчения человеческих страданий. Многие врачи и исследователи в области медицины искренне, порой самоотверженно, стараются помочь людям. В то же время, не следует поддаваться иллюзиям об абсолютной непорочности и эффективности медицины. Доктор Менгеле, экспериментировавший на еврейских узниках концентрационных лагерей, и советские психиатры, травившие диссидентов лекарствами, – самые ужасные тому примеры. Существует немало врачей, для кого нажива – главная мотивировка их деятельности. И даже вполне добросовестный и компетентный врач может прописать лечение, идущее во вред конкретному пациенту.

Заключение

Наконец, просуммирую. Пустота – это не значит, что в мире ничего нет или что существование бессмысленно и абсурдно, а значит, что мое построение реальности иллюзорно. Иллюзии возникают в результате естественного процесса упрощения мира, необходимого для того, чтобы вместить его в мое сознание. Без такого упрощения я не смогла бы жить, то есть ориентироваться и действовать. Но если я забываю о том, что это – иллюзии, и начинаю за них цепляться, то я и себе, и окружающим склонна доставлять страдания, без которых вполне можно обойтись. Признавать пустоту иллюзий бывает больно и страшно, а бывает замечательно или забавно, а часто все вместе. Нельзя этим заниматься все время (а то каша в кастрюле подгорает, и приходится дочке завтрак сухим пайком выдавать), но и забывать об этом не следует.

В пустоту без парашюта: Стихи

... И увидела я,
 Что одна я иду по дороге
 Среди безжизненной роскоши
 Яркого зимнего дня.
 Горизонт растворился
 В морозном сиянии снега,
 Солнце в небе застыло
 И больше не грело меня.
 Небо было таким, как всегда,
 Ослепительно синим.
 Но оно не дышало,
 Промерзнув до самого дна.
 И напротив прозрачного,
 Оледеневшего солнца,
 Не растаявши с ночи,
 Недвижно стояла луна.
 Воздух замер от холода,
 Легкий, сухой и колючий.
 Словно купол стеклянный,
 Была надо мной тишина.
 Только снег под ногами,
 Ломаясь, хрустел еле слышно.
 И увидела я,
 Что иду по дороге одна.

* * * * *

Я стала так сама с собой несхожа,
 Что, кажется, и не в родстве с собой.
 Я, как змея, свою сменила кожу
 И разминулась со своей судьбой.

Забыв про вес цепей, про тяжесть крыльев,
 Про преданность незрячую корней,
 Я в невесомом, радужном бессилье
 Купаюсь в пене праздничных огней.

* * * * *

Как черная вода, прилив печали
 Покачивает сердце. Что поделать?
 Зародыш расставанья заключен
 В моменте первой встречи. Вздохи, слезы –
 Все это бесполезно, ни к чему.

Иду по мокрому песку. Вечерний город
 Дрожит на сваях отраженных фонарей.
 Пустая лодка спит без сновидений,
 Скрестив неловко весла на скамье.

* * * * *

Чужих ошибок архивисты,
 Мы заблуждений лишены,
 На все глядим со стороны
 И совестью гордимся чистой.

Избегнув каверзных сетей,
 Не сотворив себе кумира,
 Мы пустотой латаем дыры,
 Зияющие в пустоте.

* * * * *

*Боюсь, что неостанет сил забыть
 Саднящий вкус отеческого дыма.*

В.А.Лейкин

Печаль, обида, горечь правоты –
 Все это отпустило, отошло.
 Внезапный спазм не исказит черты,
 Глубокий вздох не замутнит стекло.

Пускай не свет, не исцеленье боли,
 А лишь наркоза тихое «Усни»,
 Что ж, пустота – почти покой и воля,
 А отрешенность мудрости сродни.

Опыт

На черной линзе телескопа
 Свое увидев отраженье,
 Не делай выводов поспешных.
 Служить своей же тени тенью,
 Быть должником своей судьбы,
 Готовить хитрую приманку
 И крюк для собственной губы,
 И путать зеркало и дверь –
 Смешно, но как-то без веселья.
 Уж ты мне на слово поверь.

* * * * *

Во всех углах клубится пустота,
 Колеблется в сознании медузой,
 Звенит в ушах и не дает вздохнуть.

Теперь не жалуйся – ты выбрала сама:
 Перехитрить судьбу, сыграть вничью,
 Отвергнуть поражения дары.

* * * * *

Я поднимаюсь по спирали,
 А к потолку или к звезде,
 Наблю ли шишку, в вечность кану,
 Иль, направленье перепутав,
 В мазутной окажусь воде –
 Сейчас понять мне не дано.

Но даже если очевиден
 Ответ на это вам давно,
 Меня не искушайте знаньем –
 С судьбою в торг вступать грешно.

* * * * *

Оставь, оставь... Что было, то прошло.
 Что не было, тому уже не сбыться.
 Пытаться подсчитать добро и зло –
 Напрасный труд.
 ...Взмывает в небо птица
 Над остовом готического храма.
 Не здесь, а в Лиссабоне. Не сейчас,
 А в памяти. Все остальное – рама,
 Стремленье заключить и подровнять
 Безмерное.
 ...Премудрый свинопас,
 Который тщится сделать состоянье
 На перлах, свиньям брошенных, смешней
 И бестолковой всех своих свиной.

Двойник заслуженной награды – подаянье.
 В дареной жизни не считают дней.

* * * * *

Нас боги обжигают, как горшки,
 И мы вопим, и молимся, и молим.
 Но не вольны избавить нас от боли
 Из глины слепленные нами же божки.
 Поскольку для того, чтоб стать богами,
 Они должны пройти сквозь то же пламя.

* * * * *

Ослепший разум следует покорно,
 Душе поверив. Недогадливый слепец

Не ведает, что поводырь незряч
И претендует на бессмертие.

А впрочем,
Короче путь, зато богаче счастьем.
Пределам горизонта неподвластный,
На слух, на вкус, на ощупь
Мир – прекрасен.

* * * * *

Торговцы счастьем, продавцы спасенья
Грозят и заывают: «Выбирай –
Душа иль тело, вечность иль мгновенье,
Дорога в ад или тропинка в рай».

Но страха и надежды не тая,
Познает дух, уверится сознание,
Что вышит по канве небытия
Единой нитью весь узор существованья.

Корнеплод

Среди пестрой толпы огородной,
Где толстуха рыжая – тыква
Норовит подкатиться поближе
К баклажану, заморскому франту,
Где соседствуют в пряном раздоре
Желчный перец, чеснок-зубоскал,
И зарывшийся в грязь старый хрен,
Там растет потихоньку и репа –
Проницательный овощ-философ.
Сущность жизни – и сладость, и горечь –
Все впитала она сердцевиной,
Воплотив мирозданье, где корень
Неотделим от плода.

* * * * *

Печалью жажду утолив, весельем – голод,
Свободен тот, кто все простил. Он снова молод.

Ему не в тягость дальний путь, открытый взору.
И ясен свет, и вняттен зов его простора.

Глина

Как луч, преображенный витражом,
Как воздух, в слово перекованный в гортани,
Душа желает влажной глиной стать,
Во всем покорной всемогущей длани,

И пусть потом – пройти через огонь,
 И век служить, и не копить заслуг.
 Она желает, и творит себе сама
 Предназначение, и гончара, и круг.

Человек-амфибия

Человек-амфибия обращает время вспять.
 Человек-амфибия возвращается в лоно вод.
 Отныне бездна станет его землей,
 Отныне вода ему заменит небесный свод.

Не надо его окликать, жалеть, вспоминать.
 У кромки воды оборвалась цепочка слов.
 Он сам избрал свободу вместо судьбы,
 И он познает мир до рожденья миров.

Первый снег

*...Прежде Евы была Лилит...
 Не из глины, не из ребра –
 Из рассветного серебра.*

Вадим Шефнер

Льжи, как длинные языки,
 Лижут снежный пломбир.
 Все печали под снегом спят,
 Ясен морозный мир.

Первозданный снежный Эдем
 Не знает ни зла, ни добра.
 Бежит по рассветному серебру
 Лыжница из серебра.

Учитель Тай Чи

памяти мастера Ченг Хцианг Ю (1929 – 2010)

Жизнь не идет на сделки,
 Смерть не делает уступок.
 Невозможно приостановить течение
 Потока, уносящего лодку,
 Невозможно измерить глубину
 Бездны, которая ее поглотит.

Мой учитель был мудрым человеком.
 Я исписывала страницу за страницей
 Поспешными каракулями,
 Пытаясь схватить, запечатлеть в словах
 Неуловимое и непрестанное движенье.
 Когда тетрадь заполнялась наполовину,
 Я покупала еще одну, про запас.

Мой учитель был старым человеком.
Теперь я гляжу на белые листы.

Я могла бы заполнить их
Своими собственными размышлениями,
Я могла бы найти себе другого учителя,
Я могла бы убедить себя, что эта бумага
Имеет иное предназначение –
Вести учет текущим делам,
Собирать рецепты супов и запеканок...

Но страницы останутся пустыми.
Жизнь не идет на сделки,
Смерть не делает уступок.

* * * * *

Когда печаль раскрывает крылья в полную ширь
И вес ее отрывается от земли,
Детали сливаются в безмянный простор:
Огни дорог, деревья, приборой, корабли.

Лунный свет превращает угольную черноту в серебро,
Зимний ветер свертывает горячие слезы в лед.
И кажется, что не нужно запоминать, как вернуться назад,
И кажется, что бесконечно может длиться полет.

Вечер

Погружаясь в сумрак,
Как в воду,
Освобождаюсь от груза
Памяти, слов, имен.

Осязанье, слух, обонянье
Опережают зренье.
Явь раскрывает объятья,
В себя принимая сон.

Был бы Бог, я б молилась,
Слушал бы ангел – пела.
Но я ощущаю рядом
Лишь вечер да тишину.

И я, как дельфин, выдыхаю
Безмолвную благодарность,
Всплывая и вновь погружаясь
В мерцающую глубину.

Наум Коржавин (Мандель) – один из наиболее известных российских поэтов. Родился в 1925 году. В 45-м поступил в Литературный институт им. М.Горького. В 47-м был арестован чекистами, а в 54-м – амнистирован. Зарабатывал на жизнь переводами. Выход в 1961 году сборника «Тарусские страницы», где была большая подборка его стихов, принес ему широкую известность. В 1963 году в «Советском Писателе» вышел первый сборник стихов. Многие стихотворения Коржавина приходили к

читателям через самиздат. В 66 – 67-х годах он участвовал в движении прогрессивной интеллигенции в защиту Даниэля, Синявского, Галанскова, Гинзбурга. В 73-м уехал из России в США. Часто выступает в американских университетах. Входит в редколлегия «Континента». Два сборника стихов «Времена» (1976) и «Сплетения» (1981) вышли во Франкфурте-на-Майне. В Москве после начала перестройки вышли книги «Время дано», «Стихи и поэмы», «На скосе века». Перу поэта принадлежат также многочисленные статьи, эссе «В защиту банальных истин» и двухтомная автобиография «В соблазнах кровавой эпохи».

В октябре 2011 года состоялись две встречи с Наумом Коржавиным у него дома в Бостоне. В них приняли участие Слава Бродский, Анна Голицына (которая также сделала фотографию Наума Моисеевича для настоящего издания) и Игорь Мандель. Итоги этих двух встреч в форме интервью предлагаются вниманию читателей сборника. Частично в интервью затрагиваются вопросы, связанные с некоторыми моментами выступления Наума Моисеевича (в общей дискуссии о поэзии) на заседании Миллбурнского литературного клуба 6-го августа 2011 года.

Интервью

С.Б. Наум Моисеевич, в этом году исполняется 50 лет с момента выхода сборника «Тарусские страницы». Вы были его участником. Что вы можете рассказать о тех днях? С самого начала: кто вас туда привел? Откуда вы узнали об этом сборнике?

Н.М.К. Я был у самых истоков этого. Я и мои друзья часто ездили в Тарусу. В том числе мой друг Боря Балтер. Там жили еще Отгон и его жена Гольшева, переводчица. Там бывали разные люди, в Тарусе. Там жил Паустовский. И вот все решили, что надо выпустить книжку. Паустовский все это возглавил, и дело пошло.

С.Б. То есть это была идея Паустовского?

Н.М.К. В значительной степени. Во всяком случае, не моя идея. Это точно. Возглавил это дело Паустовский. И его имя имело большое значение. Потом мы пригласили и других людей, которые там не бывали. Булат там не был, но мы его пригласили.

А.Г. А почему именно Таруса?

Н.М.К. А Таруса – хорошее место. Там бывали всякие поэты и раньше. На базе этих литературных традиций мы и решили издать сборник. Это был первый свободный такой сборник. Ну, он не был особенно свободным. В том смысле, что он не был совсем неподцензурным. Но все-таки сборник прошел. Правда, потом они спохватились. Подняли хай.

С.Б. По-моему, даже запретили весь тираж его печатать. И даже стали изымать его из библиотек, насколько я помню.

Н.М.К. Это я не помню. Но они подняли большой хай по этому поводу.

И.М. А к чему прицепились? К чему именно?

С.Б. Прицепились к тому, насколько я знаю, что книга не прошла цензуру Москвы.

Н.М.К. Они говорили, что там что-то не то. Там была повесть Балтера...но это как раз ничего.

И.М. «До свидания, мальчики» – очень хорошая вещь. Эта книга на меня и на других произвела большое впечатление.

Н.М.К. Да, это очень хорошая вещь... Там был Окуджава... тоже вроде бы никакой крамолы... Я на самом-то деле не помню, к чему они прицепились. Помню, что в результате нам тиражные не заплатили. У них это все возглавлял секретарь Калужского обкома, Сургаков, кажется его имя.

С.Б. А я читал где-то, что он собственно и решил печатать сборник без цензуры Москвы.

Н.М.К. Он «давил» потом.

И.М. Ну, а кто же без цензуры напечатал? У Калужского издательства была своя цензура?

Н.М.К. Нет, был Паустовский. Это был авторитет. Тем более, для правителей. Все-таки Паустовский...

А.Г. Меня под Тарусу возил мой дедушка, Сергей Михайлович Голицын, который был писателем. Он меня возил к друзьям своей семьи – к Поленовым. Там была под Тарусой усадьба ...

Н.М.К. Да, там рядом была усадьба семьи Поленовых.

А.Г. И внук Поленова там жил, так сказать, как музейный хранитель в усадьбе своего деда. Он имел какое-то отношение к «Тарусским страницам»?

Н.М.К. Нет, не имел.

А.Г. А вы там в этой усадьбе были?

Н.М.К. Да. Я там был. Я дружил с Аленой Поленовой. Это в Москве я дружил с ней.

С.Б. Я был счастливым обладателем сборника. Помню, что для нас «Тарусские страницы» – это было что-то необычно свежее. Но почти сразу мы узнали, что это не простая книга, а книга запретная.

А.Г. Ну да, вести о запрете дошли одновременно со сборником, если не раньше. Я что-то подзабыла хронологию. По отношению к оттепели – это было начало, середина?

Н.М.К. Это была первая по-настоящему оттепельная книга.

А.Г. То есть, в некотором смысле, с этого все началось. Так?

Н.М.К. Ну, началось все-таки с Хрущева, а не с нее.

И.М. Первым, наверное, был Дудинцев. Это, кажется, был 57-й год. Вот этот роман – «Не хлебом единым» – произвел на всех огромное впечатление. Это ведь было до «Тарусских страниц».

Н.М.К. Да, конечно. Но у нас не было каких-то особых политических моментов...

С.Б. Достаточно было просто независимого духа книги, чтобы...

Н.М.К. Да, конечно, дух независимости какой-то был. Они же были главными специалистами по духу, поэзии, культуре – по всему. Если что-то появлялось независимое от них, это ужасно их раздражало. Не потому что это было враждебно им. А потому, что это были не они.

С.Б. Да, а иногда бывало так, что люди пользовались моментом в своих целях. Почему, например, Никита обрушился так на авангард русской живописи? Не потому, что это противоречило чему-то там, и даже не потому, что он почувствовал здесь какой-то дух свободы. Просто те

люди, которым модернизм не нравился (и которые чувствовали угрозу в этом для своих позиций), как-то умело подготовили Хрущева против авангарда и это (так считается сейчас) вызвало его такую бурную реакцию.

Н.М.К. Представить, что может существовать искусство, которое ему не нравится, это он не мог.

А.Г. Я в те времена не жила, точнее, была в то время маленькой. Но у меня сложилось впечатление, что Хрущев был как раз такой человек, который, во-первых, должен был считать, что искусство должно быть общепонятно и, во-вторых, он вполне мог прийти сам до того, чтобы осудить искусство, которое ему было непонятно. Подобное отношение к искусству было в России до него и после него...

С.Б. Однако многие считают, что, скажем, скандал с известной выставкой в Манеже (1962 года) был спровоцирован. Было подстроено так, чтобы Хрущев обрушился на авангард. И что самого Хрущева (одного, без подсказчиков), возможно, удалось бы переубедить.

И.М. Именно так. Когда он ходил, ему прямо говорили, вот, посмотрите, Никита Сергеевич, что это за гадость...

Н.М.К. Вы знаете, я ведь тоже очень большой реакционер. Меня модернизм не очень радует, и я не очень его признаю. И считаю, что он часто связан с самоутверждением личности, когда личности как таковой нет. Я союзников в лице государства не искал, но всегда был противником...

А.Г. Авангардного искусства?

Н.М.К. Да.

И.М. Кстати, а вы не сталкивались с таким – Михаилом Лившицем, известным искусствоведом?

Н.М.К. Знал его хорошо. Ну, не то чтобы хорошо знал, но я с ним общался.

И.М. Какое впечатление он на вас произвел? Что за человек?

Н.М.К. Каковы его статьи и книги, таким он и был.

И.М. Как вы, то есть? Он тоже был против модернизма. У него были такие странные вещи. Например, он говорил – вот возьмем картину Пикассо «Герника». Прекрасное полотно, и выражает нечто очень сильно – ужас, разрушение и т.д. Но вот – модернизм, понимаете ли, и тут ничего не поделаешь. А с модернизмом надо бороться. Меня

удивила эта логика – вроде нравится, но так как модернизм – приходится критиковать. До сих пор есть люди, которые его любят.

Н.М.К. Да, и отнюдь не глупые люди. Он написал статью «Почему я не модернист?» Я помню, Гриша Померанц выступил против. И еще была статья «Осторожно – искусство». Лифшиц им ответил другой статьей, которая называлась «Осторожно – человечество». И я был согласен с ним. Если судить по теперешней ситуации в мире, модернизм часто связан с какой-то внутренней разболтанностью... Он освобождает от необходимости мыслить.

А.Г. Что вы имеете в виду – стихи, живопись?

Н.М.К. Я все имею в виду. Я, например, не был поклонником Вознесенского. Хотя я считаю, что он талантливый человек.

С.Б. Ну, одно дело – не быть поклонником кого-то, не любить какие-то направления в искусстве, а другое дело – применять силовые приемы.

Н.М.К. Да, конечно, я всегда был против государственного давления на искусство.

С.Б. Был период времени, когда у художников появилась надежда на какие-то перемены. И это было таким счастьем для всех. Я помню первые выставки авангардистских художников. Они сидели там такие счастливые. И все надеялись, что это будет продолжаться. Но в какой-то момент все это поломалось. И это ощущалось всеми как страшный удар.

Н.М.К. А когда была «бульдозерная атака»?

И.М. В 74-м.

С.Б. Но первая выставка (мне кажется, что это была первая широкая выставка) была в январе 67-го года. Это было в клубе института, где я в то время работал. И я принимал тогда некоторое участие в организации выставки (со стороны института). Со стороны художников это дело возглавлял Оскар Рабин. А между организаторами выставки и художниками был Александр Глезер. Выставка открылась в воскресенье и должна была существовать какое-то время.

Н.М.К. Это вы про «бульдозерную выставку» рассказываете?

С.Б. Нет, это было более чем за семь лет до этого. Это был 67-й год.

А.Г. Какой институт это был?

С.Б. Институт органической химии и технологии. Я там работал как прикладной математик. Наш клуб назывался «Дружба». Ну так вот,

никто из устроителей не хотел ехать в институт в воскресенье, а я вызвался. И мне там сказали, поезжай, если тебе делать нечего, посмотри, как там все будет устроено. Ну, я и поехал. Но не потому, что мне делать было нечего. Я просто опасался, что если я в воскресенье туда не поеду, то, может быть, потом я эту выставку больше не увижу. Я приехал туда в воскресенье. И там я увидел какое-то колоссальное количество иностранных машин. И это около секретного химического «ящика»! На выставке были представлены работы двенадцати художников. Костяк составляла так называемая «Лианозовская группа»: Рабин, Евгений Кропивницкий, Немухин, Мастеркова, Вечтомов. Там еще были Плавинский, Зверев и другие. И художники, которые пришли на открытие, просто ошалели от счастья. Потому что не только русский народ пришел смотреть. Иностранцы пришли смотреть. И они что-то покупали там за какие-то, видно, небольшие деньги. На следующий день я приехал в институт и кого-то повел перед началом работы посмотреть на выставку. Мы вошли, а там были пустые залы. И мне сказали, мол, ну, Слава, ты все это придумал. Чего ты нас тут разыгрываешь? И я сказал, нет, я это не придумал. Смотрите... И я показал: над потолком висели обрезанные веревки. Во всех залах со стен свисали обрезанные веревки. Выставка просуществовала всего несколько часов.

Н.М.К.

Тогда в Москве сгущался мрак.
Внушались ложь и страх,
И лязг бульдозерных атак
Еще стоял в ушах.

Это я здесь уже написал.

С.Б. И все-таки, несмотря на все притеснения, тот период народ теперь вспоминает как период надежд. А потом все пошло вниз, пока не прикатилось к пустым полкам в магазинах.

И.М. В 90-м году я был в Болгарии, и там было абсолютно пусто.

А.Г. Ну, как и у нас, в Москве.

И.М. Нет, вы не представляется, что такое пусто. Я иду по Софии...

А.Г. Как это не представляю, когда я в магазинах была в Москве?

С.Б. Действительно, как это мы не представляем? Я весной 91-го года шел по улице Горького. В магазинах ничего не было. У меня в кармане было сколько-то денег. И я хотел купить хоть что-нибудь. Зашел в магазин «Восточные сладости» – самый вкусный магазин, если так

можно выразиться. Там был только стиральный порошок (это потому, что все мощности страны в каком-то году были переключены на стиральный порошок). Потом я зашел в магазин «Музыкальные товары». Практически ничего нет. Смотрю, а где-то там на полке стоят дирижерские палочки. Я спрашиваю у продавщицы: «А сколько дирижерских палочек вы даете в одни руки?» *(все смеются)*. Она говорит, ну, мол, не знаю, у нас нет ограничений на дирижерские палочки. «Ну, хорошо, – говорю я, – дайте мне тогда, пожалуйста, двести дирижерских палочек». Она говорит: «Нет, двести я не могу вам дать». Стали мы с ней торговаться и в итоге оказалось, что она мне может дать только три дирижерские палочки. Я купил три дирижерские палочки. И это было все, что я смог купить в тот день на улице Горького.

Н.М.К. А зачем вам понадобились дирижерские палочки?

С.Б. Нет, они мне не были нужны. Я просто хотел купить хоть что-нибудь.

Н.М.К. Вот которые теперь штурмуют Уолл-Стрит... Надо им эту картинку нарисовать. Чтобы они поняли, за что борются.

С.Б. Да, у меня тоже такая мысль была. Надо их на стажировку в Россию отправить.

А.Г. Наум Моисеевич, как-то давно вы сказали: «...если мы говорим, что история есть процесс очеловечивания человека, то в искусстве, в частности, в поэзии, и воплощается этот дух истории». Считаете ли вы по-прежнему, что история есть процесс очеловечивания человека? Значит ли это, что нынешнее общество более человечно, чем, скажем, античные времена? Если да, то в чем вы видите большую человечность нынешних времен?

Н.М.К. Я не совсем так считаю, но представления передовых людей все-таки становятся выше. Когда-то люди ели людей, теперь не едят. Это все-таки факт. Люди опираются и в прошлом и в настоящем на то, что их возвышает как людей, как духовные существа.

А.Г. То есть вы считаете, что несмотря на мировые войны, несмотря на локальные войны, в целом человечество движется в гуманистическую сторону? Скажем, когда-то считалось в порядке вещей уничтожить целый город, включая женщин и детей. Сейчас это хорошим в мире не считается. Так что в целом дела идут к лучшему, так?

Н.М.К. Дела не знаю, а вот представления – да. И это касается большего количества людей.

А.Г. Теперь другой вопрос, связанный с этой же цитатой, цитатой об очеловечивании человека. Как вы относитесь к искусству, показывающему насилие, но его не осуждающему? Или поскольку насилие есть интегральная часть развития человечества и человека, искусство тоже может его показывать и совсем не обязано его осуждать?

Н.М.К. Не знаю. Искусство осуждает все уродливое, а насилие, по моему, это все-таки уродство, если оно просто насилие.

А.Г. Существуют фильмы (и в последние сколько-то десятилетий их достаточно много), в которых просто показывается насилие, а отношение автора фильма к насилию не показывается. И можно даже представить, что автор как-то даже одобряет это насилие.

Н.М.К. Это противно. Вот стихотворение «ТБЦ» Багрицкого. В нем есть вещи абсолютно неприемлемые.

Враги приходили – на тот же стул
Садились и рушились в пустоту.
Их нежные кости сосала грязь.
Над ними захлопывались рвы.
И подпись на приговоре вилась
Струей из простреленной головы.
О мать революция! Не легка
Трехгранная откровенность штыка...

Багрицкий был талантливым поэтом, а тут он воплотил в поэзии всю свою гниль, опозэтизировал ее...

А.Г. Вы считаете, что поэзия должна возвышать?

Н.М.К. Да. Могут быть стихи о чьем-то, скажем так, падении, о чьей-то пустоте. Но автор должен относиться к этому, как к падению, как к пустоте. Как, например, у Блока:

Я только рыцарь и поэт,
Потомок северного скальда.
А муж твой носит томик Уайльда,
Шотландский плэд, цветной жилет...
Твой муж – презрительный эстет.

У меня есть статья про фильм Антониони «Затмение». Там показываются герои, за которыми ничего нет. Там пустота воспринимается как нормальность. И это плохо.

И.М. Наум Моисеевич, недавно я наткнулся на одну фразу смешную. Не то что смешную, но многозначительную – про вас. Лев Лосев, когда

он активно с вами общался, отметил, что его привлекала в вас честность по отношению к себе. Он отмечал, что вы не заботились о том, чтобы выставить себя в выгодном свете. И приводил в пример историю, которую вы рассказывали – о том, как вы дали прочесть свои стихи Пастернаку и, по-видимому, попросили его как-то оценить эти стихи. На что Пастернак ответил: «Я слишком занят, чтобы разбираться в микроскопических различиях между вами и Евтушенко» *(все смеются)*. Как вы прокомментируете этот эпизод?

Н.М.К. Это была не первая встреча, мы имели очень хорошие встречи. Но он был какой-то... Он был очень погружен в себя. Эту фразу он сказал, понимая, что может меня обидеть. Мне было неприятно за Пастернака, потому что Евтушенко был тогда знаменит больше, чем сам Пастернак и все такое. И он, к сожалению – неприятно так говорить о таком великом человеке, – самоутверждался.

И.М. В те годы он все еще самоутверждался? Когда был знаменит на весь мир?

С.Б. Если вспомнить его реакцию на слова усатого генсека «Маяковский был и остается лучшим...» и на последующие события, то можно понять, что он не относился безразлично к вопросам первенства.

Н.М.К. Я помню, был у Комы Иванова на дне рождения. Там был Пастернак. И вдруг Пастернак так начал, слукавил: «Пусть поэты читают стихи». И как-то получилось, что я должен был читать. И я прочел стихотворение, должен теперь честно сказать, неудачное. Я его прочел, поскольку только что написал.

И.М. Ну да, чаще всего именно последнее хочется прочитать, это понятно.

Н.М.К. Да... И там что-то про Средние века было. И вдруг он начал – Сева, это же про Средние века – намекая, что это плоские программные стихи... И он долго наслаждался этим.

И.М. Ему было приятно, что у вас неудача?

Н.М.К. Да, да. И он как бы надо мной поднимался, хотя я над ним никогда и не собирался подниматься. Ну, Пастернак был в моих глазах и остается... я субординацию признаю. Ну, в общем, это в нем было. Но он был великим человеком, великим поэтом.

С.Б. Великим многое прощается.

Н.М.К. Конечно, общение с Ахматовой мне было более приятно.

И.М. А вы общались? Очень интересно. В какие годы?

Н.М.К. Незадолго до ее смерти. Это было так. Слуцкий мне сказал – ты сходи к Ахматовой. Он позвонил ей, и я пришел к Ахматовой. Она меня приняла очень хорошо. Открыла дверь и стоя передо мной спросила: «А вы меня такой представляли?» Я ей говорю: «Понимаете, Анна Андреевна, я именно такой вас представлял, потому что Лева Поляков сделал вашу фотографию недавнюю, и там очень похоже».

А.Г. Была ли она гранд-дамой? Я имею в виду, была ли она царственной, так сказать, в общении.

Н.М.К. Нет, она не была царственна ни по отношению ко мне, ни к другим. Мне она «Реквием» прочла.

И.М. Как она отнеслась к вашим стихам? Вы наверняка ей что-то читали. Она слушала с интересом?

Н.М.К. Да, она слушала с интересом. Первое, что я ей прочел – это свою поэму «Танька», которая сильно тогда ходила по рукам. Ей она не понравилась. И я вдруг понял, что ей и не должно это нравиться. Потому что то, что наполняет эту поэму, трагедия этой Таньки – для нее не трагедия, она от таких танек настрадалась сама. Я ей много читал. Но уже не помню, что. Она ко мне хорошо относилась. Ее кто-то спросил про Евтушенко – она говорит, не знаю. А какие есть хорошие поэты? Коржавин, говорит.

С.Б. Мне кажется, что многие относятся к Евтушенко хуже, чем он того заслуживает. И я не понимаю, почему, и это для меня является загадкой.

Н.М.К. Это абсолютно несправедливо. Я к нему лучше отношусь, чем раньше. Прошло много времени, и я как-то почувствовал, что он сыграл определенную положительную роль. Ведь он сделал многое...

С.Б. Ну почему, например, Иосиф Бродский не то что ненавидел, но как-то крайне пренебрежительно относился к нему.

И.М. Я думаю это вопрос к Бродскому... Наум Моисеевич, а вы общались с Бродским?

Н.М.К. Да. Близких отношений не вышло, но мы друг к другу не так уж плохо относились. Я, кстати, никогда не относился к поклонникам Бродского. И у меня есть опубликованная серьезная статья, которая называется «Генезис "стиля опережающей гениальности", или миф о великом Бродском». Я считаю, что Бродский был очень талантливым, но стал профессиональным гением, и это ему мешало работать. У него, к сожалению, часто то, что он хочет навязать, сильнее, чем откровение.

Глазков когда-то говорил: «Откровенность на уровне откровения». Этого у Бродского нет. У него откровенность, разрушающая всякое откровение. Или не разрушающая, а не постигающая, игнорирующая. Хотя у Бродского есть хорошие стихи. Он как-то дал мне прочитать одно его стихотворение, которое мне показалось очень хорошим:

Ты забыла деревню, затерянную в болотах
Залесённой губернии, где чучел на огородах
Отродясь не держат — не те там злаки,
И дорогой тоже всё гати да буераки.

Баба Настя, поди, померла, и Пестерев жив едва ли,
А как жив, то пьяный сидит в подвале,
Либо ладит из спинки нашей кровати что-то,
Говорят, калитку, не то ворота.

А зимой там колют дрова и сидят на репе,
И звезда моргает от дыма в морозном небе.
И не в ситцах в окне невеста, а праздник пыли
Да пустое место, где мы любили.

Я потом публично читал его много раз.

Помню, выступал Топаллер и говорил Саше Кушнеру, что вот Коржавин и Бродский ненавидели друг друга. Никогда этого не было. Ни про него, ни про меня нельзя сказать этого. Я его считаю талантливым поэтом, я просто не считаю, что он гений.

Меня в поклонниках Бродского удивляет одно: когда я говорю – прочтите одно его стихотворение, которое вам нравится, они теряются; читают пару строк и все...

С.Б. Это в точности совпадает с моим подходом...

И.М. Да, это точь в точь, как Слава меня недавно пытал. Назови мне, говорит, одно стихотворение Бродского, которое тебе нравится. Я, кстати, могу прочитать одно очень короткое стихотворение прямо сейчас:

Над арабской мирной хатой
Гордо реет жид пархатый.

Ну ладно, это шутка.

С.Б. Есть еще один вопрос о том, как все оценивают достоинства того или иного произведения. Что больше влияет на оценку – объективное

(то есть «внутренние» достоинства произведения) или субъективное (различные внешние обстоятельства)? Настоящую известность Иосиф Бродский получил после суда за «тунеядство». Это, по всей видимости, хорошо понимала Анна Андреевна Ахматова, когда сказала: «Какую биографию делают нашему рыжему!» После присуждения Бродскому Нобелевской премии по литературе к его имени стало часто прилагаться слово «великий». Когда я недавно где-то в Бостоне неосторожно сказал что-то спокойно-нейтральное о Бродском, меня чуть не убили. А когда я что-то сказал про Вигдорову – тут мне сказали, ты что такое, мол, тут несешь? Ты не должен говорить о Вигдоровой, когда ты говоришь о Бродском. Потому что тем самым ты хочешь сказать, что к нему пришла слава не потому, что он был талантливый, а в результате всей этой истории.

В действительности все узнали о Бродском... ну не то, что все, а...

Н.М.К. ...широкая публика...

С.Б. Да, широкая публика узнала о Бродском после, конечно, публикации Вигдоровой «стенограммы» судебного заседания. Она ходила по рукам. Все эти четвертые, пятые машинописные копии...

Н.М.К. Да, такая глобальная известность, конечно, пришла к Бродскому в связи с Вигдоровой.

С.Б. Я как-то никогда не знал, что говорил Бродский об этом. Я имею в виду вот что. Вигдорова проявила определенное мужество, распространив стенограмму судебного заседания и потратив при этом силы, энергию, нервы. Она за это преследовалась потом. Казалось бы, Бродский должен был как-то оценить это.

Н.М.К. Должен был быть ей благодарен.

А.Г. А он не был?

С.Б. А не знаю.

Н.М.К. Не был. Но я подробностей на эту тему не знаю. С Бродским на эту тему не разговаривал. Но по слухам, благодарности не было.

С.Б. Кстати, о Нобелевской премии по литературе. Может ли она считаться объективной? Не накладывает ли большой отпечаток на решение о ее присуждении политические и другие, не относящиеся к литературе, моменты? Как вообще можно судить о поэзии по переводам?

Н.М.К. Не знаю, может быть, и можно. Всю западную поэзию мы узнали по переводам. И Гете, и Гейне, и Байрона, и кого угодно. Конечно, не мы все. Пушкин не по переводам узнавал и многие другие

тоже. Если дают премию Солженицыну или Пастернаку, то я считаю ее важной и хорошей. Мне однажды в Москве задали такой вопрос: «Вы сказали, что у Бродского Вам нравятся только два стихотворения. Не является ли это конкурентностью по отношению к Нобелевскому лауреату?» И я ответил им: «Почему вы считаете, что я понимаю в русской поэзии меньше, чем члены Нобелевского комитета?» Я это серьезно сказал. У меня было много времени об этом подумать, о русской поэзии.

И.М. Наум Моисеевич, а чем вы зарабатывали на жизнь в советские годы?

Н.М.К. Переводами.

И.М. С подстрочника?

Н.М.К. Да.

И.М. А как подстрочник может передать красоту чужого языка? Когда переводите с подстрочника, все от вас зависит. А дай другому поэту – он совсем другое напишет.

Н.М.К. Конечно.

И.М. Я как-то сравнивал по слогам перевод Зенкевича стихотворения Эдгара По «Ворон». Все очень здорово, адекватно. Просто блестящий перевод. Я просто себе не представляю, каким образом кто-то переводил бы это по подстрочнику. Что бы там говорилось, в этом подстрочнике? Что вот, человек сидит, работает, вдруг какой-то стук раздался – он подошел, а там ворона сидит. Не представляю, как можно перевести. Конечно, подстрочника недостаточно. Язык необходимо знать. Пастернак делал блестящие переводы, потому что в совершенстве знал три европейских языка.

С.Б. Ну, это большой вопрос. Чтобы знать в совершенстве язык, надо с малолетства жить в этой стране.

И.М. Это верно, это верно. Наум Моисеевич, а за переводы нормально платили? На это можно было жить?

Н.М.К. Да, на это многие жили. Иногда я переводил хороших поэтов – например, перевел Кайсына Кулиева.

Здоровый поймет ли больного судьбу,
О боли моей говорить ли с тобой?
Если коню крутят губу,
Он только один понимает всю боль.

Это Кайсын.

Еще одного хорошего поэта переводил, молдавского – Ливиу Дамиана.

С.Б. Я всегда считал, хоть я сам никогда никого не переводил, что если вы кого-то переводите, не совсем правильно говорить, что вы переводите. Фактически вы пишете по мотивам переводимого произведения, так? Если у вас, скажем, нет таланта – то кого бы вы ни переводили...

Н.М.К. Да, тогда ничего не получится.

С.Б. А если вы талантливый поэт, у вас получится хороший перевод с любого...

Н.М.К. Нет, может не получиться.

А.Г. Ну все-таки в любом стихотворении идея очень много значит. И когда переводишь, то тебе эту идею уже как бы бесплатно дают.

С.Б. Ну, я всегда считал, что для любого произведения тема – это только повод. Ну вот скажите мне, какая тут идея? Бернс в переводе Маршака.

Пробираясь до калитки
 Полею вдоль межи,
 Дженни вымокла до нитки
 Вечером во ржи.

И дальше:

И какая нам забота,
 Если у межи
 Целовался с кем-то кто-то
 Вечером во ржи!

Какая такая здесь особая идея? Идеи тут особой нет. Все дело в том, как это все написано, правильно?

А.Г. С визуальной точки зрения поцелуй во ржи – это вполне эстетическая идея. Поцелуй во ржи – для рядового читателя, так сказать, не вполне регулярное занятие, так что какая-то идея тут все-таки есть.

С.Б. Хорошо. Я хочу задать всем вопрос: можно ли перевести Пушкина?

Н.М.К. Вот Джулиан Лоуэнфельд перевел. Я не верил, что можно перевести. Но вот послушал – и поверил.

И.М. Да, но тут проблема. Надо все-таки хорошо владеть двумя языками, чтобы оценивать перевод.

Н.М.К. Ритмика и само звучание стиха – у него легкость пушкинская.

И.М. Да, может быть. Я не читал его переводы. Слава, ты читал?

С.Б. Да, хорошие переводы. Но мой вопрос был – можно или нельзя перевести Пушкина.

И.М. Ну что значит «нельзя»? Совсем адекватно, конечно, нельзя. Мы говорим о какой-то степени передачи чего-то.

Н.М.К. Лирику, наверно, никто удачно не переводил.

И.М. Часто я не могу проверить перевод никак – скажем, я не знаю немецкий совсем, но, читая Гете в переводе Пастернака, думаю, что это более или менее адекватный перевод.

С.Б. Нет, это все-таки Пастернак, но по мотивам Гете.

И.М. Да, но в тех случаях, когда я могу сравнить два языка, я могу сделать заключение о переводе. Как я, скажем, сделал с «Вороном» Эдгара По. Ведь почему Набоков взялся за свой перевод Евгения Онегина? Именно потому, что уже было несколько переводов Евгения Онегина и все они представлялись ему неверно передающими Пушкина.

С.Б. У Набокова была другая идея. Он не верил, что можно адекватно передать дух пушкинского стиха. Поэтому он перевел просто дословно и дал обширные комментарии, считая, что тот, кто хочет понять, как это звучит у Пушкина, должен учить русский язык и читать оригинал.

А.Г. Скажем, другой пример – «Винни Пух». Я выросла на нем, но когда прочитала впервые в оригинале, я просто поразились, насколько точно Заходер перевел и стишки эти смешные, и шутки почти непереводаемые. Дух оригинала полностью сохранен.

С.Б. Без того, чтобы увидеть, скажем, американца, который читал бы перевод Пушкина и у которого при этом комок в горле застревал, наверно, нельзя поверить в совершенный перевод.

А.Г. Ну а у русских от Бернса может застревать комок в горле?

С.Б. Может. Но не от Бернса, а от «перевода» Маршака.

А.Г. Наум Моисеевич, и меня, и Игоря, и Славу с разных сторон интересует одно и то же: как люди воспринимают поэзию. Понять, почему кому-то что-то нравится и кому-то не нравится, и можно ли выявить из этого какие-то закономерности. Вам кажется это бесперспективным?

Н.М.К. Я смотрю на это дело так: почему эти стихи (я думал об этом всегда) уцелели, а эти – нет? Потому что затрагивают те струны, которые касаются существа самой жизни – и автора, и всей системы ценностей, касаются Бога. Потому что просто переживание – это не поэзия, хотя поэзия без переживаний невозможна. Но в переживании должно быть что-то такое, что касается не только этого переживания, не только этого автора. Должно быть то, что будет близко читателю и потом, через годы, через сто лет. Вот простое стихотворение:

Не любишь, не хочешь смотреть.
 О, как ты красив, проклятый!
 И я не могу взлететь,
 А с детства была крылатой.

Мне очи застил туман,
 Сливаются вещи и лица...
 И только красный тюльпан,
 Тюльпан у тебя в петлице.

Это же стихи о крылатости. Хотя это стихотворение и о переживаниях по поводу того, что «не любишь, не хочешь смотреть». Но главное тут – строки:

И я не могу взлететь,
 А с детства была крылатой.

Эти строки касаются сути всего. На самом деле вся мировая поэзия касается крылатости. У меня еще была статья, в которой была такая фраза: «Поэзия от не-поэзии отличается, прежде всего, содержанием». Статья была направлена против попыток отделить форму от сути; форму, как нечто навязанное, как условие. А форма – это не условие, это конкретное выражение сути.

А.Г. А как вы относитесь к таким полуэкспериментальным формам поэзии, с которыми на самом деле экспериментировали и сто лет назад, когда есть неравносложный дольник, плавающий ритм, когда в одной строке, скажем, пять ударных слогов, а в следующей, скажем, восемь ударных слогов? К ритмам, которые не являются ни одним из классических ритмов, которые мы учили в школе, – ни ямбом, ни амфибрахийем и т.п.?

Н.М.К. В поэзии в этом смысле главный закон для меня таков: не пойман – не вор. То есть, если получилось – то ты прав. А разбираться – дольник, не дольник – это вторично все. Форма такого рода должна быть оправдана своим содержанием и порождена им.

А.Г. Наум Моисеевич, вы убедительно показали на примере стихотворения Пушкина («Я вас любил: любовь еще, быть может, / В моей душе угадала не совсем»), что метафоры и эпитеты не являются обязательными элементами хорошей поэзии. Считаете ли вы, что метафоры и эпитеты могут, тем не менее, сделать стихотворение лучше в любом смысле? Ярче, убедительнее, талантливее, более запоминающимися, раскрывающими дополнительные связи вещей и понятий?

Н.М.К. Чем другие хорошие стихи? Я не знаю. Я же не против метафор или эпитетов. Они тоже способствуют точности выражения. Я против того, чтобы считать, что форма – это метафоры и сравнения. Нет. Само стихотворение есть форма. То, в чем нам дано содержание. А вне этого нет стихотворения, нет ничего. Я просто люблю хорошие стихи. Я за точность воплощения замысла. А какая точность, какой замысел – это все выражается через творчество, а не через искусственные требования.

И.М. Наум Моисеевич, в вашей статье «В защиту банальных истин» есть такие слова о поэзии. Цитирую: «Поэзии в целом свойственна сложность. Но настоящие сложные стихи, по-моему, это те, из которых не удалось сделать простые при всем желании: это такие стихи, когда поэту приходилось пробиваться к поэзии сквозь толщу антипоэтических наслоений, связанных с характером его эпохи. Следы этого неизбежно остаются на стихах». Прекрасное определение. Просто хотелось бы за него поблагодарить, а не задавать вопросы. А также поблагодарить вас за нашу беседу. Спасибо.

Джулиан Лоуэнфельд – поэт, драматург, композитор и переводчик с восьми языков. Работает судебным адвокатом в Нью-Йорке. Начал изучать русский язык на втором курсе Гарвардского университета. Мировая премьера «Маленьких трагедий» А.С. Пушкина на английском языке в стихотворном переводе Джулиана Лоуэнфельда состоялась в ноябре 2009 года в Центре Искусств Михаила Барышникова в Нью-Йорке. Его книга “*My Talisman, The Poetry and Life of Alexander Pushkin*” (первое двуязычное издание Пушкина), куда

вошли переводы стихов и биография поэта, награждена литературно-художественной премией «Петрополь» в июне 2010 года. Впервые премия была присуждена иностранцу.

Посвящается с любовью моей уникальной, удивительной «второй маме», признанному русско-американскому литературоведу Надежде Семеновне Брагинской с благодарностью за ее вдохновенную преданность, постоянную заботу, доброту, терпение и бесконечную веру, надежду и любовь.

Переводы, стихотворения, эссе

Переводы

А.С. Пушкин

В крови горит огонь желанья,
 Душа тобой уязвлена,
 Лобзай меня: твои лобзанья
 Мне слаще мирра и вина.
 Склонись ко мне главою нежной,
 И да почию безмятежный,
 Пока дохнет веселый день
 И двинется ночная тень.

A.S. Pushkin

My blood is blazing with desire.
 My stricken soul for you does pine.
 Oh, kiss me now! Your kisses' fire
 Is sweeter far than myrrh and wine.
 Incline your head to me but softly
 And tamed, I'll linger with you calmly
 Until the cheerful light of day
 Chases the gloom of night away.

А.С. Пушкин

К ****

Я помню чудное мгновенье:
Передо мной явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

В томленьях грусти безнадежной,
В тревогах шумной суеты,
Звучал мне долго голос нежный
И снились милые черты.

Шли годы. Бурь порыв мятежный
Рассеял прежние мечты,
И я забыл твой голос нежный,
Твои небесные черты.

В глуши, во мраке заточенья
Тянулись тихо дни мои
Без божества, без вдохновенья,
Без слез, без жизни, без любви.

Душе настало пробужденье:
И вот опять явилась ты,
Как мимолетное виденье,
Как гений чистой красоты.

И сердце бьется в упоенье,
И для него воскресли вновь
И божество, и вдохновенье,
И жизнь, и слезы, и любовь.

А.С. Пушкин.

Я Вас любил: любовь еще, быть может,
В моей душе угадала не совсем;
Но пусть она вас больше не тревожит;
Я не хочу печалить вас ничем.
Я вас любил безмолвно, безнадежно,
То робостью, то ревностью томим;
Я вас любил так искренно, так нежно,
Как дай вам Бог любимой быть другим.

A.S. Pushkin**To ******

A wondrous moment I remember:
 Before me once you did appear:
 A fleeting vision you resembled
 Of beauty's genius pure and clear.

By grieving languor hopeless rendered,
 In fuss of noisy vanity,
 Long time in me your voice rang tender
 Of your dear features were my dreams.

Years passed. Rebellious storm winds sundered
 And scattered hopes that used to be,
 And I forgot your voice so tender,
 Your features dear and heavenly.

In gloom of backwoods' isolation,
 My days dragged by, a silent drudge.
 Without God's spark or inspiration,
 Or tears, or any life, or love.

My soul awoke in precognition
 And once again you did appear,
 Resembling a fleeting vision
 Of beauty's genius pure and clear.

And now my heart beats in elation!
 And resurrected soar above
 The spark of God, and inspiration,
 And life, and tears at last, and love.

A.S. Pushkin

I loved you once, and still, perhaps, love's yearning
 Within my soul has not quite burned away.
 But may that nevermore you be concerning;
 I would not wish you sad in any way.
 My love for you was wordless, hopeless cruelly,
 Wracked now by shyness, now by jealousy,
 And I loved you so tenderly, so truly,
 As God grant by another you may be.

А.С. Пушкин
Поэт

Пока не требует поэта
 К священной жертве Аполлон,
 В заботах суетного света
 Он малодушно погружен;
 Молчит его святая лира;
 Душа вкушает хладный сон,
 И меж детей ничтожных мира,
 Быть может, всех ничтожней он.

Но лишь божественный глагол
 До слуха чуткого коснется,
 Душа поэта встрепенется,
 Как пробудившийся орел.
 Тоскует он в забавах мира,
 Людской чуждается молвы,
 К ногам народного кумира
 Не клонит гордой головы;
 Бежит он, дикий и суровый,
 И звуков и смятенья полн,
 На берега пустынных волн,
 В широкошумные дубровы...

А.С. Пушкин

Отцы пустынники и жены непорочны,
 Чтоб сердцем возлетать во области заочны,
 Чтоб укреплять его средь дольних бурь и битв,
 Сложили множество божественных молитв;
 Но ни одна из них меня не умиляет,
 Как та, которую священник повторяет
 Во дни печальные Великого поста;
 Всех чаще мне она приходит на уста
 И падшего крепит неведомою силой:
 Владыко дней моих! дух праздности унылой,
 Любоначалия, змеи сокрытой сей,
 И празднословия не дай душе моей.
 Но дай мне зреть мои, о боже, прегрешенья,
 Да брат мой от меня не примет осужденья,
 И дух смирения, терпения, любви
 И целомудрия мне в сердце оживи.

A.S. Pushkin
The Poet

Until the poet by Apollo
 To sacred sacrifice is called,
 In this world's cares, so vain and hollow,
 He is faint-heartedly enthralled.
 His holy lyre's hushed; songs – unwritten,
 Cold sleep his soul tastes bitterly,
 And 'midst this world's unhappy children,
 Unhappiest, perhaps, is he.

But once, divine, the word, the prize
 So slightly nuzzles his keen ears,
 The poet's soul stirs up and rears,
 Like an awakened eagle, cries.
 He grieves at this world's pastimes idle,
 He flees the rumor of the crowd.
 Before the feet of all men's idol
 He does not bend his head so proud.
 But stern, but wild, away he roves,
 And full of sounds and aches he raves
 By coasts where desolate crash the waves,
 By spreading, rustling, oak-leaf groves...

A.S. Pushkin

Our hermit fathers and our nuns blessed and blameless,
 To let their hearts fly up into the heavens nameless,
 To keep their spirits strong in storms of wind and war
 Composed a multitude of sacred hymns and lore.
 But there's not one of them which gives me so much comfort
 As one prayer our priest repeats and utters
 Upon the melancholy days of Lenten Fast.
 Unbidden, more than other prayers does it pass
 My lips, bracing my fallen soul with strength mysterious:
 «Lord of my days! Keep me from sloth that hides in bleakness,
 From pride, greed, arrogance, and serpents therein hid,
 Let not my tongue in idle gossip slip,
 But Lord, show me my own faults and transgressions,
 And may my brother never hear my condemnations,
 May I for grace, patience, and love forever strive,
 And wisdom's innocence within my heart revive».

С.А. Есенин

Отговорила роща золотая
 Березовым, веселым языком,
 И журавли, печально пролетая,
 Уж не жалеют больше ни о ком.

Кого жалеть? Ведь каждый в мире странник –
 Пройдет, зайдет и вновь покинет дом.
 О всех ушедших грезит конопляник
 С широким месяцем над голубым прудом.

Стою один среди равнины голой,
 А журавлей относит ветром в даль,
 Я полон дум о юности веселой,
 Но ничего в прошедшем мне не жаль.

Не жаль мне лет, растраченных напрасно,
 Не жаль души сиреневую цветь.
 В саду горит костер рябины красной,
 Но никого не может он согреть.

Не обгорят рябиновые кисти,
 От желтизны не пропадет трава,
 Как дерево роняет тихо листья,
 Так я роняю грустные слова.

И если время, ветром разметая,
 Сгребет их все в один ненужный ком...
 Скажите так... что роща золотая
 Отговорила милым языком.

Из Гете (в переводе М.Ю. Лермонтова)

Горные вершины
 Спят во тьме ночной;
 Тихие долины
 Полны свежей мглой;
 Не пылит дорога,
 Не дрожат листья...
 Подожди немного,
 Отдохнешь и ты.

S.A. Esenin

The golden grove of birches now is silent
 No more in merry birch-words will it sing.
 The melancholy cranes above it flying
 Do not by now bemoan a single thing.

What's there to mourn? In this world we're all wanderers
 Who come and go, leave home, and then are gone
 The fields of hemp dream on of those departed,
 The moon shines full upon the pale blue pond.

I stand alone in bare, bleak fields, denuded,
 The wind carries the cranes into the west.
 I'm full of thoughts of merry youth deluded
 Yet nothing in my past do I regret.

I don't regret the years I wasted idly.
 I've no regret for wilted lilacs' pain.
 The rowans in the garden redden fiery
 Yet no one's here to be warmed by their flame.

Those rowan-berry bunches will not burn me,
 From yellowing, that grass won't be disturbed,
 And gently, as a tree lets leaves fall, yearning,
 So I do shed my melancholy words.

Yet if the winds of Time once more come flying
 And sweep my words up in a useless heap...
 Say that that golden birch grove, now so silent,
 Spoke with tender words before its sleep.

From Goethe (translation of Lermontov's translation)

Mountain summits airy
 Sleep in night's soft peace;
 Calmly sleeps the valley,
 Filled with soft new mist,
 No dust the path silvers,
 No leaves wave their tress...
 Just you wait a little,
 Soon you too will rest.

М.Ю. Лермонтов

Когда волнуется желтеющая нива
 И свежий лес шумит при звуке ветерка,
 И прячется в саду малиновая слива
 Под тенью сладостной зеленого листка;
 Когда росой обрызганный душистой,
 Румяным вечером иль утра в час златой,
 Из-под куста мне ландыш серебристый
 Приветливо кивает головой;
 Когда студеный ключ играет по оврагу
 И, погружая мысль в какой-то смутный сон,
 Лепечет мне таинственную сагу
 Про мирный край, откуда мчится он, –
 Тогда смиряется души моей тревога,
 Тогда расходятся морщины на челе, –
 И счастье я могу постигнуть на земле,
 И в небесах я вижу Бога...

Percy Bysshe Shelley

One word is too often profaned
 For me to profane it.
 One feeling too often disdained
 For thee to disdain it.

One hope is too like despair
 For prudence to smother
 And pity from thee is more dear
 Than praise from another.

I cannot give what men call «love»
 But wilt thou accept not
 The worship the heart lifts above –
 And the heavens reject it not?

The desire of the moth for the star,
 Of the night for the morrow,
 My devotion to something afar
 From this sphere of our sorrow.

M.Y. Lermontov

When fields of golden wheat are waving as they ripen,
 When fresh the forest glades do rustle in the breeze,
 And in the garden when the purple plum is hiding
 Beneath the soft sweet shade of branches glowing green,
 And when with fragrance dew-drenched everything does quiver,
 Some blushing sunset or some blazing golden dawn
 Or gentle lilies of the valley, shyly silver,
 Waving their heads at me like friends, from bushes, nod.
 And when the chilly brook pours, playing through its chasm,
 And lulls my thoughts into a blurry maze of dreams,
 And bubbles soft to me its mild, mysterious saga
 About the peaceful place from which it streams,
 Then all the worry in my soul becomes becalmed,
 And on my brow the wrinkles smooth and pass
 And on this Earth I can find happiness at last,
 And in the heavens I see God...

Перси Биш Шелли (перевод на русский)

Изношено слово одно-
 Не молвлю его всуе.
 Отброшено чувство одно-
 А тебя же волнует.

Робеет надежда одна,
 Так схожа с отчаяньем:
 Дороже улыбка твоя
 Толпы обожания.

Слово «любовь» я не дарю.
 Не примешь ли ты мольбу?
 Несет ее сердце без румян
 Понимающим небесам:

Как стремленье к звезде мотылька
 И ночи к рассвету,
 Моя преданность издалика,
 Грусть, подобна обету.

В.В. Маяковский

**Письмо товарищу Кострову
из Парижа о сущности любви**

Простите
    меня,
        товарищ Костров,
с присущей
    душевной ширью,
что часть
    на Париж отпущенных строф
на лирику
    я
        растранжирю.
Представьте:
    входит
        красавица в зал,
в меха
    и бусы оправленная.
Я эту красавицу взял
    и сказал:
- правильно сказал
    или неправильно? -
Я, товарищ, -
    из России,
знаменит в своей стране я,
я видал
    девиц красивей,
я видал
    девиц стройнее.
Девушкам поэты любви.
Я ж умен
    и голосист,
заговариваю зубы -
только
    слушать согласись.
Не поймать меня
    на дряни,
на прохожей
    паре чувств.
Я ж
    навек
        любовью ранен -
еле-еле волочусь.

V.V. Mayakovsky

**A Letter to Comrade Kostrov
from Paris on the essence of love**

Forgive me,
    I beg,
        my dear Comrade Kostrov.
With innate
    broad-minded spirit,
that part
    of my lines to Paris assigned
on love poems
    I
        do fritter.
Imagine:
    a beauty
        walks into the hall,
in furs
    and beads a-glittering.
I took that beauty aside,
told her all:
    correctly?
    - or incorrectly?
I'm from Russia,
    Comrade dear,
And I'm famous in my country:
There I've seen
    girls comelier
There I've seen
    girls shapelier.
Girls love poets, yes, indeed.
I am smart
    and I can speak.
I can talk you off your teeth
just you
    listen, you'll agree.
You will not catch me
    in nonsense
in clichés, trite
    feelings rhymed.
Love
    has badly
        wounded me -
I'm just barely getting by.

Мне
 любовь
 не свадьбой мерить:
 разлюбила –
 уплыла.
 Мне, товарищ,
 в высшей мере
 наплевать
 на купола.
 Что ж в подробности вдаваться,
 шутки бросьте-ка,
 мне ж, красавица,
 не двадцать,-
 тридцать...
 с хвостиком.
 Любовь
 не в том,
 чтоб кипеть крутей,
 не в том,
 что жгут угольями,
 а в том,
 что встает за горами грудей
 над
 волосами-джунглями.
 Любить –
 это значит:
 в глубь двора
 вбежать
 и до ночи грачьею,
 блестя топором,
 рубить дрова,
 силой
 своей
 играючи.
 Любить –
 это с простынь,
 бессонницей рваных,
 срывать,
 ревнуя к Копернику,
 его,
 а не мужа Марьи Ивановны,
 считая
 своим
 соперником.

Love
 for me
 no marriage measures:
 You've quit loving?
 Leave! Goodbye!
 I, dear Comrade,
 in my utmost
 could care less
 for domes and spires.
 Why get into those details now?
 Give those jokes a miss.
 I'm not twenty,
 anyhow, dear
 thirty...
 ...thirtyish.
 Love's not
 what boiling,
 seething, vents
 nor what
 in a hot coal just smolders,
 but in that
 which looms over peaks of breasts,
 lurks
 in all your soft hair's jungles.
 To love
 is to plunge
 through the depths of the yard
 and run
 until rook-winged nightfall,
 flashing your axe,
 chopping your logs
 playing,
 with strength
 made artful.
 To love
 is from sleepless
 night's torn shrouds
 to tear,
 hating Copernicus wildly.
 him,
 not Maria Ivanovna's spouse,
 considering
 your true
 rival.

Нам
     любовь
         не рай да кущи,
 нам
     любовь
         гудит про то,
 что опять
     в работу пущен
 сердца
     выстывший мотор.
 Вы
     к Москве
         порвали нить.
 Годы –
     расстояние.
 Как бы
     вам бы
         объяснить
 это состояние?
 На земле
     огней – до неба...
 В синем небе
     звезд –
         до черта.
 Если бы я
     поэтом не был,
 я б
     стал бы
         звездочетом.
 Подымает площадь шум,
 экипажи движутся,
 я хожу,
     стишки пишу
 в записную книжицу.
 Мчат
     авто
         по улице,
 а не свалят наземь.
 Понимают
     умницы:
 человек –
     в экстазе.
 Сонм видений
     и идей
 полон
     до крышки.
 Тут бы
     и у медведей
 выросли бы крылышки.

Love is
     no heaven's luscious bliss.
 Love's shriek says
     forevermore
         Once again its
         motors whizz
 And the heart
     is stalled no more.
 You
     and Moscow
         broke all links
 Years
     and decade's distance.
 How
     should I
         explain to you
 our state of existence?
 Fires light stairs
     from earth to Heaven...
 Stars
     light Heaven's blue
         unnumbered.
 If I hadn't been
     a poet,
 I'd
     be an
         astrologer.
 Squares throng loud, here-there traverse
 cars and carts, where'er you look;
 strolling past,
                     I scribble verse
 In my little scribbling-book.
 Down
     the street
                     the cars race fleet,
 yet they're always missing me.
 They are smart
     enough to see
         I'm in perfect
         Ecstasy.
 Swarms of visions
     and ideas
 crowd
     Into my noggin.
 Bears in
     this state might be pleased
 to sprout wings, quit growling.

И вот
 с какой-то
 грошовой столовой,
 когда
 докипело это,
 из зева
 до звезд
 взвивается слово
 золоторожденной кометой.
 Распластан
 хвост
 небесам на треть,
 блестит
 и горит оперенье его,
 чтоб двум влюбленным
 на звезды смотреть
 их ихней
 беседки сиреневой.
 Чтоб подымать,
 и вести,
 и влечь,
 которые глазом ослабли.
 Чтоб вражьи
 головы
 спиливать с плеч
 хвостатой
 сияющей саблей.
 Себя
 до последнего стука в груди,
 как на свидание,
 простаивая,
 прислушиваюсь:
 любовь загудит –
 человеческая,
 простая.
 Ураган,
 огонь,
 вода
 подступают в ропоте.
 Кто
 сумеет совладать?
 Можете?
 Попробуйте....

Just then,
 from some
 lousy «greasy spoon»
 when all
 of this had boiled over.
 when the word
 was wound up
 from sore throat to the stars
 came a comet whose wake was all golden.
 Whose long tail
 was spread out
 in three parts through the sky,
 and whose
 plumage was burning and golden,
 just so two lovers
 could look at the stars
 in awe
 from their deep purple arbor.
 So we'd be lifted
 and led,
 and inspired,
 all of us, blindlings who've wavered!
 So we could
 cut off
 our enemy's heads,
 with a comet tail's
 glittering saber.
 And,
 to the last pounding beat in my breast,
 thrilled, as if trysting,
 standing motionless,
 I hear and I hear:
 my own heart's pounding swells
 So human, plain,
 emotional.
 The hurricane,
 the blaze,
 the flood
 Sneak up now, whimpering, quiet.
 Who
 can take control of this?
 You think you can?
 Just try it!

А.А.Ахматова

Реквием (отрывок)

Опять поминальный приблизился час.
Я вижу, я слышу, я чувствую вас:
И ту, что едва до окна довели,
И ту, что родимой не топчет земли,
И ту, что красивой тряхнув головой,
Сказала: «Сюда прихожу, как домой».
Хотелось бы всех поименно назвать,
Да отняли список, и негде узнать.
Для них соткала я широкий покров
Из бедных, у них же подслушанных слов.
О них вспоминаю всегда и везде,
О них не забуду и в новой беде,
И если зажмут мой измученный рот,
Которым кричит стомиллионный народ,
Пусть так же они поминают меня
В канун моего погребального дня.
А если когда-нибудь в этой стране
Воздвигнуть задумают памятник мне,
Согласье на это даю торжество,
Но только с условием: не ставить его
Ни около моря, где я родилась
(Последняя с морем разорвана связь),
Ни в царском саду у заветного пня,
Где тень безутешная ищет меня,
А здесь, где стояла я триста часов
И где для меня не открыли засов.
Затем, что и в смерти блаженной боюсь
Забуть гроыхание черных марусь,
Забуть, как постылая хлопала дверь
И выла старуха, как раненый зверь.
И пусть с неподвижных и бронзовых век
Как слезы струится подтаявший снег,
И голубь тюремный пусть гулит вдали,
И тихо идут по Неве корабли.

A.A.Akhmatova

Requiem (fragment)

Once more the memorial hour draws near.
 I see you, I hear you, I feel you in here.
 The one who could barely be dragged from the floor,
 The one whom her homeland will see nevermore,
 The one who once told me, with shuddering grace,
 «As if coming home, so I come to this place».
 I wish I could name each and all in that throng,
 But they've taken list, and it's totally gone,
 For them I have woven a billowing shroud
 Of woes overheard, barely spoken out loud.
 I always recall them, wherever I am.
 I'll never forget them, though newer griefs cram,
 And if they force shut my tormented mouth weak
 Through which hundred millions in agony shriek,
 Still let them remember me, just the same way,
 Right to the eve of my burial day.
 And if in this country there ever should be
 A monument somehow erected to me
 I give my consent to this rite – to the hilt –
 But with one condition: let it not be built
 By the side of the sea in the place I was born
 (My last ties to the sea have been sundered and torn)
 Nor in the Tsar's park, by a hallowed stump's lea
 Where a shade inconsolable still chases me,
 But here, where I stood waiting three hundred hours,
 Where no gates were unlocked by those pitiless powers.
 For even in death's blissful sleep do I fear
 The «Black Mary» jail-vans no longer to hear,
 No more to remember the dull gates thud shut,
 The old women's howl, like a wild beast that's caught.
 And from my bronzed eyelids unblinking let flow,
 Like tears for the fallen, the soft melting snow,
 Far off in the distance, let prison doves cry,
 And, still, on the river let ships pass me by.

Стихотворения

У Могилы Анны Андреевны Ахматовой в Комарово

Простите, Анна Андреевна,
 Муза любви, совесть России,
 С трепетом, на коленях, голову клоню, прошу:
 Простите, что к вам по знойным тропинкам иду
 С пустыми, как лозунг, руками,
 Без желтых роз иль хризантем,
 Ржавых лилий, бегоний, сделанных в Китае,
 Без красных пластмассовых сердечек...
 Смотрю на бутылки пива, тары «монастырского кваса»,
 На полк пустых банок Кока-Колы
 И полупустых пачек «Джо Камел»,
 Что мешают мху дышать над Вашим гробом...
 С такою досадой, с таким негодованием,
 С пустыми руками...
 Я бы Вам собрал хоть жасмин под кедром
 Из запущенного сада, где Вас забыли,
 Цветки земляники с пятизвездной улыбкой закату,
 Незабудку нежно бы я подобрал
 И, нечаянно, славный «Иван-чай», как пагода, пурпурный –
 Краснеющий сирота полей, обыкновенный, чудный...
 И этот таинственный цветок белый,
 Что везде так ветрено танцует навстречу молитве,
 Пушистый, как флокс, (по-русски, простите басурмана,
 Не знаю, как величать его грацию,
 Дома мы называем *Queen Anne's Lace* –
 «Кружево Королевы Анны»)...)

Скипетр Вам бы нашел из еловой веточки,
 Хоть как-то, пусть ничтожным образом
 Замаливая вину нашу общую пред Вами...
 Но с пустыми, как лозунг, руками
 Стою, слышу у могилы матерный разговор панков по мобильному:
 Для них весь мир – пустырь.
 Им не стыдно даже курить над Вашей могилой.
 А мне стыдно, что даже сейчас Вас терзает народ
 С жестокостью грубой и пошлой,
 А я тщетно стою с пустыми руками, молча–
 Да же слез нет для такой обиды...
 Но когда березовый дождик изольет за меня эти слезы,
 Разгоняя из святыни панков с мобильниками,
 Когда дрозд прервет синицу в тишине молитвенной
 И порозовеют сосны, греясь под ранним солнцем,
 Тогда Вы почувствуете,
 Анна Андреевна,
 Муза любви, совесть России,
 Что я Вас целую.

Письмо Тебе по поводу Письма Татьяны

Не глупо ли, не страшно ли, не опасно ли
 Азартное сладострастье, бессонное томление,
 Бред прелестный, умиление, радость чувственных напастей?
 Не устарела ли любовь, как фрак, бакенбарды и цилиндр?
 В наши дни разве чувствуют, между эсэмэсками и Твиттером?
 Только пугаются признаний, посмеются, в лучшем случае –
 Сам смеюсь над собой.

Друзья хором «мудрствуют»:
 «Остепенись, остановись, будь “cool”, неуязвимым...»
 От добрых толковых советов спасет лишь собственная моя глухота!
 Лишь уязвимость защитит!

Лишь исцелюсь, раздирая раны мои открытые,
 Лишь таинственная зависимость от тебя и только тебя – вдруг,
 Друг мой, есть счастье на белом свете!
 Куда уж разумнее наконец-то выждать и отмерить, семь раз хоть,
 Проверить, рассчитывать, взвешивать, выгоду черпать, играть,
 Гарцевать, как гусар, вокруг да около явной правды,
 Кокетничать с молнией!

Так, в общем, логика требует, так и весь опыт мой горько завещает:
 Как бы, мол, сердце ни екало, как тайфун в кармане, хотя бы частично –
 Не цинично, но вежливо – надо б хоть чуть-чуть раздвигаться,
 Умирая, все ж смотреть на милый рок хорошенько со стороны...

А я? В блокнот запиши, душа моя!
 Семь нег, один ответ. Ты просто есть,
 Исхода нет, а я сразу – вспышкой! – и навсегда!
 Живу, чтоб тебя восславлять и любить!
 И без опаски всякой – торопясь полнолунно в приливе! –
 Весь на тебя извергается вулкан души моей отчаянной!
 Милый север путей моих, светлый компас тоски моей! –
 Молось тебе, капризно-заветной моей иконке,
 Как нищий в соборе, сам не понимая значенья слов страстных молитв,
 Ослеплен туманом кадильно-колыбельных иллюзий и надежд,
 В Тебя верую!

Как, может быть, всю жизнь прожив в струях, ураганах, течениях
 В зябком, сером океане (вдоль которого праздно гуляю сейчас,
 Навстречу закату, навстречу тебе, до самого края причала),
 Лосось, лелея родных ручейков память,
 Из пустыни безбрежной воды
 Верно избирает робкую речку одну горную, наконец,
 из семи морей притоков–
 Радостно – вверх по камням, водопадам! –
 Против течения плывя,
 Прыгает, жизнь отдаст, чтоб плодиться и умереть!–
 Так и я тоскую по тебе, душа моя,
 С певучим узнаванием родного!

Раздумья у закрытой церкви

Про Бога не знаю. В Тебя верю: Ты –
Мое усупение, мое спасение,
Мое распятие и воскресенье.

В твой взгляд верю:
Водопадом в меня Бесконечность струит
И даже Время шалит.

Мир весь ликует свежестью,
Мир весь расплавлен нежностью
Сквозь чувственную мглу!

В листопаде душа парит (ну, пусть я всегда летучий,
Но был я лишь серой тучей,
Теперь я слегка серебрянее).

Про Бога не знаю. В Тебя верю: Ты –
Мое усупение, мое спасение,
Мое распятие и воскресение.

Березка

На улице угарной, на трудовом шоссе,
Под башнями министров, под окнами вождей,
В метелице печальной, при серебристой мгле,
В преддверье олигархов, в спесивевшей Москве
Стоит березка белая, забытая, одна
И никакою властью не чванится она.

Нельзя не замечать ее безмолвной доброты:
Благословляет птиц шальных и бабушек с детьми,
Но мимо нее ходят все, нет дела до того –
Там наверху все заняты вопросом «кто кого?»
А та березка белая – сама Любовь! – чиста,
И никакою властью не чванится она.

Как бы ни опошляли, ввали, воровали все,
Как бы ни изменяли, засоряли всё везде,
Любовь не вырождается в спесивевшей Москве –
Ведь все ж в забытом дворике, прелестна в снежной мгле,
Стоит березка нежная, естественна, мила,
И согревает душу нам, восставшую из сна!

**Стихи, сочиненные в аэропорту,
во время ожидания вылета из России**

Почему я так люблю эту страну
 Расстрелянных поэтов?
 В свободный мир уехав, почему грущу,
 Покинув пьяную тюрьму Советов?

Да, тут бесправье правит всем, а всем плевать,
 А чванствуют тут злые,
 (Давно о ценностях они не говорят,
 Их лишь волнуют цены дорогие).

Неухожена, заброшена,
 Вещая страна берез!
 Вся душа тобой поглощена,
 Не чураюсь горьких слез.
 Ах, что-то в твоём воздухе отравленном
 Есть нежное, светлое!
 Тень тоскливой луковидной грации в бреду.
 Милости Божия!

Раздумья на салфетке в баре в аэропорту

(Подслушивая равнодушный разговор о политике)

Как легко отказаться от счастья!
 Ничего не надо, друг, менять.
 Ни во что тебе не нужно верить
 И ничем не нужно рисковать...

(К своей тетрадке)

Твердому сердцу – мягкой посадки!
 Пресному быту – блеска стихов!
 Пусть утоляется бездна тетрадки
 Пением и рвением богов!

Формула счастья

Странствовать,
     жить на природе,
                 работать душой,
 Любить,
     быть любимым...
 Скромно.

Радуга

Только встретились,
Только солнце взошло на душе,
Сделав радужным мое отчаянье,

Как невинный твой голос паутиной меня отпустил
К погоде моей родной (и пасмурной,
Как цвет кожи у дельфинов).

И грустно мне теперь
В родной пустыне башен
И безразличье дружбы.

Где же ты, друг мой,
Светлая, первая робость,
Легкость тяжелее камня?

Похмелье

Кончилось застолье.
Похмелье сменило веселье.
Прелести, остроты и комплименты в мой адрес
Убраны, еще теплые, с памяти,
Как недоеденный шпинат с тарелок...

И, «родных» покидая,
После пресных объятий,
Измучен добротой друзей,
Укоряя себя за пустыню внутри,
Где должен роскошно цвести садик счастья,

С каким горьким головокружением я побрел
К реке, где серые волны меня ждали,
Серые волны бурливые, серые волны игривые!

И шире реки и глубже – рекою против реки! –
Я наконец уносился
Серой тоской по тебе!

Размышления на тему «Я Вас любил...»

I.

Любовь, что только Время проявляет, не измерима Временем.
 В прошлом, настоящем и будущем, всегда-всегда
 Я Вас любил, люблю и буду любить.
 Я родился для этого – и с этим умру.
 Любить Вас – единственное мое призвание... и завещание.

Доказано, что Бога нет.
 А Бог есть, раз ты есть, моя любовь.
 Даст ли Вам Бог любимой быть другим? Полюбят Вас неизбежно,
 Но не так искренно, не так нежно...

Поймешь, не в этой жизни,
 Так в следующей...

II.

Любовь, как смерть, приходит к нам лишь раз.
 Но, может, ты была лишь поводом, а я – проводом
 Исповеди пустой пучине Вселенной,
 Искорки мгновенной,
 Чего-то мнимого?

Может, как мне однажды заметил
 швейцарский банкир на Бермудах,
 Всегда нужно брызгать лимоном шпинат, чтоб усвоить его железо,
 Да любовь вовсе не существует, равно как и душа:
 Есть лишь физика, химия, биология,
 Есть лишь «устойчивые, взаимовыгодные критерии».

Может, всё – майя, душа моя?
 Майя? Майя, майя моя?
 Всё – иллюзия, всё – тень теней?
 А, может, идея, что всё – иллюзия –
 Тоже иллюзия?

“Mundus vult decipi”*
 «Я сам обманываться рад»,
“Credo, quia absurdum!”**
 Неужели ты не душа моя –
 майя моя, душа моя?

* * *

---

* Петрониус, «Mundus vult decipi, ergo decipiat» (Мир хочет быть обманутым – пусть обманется).

** Тертулиан, Верю, ибо это абсурдно.

Письмо из Нью-Йорка к г-же*** о сущности любви

Что такое Любовь?

где она появляется?

в чем она проявляется?

проверяется, измеряется?

Бегаем, думаем, как бы ее найти,

как вещь, по интернету,

нажав на кнопочку мышки,

Заказав себе суженую, как пиццу!

Божество не продается,

неподвластно шатким нашим планам,

моря не запрудить,

с наводнением не договориться сделкой!

Любовь определяет нас,

а не мы ее:

Нет формулы, нет логики,

нет рецепта, нет причин.

Любовь - не поезд,

послушный расписанию,

Будто место любви

себе забронируешь!

Любовь, это -

добровольно сесть,

куда - Бог весть,

по прихоти Его Чести - Рока -

В скорбь или радость, кто знает?

«Глаза слепые - лишь сердце зорко».

Ликуя, надень уж на сердце повязку.

«Любовь зла, полюбишь и козла».

Танцуя, скорее заковывай себя.

Все нужно потерять,

только так, друг мой, смеем вдруг понять

мудрейшую глупость, святейшую хрупкость,

столь спокойное,

столь сокрушающее знание:

без тебя не хватает меня.

Объясни сперва логикой

куколку бабочки, полет червя к Богу,

восхождение

к звездам, светилам надежды -

комка бессознательной грязи!

Любовь - не прикрытие

от одиночества,

не контракт, не удобство,

не секс, не лечение ран,
 не решенье «очажных вопросов»,
 не семья, не сочувствие,
 и даже не страсть, нет!

(Из нитей таких
 «проповедей выгоды»
 все разводы, друг мой, сшиты),

Но это пустое словечко, "Love",
 этот жалкий ноль в теннисе,
 мигом убиваемый цветок,
 в песню превращая Время,
 Жизни усмиряет бремя.

И скоро, когда настанет день,
 скоро, когда уж нас не станет,
 Когда отдохнет и наша тень
 и смерть больше не обманет,

Благодаря благоговей пред Божьим
 посланцем
 в лице Твоем,

Не будет страшно!
 Бесшабашно
 Любовь сама решит,
 куда наш плот
 в океане денется,

И сбросив багаж,
 весь выбор наш –
 лишь
 в славном отсутствии
 выбора!

* * * * *

Нет таких шмоток, нарядов и шляпок,
 Брильянтов, роскошных духов склянок,
 Нет таких Фиджи и Фив и Флоренций
 (Как розы, даже Рим, вечный город, меркнет),
 Нет ни жестов, ни подарков, тебя достойных...
 ...Смотри! Сверкает в беззвездном небе
 Златой Юпитер, бог торжеств,
 Владыка, щедрый Громовержец –
 И тот, всевластный, сдается,
 Всесильный, – молчит
 (Одинок, как бездетный на похоронах),
 Как музыка без нот, как Бах на словах:
 Тщетны слова, дела – к нулю.
 ...Как передать, как я люблю?

Бессонница

В самой смерти ночи,
 Далеко до зари,
 В сиянии мягком Ориона,

Меня будил какой-то ноющий, скребущий, резкий звук –
 То ли ветер, то ли пляска пустых банок и склянок,
     собранных бездомными,
 Растасканных в мешках по мертвым улицам.

Я ерзал, отвернулся,
 Как испуганный страус, спрятал голову под подушкой –
 А звук все громче и громче.
 Разъяренный и истощенный,
 Думал даже в полицию позвонить с жалобой:
 Мешают рыдать пересмешникам!
 Я встал, подошел к окну... И понял:
 Мне мерещится, меня никто не будит –
 Ни ветер, ни фантом бродячий.

Стучит лишь сердца боль живая,
 Тоска по тебе,
 По тебе, долгожданная,

В самой смерти ночи,
 Далеко до зари,
 В мягком увядании Ориона...

Без тебя я – такой же бродячий бездомный,
 Бессонный, голодный ребенок,
 Слепленный увяданием Ориона...
 А тоска моя по тебе,
 Долгожданная, несказанная,
 Острее ветра, голоднее бродяги,

Так и ноет в самой смерти ночи,
 В самой бездне души,
 Укоряя твоим отсутствием.

* * * * *

Верь, верь, душа моя,
 Верь снам и счастьем наяву.
 Пусть всё – иллюзия. В бреду
 Вся истина, душа моя.

Верь, друг: вдруг цель найдет Стрелец.
 Верь, что страданиям есть конец,
 Верь, что любовь на свете есть.
 Верь, верь, душа моя!

День Лицея – день независимости души

Друзья мои, прекрасен наш союз!
 Он как душа, неразделим и вечен
 Неколебим, свободен и беспечен,
 Срастался он под сенью дружных муз.
 Куда бы нас ни бросила судьбина
 И счастье куда б ни повело,
 Всё те же мы: нам целый мир чужбина;
 Отечество нам Царское Село.

My friends, how beautiful our union is!
 Eternal like the soul, it can't be broken.
 It withstands all, free, careless and outspoken
 Our links were formed by friendship and the Muse.
 Where'er we're cast by Fate, what'er it's storing
 Wherever happiness might let us roam
 We're still the same: the whole world's strange and foreign
 And Tsarskoye Selo is our true home.

Почти 200 лет назад (19 октября по старому стилю, или 31 октября по новому стилю) Александр Сергеевич Пушкин был принят с 29-ю другими мальчиками в Царскосельский Лицей, основанный Александром I в Летнем императорском дворце. Шесть лет невыездной учебы предоставлялись бесплатно молодым дворянам, предназначенным «к важным частям в службе государственной». Царь пожертвовал этому элитарному учебному заведению свою личную библиотеку. Школа была абсолютно передавая. Телесные наказания запрещались, что было в то время редкостью (сравните с воспоминаниями Диккенса). Среди педагогов были смелые либералы: профессор нравственных наук Куницын, соединявший резкое осуждение крепостного права с учением о «естественном праве» и доктринами Адама Смита, а также преподаватель французского, который вообще был братом французского революционера Марата.

19 октября состоялась торжественная церемония открытия Лицея. Вот именно эту церемонию мы сегодня отмечаем. Но примечательно вот что: как только закончилось пышное торжество, юные лицеисты тут же выбежали во двор, и начался веселый бой снежками. С первых дней шаловливость боролась с государственностью. Тесно связанные между собой лицеисты пробуждали друг в друге дух резвой мальчишеской вольности, радости, игривого соперничества и доброго юмора – именно их резвость была основой их преданности высшим целям в жизни: свобода, честь, дружба, любовь и искусство – ценности, которые потом назоут «духом Лицея».

С младенчества дух песен в нас горел,
И дивное волнение мы познали;
С младенчества две музы к нам летали,
И сладок был их лаской наш удел:

Since youth, in us Song's spirit ever burned,
With a divine disquiet us inspiring
Since youth towards us two Muses fleet came flying
Sweet was our lot caressing them in turn.

Довольно смелая программа обучения в Лицее включала в себя: «1. грамматика: изучение русского, латинского, французского и немецкого языков; 2. нравственные науки: религия, философия, этика, логика; 3. математические и физические науки: алгебра, физика, тригонометрия; 4. исторические науки: история России и иностранных государств, география, хронология мира; 5. основательное знание литературы: чтение лучших авторов, правила критического анализа, риторики; 6. изобразительные искусства, к тому же гимнастика, каллиграфия, рисование, фехтование, танец, искусство верховой езды, плавание...»

Если бы Пушкин серьезнее относился к учебе, то он бы мог стать, как князь Горчаков, сначала первым в классе, а потом, чего доброго, канцлером Российской Империи. Но в своих «Записках о Пушкине» декабрист и ближайший друг поэта Иван Пущин (любимый «Жанно») вспоминал:

«Все мы видели, что Пушкин нас опередил, многое прочел, о чем мы и не слыхали, всё, что читал, помнил, но достоинство его состояло в том, что отнюдь не думал выказываться и важничать, как это часто бывает в те годы... Напротив, все научное он считал ни во что и как будто желал только доказать, что мастер бегать, прыгать через стулья или бросать мячик...»

Больше всего Пушкин любил гулять по Царскосельскому парку:

И часто я украдкой убегал
В великолепный мрак чужого сада,
Под свод искусственный порфирных скал.
Там нежила меня теней прохлада;
Я предавал мечтам свой юный ум,
И праздномыслить было мне отрада.

And often on the sly I used to slip
In a forbidden garden's splendid murk,
Beneath the artificial purple cliffs.
In shadows' cool I basked, an idle boy:
I gave my youthful mind up to my dreams
And idle musing was my greatest joy.

В поэме «Евгений Онегин» он вспоминал:

I.

В те дни, когда в садах Лицея
 Я безмятежно расцветал,
 Читал охотно Апулея,
 А Цицерона не читал,
 В те дни, как я поэме редкой
 Не предпочел бы мячик меткий,
 Считал схоластику за вздор
 И прыгал в сад через забор,
 Когда порой бывал прилежен,
 Порой ленив, порой упрям,
 Порой лукав, порою прям.
 Порой смирен, порой мягок.
 Порой печален, молчалив,
 Порой сердечно говорлив,

II.

Когда в забвенье перед классом
 Порой терял я взор и слух,
 И говорить старался басом,
 И стриг над губой первый пух,
 В те дни... в те дни, когда впервые
 Заметил я черты живые
 Прелестной девы и любовь
 Младую взволновала кровь,
 И я, тоскуя безнадежно,
 Томясь обманом пылких снов,
 Везде искал ее следов.
 Об ней задумывался нежно,
 Весь день минутной встречи ждал
 И счастье тайных мук узнал.

III.

В те дни - во мгле дубравных сводов,
 Близ вод, текущих в тишине,
 В углах лицейских переходов
 Являться муза стала мне.
 Моя студенческая келья,
 Доселе чуждая веселья,
 Вдруг озарилась! Муза в ней
 Открыла пир своих загей;
 Простите, хладные науки!
 Простите, игры первых лет!
 Я изменился, я поэт,
 В душе моей едины звуки
 Переливаются, живут,
 В размеры сладкие бегут.

I.

Back then, when in the Lycée's garden
 I unrebliously bloomed,
 Read keenly Apuleius charming,
 Thought Cicero an old buffoon,
 Back then, when even a rare poem
 Meant less to me than balls well thrown,
 And I thought schoolwork was a bore,
 Into the park the fence leaped o'er.
 When I at times could be quite zealous,
 Lazy at times, other times tough,
 Sometimes quite cunning, sometimes gruff,
 Subdued at times, at times rebellious,
 Sometimes so sad, in silence pent,
 Sometimes heartfelly eloquent,

II.

When, lost in trances before lessons,
 I'd lose my sight, my hearing dimmed,
 Tried answering with new bass voice questions,
 And shaved the first down off my lip,
 Back then...back then, when I first noted
 The traits and ways, with eyes devoted,
 Of maids enchanting, and when love
 Was always stirring my young blood,
 And I, just sighing for love vainly,
 Thrashed in the wake of passion's dreams,
 I sought love everywhere, it seems,
 And daydreamed just of love so gently,
 All day for one fleet meeting yearned,
 The joys of secret suffering learned.

III.

Back then, 'neath oak-groves' arching sadness,
 By waters flowing quietly,
 In my Lyceum's corner pathways
 The Muse began to come to me.
 My little student cell monastic,
 Which, until now, had not known gladness,
 At once was gleaming, and the Muse
 Laid there a feast of songs to choose.
 Farewell to ye, cold sciences!
 I'm now from youthful games estranged!
 I am a poet now; I've changed.
 Within my soul both sounds and silence
 Pour into one another, live,
 In measures sweet both take and give.

IV.

И, первой нежностью томима,
 Мне муза пела, пела вновь
 (*Amorem canat aetas prima*)
 Все про любовь да про любовь.
 Я вторил ей – младые други
 В освобожденные досуги
 Любили слушать голос мой.
 Они, пристрастной душой
 Ревнуя к братскому союзу,
 Мне первый поднесли венец,
 Чтоб им украсил их певец
 Свою застенчивую музу.
 О, торжество невинных дней!
 Твой сладок сон душе моей.

IV.

Still of first tenderness a dreamer,
 My Muse could never sing enough
 (*Amorem canat aetas prima*)
 All about love, and love, and love.
 I echoed her, and my friends youthful
 In leisured hours at ease, untrifling,
 Would love to listen to my voice.
 How passionate their souls rejoiced
 With zealous brotherly enthusing:
 They first of all did laurels bring
 To me, that for them I might sing
 The fruits of my still timid musing.
 Oh, joy of innocence of old!
 How sweet your dream is to my soul!

Преподаватели не были в восторге от его принципиального шалопайничества. Даже его любимый профессор Куницын жаловался на поэта: «Пушкин – весьма понятен, замысловат и остроумен, но крайне неприлежен». Пушкину, вместе с Пуцциным и Малиновским, часто доставалось за юношеские проказы. За питье гоголь-моголя с ромом их наказали двухдневным лишением обеда и стоянием на коленях во время молитв – тщетно. «Писал он везде, где мог, а всего более в математическом классе».

Самая первая сохранившаяся рукопись стихотворения Пушкина – уже о любви: «К Наталье» было написано в 1813 году молодой актрисе из крепостного театра графа Толстого. Первая публикация Пушкина вышла в 1814 году – и даже тут друзья пошутили: тайком отправили его рукопись «Другу-стихотворцу» в журнал «Вестник Европы» за подписью «Н.К.Ш.П.» (то есть «Пушкин» наоборот).

В 1815 году Пушкин декламировал свои «Воспоминания в Царском Селе» на экзамене по русской литературе. Присутствовал самый известный в то время поэт России Гавриил Державин. «Когда дошел я до стиха, где упоминаю имя Державина, голос мой отрочески зазвенел, а сердце забилось с упоительным восторгом.... Не помню, как я кончил свое чтение, не помню, куда убежал. Державин был в восхищении: он меня требовал, хотел меня обнять... Меня искали, но не нашли...»

Но парадокс! «Ленивец» Пушкин написал более 120 стихотворений в лицейские годы (более двадцати обращены к фрейлине Екатерине Бакуниной: «Певец», «Дориде», «Друзьям»). В Лицее он также начал поэму «Руслан и Людмила».

На последнем году обучения Пушкин довольно часто прогуливал уроки, чтобы общаться с гусарами, чьи полки располагались недалеко от Екатерининского дворца. И эти проказы способствовали его развитию – помимо застолий было много пламенных политических

бесед. Одним из этих гусаров был Петр Чаадаев, пронизательный критик самодержавия и крепостного права, который познакомил молодого поэта с английским языком, философией Локка и Юма и свободолобивой лирикой Байрона. Вместо того чтобы «заниматься как положено», Пушкин сам себя образовывал – встречался и с великим русским историком и сентиментальным романистом Николаем Карамзиным (и его женой Екатериной Андреевной, которую некоторые считают «утаенной любовью» Пушкина).

9 июня 1817 года Пушкин окончил Лицей «со скрипом», двадцать шестым из 29 воспитанников, с отличными оценками только по русской словесности (еще бы!), французскому и фехтованию. Год спустя, когда Пушкин уже стал знаменитым, один из его преподавателей (Ф.П. Калинин, учитель чистописания) жаловался: «Да что он вам дался, – шалун был, и больше ничего!» Е.А.Энгельгардт, директор Лицея, высказал в еще более резкой форме свою неприязнь к самому знаменитому своему ученику. В личном архиве Энгельгардта читаем:

Высшая и конечная цель Пушкина – блистать, и именно поэзией; но едва ли найдет она у него прочное основание, потому что он боится всякого серьезного учения, и его ум, не имея ни пронизательности, ни глубины, совершенно поверхностный, французский ум. Это еще самое лучшее, что можно сказать о Пушкине. Его сердце холодно и пусто: в нем нет ни любви, ни религии; может быть, оно так пусто, как никогда не бывало юношеское сердце.

Вспомним, что в буддийской практике медитации такая «пустота» являет собой высокую степень похвалы – достижение наивысшей стадии духовного совершенства. Думаю, что кажущаяся «пустота» или (другими словами) открытость пушкинского сердца сделала его идеальным сосудом-проводником для возвышенных проявлений неистощимой небесной любви. Во всяком случае, эта «пустота» была его богатством, даром, который не мог быть захламен обыкновенным каким-то приспособлением к «важным частям службы государственной».

Служенье муз не терпит суеты;   The Muses' service brooks no vanity;
Прекрасное должно быть величаво...   The beautiful must always be majestic...

Сам Пушкин обожал праздник 19 октября: семь раз писал стихотворения в его честь, празднуя годовщину открытия Лицея как свой духовный день рождения. Но давайте вспомним, что на самом деле было главным в «Духе Лицея» – не учеба, а дружба, не изнурительная работа, а восторженная любовь, не церковь с наставлениями, а вольный сад, где «любил я светлых вод и листьев шум». «Дух Лицея» чужд помпезности. «Дух Лицея» – это дух свободы. Праздник «Дня Лицея» – это праздник независимости души, праздник Любви.

Евгений Любин - родился в Ленинграде, с 1978 года живет в Нью-Джерси. Автор десяти книг прозы и поэзии на русском (три последние изданы в Санкт-Петербурге) и двух книг на английском языке (изданы в США), многочисленных публикаций в газетах и журналах России, США, Венгрии, Израиля, Германии и Франции. С 1999 года печатается в альманахах и журналах России («Континент», «Нева», «Север», «День и ночь», «Северная Аврора», «Новосибирск»). Иностраный член Союза писателей Санкт-Петербурга, председатель Клуба русских писателей Нью-Йорка.

*Что нужно человеку...**

1.

Ни в какие воскресения или посмертия я не верю. Верю только в то, что можно пощупать, увидеть, понять. Никакие интуиции или потусторонние силы меня не трогают и не волнуют.

Не верю, что меня можно повторить, как барана. Можно повторить мое тело, мои клетки с теми же ДНК, и РНК, и прочей чепухой, но не мои мысли, мою память. Все те чувства и желания, которые были со мной все мои шестьдесят пять лет, были частью меня, и частью главной, для которой существуют это тело, кровообращение, жевательный аппарат. Любовь – другое дело, это мое прошлое, настоящее и будущее, это цель и смысл жизни. Жизни в других и с другими. Это я – это моя память, шевеление моих мозгов, игра чувств.

Я всегда думал о смерти и знал, что можно сохранить свое тело, свои клетки, свои ДНК – на годы, на века. Есть даже такая организация: «Фризинг лайф», то есть «Замороженная жизнь». Это большая компания, которую, как тысячи других, интересует не то, чем она занимается, а только результат этих занятий – деньги. Но чтобы получить деньги, много денег – надо делать свое дело хорошо, надежно, честно. «Фризинг лайф корпорейшн» (ФЛАК) и делает свое дело давно и, по мере возможности, честно. Она замораживает вас до глубокого холода, когда тела уже нет. Нет клеток, нет генов, нет ничего – только застывшие молекулы и атомы, в которых даже вращение электронов по своим орбитам почти остановилось. Жизнь это или смерть – непонятно.

---

* Рассказ был впервые опубликован в книге «Исповедь в последнюю неделю жизни» (изд-во «Геликон», С.-Петербург, 2002).

Компания называет это жизнью, каждый нормальный человек – смертью. Но все клиенты компании, в том числе и я, посредством брошюр и детальных инструкций с примерами на обезьянах знают, что если постепенно отогревать это хрупкое, как стекло, замороженное тело – медленно, по сотой градуса в день, то тело вернется к своему изначальному состоянию. Завертятся электроны на своих орбитах, все быстрее и быстрее, потом задвигаются атомы и оживут молекулы, а молекулы потеплеют и проснутся ДНК, РНК, гены и хромосомы, которые любят холод. Холод несет им вечную жизнь, бессмертие, а раз им, то и клеткам, и органам – всему телу. Постепенно все оживает и принимает свое первичное состояние, точнее, не первичное, а конечное, на котором все остановилось.

В этом не было для меня никакого сомнения. Тело оживет. А мозг, память, эмоции, чувства – сохранюсь ли я как разумное существо со всем моим прошлым: очень прошлым и недавним – перед самым уходом? В этом был главный вопрос, и компания готова была на него ответить. Показали мышей, свинок, собак, даже двоих шимпанзе-супругов. Последняя стадия размораживания проходила на глазах у меня и еще двух джентльменов, которые не представились. Деловые поджарые мужчины моего возраста.

Один – с седой шевелюрой, крупноголовый, с выцветшими глазами, будто его уже заморозили, у другого глаза более живые, чем у первого: стальные, взгляд твердый, на загорелом черепе ни следа волос, ни пушинки. Оба они даже не взглянули на меня. Для чего? Еще несколько дней, и мы уйдем в многовековое путешествие, а станции назначения разные. Никаких шансов встретиться. Разве что фирма вдруг обанкротится.

Мы смотрели на шимпанзе и видели: те после оживления вполне нормально двигались, обнюхивали друг друга, занимались любовью. В глазах у них была радость существования, радость сытости, радость любви. Все, как прежде.

Шимпанзе обнадежили. Они знали друг друга, понимали, ластились, что-то говорили. Это наверняка. Значит, память сохранилась. А все остальное? Что остальное? Умение мыслить, общаться, любить?

На людях опытов не делали. Не пришло время. Компания существовала тридцать лет, а кто же хочет вернуться через тридцать лет? Всем нужен минимум век, а то и десять, двадцать столетий. Иначе, зачем тратить столько денег. А деньги немалые: не годовые взносы, а один разовый. Компании нужен один капитальный взнос, а проценты будут идти, что бы вокруг ни происходило. Это всегда надежнее. Взнос у меня был. Возник чудом, никогда на такие деньги не рассчитывал. Какой-то сумасшедший случай.

Лежала в столе документальная книга о судебном медицинском деле, к которому причастна была моя Поленька. Горькое было, нехорошее дело, и не вспоминали мы о нем никогда – сильно это ранило ее. А теперь, когда все кончилось и причиной несчастья была именно та операция, я уже не только имел право, но обязан был

наказать того врача. Из наказания ничего не вышло, так как редактор заменил все имена и даже даты. Но книга вдруг стала бешено продаваться, а месяц назад ее купили в Голливуде. Сумма, которую я получил, меня ошарашила и была как раз такой, какую требовала «Фризинг лайф корпорейшн». О чем можно было еще мечтать? Жизнь после жизни, возможность увидеть когда-нибудь в будущем Тот сумасшедший мир. До теперешнего мне уже не было дела. Без Полины жизнь не имела смысла. Я бы вряд ли удавился, влачил еще лет десять полуживотное ленивое существование и помер в одиночестве, как умирают жалкие одинокие старики. А тут такой случай. Никаких интересов и желаний у меня уже не осталось, и деньги только тревожили меня. Тогда я решил обратиться в корпорацию. Там сдержанно, но приветливо меня встретили.

2.

Я думал об этом, еще лежа в своем саркофаге. Они на самом деле так и назывались – саркофаг номер 1, саркофаг номер 2 и так далее. Мой значился под номером 19 – счастливое для меня число. Вокруг не было никакого шума или движения, а должно бы. Где я, что я, в каком времени? Вернулась память, а с ней чувство тревоги, но не любопытства. Опять, как раньше, постоянная мысль о Поленьке, и я тут же решил, что вся эта затея была ни к чему – ведь я-то хотел уйти от прошлых воспоминаний, от душевной боли, которая мешала мне в той жизни. Время все лечит, говорили тогда, а на поверку: целое тысячелетие, и что же? А может быть, прошло всего несколько дней или недель, и фокус просто не удался? Какая-то техническая неисправность? Тихо вокруг. Над головой сквозь стеклянную мутноватую крышку виден тот же белый потолок. В ногах зажглось табло: «19 февраля 3000 года. Вы проснулись. Наша корпорация приветствует вас в этом новом для вас мире. Будьте спокойны и готовы к продолжению жизни. Вас не встретят наши сотрудники лично, но вы получите все необходимые инструкции. Одежда и еда уже ждут вас. Принимайте все разумно, ничему не удивляйтесь и не пугайтесь».

Я пошевелился, и крышка стала медленно отходить. Сел, неуклюже выбрался из холодильника и увидел на стуле одежду, похожую на мою старую: джинсовые брюки и рубашку, а на столе поднос с едой, внешне тоже похожей на мой обычный завтрак: кукурузные хлопья, стакан молока, творог под сметанной шапкой, присыпанной сахаром. Через прозрачную дверь, которая сама собой открылась, я вышел наружу. Хотелось бы написать «на улицу», но улицы не было. Не было и площади или парка, не было города – больше всего это напоминало мне пчелиный улей, каким я видел его по телевизору – изнутри. Напротив меня, надо мной, подо мной, справа и слева – лепились друг к другу полупрозрачные, словно восковые, соты – то ли квартиры, то ли гостиничные номера. В каждой темнели неотчетливо фигуры людей. Меж сотами по желтым скользким проходам, похожим на кривые тропинки, медленно и осторожно

двигались люди в легких накидках из зефира. Накидки развевались у них за спиной от легкого дуновения, несшего ароматы цветов. Тут были запахи сирени, ландыша, нарцисса. Но они ежесекундно менялись, и я никак не мог определить, какой из них самый сильный. Лица прохожих несли умиротворенные и дружелюбные улыбки, как у медсестер в отделении тяжелобольных. Почта все лица были женскими, а фигуры под накидками казались худыми и плоскими. Что меня поразило – тишина, такая же тишина, какая была в помещении саркофагов. Мне слышался высокий, чуть дрожащий звук, уходящий ввысь меж сот, как в узком ущелье, но, возможно, этот шум стоял у меня в ушах. «В каком ухе звенит?» – спрашивал я в таких случаях Полину, и шум тут же пропадал. Но мне некого было спросить. Правда, встречные приветливо улыбались, многие оборачивались, но... ни звука. Я подумал, что их удивляет моя одежда, однако попадались мужчины одетые в джинсовки, как и у меня. А люди продолжали оглядываться. Женщина, очень молодая и очень красивая, с точеными чертами лица, как у моей Поленьки, но более мелкими, остановилась, посмотрела на меня, и по ее глазам я понял, что она со мной заговорила, но голоса ее я не услышал. Она ласково улыбнулась и, покрутив у виска пальцами, жестом, который у нас означал: «Ты что, не в своем уме?» или «Ты что, с приветом?», пошла своим путем, а я готов был озлиться... Но тут заметил, что у всех проходящих мимо меня на висках, у самых глаз, были то ли приклеены, то ли как-то иначе закреплены цветные пластинки размером в половину жевательной резинки, но чуть-чуть потолще. Эти пластинки меняли цвет – от бело-голубого до сиреневого и черного, а иногда переливались несколькими радужными красками. Большим и средним пальцами я нажал на свои виски сначала слегка, потом сильнее и почувствовал боль, уходящую прямо в глубь мозга. Я знал, что глаза – это окно в мозг, но виски... Да много ли я понимаю в том, что тут происходит? Я пошел обратно к своему саркофагу – иного дома у меня еще не было – и поймал себя на мысли, что, всматриваясь в лица женщин, я ищу Полину. Нелепо, безумно, но ничего с собой поделывать я не мог. В холодильнике, как я называл мысленно то место, где стояли саркофаги, снова было пусто. «Да что это, – вскипел я, – по улице шляются толпы бездельников, а тут – никого. Да за что же они получили мои миллионы? Где, в конце концов, их западное обслуживание». Но тут я заметил поднос с новой едой, опять вполне привычной мне: салат из зеленых листьев, кусок жареного мяса с печеной картофелиной в чуть поджаренной коже – как я люблю, розовый сок в стакане и чашку с кипятком, над ней вился пар, а рядом на блюде – заварной мешочек. Хлеба не было, только две галетки. Да я от хлеба давно отвык – надо же, они знали и это. Над саркофагом горела новая надпись: «Не удивляйтесь тишине вокруг вас. Вы правильно поняли: мы общаемся через трансмиттеры, закрепленные на висках. Вы сможете это делать со временем, а пока наблюдайте вокруг, знакомьтесь с новым для вас миром. Успеха вам».

Что, собственно говоря, нам в жизни надо: быть сытым, обутым, иметь где прикорнуть и... душевное спокойствие. Я понимал, что меня обеспечат всем, кроме душевного спокойствия. Его извне не внесешь в душу, но зачем же я затеял всю эту историю? Сейчас у меня в душе та же тоска, что была тогда, мне так же не хватает Полины, и никакое время эту тоску не убьет. Но, возможно, дело не просто в скачке веков. Тоску убивают долгое страдание, муки одиночества, чувство невозвратной потери. Со временем не тоска проходит, а душа устает болеть и защищает себя привычкой, как привыкают люди к потере руки, ноги, глаза. Невозможно жить, постоянно помня, что ты инвалид. Ах, лучше быть калекой, но чтоб душа не болела. Мое лечение не помогло – прыжок во времени не смягчил боль. Но хочу ли я ее смягчить? Ведь сейчас, если я есть, то только потому, что есть моя боль, моя память. Утихнет боль, ослабеет память, что же останется? Эти странные безгласные люди, их жилища, как соты в улье, их немое мельтешение... А вернуться назад нельзя, да и к чему это? Чтобы все началось сначала? Я улежся в саркофаг, потому что другого лежачка не было поблизости, сразу уснул. Очнулся я с видением сна, четкого, как наяву. Сны помнятся только те, с которыми просыпаешься. Это было известно уже в мое время, но чтобы такая ясность... Я вылез из моего лежбища и пошел точно так, как только что видел: влево от холодильника, до первой развилки восковых улиц, потом до площади размером в жалкий городской скверик. По дороге я заводился все больше и больше: заработали мои спящие тысячелетие гормоны, в паху тихо жужжало, а голова слегка покруживалась. От сквера-площади расходились три восковых пассажа. Я вошел в тот, что прямо передо мной, как и видел это во сне. Полукруглая янтарная, а возможно, восковая крыша излучала желтый свет, как от слабых двадцатисвечовых лампочек, вдоль всего пассажа, конец которого пропадал вдаль, как в закате жаркого дня. Но жарко не было, не было и прохладно – было как нужно, и опять сливались тонкие ароматы цветов и трав. Я почувствовал и терпкий запах хмеля. В звонкой тишине еле-еле раздавались звуки космической музыки, которую слышал я пару раз еще в той жизни. Вспомнил: уже тогда думал о том, что это музыка будущего. Тощий музыкант в черном водил руками перед антеннами в виде овальных трубок, не касаясь их. Руки приближались и удалялись, плавно опускались или поднимались. От этих движений небесные звуки то замирали, то уходили ввысь – они не походили на звуки какого-нибудь известного инструмента – они не прерывались и не кончались. Они означали вечность, будущее мира. Того мира, в котором я оказался. А вокруг так же неспешно, как и на тропинках, двигались фигуры женщин и мужчин – обнаженные и почти обнаженные люди без возраста и эмоций. Они тоже все улыбались и осторожно, словно боясь разбить, касались друг друга. Я должен был бы возбудиться еще больше от вида их совершенных тел, очень похожих на скульптуры Возрождения; но гормоны начали успокаиваться, лень и умиротворение охватили меня; я повернулся и медленно побрел назад.

На следующий день (день, вечер, ночь – кто знает) я опять побродил по узким ходам вдоль сот, заглянул в пассаж, соседний с тем, где был вчера. То ли обвыкнув, то ли осмелев от игры гормонов, я коснулся одной из женщин, и, о чудо, она не отстранилась, а, напротив, сразу приникла ко мне всем белым, без единой лишней складки телом, и мы тут же занялись любовью. Вокруг стояли и смотрели, правда, не приближаясь – шагах в пяти-шести. Смотрели, улыбаясь, с любопытством и интересом. Так я наблюдал в прежнем мире, как занимаются на воле любовью дикие животные. Что-то во мне возмутилось, и я отстранился от женщины. Она ласково посмотрела на меня, словно увидев впервые, помахала рукой и растворилась в толпе.

Я поспешно ушел, не оглядываясь, будто набедокурил, как бывало в детстве. Голые люди провожали меня равнодушно-приветливыми взглядами, а я – нашкодивший, но удовлетворенный пес – думал о том, что вел себя, как те животные в саванне.

3.

Над саркофагом горела надпись: «Мы поздравляем вас со вступлением в новую жизнь». Похоже, они следят за каждым моим шагом. И тут же другая: «У нас никто ни за кем не следит. Для этого нет ни желающих, ни ресурсов. Вам нечего опасаться или стесняться. Вы пришли в мир радости, где радость естественна и проста, как утоление голода или жажды в вашем прошлом. Пейте жизнь полной грудью, как воздух, будьте постоянно счастливы и удовлетворены». Э, да они и мысли мои читают, а где же свобода? И тут же ответ: «Чтение мыслей друг друга – это способ нашего общения. Другого нет. Вскоре вы получите виски и сможете управлять передачей ваших мыслей, как управляли раньше речью. Мы уже постепенно обучаем ваш мозг, подобно тому как обучали говорить детей в ваше время. Дети не замечали, что учатся говорить». Что-то это мне не нравится, а где же моя личная жизнь, тогда она у меня была. Я оглянулся в испуге, уверенный, что меня опять подслушали, но экран оставался темным. На следующий день я вернулся в пассаж и снова бродил меж красивых женщин и касался некоторых из них, но никто ко мне не бросался. Я искал глазами ту, вчерашнюю, и не мог распознать. Они все были разные: брюнетки с густыми вьющимися или прямыми волосами, блондинки от соломенного до пшеничного цвета, рыжие от светло-золотого до бронзового тона, как у моей Поленьки. Одинаковым было то, что подстрижены все были очень коротко, а лица необычайно белы и гладки. Вот мелькнула курчавая головка моей вчерашней подруги. Толком я ее тогда не разглядел – все произошло по-животному быстро. Но вот она поравнялась со мной, остановилась – мелкие правильные черты лица – раздвоенный подбородок, на щечках ямочки, скулы чуть выступают, брови резкими штрихами, глаза с белками фарфоровой белизны, под стать им ровные зубы всегда приоткрытого в улыбке бледно-розового рта с четкими полными губами. Зрачки зелено-красного цвета, каких я раньше никогда не видел. Ресницы непривычно

короткие, думаю, оттого, что не покрашены. Да, на лице ни намек на краску. Я смотрел на нее, и никакие чувства во мне не проснулись, но я все-таки протянул руку и неуверенно взял ее маленькую, как у ребенка, ладонь. И она снова прильнула ко мне, и мы снова тут же, на людях, занялись тем же, чем и вчера. «Ну и скотина», – подумал я про себя, провожая взглядом ее крепкую невысокую фигурку в развевающемся зефире. Она не обернулась.

У саркофага тишина. Никаких сообщений на табло. Зато на ящичке недалеко от моего отодвинута крышка, и светится надпись, которую мне издали не прочитать. Я поколебался, подойти ли. Там, в прошлой жизни, любопытство непременно пересилило бы, но сейчас я неторопливо перекусил очень вкусным то ли завтраком, то ли легким обедом. По виду это была жареная рыба с гарниром, похожим на гречневую сечку, но все-таки – не рыба. Хорошо приправленная, но без рыбьего запаха, без костей, кожи, даже мякоть была не волокнистая, но вкус, несомненно, форели, которую я ТАМ предпочитал другим сортам. Салаты – овощной и фруктовый – вполне натуральные. Утомленный недавним приключением и едой, я улегся в свое лежбище, вспомнил о раскрытом ящичке, подумал, уж не начали ли они управлять моим поведением, но вскоре заснул.

Очнулся от того, что, как наяву, видел хорошенькую курчавую головку, которую недавно целовал, и чувства стыда и сожаления явились мне. Что это было, позор какой, у всех на виду и без желания, я уж не говорю о любви, просто похоть, скотство. Я вспомнил Полину и застеснялся ее. Будто она знала, что случилось. Она не знала – я знал, вот в чем дело. Тоска, уныние отяготили душу, грудь сдавило, как бывало ТАМ. Но там было кому пожаловаться, излить свою обиду, тревогу. Внезапно дурное настроение прошло, словно кто-то повернул выключатель. Чего еще мне надо? Тут покой, тихая небесная музыка, вкусная еда, красивые доступные женщины. Живи и радуйся – вот цель, вот смысл жизни. Мир радости. Чего же недостает мне?

Вылез наружу. Возле того, открытого, саркофага стоял человек в черном деловом костюме. Мы пристально смотрели друг на друга так долго, что надо было что-то делать. Сначала помахали, потом медленно двинулись навстречу. Я узнал в нем художавого высокого клиента «Фризинг лайф» с голым блестящим черепом и стальными острыми глазами. Мы пожали руки, как старые друзья. Я подумал, что он меня не узнал, да он и не смотрел на меня тогда. У него на висках желтели прямоугольники, он спросил медленно, косноязычно, как говорят старики после кровоизлияния в мозг:

– Вы только что прибыли?

– Дня три-четыре, верно. Как-то не могу разделить дни и ночи.

– И не надо, друг. Тут все течет непрерывно и бесконечно. Да, жизнь здесь бесконечна. Мы получили то, за что так дорого заплатили. Вклад себя оправдал, не правда ли?

– Я еще не разобрался...

– Ну, все впереди.

- А вы из какого времени? – спросил я почему-то.

- Да вы что, меня не узнали?

- Я подумал, что вы...

- Так бы я и подал вам руку...

- Я рад, очень рад, что вы еще не разучились говорить с этими наклейками.

- Говорить трудно, да и не с кем... Вот вы...

- Кого-нибудь встретили из... ну, понимаете, из прошлого?

- Нет, и не хочу... И вас не хотел. Видел, как вы размораживались.

Да засекли вы меня. Мне скоро соту дадут...

- И давно вы здесь?

- Наклейки уже получил, скоро – жилье, и пошел этот холодильник к дьяволу.

- Вы ругаетесь, как прежде...

- Это из-за вас, больше я вас не знаю.

- Один вопрос, если можно...

- Ну, один...

- Почему тут сексом при всех занимаются, а все вокруг стоят и смотрят, как в зоопарке?

- Радость это, дорогуша, редкая это здесь радость. Может, одна из тысяч обратит на вас внимание, а большинство вовсе забыло, что и зачем.

- А дети, потомство?

- Э, дорогуша, вы в каком сейчас веке? Кто же таким способом детей делает?

Он повернулся и пошел лениво к своему саркофагу. Забрался в него, как в пилотскую кабину, высоко задирая ноги, опустил крышку.

«...И не хотел вас видеть». Его слова больно задели меня. Что-то мелькнуло из прошлого. Даже этот неприятный человек показался родным, принес мне надежду, и, вот тебе: «не хотел видеть». Мне было не по себе. Будто что-то надорвалось внутри – от прежней эйфории, радости нового рождения остались только оскомины да вяжущий вкус, как от спелой черемухи. Приятный вкус ушел, а оскомины осталась. В стеклянной крышке морозилки-саркофага, отражалось продолговатое лицо пожилого человека из ТОГО времени: лысина, окруженная черными с густой проседью волосами над прижатыми, как у борзого, ушами; густые черные насупленные брови, а под ними карие глаза с длинными ресницами, и еще тлеющими искрами в зрачках. Под глазами тяжелые набухшие мешки, как от долгой спячки, и резкие складки от крыльев крупного, ломанного посередине носа и от уголков еще довольно полных губ, подчеркнутых коротким шрамом над крупным квадратным подбородком. Это тоскливое зрелище смягчалось в полутемном стекле, но разительно не походило на теперешних людей. Прибавьте к этому еще волосатые руки, ноги и грудь. Мне пришло даже обидное сравнение. Я был для них тем же, чем были в ТО время обезьяны для меня.

Я не пошел в этот день в пассаж, а бродил по узким желтым тропинкам, навряд ли сделанным из настоящего янтаря или смолы, скорее всего из эпоксидки. Хотя кто его знает. Я внимательнее обычного приглядывался к встречным. Вот стройный мускулистый мужчина среднего роста, чуть выше меня. Короткие густые темно-серые волосы, ясные приветливые серые глаза, улыбка на твердо очерченных губах. Лицо хорошего овала, но что удивило меня – нос с сильной кривизной, будто поломанный. Мышцы заметны под шелковой просторной накидкой, но тело без следа загара. Да и откуда он возьмется? Я взглянул вверх и понял, что за все прошедшие дни я ни разу не видел солнца, да и неба, голубого или в тучах, не видел. Над головой прозрачное небо-потолок тоже янтарного цвета. Видишь все, как в розовых очках. Надо же, какое сравнение. Все радостные, улыбочивые. Чужие. Была одна кудрявая новенькая – исчезла, был один старый знакомец – исчез. А я чего-то жду, что-то ищу. Что? Вот прошла длинная, рыжеволосая, веселая – мгновенный взгляд с искрой удивления – и исчезла. А вот еще выше – похоже, что женщины здесь много выше мужчин. В ее лице что-то от моей Поленьки, но холодное. И, слава Богу, я вдруг испугался, что могу ее встретить. Ее, безгласную, с розовыми, зелеными или бежевыми наклейками на висках. Узнает ли она меня? Или скажет: «Не хочу тебя знать...»

Над морозильником надпись: «Вы хорошо адаптируетесь, не старайтесь отогнать от себя воспоминания, не выбрасывайте то, что фирма сохранила в вас и на что ушла значительная часть ваших вложений. Еще немного времени, вы получите трансмиттеры и сможете общаться с людьми вокруг вас».

«И вы будете не только читать мои мысли, но и контролировать их», – подумал я и зло передернул плечами. Надпись: «Здесь никто никого не контролирует, у нас просто некому этим заниматься. Каждый делает свое дело. А читать мысли – это же и есть общение, в тысячи раз эффективней речи.

Как и в разговоре, вы в любой момент можете его прервать. Не надо волноваться, для этого нет никаких причин. Слушайте музыку, вдыхайте ароматы цветов, следите за игрой света. Радуйтесь бытию. Живите».

Но я не успокоился. Я уже видел себя с наклейками на висках. Кстати, почему они разного цвета? Мои мысли читают все вокруг, будто я говорю громко в большом зале и даже не вижу с кем. Я всегда боялся толпы, а выступать перед нею – увольте. Посмотрел на табло. Ничего нового. А ведь знают, о чем я думаю. Знают, гады. Нет, на этукую дешевку меня не поймают... Не на того напали... Никаких штучек мне не надо. Я завелся, даже аппетита не было, хотя на столе мои любимые ягоды – черника, малина, ежевика – и рассыпчатый творог. Все, все знают, гады. А кто, собственно, «гады»? Скорее всего, это фирма, которая меня сюда доставила и опекает какое-то время. Здешним-то, и в самом деле, не до меня. Бабочки, беззаботные мотыльки в зефировых накидках. Мать их, перемать. Ну что я, чего разошелся? Ах, да,

одиночество, слова не с кем сказать, мыслями обменяться, порасспросить...

Господин из саркофага не появляется. Черт с ним, неприветливый тип. Надо бы побродить по окраинам, где-то ведь этот улей кончается... Хожу часа три, устал, но ничего похожего на окраины не нашел. Всюду те же соты, те же желтые дорожки, то же яркое небо – крыша вверх. В одном месте уперся то ли в стену, то ли в перегородку между ульями. Стенка упругая, податливая. Нажимаю сильнее, и рука погружается в нее. Вынул руку – стена сомкнулась, ни следа от руки. Навалился всем телом – окунулся в нее, как в тесто, но тесто упругое, пружинящее. Разгребаю ее перед глазами, как глину, – похоже, что утончилась, стала полупрозрачна, мне показалось даже, что какие-то силуэты на той стороне различил и, странное дело, глухие звуки, как сквозь вату. Но долго держать эту резину не смог. Распрямилась она, и опять – никаких следов на ней. Присел тут же, облокотился на нее с устатку. Мешаю людям ходить – тропинки-то узкие, едва двоим разойтись. И вдруг надо мной женщина склонилась: улыбается, губы шевелятся, будто сказать что-то хочет вроде: «Не плохо ли вам?» Да это же Полина, моя Полина. Я так на нее уставился, что она подалась назад, толкнула кого-то, смутилась, так знакомо, по-детски, и уже не осталось сомнений, что это она. Я завопил: «Поленька, детка, солнышко мое! Как я ждал тебя, как искал! Я знал, что тебя найду!» Я рывком поднялся, обхватил ее, прижался к по-прежнему теплым и нежным губам. Посмотрел в ее серо-карие глаза с шаловливыми искорками, на знакомый разлет густых бровей, уши с привязанными мочками, неудобные для сережек. У нее и дырок для них никогда не было. Нет и сейчас. Все-все свое, родное, забытое. Ах, молодцы в фирме – сохранили, все сохранили. Я отстранился, чтобы лучше ее рассмотреть: «Девочка моя, любовь моя, я так соскучился, я ждал тебя тысячу лет». Я рассмеялся, поняв, что получился каламбур. Она так их любила – и шутки, и анекдоты. Мы всегда вместе смеялись над ними. Я смотрел на нее в упор – на губах у нее все та же улейная дружественная улыбка. Она смотрела на меня с удивлением, немного с жалостью, как на больного. «Это же я, Марк, – сказал я тише, – это же я!» И тут я понял, что она меня не узнала, не только не узнала, она НЕ ЗНАЛА меня. И я взорвался – от безысходности, от одиночества прошедших дней, от накопившегося раздражения, от всего. Я стал орать бессвязно, прыгать на стенку, как на батут, отскакивал от нее и носился по нелепым янтарным дорожкам. Я плакал, я рыдал, я рычал. Очнулся я, поняв, что никого вокруг нет, что не с кем драться, не от кого защищать мою Полину. Только янтарный веселый свет вокруг, тихая небесная музыка и аромат магнолии и настурции. Вот что такое настоящий ад.

4.

Я впал в депрессию. Это такое состояние, когда ничего не хочется, в том числе и жить, а что-то с собой сделать просто лень. Такое со мной было, когда ушла из жизни Поленька, до тех пор я не верил, что это случается. Теперь я не вылезал из своего сундука, кроме как сходить в

туалет. Есть не хотелось. Сколько так прошло времени, не знаю. Табло не загоралось, наверное, их устраивало то, что было со мной, или они решили не трогать меня. Вот уж самое время. Бредя из уборной, я натолкнулся на соседа. Он выглядел совершенно счастливым – с идиотской улыбкой во все лицо.

– Что, получили соту? – спросил я.

Он кивнул. Я увидел передатчики у него на висках. Ну, все, разговоров не будет. И не надо. Мне все равно. Вдруг он медленно и тихо произнес, приняв строго-улыбчивое выражение:

– Тошно вам, сэр?

– Хреново.

– Скучно?

– Подохнуть.

– Есть тут другой мир, похожий на ТОТ, прежний.

– Все исходил, не видел.

– Поищите в тупиках.

– И выпустят?

– Чудак, здесь же никому ни до кого нет дела.

– Вам тут нравится?

– Тут всем нравится – это же рай.

– Может, поищу, хотя к чему это?

– Как знаете.

– Увидимся еще?

– Сюда я не вернусь, возможно, в проходах или в пассажирах.

– О'кэй, – ответил я так же лениво, как он.

Вот ушел последний человек, с которым можно было переброситься парой слов. Противный тип, но что-то во мне екнуло. Я обернулся: его ящик был закрыт, табло потухло. Да, он ушел навсегда. Я сиротливо посмотрел на мой еще пахнущий жизнью саркофаг. Вернусь ли сюда?

У того места, где я вчера бесился, обычная немая суета. Вернее, не суета, а движение – спокойное, неторопкое. Никто на меня не обращает внимания, хорошо. Я успокоился, напряжение спало. Стал тыкаться в разные закоулки и тупики. Ничего похожего на выход в «другой мир». В одном из широких тупиков, где можно присесть, не мешая движению, я откинулся на упругую стену и задремал. Очнулся от внимательного взгляда – это она, вчерашняя женщина. Смотрит пристально, с любопытством, улыбка опала, глаза меняют цвет – от знакомого мне золотисто-карего до черно-синего. И наклейки меняют цвет. Я смотрю сквозь ресницы, не двигаюсь – боюсь спугнуть. Жду – вот узнает, проведет привычно по волосам, прижмет щекой к щеке. Она отодвинулась, пошевелила губами, будто пытаюсь что-то сказать, выпрямилась и ушла. «Поленька, Поленька, стой, куда же ты? Ты меня не узнала? Это же я, Марк. Как же ты меня не узнала... Ты же смотрела на меня, ну остановись, посмотри еще раз!» А она все шла и шла. Расстояние между нами было плотно забито крылатенькими, и я зарычал утробно, но не бесился, как вчера. Я забыл. Так воют одинокие

волки и мужчины – глухо и безнадежно. Все во мне оборвалось, как при падении, когда понимаешь, что парашют уже не раскроется. Сейчас самый раз разбиться – смерть, вот счастье, вот спасение от тоски, от всего.

5.

Но я не умер, а очутился у своего ящика, не помня, как туда дошел. На столе приготовлена еда, но мне противно было даже смотреть на нее. А ведь это выход: не есть и тихо умереть в собственном саркофаге – удобно для всех. Я улегся, задвинул крышку, и, представьте себе, вскоре заснул. Организм сам знает, как себя защитить, – от бессонницы еще никто не умирал. Сон приходит сам, когда надо. Все-таки мы хорошо устроены.

Очнулся я с тем же безысходным и глухим чувством тоски, но тоска, как тяжелый песок, осела на дно, и ничто сейчас не баламутило и не раздражало душу. Она стала тупой привычной болью, от которой никуда не деться. Это было трудное, но все-таки равновесие. Я вспомнил о «другом мире», тут же появилась надпись: «Вы можете покинуть наш мир, это редко, но все же случается. В тупиках "Э", "Ю", "Я" вы видели упругие стены – в них есть соски-кессоны. Заберитесь в любой из них, и соска-матка постепенно выдавит вас на другую сторону. Предупреждаем, однако, что вернуться сюда вы не сможете никогда».

«Вот тебе и свобода», – зло и раздраженно подумал я. И тут же появилось: «Вы находитесь в стерильном мире, где все сделано для поддержания бесконечной жизни. В том, другом мире, многое похоже на то, что было тысячу лет назад. Незначительное соприкосновение с ним убьет наш мир. Это не должно случиться. Соприкосновение с тем миром грозит и вам большими опасностями. Принимайте решение, и... удачи вам».

Они хотели меня напугать, но получилось наоборот – успокоили. Зачем вешаться, голодать до смерти, когда там, в том таинственном мире, все произойдет само собой. Мириады бактерий и вирусов накинута на мое парное стерильное тело, и не успею оглянуться, как все кончится – и не будет этого невыносимого страдания из-за этой женщины. Но ведь она смотрела, внимательно разглядывала меня – никто другой, только она. И я придумал, что делать. Сказать ей, объяснить ей, что она моя жена, моя единственная или точная копия ее, – это невозможно. Но я могу показать, что она для меня значит, доказать, что без нее я не могу, что из-за нее ухожу в тот мир, откуда не смогу к ней вернуться никогда. Теперь главное – найти ее и каким-то образом притащить к соске-кессону.

Я бойко вылез из ящика, соскочил на янтарный пол, схватил со стола кусок хорошо зажаренного мяса, в точности как я люблю. Оно почти остыло, но вкусно таяло во рту. Немного мягче, чем должно быть, но и цвет, и запах, и даже коричневые линии от жаровни – все вполне натуральное. Жуя на ходу, я вышел в улей, но прохожие так дико стали на меня пялиться и показывать пальцами, что я попятился обратно в хо-

лодильник. Черт, я, и правда, не видел жующих на улице. Я расхохотался и долго не мог успокоиться – смеялся то ли над собой, то ли для нервной разрядки. Смеяться тут принято, вернее, улыбаться. На меня уже не обращали внимания, и вскоре я стоял в тупике «Ю» и пытался найти соску-матку, которая выродит меня в другой, знакомый мне мир. Стена гладкая, только в одном месте углубление, как след большого сапога. Я подошел, ткнул в носок – тело стены подалось, как силиконовая грудь, рука вошла по локоть. Я ткнулся головой, вошла и голова. Стало понятно, что делать, но хотелось кого-нибудь расспросить. Сновали рядом бабочки и мотыльки, но они же не станут со мной говорить, а я не пойму их телепатии. Побродил около того места, где впервые увидел Полину. Ее сота должна быть близко. К чему им далеко ходить? К тому же они все такие тощие, кажется, махнут зефирowymi крылышками и полетят – им надо экономить свои силы. Я надеялся, что Полина никуда не денется. А пока стал приходиться в тупик каждый день и ждать, не покинет ли кто из них этот стерильный мир. Никто не торопился. Жители улья даже взглядов не бросали на след ступни на стене. Но кто-то должен решиться, не одному же мне тут тошно.

Вскоре увидел Полину: она приостановилась, и я загородил ей дорогу. Мы смотрели друг другу в глаза несколько секунд, и я клянусь, что это был не чужой взгляд, как раньше. Ее глаза потептели и стали почти такими же родными, как у моей девочки. Я даже легонько дотронулся до ее накидки, свисающей с плеч, она не отстранилась, а легким невесомым шагом, будто парящим, проскользнула мимо.

В один из следующих дней, когда я уже не мог видеть этих насекомых в постоянной эйфории и готов был удавиться или сделать еще что-то в этом роде, – свершилось. В тупике «Э» возле следа стоял мальчик. Он не отличался ничем от других – такое же гладкое, словно отполированное лицо, матово-бледное, тот же средний рост, те же прямые короткие волосы, у него они были жгуче-черные, как у той, кудрявой. Только по его неуверенным, некоординированным движениям я понял, что это не взрослый человек, хотя, что это здесь значит – пятнадцать или сто пятьдесят, кто знает. Он потыкал рукой в стену, потом погрузил в нее руки по запястья, вынул их, как из теста. Постоял, оглянулся, будто проверяя, нет ли за ним слежки, и достал из ниши в полуметре над ним вещь, похожую на противогаз, но безо всяких шлангов. Надел его, покрутил головой, еще раз оглянулся, повернулся спиной к стене и, встав на руки, протолкнул ноги в ступню – одну в пятку, другую в носок. Всасывание проходило медленно. Очень это походило на то, как змея заглатывает кролика – медленно и неотвратно. Никто из прохожих не остановился, но многие на ходу оглядывались. Часов у меня не было – ни у кого я их тут не видел, но прикинул, что на проглатывание ушло минут десять. Скрылся шлем, на стене снова след сапога... и все.

Вот я и узнал секрет – он в противогазе. Это как раз то, что смущало меня – не задохнуться бы в соске. Я подпрыгнул и увидел в нише много таких же приборов. Все в порядке. Тут в тупик быстро

вошли, почти вбежали два воздушных создания, кинулись к следу, стали его ощупывать, просовывать в стену руки. При этом слышались звуки, похожие на всхлипывания, но тихие и приглушенные, словно плакали в подушку. Потом, не отрывая рук, они передвинулись влево шага на три. Там стена, похоже, была тоньше – высвечивалась наружным светом. Они дружно стали втискиваться в стену и постепенно погрузились в нее так, что только спины и задницы торчали. По временам они откидывали головы, жадно ловили воздух и – снова в резиновый силикон. Мне хотелось сказать им о противогасах, но как? Пока они дышали, я успел разглядеть на той стороне лицо мальчика, прильнувшего к стене. Их разделяла совсем тонкая пленка, думаю, не толще резиновой перчатки, даже слезы в его глазах поблескивали.

Я ушел, стыдно было подсматривать. Аборигены-прохожие тоже исчезли – они-то не стеснялись, им просто не хотелось видеть чьи-то переживания. Это укорачивает жизнь, даже бессмертную.

Теперь мне надо дождаться появления Полины – и все.

Я начал психовать – давно не ел, в голове шумело. На табло ни одной надписи, будто я для них уже умер или, что то же самое, переселился в иной мир. Еще пара дней, и иной мир не дожидается меня. «Вот шуму-то будет, – подумал я зло, – придется им с телом возиться». Но наконец-то моя девочка появилась. Всегдашняя улыбка на губах, но не совсем счастливая, то ли грусть в потемневших глазах, то ли мысль тревожная. Каштановые волосы чуть растрепаны, а зефирная накидка опала, как крылья, хотя ветерок, как всегда, дует. Когда я взял ее за руку, она не сопротивлялась. Я почувствовал ее прохладную ладонь, посмотрел на тонкие пальцы – пальцы моей Поленьки: почти прозрачные, чуть расширенные в суставах, с плавным овалом коротких ногтей: она никогда их не отращивала. Мы шли рука об руку, как тысячу лет назад. В тупике «Э» я остановился у соска, через который ушел мальчик. Я кивнул ей на след в стене. Ничего в ее лице не изменилось. Отпустил ее руку и достал из ниши противогаз. Никакого впечатления. Но должна же она знать, для чего этот след, этот противогаз. Ей все равно, она не узнала и никогда не узнает меня. Мне захотелось крикнуть ей, ударить ее, как-то оживить – бесполезно. Все правильно, надо уходить. Я неумело натянул маску, вдохнул, почувствовал прохладную струю воздуха, как в акваланге, и, став в нелепую йоговскую позу, начал засовывать ноги в податливую стену. Задрав голову, я следил за ней, похоже, что-то стало меняться в выражении ее лица – спала улыбка, нахмурились брови. Я не делал никаких усилий, а тело мое всасывалось глубже и глубже. Я вытянул вперед руки, хотя помнил, что мальчик держал их прижатыми к бокам. Вот и подмышки ушли в податливую соску-матку. Я в упор смотрел на нее. Она медленно подошла, взяла мои вытянутые пальцы, сжала их, потянула к себе. Тут я отчетливо услышал, хотя губы ее не двигались: «Не уходи, милый, я вспомнила тебя. Ты тот, кого я любила когда-то. Ты тот, кого я ждала тысячу лет. Не уходи...» Снаружи извивались только

мои руки, которые она все пыталась удержать. Потом я перестал чувствовать их слабое, но судорожное усилие.

На той стороне меня встречала толпа, звучала бравурная, но совершенно незнакомая музыка, кто-то что-то говорил. Я ни на что не реагировал. Бросился к прозрачному окну в стене, погрузился в него. Стенка становилась все тоньше и тоньше. Наконец я увидел Ее. Она была совсем рядом, совсем. Я почувствовал ее тело, ее нежную грудь, увидел ее серо-карие глаза, ставшие вдруг светлыми и блестящими. Она смотрела на меня пристально, без улыбки, прижав лицо к тонкой, как оболочка воздушного шара, стенке. Я завыл – глухо и безнадежно, слез не было.

Михаил Малютов – профессор математического факультета Северо-Восточного университета в Бостоне с 1995 года. До этого работал ведущим научным сотрудником Колмогоровской статистической лаборатории в Московском государственном университете и профессором Московского государственного технического университета. Он автор многочисленных научных статей и книг. Известны его приложения математической статистики в самых разнообразных областях, включая лингвистику, контроль качества, молекулярную биологию, генетику, сейсмологию. Заинтересовался авторством литературных текстов в 2002 году. Первая публикация на эту тему – в 2003 году. Одно из бывших увлечений: с 1978 по 1985 годы – солист (тенор) университетского певческого ансамбля «Камерата».

Михаил Малютов, Слава Бродский

Установление авторства текстов: является ли Шолохов автором своих публикаций?

Введение

Роман «Тихий Дон» считается одним из лучших произведений русской литературы. Споры об авторстве этого произведения идут с тех пор, как первые тома романа под именем Михаила Шолохова появились в печати в 1928 году. Сомнения в авторстве Шолохова и даже уверенность в том, что он не был автором романа, возникли сначала в писательской среде, а затем стали распространяться по всей стране. Было это следствием того, что сам роман в сознании людей никак не увязывался ни с уровнем образованности Шолохова, ни с его жизненным опытом (первый том романа уже лежал в редакции, когда Шолохову было немногим более двадцати лет), ни с обликом Шолохова в целом. Будучи одной из злобещих фигур большевистского государства, он выражал мысли, совершенно не совместимые с теми, что составляли основу романа. Также не вязался с содержанием романа общий уровень интеллектуальности Шолохова. О казусах во время его публичных выступлений ходили легенды по стране. Когда писателя спрашивали «Каково ваше эстетическое кредо?», он густо краснел и после некоторой паузы отвечал бранью. А на вопрос о том, какой

современный писатель ему нравится, наоборот, отвечал очень быстро и без тени сомнения: «Пушкин». Похоже, все эти вопросы задавались Шолохову не без издевки: предполагалось, что он не знает значения слов «эстетическое кредо» и не сможет назвать имя современного писателя.

Свои соображения, почему именно Шолохов оказался (был выбран) автором «Тихого Дона», приводят Бар-Селла [1], Михаил Аникин, М.А.Марусенко [2] и другие исследователи. В этих исследованиях на ключевых ролях два персонажа – известный чекист Леон Мирумов и главный человек в РАППе, редактор «Октября» Александр Серафимович, сотрудничавший с ГПУ и имевший «героическую» дореволюционную биографию: он был приговорен к ссылке за поддержку группы, в которую входил Александр Ульянов. Однако ответ на вопрос, почему большевицкие управители приняли роман в целом и поддержали кандидатуру Шолохова, не является предметом настоящей работы. Но мы знаем, что по той или иной причине они и роман поддержали, и показали всем, что кандидатура Шолохова как автора этого произведения их вполне устраивала. И в тот момент, когда доводы сомневающих в авторстве Шолохова стали казаться слишком весомыми, большевики привели один свой довод, который оказался весомее всех других, вместе взятых. Они заявили, что будут привлекать к судебной ответственности сомневающих в авторстве их кандидата. На простом языке это означало расстрел, и все разговоры об авторстве «Тихого Дона» сразу же прекратились.

В середине 70-х годов прошлого столетия, когда критическое исследование «Тихого Дона» вряд ли уже было опасно для жизни исследователей (хотя и грозило им крупными неприятностями), споры возникли вновь. Сомневающиеся изучали «Тихий Дон», стараясь найти всё новые подтверждения своих гипотез. Первыми серьезными исследователями здесь были А.И.Солженицын, И.Н.Медведева-Томашевская, П.А.Медведев, А.Г.Макаров и С.Э.Макарова, В.П.Фоменко и Т.Г.Фоменко. Наконец, уже в последние годы, Зеев Бар-Селла опубликовал подробнейшее и необычайно глубокое исследование текстов «Тихого Дона» [1]. Он же проанализировал так называемые «черновики» рукописи «Тихого Дона» и нашел много указаний на то, что они были написаны после опубликования романа.

Когда исследователи «Тихого Дона» стали приходиться к выводу, что Шолохов не является его автором, они стали анализировать и другие его произведения, резонно полагая, что они смогут обнаружить проблемы и там. Небезосновательные сомнения в авторстве Шолохова других произведений, им опубликованных, придавали больше уверенности и в справедливости выводов относительно «Тихого Дона».

Зеев Бар-Селла, анализируя две части повести «Путь-дороженька», опубликованной Шолоховым, стал приходиться к выводу, что повесть написана разными авторами. В беседе с одним из авторов настоящей работы Зеев Бар-Селла, зная о проводящихся этими авторами математико-статистических исследованиях по определению авторства,

предложил применить этот метод для определения разницы в авторских стилях двух частей этой повести.

Настоящая статья представляет результаты такого небольшого исследования.

Методика исследования

Рассматривается новый стилометрический атрибутор, независимый от контекста – кусочная условная сложность сжатия (ССС) литературных текстов (ССС-атрибутор). СССР-атрибутор (непараметрический критерий однородности), навеянный невычислимой условной сложностью Колмогорова [3] и впервые определенный в работе М.Малютова [4] в 2005 году, асимптотически минимален для истинного автора, если изучаемые тексты являются достаточно большими, сжатие – достаточно хорошим и выборочное смещение отсутствует. Он может быть успешно использован там, где другие методы стилометрии могут не различить похожих авторов. Этот критерий состоятелен при аппроксимации большого текста как стационарной эргодической последовательности.

Надлежащие параметры нашего критерия определены авторами *Malyutov, M.B., Wickramasinghe, S.I., and Li, S.* [5] в 2007 году. Ими приводятся методологические результаты предварительного испытания метода для успешной атрибуции поэм Елизаветинского периода и многих десятков «федералистских статей».

Нами метод был успешно опробован на примере анализа переводов сонетов Шекспира разными авторами [6]. Другое подтверждение добротности метода связано с анализом двух художественных произведений одного из авторов данной работы. Метод не дискриминировал эти два произведения несмотря на то, что они были написаны в разное время, в разном стиле и, казалось бы, совершенно разнились языком [6].

Более подробное описание методики можно найти в работе [7]. Обзор методов математической статистики для обоснования СССР-атрибутора дан в книге *B.Ryabko, J.Astola and M.B.Malyutov* [8].

Предыстория

Краеугольный камень наших построений – великая идея Колмогорова о связи сложности и случайности. Накануне тяжелой фатальной болезни он, параллельно с далекими от математики Соломоновым и Чейтиным, дополнил ее вместе с Л.Левиным наброском «Абстрактной Теории» (ЧейКоЛеСо) Колмогоровской сложности (КС). ЧейКоЛеСо вдохновила Д.Хмелева [9] предложить ядро СССР-метода вне

статистической модели. Для стационарной эргодической последовательности x_N и фиксированного универсального сжатия (УС), длина сжатой последовательности x_N – это аппроксимация условной КС. Однако длина сжатого участка генома (четырёхбуквенной последовательности) превосходит длину участка в несколько раз и приближением условной КС не является. Кроме статистических моделей, нам не известны нетривиальные содержательные области, где для невычислимой КС можно построить сближающиеся вычислимые мажоранту и миноранту хотя бы теоретически. Поэтому замена КС на величину, полученную с помощью УС в работе [10], требует обоснования. Для последовательностей, приближаемых статистической моделью, вместо аналогий с КС нужно применять статистическую теорию УС, далекую от очевидности. Историю родственных работе [8] подходов (до [4], где появилась наша работающая версия ССС), можно найти в работе [10]. Все авторы следуют Хмелеву, некоторые добавляют преобразования из соображений, не имеющих отношения к статистике и только ухудшающих различающую способность метода, как в [10]. Замена ими КС на величину, полученную с помощью УС, не обоснованна. Поэтому их приложения сомнительны. Их классификатор плохо различает одноязычные литературные тексты [5] и зависит от энтропий текстов, что не было упомянуто в работе [10]. Их парадоксальное утверждение, что Л.Толстой – отдельная ветвь на древе русских писателей, скорее всего, вызвано плохой подготовкой текстов: они не убрали для анализа значительные вкрапления французского с другой энтропией.

Разница в стиле частей повести «Путь-дороженька»

Метод использован нами для анализа первой повести, опубликованной М.Шолоховым, «Путь-дороженька». Она была напечатана в 1925 году в московской газете «Молодой ленинец» (## 93-97, 99, 101-104, 106, 107, 109-114). Шолохову в это время было двадцать лет (если считать верным его официальный год рождения – 1905). За его плечами были четыре года начальной сельской школы во время войны и краткие счетоводческие курсы в Ростове в 1920 году, где, надо полагать, завязалась его многолетняя дружба с видным чекистом Мирумовым. Потом – короткое пребывание в тюрьме по обвинению в коррупции во время его службы по сбору продналога. Он покинул Дон и приехал в Москву в конце 1922 года. Работал под крылом Мирумова, даже жил иногда в его квартире. Согласно Бар-Селле, Мирумов мог передать Шолохову рукописи диссидентского редактора местной газеты Вениамина Краснушкина, автора многочисленных статей и двух повестей, писавшего под псевдонимом Виктор Севский и принадлежавшего к кругу известного поэта Бальмонта. Виктор Севский был арестован и ликвидирован большевиками в Ростовской тюрьме (как считается, в 1920 году).

Шолохов публикует первый рассказ в конце 1924 года. Он покидает Москву и едет в свою родную деревню. Там он остается в течение нескольких лет с перерывами на сравнительно короткие визиты в Москву, где он время от времени живет в квартире Мирумова и посвящает ему свои первые произведения.

Какие-либо изменения в писательском стиле Шолохова между первой и второй частями повести «Путь-дороженька», опубликованной в 1925 году, представляются маловероятными.

После предварительной обработки текста повести «Путь-дороженька» (включающей, в частности, удаление имен собственных) мы разбили каждую часть повести на 30 равных частей по 2000 байт каждая. Средние безусловные сложности $\overline{CC}$ были статистически одинаковы. Средняя интра-ССС в каждой части была сравнена со средней интер-ССС каждого куска, обучаемого на другой части. Их среднеквадратичные отклонения статистически не различались. Разность между средней интер-ССС и средней интра-ССС оказалась значимой, превышая в четыре раза ее среднеквадратичное отклонение.

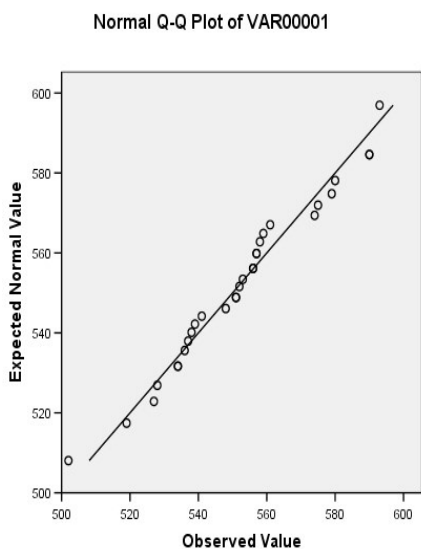

График 1. Интер-ССС

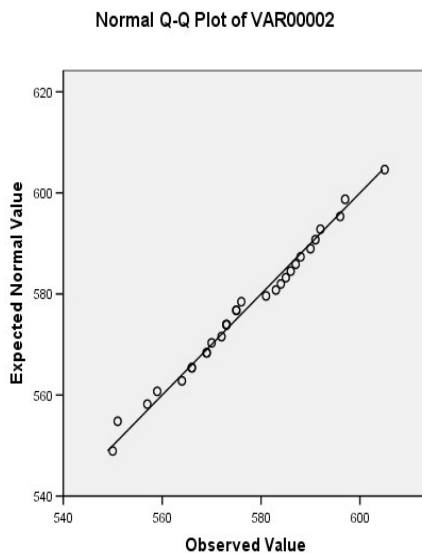

График 2. Интра-ССС

Детали вычислений таковы: мы посчитали 30 интер-ССС (кусок части 2 плюс часть 1 целиком) и 30 интра-ССС (кусок части 1 плюс остающийся текст части 1). Средняя интер-ССС: $M_1 = 576.78$, и средняя интра-ССС: $M_2 = 559.43$. Их разность равна 17.34, среднеквадратичное отклонение интер-ССС равно $s_1 = 2.49$,

среднеквадратичное отклонение интра-ССС равно $s_2 = 3.50$. Среднеквадратичное отклонение разности $M_2 - M_1$ равно $s_d = \sqrt{(s_1^2 + s_2^2)} = 4.30$. F-отношение < 2 допускает использование t -критерия со значением статистики, равным $t = (M_2 - M_1) / s_d = 4.03$.

Это t -значение при числе степеней свободы 58 делает соответствующее значение P (то есть вероятность такого же или большего ССС-отклонения), равным примерно 10^{-4} .

Замечание. В наших вычислениях мы предполагали, что интер-ССС различных кусков текста независимы. Нам представляется это разумной аппроксимацией. Интра-ССС могут иметь небольшую корреляцию. Например, выборочный коэффициент корреляции между первыми пятнадцатью и последними пятнадцатью интра-ССС части 1 равен только 0.156. Такая маленькая корреляция не может значительно изменить t -критерий.

Наши вычисления t -критерия по двум выборкам говорят о том, что две части написаны разными авторами (для довольно высокого уровня значимости). Результат такого независимого от содержания исследования подтверждается аналогичным заключением с помощью лингвистического анализа в работе Бар-Селлы [1]. Следует подчеркнуть, что результаты этих двух исследований основаны на различных свойствах текста и, таким образом, взаимно подтверждают друг друга.

Авторы благодарны Зееву Бар-Селле за совет по выбору приложения и присылку оригинального текста повести.

Цитированная литература

1. Бар-Селла, З. (2005). Литературный котлован: проект «Писатель Шолохов», Российский государственный гуманитарный университет.
2. Марусенко, М.А., Бессонов, Б.А., Богданова, Л.М., Аникин, М.А., Мясоедова, Н.Е. (2001). В поисках потерянного автора, Изд-во Филологического факультета СПбГУ.
3. Kolmogorov, A.N. (1965). Three approaches to the quantitative definition of information, Problems of information transmission, 1, 3–11.
4. Малотов, М.Б. (2005). Атрибуция авторства текстов: Обзор. Обзоры по прикладной и промышленной математике, 12, No.1, 2005, 41 – 77.
5. Malyutov, M.B., Wickramasinghe, C. I., Li, S. (2007). Conditional Complexity of Compression for Authorship Attribution, SFB 649 Discussion Paper No. 57, Humboldt University, Berlin.

6. Малютов, М., Бродский, С. (2011). Атрибуция авторства текстов, Материалы международной научной конференции «В.В. Налимов – математик и философ, к 100-летию со дня рождения».

7. Малютов, М.Б., Бродский, С. (2009). MDL-процедура для атрибуции авторства текстов, Обозрение прикладной и промышленной математики, том 16, вып. 1, 25 – 34.

8. Ryabko, B., Astola, J. Malyutov, M. (2010). Compression-Based Methods of Prediction and Statistical Analysis of Time Series: Theory and Applications. Tampere International Center for Signal Processing. TICSP series No. 56, ISBN 978-952-15-2444-8, ISSN 1456 – 2774, 115 pages.

9. Хмелев, Д.В. (2001). Сложностной подход к задаче определения авторства текста, Тезисы конгресса «Русский язык», Фак. филологии МГУ, 426 – 427.

10. Cilibrasi, R., Vitanyi, P. (2005). Clustering by Compression, IEEE Trans. Inform. Th., IT-51, 1523 – 1545.

Игорь Мандель – статистик, доктор экономических наук, родился и жил вплоть до отъезда в Америку в Алма-Ате, хотя публиковался главным образом в Москве; преподавал статистику в Институте Народного хозяйства; работал в американских инвестиционных компаниях в 90-е годы, занимая должности от консультанта до директора предприятий. С 2000 года в Америке. Занимается статистикой в применении к маркетингу. Публикует научные работы. На русском языке вышли две книги иронической поэзии (в соавторстве с коллегами); статьи о художниках и на другие темы и стихи в интернетных альманахах *Lebed.com* и *berkovich-zametki.com*. Живет в *Fair Lawn, NJ*.

*Любовь и кровь Николая Олейникова **

Историко-филологическое введение

Я хорошо помню, что услышал забавные строчки «Жареная рыбка, дорогой карась...» где-то лет в 15 – 17 и воспринял их тогда как фольклор, примерно как «Цыпленок жареный», тем более что к жареному я был уже и в те годы равнодушен. Теперь мне ясно, что это довольно знаменательный факт: Олейникова в те годы не печатали, и строчки пришли ко мне тем же образом, которым пришла, например, фраза «Раз пошли на дело, я и Рабинович» – посредством «социальных медиа», как это сейчас называется, или слухов, как это называлось тогда. Но такое возможно, только если строчки очень хороши и легко запоминаются. Так оно и было.

В начале девяностых из огромной волны новых публикаций старого вынырнул сборник «Пучина страстей» – и тогда стало ясно, кто автор текста про страдальца-карася и про многое другое. Олейников поразил меня своей свежестью, непохожестью и «смехонасыщенностью» настолько, что я начал его разучивать со своей пятилетней дочкой Асей. Мы выбрали самое, наверно, проникновенное посвящение «Генриху Левину по поводу его влюбления...» и взялись запоминать этот длинный учебник жизни. Ася легко согласилась, что «неприятно в

---

* Некоторые положения данного текста были изложены на заседании Миллбурнского литературного клуба 30-го апреля 2011 года. Текст представляет собой несколько сокращенный и модифицированный вариант статьи «Ироническая онтология Николая Олейникова в наше время», опубликованной в интернетном журнале «Семь искусств», #9 (22), 2011, ред. Е.Беркович.

океане почему-либо тонуть»; несколько запнулась на «жук-буржуй и жук-рабочий гибнут в классовый борьбе» (долго ей пришлось объяснять); без особого интереса пропустила «штучки насчет похоти и брака»; очень развеселилась, услышав, что «прославленный милашка – не котенок, а хам» и чуть не заплакала, узнав что «под лозунгом "могила" догорае жизнь ее».

Текст она добросовестно выучила и нередко одаряла им изумленных гостей. Гости очень смеялись, но были, очевидно, растеряны: они не знали, куда отнести данные откровения – то ли к грандиозному бардаку начала девяностых, когда чего только не было вокруг, то ли к необыкновенному ребенку, которого сумасшедшие родители заставили выучить нечто несуразное. И только когда я объяснял, что это написано в 30-е годы и автор давно расстрелян, то есть все в порядке, – тогда умиротворение понимания сходило на них.

Об Олейникове с тех пор было сказано не то чтобы очень много, но и не мало (см. обзор в работе [3]). Наверно, наиболее точные суждения принадлежат Лидии Гинзбург, которая хорошо его знала с конца двадцатых, делала дневниковые записи в то же время и смогла через шестьдесят (!) лет опубликовать замечательное исследование о поэте [1]; дополнительные материалы есть в ее воспоминаниях [2]. Вот некоторые выдержки из ее текстов (с моей нумерацией и подчеркиванием):

1. *Олейников – один из самых умных людей, каких мне случалось видеть. Точность вкуса, изоциренное понимание всего, но при этом ум его и поведение как-то иначе устроены, чем у большинства из нас; нет у него старинтеллигентского наследия.*

2. *Олейников – человек трагического ощущения жизни, потом как бы подтвердившегося его трагической судьбой, – говорил когда-то:*

– *Надо быть женатым, то есть жить вместе. Иначе приходится каждый день начинать сначала. Начинать – стыдно. Но главное, надо быть женатым потому, что страшно просыпаться в комнате одному.*

3. *Олейников говорит:*

– *Не может быть, чтобы я был в самом деле поэтом. Я редко пишу. А все хорошие писатели графоманы. Вероятно, я – математик.*

4. *Ахматова говорит, что Олейников пишет, как капитан Лебядкин .... Вкус Анны Андреевны имеет пределом Мандельштама, Пастернака. Обзриуты уже за пределом. Она думает, что Олейников – шутка, что вообще так шутят.*

5. *Олейников, с его сильным и ясным умом, очень хорошо понимал, где кончается бытовой эпатаж обзриутов и начинается серьезное писательское дело. В 30-х годах он как-то сказал мне о Хармсе:*

– *Не расстраивайтесь, Хармс сейчас носит необыкновенный жилет (жилет был красный), потому что у него нет денег на покупку обыкновенного.*

6. *Вот, например, очень «олейниковские» строки из стихотворения сатириконица П. Потемкина «Влюбленный парикмахер» (1910):*

Невтерпеж мне дух жасминный,
Хоть всегда я вижу в нем
Безусловную причину,
Что я в Катеньку влюблен.

. . . . .

Жду, когда пройдешь ты мимо.
Слезы капаят на ус...
Катя, непреодолимо
Я к тебе душой стремлюсь.

7. Олейников сформировался в 20-е годы, когда существовал (наряду с другими) тип застенчивого человека, **боявшегося возвышенной фразеологии, и официальной, и пережиточно-интеллигентской.** Олейников был выразителем этого сознания. Люди этого склада чувствовали неадекватность больших ценностей и больших слов... **На высокое, в его прямом, не контролируемом смехом выражение был наложен запрет.**

8. Существует восприятие Олейникова как поэта только комического, пародийного, осмеивающего обывательскую эстетику с ее «красивостью» и лексическим сумбуром. Все это, несомненно, присутствует у Олейникова, но все включено в сложную систему смысловой **двупланности, целомудренно маскирующей чувство.**

9. Язык Олейникова **поражает разные цели** – от обывателя до символист. ... Но ... как всякому настоящему поэту – (ему) нужны высокие слова, отражающие его томление по истинным ценностям. Как ему добыть новое высокое слово? **...он берет вечные слова: поэт, смерть, тоска ... – и впускает их в галантерейную словесную гуцу.** И там они означают то, чего никогда не означали.

10. **Беззащитное существо, растоптанное жестокой силой,** – это мотив у Олейникова повторяющийся. Герой стихотворения «Карась» построен по тому же принципу, что блоха мадам Петрова, – то же чередование животных и человеческих атрибутов. Вплоть до авторского обращения к карасю на «вы»:

Жареная рыбка,
– Дорогой карась, –
Где ваша улыбка,
Что была вчерась?

Тут много точных обобщений, но кое-что важное, кажется, пропущено – об этом пропущенном, собственно, и данный очерк. Не то чтобы я хотел обобщить уже ранее сказанное филологами, – я недостаточно владею материалом (далеко не полный набор некоторых ссылок можно найти в списке литературы). В первую очередь мне бы хотелось разобраться самому, почему именно он так высоко стоит в моем (и, кажется, не только в моем) «топ-листе» поэтов, почему он часто выглядит так адекватно в моих жизненных ситуациях – настолько, что в той стихотворной деятельности, которую мы с друзьями ведем уже несколько лет, именно Олейников невольным образом оказывается

наиболее близким по духу восприятия жизни. Хотя мы, конечно, считаем себя в высшей степени оригинальными и без него (как иначе?).

Тут надо сделать минимальное пояснение. В 2001 году Стан Липовецкий и автор этих строк начали переписываться в стихах по электронной почте. Для этой деятельности было придумано название «поэтрика». Это слово подчеркивает, что такие стихи – не вполне поэзия, и намекает на характер основной деятельности авторов (смесь эконометрики с психометрикой) и неуловимую связь с электрикой (точнее, с электроникой), без которой интенсивная переписка не была бы возможной. Переписка завершилась изданием книги «Блестки редкого ума» в 2006 году. В 2006 году к авторам книги присоединился Юлий Бобров, и второй том «Блесток» вышел уже с ним. Кроме того, появилась публикация в интернете. Все эти материалы объединены в одной литературной ссылке [4].

Я привожу в тексте примеры из публикаций авторов поэтрики [4] не из желания сравнить качество стихов Н.О. с нашими, а только с целью продемонстрировать, что когда люди что-то пишут, их мотивация и внутреннее состояние (а может быть, и результаты) могут быть подобны таковым у других пишущих. Поскольку мое собственное состояние я знаю все же лучше, чем чье-либо другое (а с С.Липовецким и Ю.Бобровым за годы переписки также возник известный резонанс), то подобное сопоставление выглядит весьма интересным и поучительным. Здесь не подходит слово «влияние» – на нас Олейников не влиял.

В статистике пытаются различить (далеко не всегда успешно) два типа причинности. Если две вещи выглядят похожими (коррелированными), то это может быть либо потому, что одно влияет на другое (как, скажем, снижение доходов вызывает снижение уровня потребления), либо потому, что у этих двух явлений есть какая-то общая (но, возможно, неизвестная) причина (например, природный низкий уровень интеллекта обуславливает и низкий уровень образования, и низкий доход; но когда интеллект высок, то нехватка образования сама по себе служит причиной низкого дохода – и две ситуации довольно трудно различить). Так вот, для меня интересно было именно посмотреть, что есть общего в чувствах и настроениях Н.О. с одной стороны и авторов поэтрики – с другой. Такой взгляд мне как-то не попадался в литературоведении – обычно критики не привносят «личную струю» в свои исследования. Плюс – литературоведы, равно как и статистики, часто смешивают оба типа причинности, все на свете объявляя «влиянием» (один из примеров я рассмотрю в разделе «Краткие итоги»). Эти соображения позволяют надеяться, что статья несет в себе также некое методологическое значение.

Чем Николай Олейников хорош

Самые наивные оценки хорошей поэзии, да и вообще искусства – хорошо то, что *мне* нравится. Здесь подчеркивается примат субъективного восприятия и отсутствия объективной истины, вполне в

духе изысканного постмодернизма. Самая ненаивная оценка – некая теория построения «агрегированного качества», которое базируется на определенных критериях. Наиболее серьезное исследование такого рода провел *S. Murray* [5]; оно основано на предположении о значимости данного автора как функции от объема написанного о нем специалистами, то есть непосредственно связано с популярностью автора в определенной среде (например, литературных критиков). В работе [6] я показал, что такие оценки в целом сильно коррелированы с количеством ссылок на автора в интернете, то есть популярность у экспертов весьма тесно связана с популярностью среди широкой публики. Сказать, что тут первично, а что вторично – трудно, и я не буду здесь отвечать на этот вопрос. Одно ясно – этот ответ, каким бы сложным он ни был, говорит о внешнем признании поэта или конкретных стихов.

Применительно к поэзии вообще и Олейникова в частности, я, также достаточно наивно, попробую поставить вопрос о внутреннем качестве, то есть о тех свойствах поэзии, благодаря которым она воспринимается как хорошая или плохая. Совершенно понятно, что как только мы ступаем на эту зыбкую почву, выясняется, что там уже прохаживалось немислимое количество людей – от высокопрофессиональных критиков и филологов до активных любителей поэзии – и что сам вопрос «почему какой-то стих (поэт) нравится или нет» сродни вопросу «а как зародилась жизнь на земле». Наиболее «научный» ответ на последний вопрос дал Н. Тимофеев-Ресовский: «Я был тогда маленьким, точно не помню. Спросите у академика Опарина». Человечество «не точно помнит», почему те или иные строки передаются из поколения в поколение, а другие, ничуть не менее замечательные, по мнению многих, подвержены забвению. И не у кого спросить, так сказать. Поэтому моя задача – не построить некую общую теорию качества поэзии, а на куда более скромном уровне просто дать примеры того, из чего это качество складывается. Позднейшие исследования, возможно, прояснят картину лучше, хотя, строго говоря, еще не вполне понятно, насколько и кому нужен универсальный ответ на подобный универсальный вопрос.

1. Н.О. абсолютно и безоговорочно искренен, а это большая редкость и ценится всегда. Писал он для собственного удовольствия и для удовольствия очень узкого круга друзей – печатать это явно не планировалось (всего три «взрослых» стиха были напечатаны при жизни и то немедленно получили очень жесткую критику за антисоциальность). Отсюда – огромное число персональных посвящений (почти все – женщинам), что добавляет интимности. Такое ощущение, что у него отсутствует самоцензура, любимое дитя советских писателей. Уже в 1931 году, после ареста и допроса Хармса и Введенского и явного сбора компромата на Маршака и самого Олейникова, раздался первый «звонок», но характер его стихов не изменился. Скорее всего, он просто не знал об обличительных показаниях Введенского. Как бы то ни было, перед нами редкий пример

неподцензурного творчества в советское время. Поскольку все (кроме детского) писалось «в стол» – не было (или почти не было) и шизофренического раздвоения личности. В такой ситуации только талант ставит границы качеству, а таланта было в избытке. Не надо, как, например, с Маяковским, разбираться – что он публиковал «для них», а что делал «для себя». Чистый случай.

2. Писал он мало. Я думаю, это позволяло поддерживать высокое качество написанного. «Мало» означает ровно столько и тогда, когда хотелось (не всегда же хочется.) Но процент удачных стихов (концентрация качества) Н.О., по моим прикидкам, чрезвычайно высок, выше, чем почти у всех, кого я знаю. Критерий простой: почти все при желании можно захотеть перечитать и выучить, так как почти в каждом стихе есть нечто запоминающееся. Вот доказательство: просмотрел около ста стихов, чтобы подобрать что-то проходное и, кажется, нашел:

Из жизни насекомых

В чертогах смородины красной
Живут сто семнадцать жуков,
Зеленый кузнечик прекрасный,
Четыре блохи и пятнадцать сверчков.
Каким они воздухом дышат!
Как сытно и чисто едят!
Как пышно над ними колышет
Смородина свой виноград!

1934

Перечитал – нет; последняя строчка слишком хороша, хотя вся тема, скажем так, развита не очень глубоко (простое перечисление некоторых событий). Попробуйте для эксперимента перечитать подряд стихи Хармса или Введенского, его ближайших друзей (да и вообще почти кого угодно) и поймете, что там пропорция совершенно другая – лишь считанные вещи привлекают внимание. Такая концентрация, в условиях непечатности, означает то, что у него очень развито чувство вкуса; Н.О. внутренне контролирует написанные тексты. В принципе, я не могу строго защитить этот тезис, так как плохо знаю историю его рукописей и публикаций (возможно, исходный объем написанного и был куда больше), но выглядит он все же правдоподобно. Для примера из собственного опыта: в процессе публикации книг [4] мы отбирали 7 – 8% написанного. Хотя, перечитывая уже отобранное, видишь, что не все подряд так уж чудесно, как хотелось бы. Если считать, что Н.О. ничего не отбирал (куда?), то качество того, что выплыло на свет через много лет после смерти автора, поразительно высокое.

3. Н.О. в целом жизнерадостен, весел и позитивен. Мне он не представляется трагической личностью, как многие его выставляют, подсознательно апеллируя к его биографии и опираясь на полуфрейдистские трактовки неких тем – см., например, оценку Л.Гинзбург в первом разделе (пункт 2). Он, скорее, напряженно

размышляющая личность. Многочисленные затравки, поддевки и просто шутки говорят сами за себя. Я не вижу смысла искать в них двойное дно. Ну, вот типичное обращение (учтите, что Шварц – муж Генриетты):

И вот с тобой мы, Генриетта, вновь.
Уж осень на дворе, и не цветет морковь.
Уже лежит в корзине Ромуальд,
И осыпается *der Wald*.

. . . . .

Я должен умереть, я – гений,
Но сдохнет также Шварц Евгений!

1929

Или такой, более ранний текст насчет тех же персонажей, когда еще была надежда на Генриетту:

Генриетте Давыдовне

Я влюблен в Генриетту Давыдовну,
А она в меня, кажется, нет –
Ею Шварцу квитанция выдана,
Мне квитанции, кажется, нет.

Ненавижу я Шварца проклятого,
За которым страдает она!
За него, за умом небогатого,
Замуж хочет, как рыбка, она.

Дорогая, красивая Груня,
Разлюбите его, кабана!
Дело в том, что у Шварца в зобу не,
Не спирает дыхания, как у меня.

Он подлец, совратитель, мерзавец –
Ему только бы женщин любить...
А Олейников, скромный красавец,
Продолжает в немилости быть.

Я красив, я брезглив, я нахален,
Много есть во мне разных идей.
Не имею я в мыслях подпалин,
Как имеет их этот индей!

Полюбите меня, полюбите!
Разлюбите его, разлюбите!

1928

Здесь нет «галантерейности», здесь просто самозабвенное и самоподпитывающееся веселье, где эпитеты выбираются на грани или

за гранью приличия – ведь Шварц и обидеться может (но, кажется, не обижался), а самовосхваление превращается в специальную отрасль знаний. Сравните с поэтическими текстами, написанными в таком же настроении [4] (здесь и далее С.Л. – С.Липовецкий, Ю.Б. – Ю.Бобров, И.М. – И.Мандель):

С.Л. Тебя бы Фрейду показать, уж он сумел бы распознать,
Кто ты – анальный ли эрот или моральный же урод.
Сидишь ты, скажем, на коне – случайно ль ты туда забрался?
Случайно ль сверзился с него? Нет, не случайно ничего!

И.М. Здорово, Стан, мужлан науки, ковбой политики, герой,
Бывай разборчив с всякой штукой, в куда суешься головой.

Ю.Б. Твой стих волнами проникает в подкорку, корку и пиджак,
Повсюду корни распускает, как непрополотый сорняк.

Подобные строчки пишутся исключительно в хорошем настроении, когда накопление претензий к адресату доставляет все возрастающее удовольствие. Так оно было, скорее всего, у Н.О.

4. Другим свидетельством непосредственности Н.О. и его концентрации на своем внутреннем циклотимическом (я думаю) мире является отсутствие некоторых тем в его творчестве. Поразительно мало «серьезных» стихов – я насчитал три из, примерно, ста (см. ниже). Но больше всего удивляет практически полное отсутствие политических или вообще социально-ориентированных вещей. Он пишет в этом ключе очень хорошо, но крайне мало:

Колхозное движение, как я тебя люблю!
Испытываю жжение, но все-таки терплю.

Или:

Но мух интересней,
Но рыбок прелестней
Прелестная Лиза моя –
Она хороша, как змея!

Возьми поскорей мою руку,
Склонись головою ко мне,
Доверься, змея, политруку –
Я твой изнутри и извне!

Но также может быть, что его многочисленные мелкие официальные деятели (*Начальник отдела, Заведующий столом справок, Делегат* и пр.), обращение к которым резко контрастирует с дальнейшим содержанием стихов, например, эротической тематикой (см. примеры ниже), и есть своеобразная форма политической оппозиции или, по крайней мере, иронии, направленной на новых «хозяев жизни». Или вот блестящий образец:

Неблагодарный пайщик

Когда ему выдали сахар и мыло,
Он стал домогаться селедок с крупой...
Типичная пошлость царила
В его голове небольшой.

1932

Тут двойное дно: пошлость, с одной стороны, корреспондирует с официальным курсом на борьбу с мешанством(!) и бичует избыточное потребление(!), а с другой стороны, как подумаешь об этом бедном «пайщике», которому, гаду, мало сахара и мыла, – так понимаешь: и сам бы стал точно так же пошло домогаться селедки с крупой (да и домогался, собственно).

Как бы то ни было, политика – явно не его любимая тема, а ирония, обращенная к реальности тех дней, – не выглядит превышающей некий обычный уровень (все же нельзя забывать, «за что он кровь проливал», воюя на стороне Красной Армии – после Белой, правда...).

5. Похоже, Н.О. не шутил, когда говорил, что он не поэт – см. оценку Л.Гинзбург в первом разделе (пункт 3). Возможно, он «искал себя», и ему было, в частности, не до политики. Вот свидетельство наблюдательного В.Каверина [8]:

Один из умнейших людей, которых я встречал в своей жизни, он внутренне как бы уходил от собеседника – и делал это искусно, свободно. Он шутил без улыбки. В нем чувствовалось беспощадное знание жизни. Мне казалось, что между его деятельностью в литературе и какой-то другой, несовершившейся деятельностью, может быть, в философии, была пропасть.

Е.Шварц, ближайший и неизменный друг Олейникова, сказал [8]: «*Был он необыкновенно одарен. Гениален, если говорить смело*». То же о его уме говорила Л.Гинзбург (см. первый раздел, пункт 1). Человек такого типа не мог не чувствовать некую серьезную проблему: он не имел реально никакого образования. Возможно, это его подспудно угнетало. Л.Липавский передает такой диалог, 1933 или 34 года (Н.М. – Н.Олейников; Я.С. – Я.Друскин) [9].:

Н.М. Я думаю, не поступить ли в университет на математическое отделение. Знаете, это хорошо, пройти математику досконально, без цели.

Я.С. В университет? Но ведь вам же придется пройти массу ненужного и неинтересного.

Н.М. Я прежде сам так думал. Но теперь мне кажется, что в математике нет неинтересного.

Его видели с математическими книгами в библиотеке, да еще и с иностранными [3].

6. Я очень далек от того, чтобы давать тут некий психологический портрет Олейникова, я просто слишком мало о нем знаю, да и не ставлю такую цель. Но из того, что знаю, вырисовывается следующий образ.

1). Очень умен. 2). Чрезвычайно, фантастически остроумен в общении (шутит всегда с серьезной миной); одно появление пары Шварц-Олейников вызывало у знающих их людей смех авансом. 3). Замкнут во всем, что касается его личной жизни. 4). Не щадил никого, включая ближайших друзей, если находил нечто, подлежащее осмеянию (в разные периоды издевательски и жестоко высмеивал практически всех, включая Хармса, Маршака, Введенского, за исключением, кажется, Шварца). 5). Очень популярен среди друзей: люди искали общения с ним невзирая на его язвительность. 6). Обладал всеми чертами сильной и мужественной личности (в частности, несмотря на абсолютно испорченные отношения с Маршаком к моменту своего ареста, не дал на него никаких показаний несмотря на давление следователей. 7). Прожил крайне рискованную молодость, чудом спасся от смерти, воевал, был однажды сильно выпорот (спина была покрыта грубыми шрамами). 8). Иронически относился к любым коллективным усилиям и даже саботировал их (одиночка, не член группы). 9). Не любил перетруждаться и избегал тяжелого систематического труда (свободный художник по натуре).

Похоже, в глазах знакомых Н.О. выглядел куда мрачнее, чем представляется нам после чтения его стихов. Вот свидетельство Д.Хармса:

Н.М.Олейникову

Кондуктор чисел, дружбы злой насмешник,
О чем задумался? Иль вновь порочишь мир?
Гомер тебе пошляк, и Гете – глупый грешник,
Тобой осмеян Дант, – лишь Бунин твой кумир.

Твой стих порой смешит, порой тревожит чувство,
Порой печалит слух иль вовсе не смешит,
Он даже злит порой, и мало в нем искусства,
И в бездну мелких дум он сверзиться спешит.

Постой! Вернись назад! Куда холодной думой
Летишь, забыв закон видений встречных толп?
Кого дорогой в грудь пронзил стрелой угрюмой?
Кто враг тебе? Кто друг? И где твой смертный столб?

23 января 1935

А вот что Хармс говорит о нем прозой, по записям Липавского [9]:

В Н.М. необычная озлобленность. Среди нас, правда, нет хороших людей; но Н.М. обладает каким-то особым разрушительным талантом чувствовать безошибочно, где что непрочно и одним словом делать это всем ясным.

Поэтому-то он так нравится всем, интересен, блестящ в обществе. В этом и его остроумие.

А это – Олейников о Хармсе:

Он – соглашатель, это в нем основное. Если он говорит, что Бах плох, а Моцарт хороши, это значит всего-навсего, что кто-то так говорит или мог бы говорить и он с ним соглашается... Я же не соглашатель, а либерал. Что значит, у меня нет безгловости к людям и их мнениям.

Либерал в начале тридцатых...

Все это, наряду с отсутствием стремления опубликоваться любой ценой (как раз для этого у Н.О. было больше возможностей, чем у бесхозных членов ОБЭРИУ), позволяет предположить, что поэзия, действительно, не является его делом жизни – вполне вероятно, лишь побочный продукт деятельности этой крайне одаренной и темпераментной натуры. А главный продукт не дали времени найти...

7. Личные обстоятельства, однако, все же вторичны, особенно в глазах далеких потомков. Они забываются, они могут быть вообще неизвестны читателю – остаются только сами по себе тексты. О чем тексты? Что было интересно самому автору, что читаем мы сейчас?

Я сделал небольшое исследование одного достаточно представительного сборника «Пучина страстей» [11] следующим образом. Каждое из стихотворений (общим числом 98) описывалось наиболее значимыми атрибутами. Возьмем, например, одно из самых известных стихотворений «галантерейного» типа:

Послание артистке одного из театров

Без одежды и в одежде
Я вчера Вас увидал,
Ощущая то, что прежде
Никогда не ощущал.

Над системой кровеносной,
Разветвленной, словно куст,
Воробьев молниеносней
Пронеслася стая чувств:

Нет сомнения – не злоба,
Отравляющая кровь,
А несчастная, до гроба
Нерушимая любовь.

И еще другие чувства,
Этим чувствам имя – страсть!
Лиза! Деятель искусства!
Разрешите к Вам припасть!

Стихотворение было описано следующими тематическими признаками: 1. Секс («без одежды»); 2. Любовь (очевидно – почему); 3. Птички («воробьев молниеносней»). В дальнейшем птички были объединены с рыбками. Очень автор любил и тех и других, но насекомых еще больше, поэтому они выделены отдельно. Иногда его пристрастия сливаются в экстазе («О муха! О птичка моя!» – см. «Муха» ниже).

Все стихи сборника были, таким образом, помечены; затем те, в которых присутствовала какая-либо тема или их комбинация, группировались и в каждой группе определялось число стихотворений, число слов и число знаков (без пробелов). Если в данном стихотворении развита та или иная тема, то весь объем этого стиха относится к данной теме: в приведенном примере все 63 слова и 369 знаков были посчитаны трижды, по одному разу для каждой из трех категорий. Проще всего измерять объем стихотворений в словах (это сильно коррелирует с объемом в знаках). «Женщины» (как нечто отличное от Любви или Секса) может показаться странной категорией, но это довольно существенный момент творчества Н.О. Куда еще, например, поместить такую зарисовку:

Шурочке (на приобретение новых туфель)

О ножки-птички, ножки-зяблики,
 О туфельки, о драгоценные кораблики,
 Спасибо вам за то, что с помощью высоких каблучков
 Вы Шурочку уберегли от нежелательных толчков.

На любовь не тянет, до секса дело не дошло – как раз «женская тема». И она очень развита – в отличие, скажем, от «мужской», связанной с дружбой, – таковая лирика фактически не наблюдается.

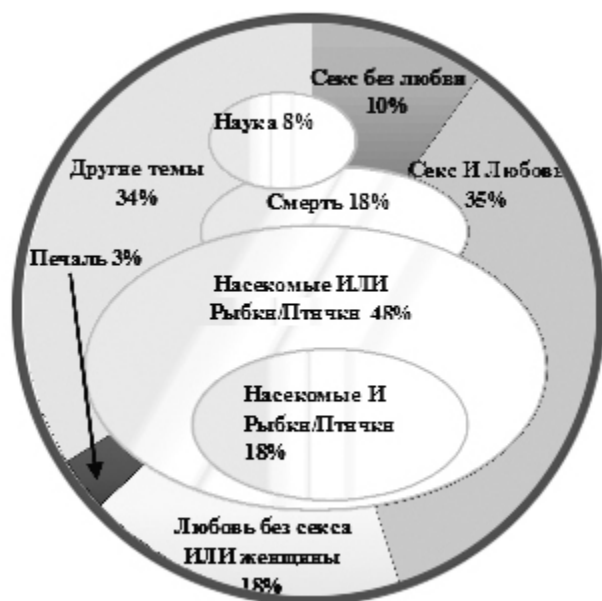
Кроме основных категорий было также определено множество комбинаций, например: Секс И Любовь (то есть когда и то и то имеет место); Секс ИЛИ Любовь ИЛИ Женщина (когда встречается либо то, либо другое, либо третье – *Обобщенная Любовь*); Обобщенная Любовь И Смерть и т.д. Все это представляет довольно сложный набор данных. Я попробовал изобразить основные найденные тенденции на круговой диаграмме (см. ниже). Теперь мы можем надежно проанализировать – что у поэта на самом деле в голове, так сказать.

Анализ ментального ландшафта Николая Олейникова

1. Самое, наверно, сильное впечатление производит явное доминирование «любовной» темы (см. диаграмму) – «Обобщенная Любовь» составляет 63% всего написанного (10% + 35% + 18%)!

Ментальный ландшафт Николая Олейникова, с трудом восстановленный средствами современной науки

Как-то я не встречал в литературе о Н.О. ни подобного наблюдения, ни его осмысления. Если учесть, что во всем этом объеме совсем нет «настоящей» (не шутильной и не издевательской) лирики, но зато 45% имеет явный сексуальный характер (из них 10% – только секс, без всякой любви), то отсюда можно сделать простой вывод: любил Н.О. это дело, очень любил.

Да кто же не любит?! – воскликнет неискушенный читатель. И будет прав конечно, но не до конца. Потому что тут ведь дело не в том, что любишь, а в том, как пишешь. И этим Н.О. просто уникален: его «эротическая» лирика фактически крайне целомудренна; его «галантерейный», или нарочито манерный, язык никогда не сбивается на физиологию и не переступает известную грань. Сравните, как пишет его друг-антагонист Д.Хармс, ничуть не меньший любитель женского общества:

Жене

...Я отпихивал бумагу
целовал свою жену
предо мной сидящу нагу
соблюдая тишину.

цаловал жену я в бок
 в шею в грудь и под живот
 прямо чмокал между ног
 где любовный сок течет
 и т.д.

Это такое же неподцензурное стихотворение, то есть и Н.О. мог бы такое писать, если бы хотел, но он не хотел. Здесь нет ни игры, ни юмора, ни языковых находок – прямая откровеннейшая эротика (может, и порнография, не берусь различать). (Через 60 лет после подобных событий вторая жена Хармса, М. Малич, вспоминала, что у Дани были какие-то проблемы с сексом [7].) Ничего подобного нельзя найти у Н.О. Но зато можно найти такое:

Однажды красавица Вера,
 Одежды откинувши прочь,
 Вдвоем со своим кавалером
 До слез хохотала всю ночь.

Действительно весело было!
 Действительно было смешно!
 А выюга за форточкой выла,
 И ветер стучался в окно.

Почему это здорово? Потому что, «одежды откинувши прочь» обычно не хохочут всю ночь; потому что такое занятие не бывает веселым; потому что ветер и выюга как «противопоставление» тем, кто хохочет, выглядят неуместно и нелепо, но придают шарм всей картинке.

Или вот такое:

Половых излишеств бремя
 Тяготеет надо мной.
 Но теперь настало время
 Для тематики иной.

Моя новая тематика –
 Это Вы и математика.

Здесь масса смыслов. Но самое, наверно, тонкое – что «новая тематика» на самом деле не такая уж новая, поскольку «Вы» (то есть компонент «половых излишеств») включен в нее.

Или такой шедевр:

Заведующей столом справок

Я твой! Ласкай меня, тигрица!
 Гори над нами страсти ореол!
 Но почему, скажи, с тобою мы не птицы?
 Тогда б у нас родился маленький орел.

Тут несколько слоев иронии, начиная с названия – контраст между прозаизмом должности и возвышенностью текста абсолютно смешон; затем – совершенно чудно выглядит двойное абсурдное усиление: уж если она тигрица (метафора некоторых крайних достоинств), то зачем ей еще быть и птицей? Это ничего к «тигровости» не добавит. Но ответ, видимо, в том, что птицы не простые, а орлы. Чем орел лучше тигра в смысле суперстрасти, уже выраженной в тигрице? Ничем. Но абсурд идет еще дальше – последняя строка предполагает, что в рождении «маленького орла» (почему не «орленка»?!) и заключается смысл всей процедуры ласкания – что, конечно, полностью противоречит всему исходному замыслу, который, на самом деле, страстный секс и ничего более.

Или вот еще:

Начальнику отдела

Ты устал от любовных утех,
Надоели утехи тебе!
Вызывают они только смех
На твоей на холеной губе.

. . . . .
Ты как птица, вернее, как птичка
Должен пикать, вспорхнувши в ночи.
Это пиканье станет красивой привычкой...
Ты ж молчишь... Не молчи... Не молчи...

1926

Ну ладно, устать от любовных утех, допустим, можно (хотя и не ясно, как надолго). Но не могут же они вызывать смех! Опыт показывает, что вызывают они лишь гордость или, в редчайших случаях, сожаление. Плюс, опять, контраст между темой и предметом посвящения (почему «Начальнику отдела»?). Должен заметить, что во время доклада в Миллбурнском литературном клубе один из его членов, *John Narins*, убеждал присутствующих, что Начальник – не кто иной, как все тот же Е. Шварц (но поди ж разбери!). Плюс грамматическая некорректность с губой. А какой смысл имеет неожиданный переход от «утех» к «птичке» и «пиканью»? То есть от серьезной любви к очень несерьезному занятию? Значит ли это, что и изначально все было несерьезно?

Мне отнюдь не кажется, что он высмеивал обывательский язык, как это делал Зоценко (и что является общим местом литературоведения об Олейникове); скорее, искажая и усиливая языковые комические аспекты, защищал сам себя, получая при этом огромное удовольствие от самой игры – и со словами, и с объектом обращения (то есть с очередной Лидией, машинисткой, Генриеттой и т.д.). Такое впечатление, что вообще весь этот пласт своей поэзии автор использовал очень хитрым образом по своему прямому назначению:

для разбивания женских сердец. А хитрость заключалась в том, что если охмуряемая женщина была достаточно интеллектуальна и образована, она немедленно понимала ироничность и пародийность стиля (и именно за это ценила автора), если же она принадлежала к тому самому обывательскому классу, который он якобы высмеивал (а таких было явно очень много в его окружении), она, принимая «красоты» поэта за чистую монету, вообще не могла устоять перед таким кавалером, особенно на фоне грубости нравов тех далеких лет.

Н.О. виртуозно владеет техникой поэтического соблазнения, прибегая к любым средствам, но все же не переставая быть галантным. Его стиль таков, что как бы далеко он ни заходил в своих предложениях (а чаще всего он именно предлагает себя), он всегда может в последнюю секунду сказать, что только пошутил (как, например, в «Генриетте Давыдовне»).

То есть то, что сделал Олейников, – уникально с точки зрения своей утилитарности: он был в полном восторге от своих блестящих придумок, но одновременно каждая из них усиливала его победный арсенал в той борьбе, которая его на самом деле только и волновала. Так что он не столько поэт, сколько боец любовного фронта. Судя по всему, очень успешный, так как при всем своем обаянии был еще и «официально» красив (как известно, он в Донбассе перед отъездом в Ленинград получил справку о том, что он «действительно красив» (!), так как якобы без нее не брали в институт, куда он направлялся). Эта справка, которую он очень любил предъявлять в соответствующих ситуациях, была, видимо, прекрасным дополнением к его поэзии, работая в том же направлении. Это лишний раз подтверждает проверенный тезис о тесной связи искусства и жизни; у Н.О. сплетение того и другого достигла полного апофеоза, причем без всякого трагического подтекста (см. ниже о теме Смерти).

Я бы мог цитировать и цитировать (см. другие примеры по тексту), но и сказанного достаточно, чтобы обосновать тезис: Олейников является уникальным мастером совершенно своеобразной тонкой любовной и эротической лирики, которая резко выходит за рамки нарочитой «галантерейности» и представляет собой поэзию высокого класса, со многими смыслами, в отточенной иронической форме.

Что очень характерно, авторы поэтрики [4], увы, вообще не разрабатывали любовную тему (поздно же они взялись за перья). Ну разве что пользовались ассоциациями через отрицание:

И.М. Живу я, как на сковородке живут обычно пескари –
Без вдохновения, без водки, без слез, без счастья, без любви...

или печальная констатация:

Ю.Б. Да, наша участь – только сэйлы, *Laptop*, *Ipod* и *Internet*,
Не отвлекает от имейлов нас даже промискуитет.

2. Второе направление – животный мир; 48% всех слов содержится в стихах, где он каким-то образом «эксплуатируется». Насекомые упоминаются в 37% стихов, птички/рыбки – в 29%, но в 18% случаев все три типа животных упоминаются совместно. Это означает, что примерно в половине всех случаев упоминания насекомых (18/37 = 48.6%) и в двух третях случаев упоминания рыбок/птичек присутствует также другая группа. Это в известной степени подрывает тезис многих исследователей об особой роли насекомых у Н.О. – его ассоциации очень часто касались параллельно двух весьма разных миров. Олейников знаменит из за своих странных пристрастий к этим существам, особенно к насекомым. Из этого делают далеко идущие выводы, типа того, что насекомые представляют собой загробный мир в его воображении [3] и т.д. Однако все может быть проще, что я попробую показать.

Как видно из схемы, мир животных тесно пересекается с миром любви (34% всех своих слов Н.О. потратил на стихи, в которых есть и то и другое, или, иными словами, в 53% любовных стихов используются образы такого типа). Животные воспринимаются Олейниковым в трех главных ипостасях.

Во-первых, как символ природы, свободы, непосредственности, по контрасту с человеческими заморочками:

Послание, бичующее ношение одежды

...Тому, кто живет как мудрец-наблюдатель,
Намеки природы понятны без слов:
Проходит в штанах обыватель,
Летит соловей – без штанов.

Хочу соловьем быть, хочу быть букашкой,
Хочу над тобою летать,
Отбросивши брюки, штаны и рубашку –
Все то, что мешает пылать.

Коровы костюмов не носят.
Верблюды без юбок живут.
Ужель мы глупее в любовном вопросе,
Чем тот же несчастный верблюд?..

1932

Такое восприятие очень естественно и часто возникает само собой не только у Н.О. Вот пара поэтрических примеров [4]:

И.М. Птичка прыгает на ветке, соловей свистит в кусту –
Я ж сию один как в клетке, людям истину несу.

С.Л. Птичка пикает на ветке, баба ходит петь в овин –
Больше нужно нам салфеток, самоваров, пианин!

Во-вторых, животные являются специфическим предметом изучения. Примерный ход мыслей Н.О. таков: рыбки и тем более насекомые намного проще по своему устройству, чем люди, а вот поди же, как они все-таки сложны! Так, может, хотя бы в них разобраться, прежде чем к более сложному переходить? Эта тема у Олейникова блестяще развита; иногда она смыкается с так называемой «наукой» в его понимании. Но наука – вещь серьезная, она и убить может, что убедительно показано в стихотворении «Таракан» (см. ниже). Отсюда – тема насилия и унижения. Вообще, цепочка «невинное существо (насекомое, рыбка) – познание – разрушение и/или смерть, связанные с познанием» и непосредственно примыкающий к ней вопрос о том, а нужно ли такое «познание», кажется, очень волновала Н.О. – см. мнение Л.Гинзбург (пункт 10). Вот примеры «научного познания действительности».

Пучина страстей

...Я стою в лесу, как в лавке,
Среди множества вещей.
Вижу смыслы в каждой травке,
В клюкве – скопище идей.

На кустах сидят сомненья
В виде черненьких жуков,
Раскрываются растенья
Наподобие подков....

«...сомненья в виде черненьких жуков...» – одна из блестящих «научных» метафор, сам испытывал сомнения именно в такой форме не раз.

Таракан

...Таракан сидит в стакане.
Ножку рыжую сосет.
Он попался. Он в капкане
И теперь он казни ждет.

Он печальными глазами
На диван бросает взгляд,
Где с ножами, с топорами
Вивисекторы сидят.

. . . . .

Его косточки сухие
Будет дождик поливать,
Его глазки голубые
Будет курица клевать.

Служение науке

...Любовь пройдет, изменит страсть, но без обмана
Волшебная природа таракана.

Несчастный «Таракан» породил множество ассоциаций, вплоть до сильно политизированных. Где-то читал, помню, такую трактовку его последней строфы: поскольку голубой цвет глаз является типичным для русских, то своим образом Н.О. оплакивает главного исторического страдальца – русский народ. Циничный Л.Тишков, однако, иллюстрируя стихотворение, наделил четырех вивисекторов именами от Иванова до Логина, а персонажа в стакане обозвал «Таракан Шапиро» [10, с. 27]. Что ж, наука еще не все сказала, даже национальность жертвы пока твердо не установлена, так что подождем дальнейших открытий.

Тема взаимосвязи животного и человеческого, а также сочувствия и к тем и к другим, конечно не ускользнула от внимания авторов поэтики [4]:

С.Л. Вылезит рыбка из икры, из головастика лягушка,
Вылезит мысль из головы, а пух и перья из подушки.
Уж так устроено в природе, что цепью следствий и причин
Соединен предмет один с другими в вечном хороводе.
И.М. Слежу я, птичек воспорханье, рыбок в омуте копанье,
Зайцев в огороде скок и свиней в загоне греб.
Когда ж идей каких случайных вдруг посещает грудь мою,
Тогда в порядке чрезвычайном их на бумагу срочно лью.
Ю.Б. Кто в мыслях так далёко видит, прозреньё – вот судьба его,
Ему и мухи не обидеть, когда без мухи есть кого.

В-третьих, мелкие животные рассматриваются Олейниковым как равноправные партнеры и объекты бесед, рассуждений и чувств. Тут он наиболее оригинален; он резко отошел от назидательности и антропоморфизма «Стрекозы и муравья» и подобных традиционных текстов, то есть он вовсе не приписывает своим героям неких человекоподобных чувств с целью морализирования. Он неожиданным образом говорит, по сути: мы равны. Этот вид отношений наиболее загадочен. Вот, наверно, самое яркое (и знаменитое) свидетельство:

Муха

Я муху безумно любил!
Давно это было, друзья,
Когда еще молод я был,
Когда еще молод был я.

Бывало, возьмешь микроскоп,
На муху направишь его –
На щечки, на глазки, на лоб,
Потом на себя самого.

И видишь, что я и она,
 Что мы дополняем друг друга,
 Что тоже в меня влюблена
 Моя дорогая подруга.

Кружилась она надо мной,
 Стучала и билась в стекло,
 Я с ней целовался порой,
 И время для нас незаметно текло.

Но годы прошли, и ко мне
 Болезни сошлись толпой –
 В коленках, ушах и спине
 Стреляют одна за другой.

И я уже больше не тот.
 И нет моей мухи давно.
 Она не жужжит, не поет,
 Она не стучится в окно.

Забутые чувства теснятся в груди,
 И сердце мне гложет змея,
 И нет ничего впереди...
 О муха! О птичка моя!

1934

Довольно трудно однозначно интерпретировать такой текст. Я бы что-то подобное мог написать, только «поймав случайно образ» и потом развив его до логического (абсурдного) конца; что-то такое однажды и соскочило у меня с языка: «Сидит птичка у камина и в огонь глядит, скотина!»

Тут я тоже проявил слишком сильное личное отношение к птичке, чересчур экспрессивно ее обозвав. Помню, это было просто смешно и все. Возможно, и Н.О. это было просто смешно. Мы часто склонны усложнять очень простые вещи.

Но, возможно, тут есть что-то более глубокое: если рассматривать муху, с одной стороны, как символ высокой сложности явления природы, подобного человеку (как недавно стало известно, наборы генов у человека, насекомых и других существ очень схожи), с другой – как символ мимолетности, а с третьей – как символ ничтожности и ненужности, то все можно свести к такой схеме: я был влюблен в нечто, совершенно неважно во что (кого), – я постарел и расстроил здоровье, предмет любви умер – жизнь потеряла смысл, ибо чувства все еще «теснятся в груди», а любимого предмета нет. В этом случае предмет уходит, остается только отношение. Поскольку отношение очень сильное, то ничтожность предмета (мухи) только подчеркивает его значимость, и, возможно, тоску по реальному несбывшемуся отношению (любви) такой же степени страстности.

Тут важно посмотреть, что изменится, если муху заменить на что-то другое. Есть две крайности. С одной стороны, поставьте вместо «Муха» «Муся» (или «Маша») – и все будет хорошо (разве что микроскоп заменить на собственные глаза), это будет обычный и весьма тривиальный «любовный» стих. С другой стороны, можно сделать замену на нечто абстрактное и к делу не относящееся, типа «Бармаглота» Л.Кэрролла или «глокой куздры» Л.В.Щербы. Тогда читатель поймет исключительно то, что описана любовь к абстрактному предмету (но именно любовь), наподобие действий в абстрактных анекдотах. И это будет (возможно!) весьма близко к замыслу автора. Но так как муха куда яснее «куздры», то возникает дополнительный комический эффект по контрасту «высокой» любви и «низкого» предмета.

Ничтожные предметы и по сию пору вызывают высокие поэтрические чувства [4]:

С.Л. ... Той расческой не раз гадов я удалял,
И в ночи волоса ею часто чесал.
Дорога она мне, точно жизни кусок,
Время стерло ее, прежде острый, зубок.

...А теперь сон я видел, что пришел уже срок
Подарить ее другу и волос на ней клочок.
Пусть теперь он владеет этой редкой вещицей,
От нее пусть балдеет и чесаться ей тщится...

И.М. До слез достал меня ты, Станни, своей историей печальной,
В ней услышал я отзвук дальний того, что сам ж переживал.
Я помню, в давние года любил я мыться иногда,
И вот в кусок однажды мыла я вдруг влюбился навсегда.
Я мылся им десятки раз, им мыл и профиль, и анфас,
И лоб, и бровь, и глаз, и таз – и наслаждался всякий раз.
И вот недавно поутру его я, как всегда, беру,
И вдруг мой внутренний инстинкт мне что-то громко говорит.
«Отдай его – я слышу глас – ты Липовецкому как раз,
Виденье было мне, что он уж год как мыла был лишен...»

С.Л. Распознаванья показали, и кластер тоже подтвердил,
Что никогда нигде ни разу свой организм ты не умыл.
Забудь пока что о расческе, ты не готов еще морально,
Расти астральную прическу и развивайся фигурально.
А мыло вышли на анализ – мы разберемся с ДНК
Кого отправил ты на мыло. Засим покедова, пока.

Но подобные теории – все же мои домыслы. Насекомоемкие тексты Олейникова наводили многих на мысли об их схожести с «Превращением» Ф.Кафки. Мне это кажется поверхностным. Аналогично – можно рассмотреть все это в связи с «Жизнью насекомых»

В.Пелевина (любят писатели этих существ, любят – вспомните еще В.Набокова) – но я не буду далее углубляться.

3. Наука, занимающая достойные 8% сознания Н.О., весьма своеобразна. В чем-то она полумистическая и полна жизненной силы, как у Н.Заболоцкого в «Столбцах» (я не знаю, какво точно их взаимное влияние: «Столбцы» вышли в 1929 году, а кое-какие стихи Олейникова были, кажется, раньше – наверно, литературоведы уже в этом разобрались). Но чаще она примерно такая:

Наука и техника

Я ем сырые корешки,
Питаюсь черствую корою
И запиваю порошки
Водопроводною водою.

Нетрудно порошок принять,
Но надобно его понять.
Вот так и вас хочу понять я –
И вас, и наши обоюдные объятья.

Знакомая конечная цель, так сказать, уже проходили выше.
Или вот пара фрагментов из длинного «Служения науке»:

Я описал кузнечика, я описал пчелу,
Я птиц изобразил в разрезах полагающихся,
Но где мне силу взять, чтоб описать смолу
Твоих волос, на голове располагающихся?
.....

Везде преследуют меня – и в учреждении и на бульваре –
Заветные мечты о скипидаре.
Мечты о спичках, мысли о клопах,
О разных маленьких предметах,
.....

О, тараканьи растопыренные ножки, которых шесть!
Они о чем-то говорят, они по воздуху каракулями пишут,
Их очертания полны значенья тайного...

Да, в таракане что-то есть,

Когда он лапкой двигает и усиком кольшет.
.....

А где же дамочки, вы спросите, где милые подружки,
Делившие со мною мой ночной досуг,
Телосложением напоминавшие графинчики, кадушки, –
Куда они девались вдруг?

Иных уж нет. А те далече.
Сгорели все они, как свечи.

А я горю иным огнем, другим желаньем –
Ударничеством и соревнованьем!

. . . . .

Запутавшись в строении цветка,
Бежит по венчику ничтожная мурашка.
Бежит, бежит... Я вижу резвость эту, и меня берет тоска,
Мне тяжело!..

1932

Такое вот служение... Ироническое – и одновременно пытлиное – отношение Н.О. к науке, ее прямое сопряжение, так сказать, с Эросом и Танатосом как нельзя лучше соответствует нормальной ментальности ученого, хотя Н.О. таковым и не был. Он хочет «разгадать тайну объятий» – и не может. Н.О. тоскует, понимая безнадежность познания даже «ничтожной мурашки», но то же происходит и в головах ученых. Познание манит и отталкивает, вдохновляет и вводит в отчаяние. В этом аспекте Олейников, возможно, оказался наиболее тонким из поэтов, которые вообще обычно не могли внятно сказать что-либо на темы науки – они либо воспевали ее успехи с нелепым энтузиазмом, либо наивно ужасались ее кошмарными результатами – бомбы и пр. Но никто не смеялся над ней и никто не очеловечивал ее так, как Н.О., не показывал ее внутреннюю сопряженность с базисными человеческими эмоциями. Его «псевдоученость», его «надевание маски специалиста», как это обычно трактуется, не имеет сатирического оттенка, как и вообще его творчество, – он лишь интуитивно верно показывает настоящий способ мышления ученого, с его самообманом и его самоиронией (которая, по моим наблюдениям, растет пропорционально уровню исследователя).

«Поэтры», как большие ученые, натурально приходят к схожим выводам [4]:

С.Л. Вгрызаясь в базисы науки, плодов ее мы горьких поедаем,
И делая с ней кой-какие штуки, себя мы крепко уважаем –
Теперь мы вырядим почти как мудрые тетери
И кое-кто нам в этом подражать стремится.
Но видим также мы в миры иные двери,
Куда пора придет уж скоро удалиться.
Туда не заберешь с собою ни трухи,
Ни умственной нелепой шелухи,
Ни тела из молекул потрохи.
Так что ж останется –
Ужель одни стихи?
Ха-ха-ха-ха,
Хо-хо-хо,
Хи-хи,
Хи...
Х

И.М. Проблем огромное количество
 Мне отключило электричество,
 Канализацию, туалет, компьютер, пейджер, пистолет –
 Остался я совсем однем
 Неразрешимых среди проблем.

Ю.Б. А как у вас могучие труды на поприще искусства и науки:
 Достаточно ли в них воды? Ведь без смоченья фразы сухи.

4. Тема **смерти** – 18% всех текстов, пересекается и с любовью, и с насекомыми, и с прочим.

Смерть героя

Шумит земляника над мертвым жуком,
 В траве его лапки раскинуты.
 Он думал о том, и он думал о сем, –
 Теперь из него размышления вынуты.

И вот он коробкой пустою лежит,
 Раздавлен копытом коня,
 И хрящик сознания в нем не дрожит,
 И нету в нем больше огня.

Здесь, так же как и в «Мухе», все подано серьезно, то есть, замени жука человеком – будет очередной стих на вечную тему «где стол был яств – там гроб стоит» (украшенный бесподобными выражениями типа «теперь из него размышления вынуты», подчеркивающими механистичность акта смерти). Но жук, как и ранее муха, апеллирует к множеству возможных интерпретаций, от рассмотренных ранее до таких: автор просто-напросто сочувствует погибшему, рассматривает его смерть так же, как и любую другую, вполне человеческую. В такого рода отношении к смерти нет, в общем, ничего уникального – как известно, некоторые секты в Индии носят защитные повязки именно чтобы случайно не проглотить (причинить смерть) мелкому насекомому. Подобный антропоморфизм неприложим к «Мухе» – «любовь» к ней (так, как и «любовь» ее) – не более чем метафора. Здесь возникает важная грань: хотя любовь и смерть традиционно идут в искусстве все время рядом, смерть куда универсальнее – вот и тут, прямая интерпретация смерти насекомого (через сочувствие) возможна, а любви – нет.

Но чаще смерть вспоминается совсем в другом контексте:

Шуре Любарской

Верный раб твоих велений,
 Я влюблен в твои колени
 И в другие части ног –
 От бедра и до сапог.

Подобная любознательность не пропадает; восемьдесят лет минуло, уж и Шварца нет (Розенблит за него), но чувствительные поэты по-прежнему пристально вглядываются в каждую мелочь [4]:

Ю.Б. Меня поутру ранит суть вещей – рубах, ушанок и вообще,
Коробит бездуховный вид штанов, что носит Розенблит.

Н.Олейников создал жанр, которому почти невозможно подражать. Для подражания или развития надо иметь, как минимум, его бесподобный талант делать все эти чудные нелепо-неожиданные сопоставления. Даже если общее ироническое отношение к основам жизни и разделяется каким-то поэтом – этого совершенно недостаточно без такого недостижимого ингредиента. Н.О. дошел до самой черты допустимого в своих сравнениях – переступили ее друзья «по цеху», а не он. Его метафоры все еще внутри постижимого, при всей своей необычности они не переходят в зону скучного абсурда. Он достиг возможного края метафоричности, но не свалился за него. Он внутри того, что еще может считаться гармоничным.

В этом аспекте общая абсурдистская направленность ОБЭРИУ предоставляет куда больше возможностей, равно как черный квадрат Малевича открыл шлюз для потока подобных фигур, дело-то не хитрое. И пусть абсурдизм обэриутов будет всегда котироваться литературоведами выше, чем творчество их «коллаборациониста» (что в известной степени оправдано в силу их несомненного новаторства), поэзия Олейникова будет читаться с большей любовью. Абсурд приходит и уходит, поэзия остается.

Краткие итоги: и где же он находится?

Вот характеристика Н.О., данная Е. Евтушенко в «Строфах Века»:

Несмотря на причастность [Олейникова] к литературной группе «Обэриуты», я его все-таки считаю поэтическим наследником Саши Черного. Особенным блеском отличаются его пародии на любовные признания, сделанные в полном соответствии с хорошо изученными им канонами мещанской галантности. ...Был предтечей Николая Глазкова.

Здесь почти все выглядит весьма неубедительным, кроме одного: да, Н.О. близок к ОБЭРИУ весьма формально (в большей мере из-за относительной близости к поэзии раннего Н.Заболоцкого, чем к творчеству куда более «настоящих обэриутов» Д. Хармса и А. Введенского).

Любовные тексты Олейникова не есть пародии – во всяком случае, мне неизвестны явные «оригиналы»; в них наблюдается совершенно карнавальное (и карнальное) смешение стилей, комическое противопоставление высокого и низкого, знакомого и незнакомого, «язык галантерейной лавки» (более типичный, кстати, для дореволюционных полуобразованцев из народа, частично

типизированных в образе Смердякова, чем для куда более грубого быта 20-30х годов) – но это не пародия, которая предполагает высмеивание какого-то автора или направления. Олейников ничего не высмеивает, он просто смеется и наслаждается этим; в нем также практически нет элементов сатиры.

И здесь другая неточность Е. Евтушенко. Саша Черный – сатирического мрачного типа человек; в нем совершенно нет игривости и легкости Олейникова; его эпитеты сильны, но ожидаемы, в них нет переходов в другое пространство и т.д. Вот типичный (и знаменитый) текст Черного (фрагменты):

Желтый дом

Семья – ералаш, а знакомые – нытики,
 Смешной карнавал мелюзги.
 От службы, от дружбы, от прелой политики
 Безмерно устали мозги.
 Возьмешь ли книжку – муть и мразь:
 Один кота хоронит,
 Другой слюнит, разводит грязь
 И сладострастно стонет.

. . . . .

Петр Великий, Петр Великий!
 Ты один виновней всех:
 Для чего на север дикий
 Понесло тебя на грех?
 Восемь месяцев зима, вместо фиников – морошка.
 Холод, слизь, дожди и тьма – так и тянет из окошка
 Брякнуть вниз о мостовую одичалой головой...
 Негодую, негодую... Что же дальше, боже мой?!

. . . . .

Где наше – близкое, милое, кровное?
 Где наше – свое, бесконечно любовное?
 Гучковы, Дума, слякоть, тьма, морошка...
 Мой близкий! Вас не тянет из окошка
 Об мостовую брякнуть шалой головой?
 Ведь тянет, правда?

1908

Совершенно нельзя себе представить ничего подобного у Олейникова – ни по общей мрачной направленности, ни по характеру поэтики и языка.

Ну, а предшественник ли он Николая Глазкова? И это очень сомнительно. Вот фрагмент из, наверное, самого известного неподцензурного стихотворения Н.Г. (опубликованные при жизни вещи Глазкова вообще нельзя сопоставлять с текстами Н.О., ибо острота там либо отсутствовала, либо была слишком морализирующей):

...Знаю я, что ничего нет должного...
 Что стихи? В стихах одни слова.
 Мне бы кисть великого художника:
 Карточки тогда бы рисовал.

Я на мирзираю из-под столика,
 Век двадцатый – век необычайный.
 Чем столетье интересней для историка,
 Тем для современника печальней!

Последняя строфа, конечно, очень хороша, но это совершенно другого типа остроумие: оно нацелено на конкретную ситуацию, на неожиданное противопоставление двух разных вещей и на «мораль», в том смысле, который всегда присутствовал в хороших эпиграммах и в наше время активно развивается, например, И.Губерманом (которого можно как раз назвать в известной степени последователем Глазкова). В такого рода вещах вся сила заключается в некоей идее; юмор же Олейникова не идейный, он структурный. У него нет «соли» и афористичности, как у лучших образцов эпиграммного юмора; у него общее ощущение смешного – за счет постоянной игры смыслов и смещения норм языка в разных контекстах.

Глазков и немногие другие – поэты анекдотического жанра (очень трудного, вне всякого сомнения), Олейников пишет, как поет, для него фактура стиха и есть то, что смешно, без всякого анекдотического конца, и это не менее трудно (но, кажется, менее востребовано, так как людям нравятся неожиданные и яркие концовки анекдотов). Если концовки у Н.О. и есть (см. примеры типа «О муха! О птичка моя!»), – то они «лучшие среди равных», в них не «соль», а достойное завершение того, что уже было. Словом, Олейников и Глазков – разные; я бы никогда не поставил их в один ряд. А в какой ряд поставить Олейникова?

У меня нет ясного ответа на этот вопрос. В той мере, в которой я составил представление об общем духе поэтики Олейникова, неразрывно связанной с его полужызыческим отношением к жизни, и в той мере, в которой я знаю русскую поэзию (но знаю я, конечно, далеко-далеко не все), – я не могу вспомнить ни одного поэта, который был бы близок к Н.О. по своему мироощущению и по стилю.

Из предшественников, кажется, только Козьма Прутков издавал иногда нотки, развитые впоследствии Олейниковым в законченную музыку (видимо, не случайно обэриуты одно время проверяли потенциальных членов общества на их любовь к Пруткову). Вот пара примеров:

Мое вдохновение

. . . . .
 Все дума за думой в главе неисходно,
 Одна за другою докучной чредой,
 И воле в противность и с сердцем несходно,
 Теснятся, как мошки над теплой водой!

. . . . .
 И, злобы исполняясь, как грозная туча,
 Стихами я вдруг над толпою прольюсь:
 И горе поддавшим под стих мой могучий!
 Над воплем страданья я дико смеюсь.

В первой строфе – фривольное сравнение мыслей с мошками сродни приемам отождествления «высокого и низкого» у Н.О. (плюс – именно насекомые поминаются, так сказать); во второй – не столько стилистические приемы Олейникова, сколько его нейтральность к страданиям и беспощадность к предметам осмеяния, отмечаемая Хармсом и другими (см. выше). Или вот еще:

В альбом N. N.

Желанья вашего всегда покорный раб,
 Из книги дней моих я вырву полстраницы
 И в ваш альбом вклею... Вы знаете, я слаб
 Пред волей женщины, тем более девицы.
 Вклею!.. Но вижу я, уж вас объемлет страх!
 Змеей тоски моей пришлось мне поделиться;
 Не целая змея теперь во мне, но – ах! –
 Зато по ползмеи в обоих шевелится.

Такие же жутко преувеличенные страсти, ирония и самоирония – и даже змеи в груди, вполне олейниковский набор. Или, наконец, это:

Новогреческая песнь

Спит залив. Эллада дремлет.
 Под портик уходит мать
 Сок гранаты выжимать...
 Зоя! нам никто не внемлет!
 Зоя, дай себя обнять!
 . . . . .
 Пусть же вихрем сабля свищет!
 Мне Костаки не судья!
 Прав Костаки, прав и я!
 . . . . .
 В поле брани Разорваки
 Пал за вольность, как герой.
 Бог с ним! рок его такой.
 Но зачем же жив Костаки,
 Когда в поле Разорваки
 Пал за вольность, как герой?!

Хороши стихи, ничего не скажешь, пронимают. Тут «...дай себя обнять» – там «...разрешите к вам припасть!». А еще было сказано, как верно Л.Гинзбург заметила насчет П.Потемкина, «...непреодолимо я к тебе душой стремлюсь».

Словом, что-то такое кое-где конечно было и раньше. Однако Олейников внес очень важный новый момент: его юмор и ирония практически полностью оторваны от старинной традиции политизирования, сатиры и морализирования в творчестве фактически всех предшественников – то, что я старался показать в данном тексте. Он не вскрывает недостатки общества, он их использует как материал для построения собственной картины мира, которая оттеняется «глупостями» других. «Либерал Олейников» не чуждается ничьих мыслей – но встраивает их (часто в неузнаваемой форме) в свои тексты. Поет, однако, только свою свободную песню.

Ну а что было потом? Потом, как известно, свобода как концепция исчезла, как минимум, лет на тридцать, а скорее на пятьдесят. Уже поэтому искать кого-то похожего на Н.О. – довольно бессмысленное занятие. Самоцензура, понимаете ли. И пусть были блестящие строки «в стол», пусть были барды, диссиденты, самиздат – каких-то принципиальных ингредиентов всегда не хватало. Многочисленным примерам блестящего юмора всегда что-то мешало, чтобы он воспринимался так же непосредственно и натурально, как юмор Н.О.: либо политическая ангажированность и сатиричность, либо отсутствие его бесконечной словесной игры; либо и то и другое плюс повышенная эпиграмматичность и нацеленность на один сильный эффект в конце. Мне в голову приходит только один поэт, в текстах которого в некой мере я чувствую дух Олейникова – Дмитрий Пригов.

Мой брат таракан и сестра моя муха
Родные, что шепчете вы мне на ухо?
Ага, понимаю, что я, мол, подлец,
Что я вас давлю, а наш общий Отец
На небе бинокль к глазам свой подносит
И все замечает и в книгу заносит.
Так нет, не надейтесь, – когда б заносил
Что каждый его от рожденья просил,
То жизнь на земле уж давно б прогорела
Он в книгу заносит что нужно для дела.

Страшно далек Д.П. от Н.М., сорок лет разницы между ними не пролетели бесследно. Для Д.П. и имя давно придумано – концептуалист он, а Н.О. так и ходит, как «и примкнувший к ОБЭРИУ». Но все ингредиенты на месте: необычный взгляд на мир, талант, ирония и самоирония насчет всего самого главного. А уж заодно – и родные мухи с тараканами. Но, однако, Д.П. куда жестче. Больше о жизни и смерти – меньше о любви. Для соблазнений не требуется той цветистости, да и вообще лишних слов. Политику изъять не удастся, хотя он ее и изгоняет с поверхности. Написал несравненно больше, но и жил куда дольше. Концентрация, стало быть, ниже. Но: нет морализаторства; очень смешно и грустно; очень талантливо. Вот еще:

Иному Бог не доверяет
 Микроба малого – и тот
 До адской старости живет
 А к мне спокойно допускает
 И тараканов, и мышей
 И прочую скотину малую
 Он знает – я их не избалую
 Но и не выгоню взащей
 Убью, разве что

То есть Д.П. тоже чувствует свою тесную связь со всем, так сказать, живым – но своеобразно, и убить может. Циничнее, значит. А вот еще, одно из самых тонких:

Как некий волк свирепый и худой
 Бюрократизм который выгрызает
 Гляжу на справочку, но Боже мой!
 Вот из нее росточек выползает
 Смеется, плачет, ручками плескает
 И к солнцу тянется, и всякое такое
 Ведь как убить живое!
 Хоть и волк
 Конечно

Здесь живое (и волк и росточек) так сплетено с неживым, цитата (из Маяковского) – с оригинальностью, политика – с лирикой, что по степени концентрированности стих не уступает лучшим вещам Н. О. и других.

Словом, Олейников кого-то уже питал и кого-то будет питать. Бог с ним, с его названием и классификацией. Если попробовать предельно кратко сформулировать общее направление, которому следует творчество Олейникова, то, мне кажется, это будет примерно так: ирония относительно базисных принципов существования, своего рода **ироническая онтология**. Все наиболее важные для него темы – секс, любовь, еда (о которой я просто не упомянул), познание мира, неотъемлемая встроенность человека в природу, вплоть до идентичности с ней и ее представителями (птичко-рыбко-мухами) – подлежат пристальному и непременно ироническому осмыслению. Множество других, не менее важных, казалось бы, вещей – дружба, политика, социальные отношения, искусство, культура – рассмотрению практически не подлежат. Он отдает приоритет более существенным категориям – «базису», а не «надстройке», – так сказать. И тот факт, что Н.Олейников продемонстрировал, что именно базисные вещи могут быть предметом всесокрушающей поэтической иронии, имеет, на мой взгляд, огромное значение. Другой, не менее важный факт – он сделал это без цинизма. Он не мизантроп, но глубокий наблюдатель. Он тем самым создал – впервые – некий мир, в который может адекватно погрузиться любой человек, ощущающий всю грусть и абсурдность

нашего существования, всю несбыточность идеалов и недостижимость гармонии, но при этом не потерявший чувства самоиронии – единственного спасения от разъедающего скепсиса, неизбежно возникающего при размышлении о многих вещах. Его мир не трагичен, даже если порой трагичность проступает через пленку слов, – он снимает ее иронией. Он дает тем самым облегчение – а может быть, и катарсис... В этом его историческая важность, и в этом же главная причина того, что он всегда будет оставаться поэтом для немногих – тех, кто испытывает подобные комплексы. А еще для детей, у них комплексов нет, а науку о бытии им надо учить с самого начала. И если осмысленная ирония будет сопровождать их в этом процессе, они постигнут ее адекватно...

Литература

1. Л.Гинзбург. Николай Олейников. Перечитывая заново: Литературно-критические статьи, Ленинград, Художественная литература, 1989. с. 183–197.
2. Л.Гинзбург. Записные книжки. Воспоминания. Эссе, Искусство-СПБ, 2002.
3. Н.Лопарева. Новое зрение Н.Олейникова: Герой и пространство, автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата филологических наук, Тюмень, 2005, www.tmnlib.ru/DbFileHandler.axd?478.
4. С.Липовецкий, И.Мандель. Блестки редкого ума 1, Одесса, *Optimum*, 2006; И. Мандель, С. Липовецкий, Ю. Бобров. Блестки редкого ума 2, Одесса, *Optimum*, 2009; Ю. Бобров, С. Липовецкий, И. Мандель, Поэтрика – из написанного... <http://www.berkovich-zametki.com/2010/Zametki/Nomer9/Mandel1.php>.
5. С.Murray. Human accomplishments, HarperCollins, 2003.
6. И.Мандель. Реквием по всему с последующим разоблачением, <http://lebed.com/2010/art5677.htm>.
7. В.Глоцер. Мария Дурново. Мой муж Даниил Хармс, Москва, 2005.
8. И.Риникер. «И я был облит серной кислотой»: к вопросу о творческом поведении Николая Олейникова, Гуманитарные науки, 1, 1999 (3), 73–80.
9. Л.Липавский. Разговоры, 1934. <http://anthropology.rinet.ru/old/4/lipavski1.htm>.
10. Н.Олейников. Вулкан и Венера, Ретро, С.-Петербург, 2004.
11. Н.Олейников. Пучина страстей: Стихотворения и поэмы, Москва, Советский писатель, 1961.

Александр Матлин – инженер-строитель, специалист по морским портам и водным путям. В Москве писал сатирические рассказы и фельетоны и публиковал их в советской периодической печати. В начале семидесятых годов в популярной серии «Библиотека Крокодила» вышла его книжка «Вытalkingивающая сила». Гонорар за нее он истратил на отказ от советского гражданства и выездную визу в 1974 году. Он утверждает, что это были, как говорят в Америке, *“the best money he ever spent”*. В США продолжает проектировать

причалы и писать рассказы и стихи, которые регулярно публикуются в американских русскоязычных газетах и журналах. Многие из них ходят по интернету, зачастую без имени автора. В 2010 году в Москве, в издательстве «Вагриус» вышла книга Матлина «На троих с ЦРУ».

Стихотворения и проза*

Мое еврейское образование

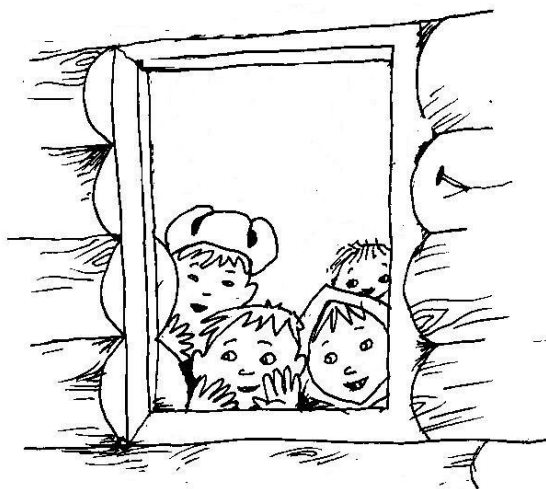
Было это более шестидесяти лет назад, но все отчетливо врезалось в мою память. По сей день стоит перед глазами серая деревня с невзрачными серыми срубовыми избами по обеим сторонам широкой, заросшей травой улицы. Это – Белый Яр, маленькое село на восточном берегу Волги, где-то между Куйбышевым и Ульяновском, куда эвакуирована наша семья. Считается, что здесь мы будем в безопасности от немцев, которые уже у Сталинграда и вот-вот начнут подниматься вверх по Волге. Здесь нет ни электричества, ни водопровода, ни канализации. Люди здесь странно говорят, странно себя ведут, и почти всех мальчишек в деревне зовут одинаково: Шурка. Я – Александр, то есть тоже Шурка; поэтому я должен вписываться в это общество. Но я не вписываюсь. Для местных жителей мы – эвакуированные, «куированы», как они говорят, – смешные и непонятные существа из большого города, то есть из далекого мира, о котором они знают разве что понаслышке.

Каждый день с утра до вечера несколько мальчишеских лиц торчат в окнах нашей избы, с любопытством разглядывая нас и нашу

---

* Опубликовано в еженедельниках «Панорама», «Еврейский мир», «Секрет», интернетном журнале «Заметки по еврейской истории» (ред. Е.Беркович), Нью-Йоркском альманахе «Время и место» и в книге автора «На троих с ЦРУ» (изд. «Вагриус», Москва, 2010). Прочитаны на заседании Миллбурнского литературного клуба 12 ноября 2011 года.

единственную комнату. Занавесок у нас нет, а если бы они и были, мы бы не могли занавесить окна. Закрывать свое жилище было бы оскорблением для местных жителей, признаком крайнего неуважения. Иногда мальчишки – те, которые посмелее – заходят в избу и молча сидят у двери, наблюдая, как мы ужинаем, читаем книги, или просто передвигаемся по избе. Они не стучат в дверь, не спрашивают разрешения войти и не здороваются; этих атрибутов нет в их культуре. Они просто сидят и смотрят. Мы тоже смотрим на них, потому что, если не смотреть, они тут же своруют то, что попадет под руку – ложку, катушку ниток, кусок хлеба. Ясно, что в их культуре воровство – это обычная норма поведения.

Однажды в конце лета мы видим, как по селу ходит учительница начальной школы. Она заходит в каждую избу и записывает детей, которым исполнилось восемь лет; эти дети должны первого сентября идти в школу. Мне еще только семь, но я бегло читаю, умею писать и могу считать до ста, а то и больше. Я прочитал и запомнил наизусть множество стихов Пушкина и Некрасова, и мне безумно скучно дома. Я просто умираю от желания поскорее пойти в школу. Я страстно прошу учительницу записать меня в первый класс, я умоляю, я плачу навзрыд, и в конце концов жалость берет свое: меня принимают в школу. Ура!

Первый день в школе начинается с переключки. Учительница, глядя в классный журнал, по очереди называет фамилии детей, и тот, кого она назвала, должен встать и ответить на два вопроса: 1) когда твой день рождения? и 2) какая твоя национальность? Подходит моя очередь, и я чувствую себя растерянным. Я не знаю, что такое национальность. Эти деревенские восьмилетние мальчишки и девочки, которые еле-еле могут считать до десяти и не знают ни одной буквы, на вопрос о национальности отвечают без запинки: русский. А кто я?

– В чем дело, Матлин? – говорит учительница. – Ты что, не знаешь своей национальности? Тогда спроси у своей мамы.

- Наверно он еврей, - раздаётся голос с задней парты, и весь класс взрывается от хохота. Сама по себе идея, что кто-то может быть евреем, очень смешна. Эти мальчики и девочки знают, что «еврей» - это что-то вроде национальности, но они никогда не видели еврея. Они часто используют слово «еврей», когда дразнят друг друга. Это - обидное слово, что-то вроде «дурак» или «засранец». Это слово часто используется в выражениях «жадный, как еврей» или «трусливый, как еврей» или «хитрый, как еврей». Конечно же, нормальный живой человек не может быть евреем.

У меня - другое воспитание. Я - из цивилизованного мира, из Ленинграда. Тем не менее, мое знание о том, что такое еврей, мало отличается от знания этих деревенских детей. Так же, как для них, для меня слово «еврей» - это просто ругательное слово. Мои родители - евреи, но я об этом не знаю, и они со мной об этом никогда не говорят. Как большинство советских евреев, они полностью ассимилированы, они атеисты, и этим гордятся.

Они с готовностью приняли официальные советские догмы, такие как: а) религия - опиум для народа, б) русская культура - это наша

культура, и мы такие же граждане, как и все, и в) еврейские традиции, которые соблюдали наши дореволюционные родители, – это старомодно, местечково и неприлично. Все это, впрочем, не мешает им быть чувствительными и нетерпимыми ко всякому проявлению антисемитизма.

Я помню тот день, первое сентября 1943 года. Я возвращаюсь домой из школы с мучительно-жгучим вопросом, застрявшим в моей детской голове: кто я такой?

– Мама, какая моя национальность?

Моя мать отвечает не сразу, и по тому, как она говорит – медленно, взвешивая каждое слово – я чувствую, что для нее это – не простая тема.

– Видишь ли, – говорит она, почему-то не глядя мне в глаза, – Я думала, что ты уже знаешь... мы – евреи... да, евреи, но этого не надо стесняться. Мы – евреи, но мы нисколько не отличаемся от других людей. Мы – евреи, но... Но, но, но... Эти «но» не помогают мне сдерживать рыдания. Если я не должен отличаться от других, то почему на самом деле я отличаюсь? За что? Что я такого сделал, чтобы быть евреем, объектом насмешек и издевательств?..

Следующий день знаменует собой первый день моего еврейского самосознания.

– Ну что, Матлин, – говорит учительница, – ты выяснил, какая твоя национальность?

Я встаю, как полагается, и, глядя в пол, шепчу, давась каждым словом:

– Я... я... еврей.

– Хорошо, Матлин, ты – еврей, – громко повторяет учительница. – Ну что ж? Это – ничего.

Весь класс разражается хохотом, с которым учительница несколько минут не может справиться. В конце концов, она приводит веселящийся коллектив к порядку.

– Дети, – говорит она, – вы не должны смеяться. В нашем советском социалистическом обществе все национальности равны. Евреи – это наши, советские граждане, поэтому они тоже равны.

Класс окончательно умолкает. И в этой, неожиданно наступившей тишине, снова раздается голос с задней парты:

– Эй, равный Абрам, скажи кукуруза!

Класс опять взрывается от хохота, и я вижу, как учительница ниже склоняется к журналу, с трудом сдерживая улыбку. «Абрам, скажи кукуруза» – это очень смешно. Вообще, все, что касается евреев, – очень смешно...

Такой был мой первый класс по Иудаизму. С тех прошло два раза по тридцать лет: Первые тридцать лет – до того, как я уехал из Советского Союза, а потом – еще тридцать после того, как я уехал и стал американцем. Сегодня, когда я знакомлюсь с американскими евреями, они обычно спрашивают:

- В те годы, когда вы жили в России, вы не соблюдали религиозных традиций, правда? Но скажите, вы получили какое-нибудь еврейское образование?

Первые тридцать семь лет жизни всплывают в моей памяти, и я отвечаю без колебаний:

- О, да! Еще какое!

Глаголом жечь сердца до самого конца

Посвящается моим друзьям – эмигрантам из России

Прекрасно жить в свободных Штатах
При обеспеченных харчах,
При службе, при больших зарплатах,
Автомобилях и домах!

Здесь лишь одно немного грустно:
Язык – не тот, не как в Москве.
Не говорят они по-русски,
Хоть кол теши на голове!

Но к трудностям такого сорта
Любой из нас уже привык.
Мы *спикаем* по-русски гордо,
Мы *кипаем* родной язык.

Мы соль не *спилаем* на раны,
Подругу *киссаем* вчасос,
На службе *ранаем* программы,
Когда *реквестает* наш босс.

Мы *дринкаем* сухие вина,
Энджоем собственный уют,
Мы лихо *драйваем* машины,
Берем хайвей (когда дают).

Когда *окюрится* возможность,
Возьмем э *фью* денечков *офф*,
Махнем в *апстейт* по бездорожью,
В лесу *напикаем* грибов,

Накукаем такой закуски,
Какой не видел целый свет!
Дринкнем как следует, по-русски!
Факнем жену на склоне лет!

А то – возьмем большой *вакейшен*,
Допустим, парочку недель,
В Париже, в *дистрикте* старейшем
Себе *забукаем* отель.

А там – и Рим не за горами,
Мадрид, Берлин, едрена мать!
Мы будем *шопать* в Амстердаме!
Мы будем в Праге *ланчевать*!

При наших при больших зарплатах
Нам вся Европа по плечу!
Ах, хорошо в *Юнайтед* Штатах!
Эх, травеляй, куда хочу!

Аппрочает весенний вечер,
Даркнеет – прямо на ходу.
Стихают речи, гаснут свечи,
И Пушкин *спинает* в гробу.

Поэма о дружбе

Предупреждение автора: все персонажи этой поэмы
– полностью выдуманы и никаких реальных
прототипов не подразумевают.

Дело было в воскресенье
Или даже в понедельник
(Если только не в субботу).
Мы сидели вчетвером –
Миша, Саша и Сережа
И, конечно же, Володя
(Потому что без Володи
Получалось бы втроем).

Мы сидели на скамейке,
А, возможно, – на террасе,
Или даже на диване,
Или просто за столом.
Мы, конечно, выпивали
И закусывали тоже,
Потому что без закуски
Мы давно уже не пьем.

Мы вели неторопливо
Утонченную беседу
(Слава Богу, интеллекта
Нам не надо занимать),
А хозяйка дома Алла
Нам закуску подавала,
Потому что водку сами
Мы умеем наливать.

Мы неспешно говорили
 Про Верлена и Пикассо,
 Про Булгакова и Рильке,
 Про вино и про коньяк,
 Про Кандинского и Шнитке
 И про прочие напитки,
 Потому что, как известно,
 Выпить каждый не дурак.

- Господа! - промолвил Миша, -
 Как прекрасна наша дружба!
 Наша дружба, прямо скажем,
 Нерушима, как скала!
 - Как скала! - сказали Саша
 И Сережа и Володя,
 А хозяйка дома Алла
 Нам селедку подала.

Тут мы выпили за дружбу
 И отдельно за Сережу,
 За Володю, Мишу, Сашу -
 Замечательных ребят.
 За хозяйку дома тоже
 Мы бы выпили, конечно,
 Но она была на кухне,
 Срочно делала салат.

- Господа! - сказал Сережа, -
 Почему бы нам не выпить
 За Америку, где столько
 Есть лесов, полей и рек!
 - Я, - сказал он, - знаю много,
 Я учился в институте,
 Но другой страны не знаю,
 Где так дышит человек!

- За Америку! - сказали
 Саша, Миша и Володя,
 Рюмки разом опрокинув,
 Как положено, до дна.
 И добавил тут Володя:
 - Если б не республиканцы,
 То была б еще прекрасней
 Наша славная страна.

- Этот Буш, - сказал Володя,
 Развивая мысль дальше, -
 Он сидит у нас в печенках,
 Он страну завел в тупик,

Он нас держит в полном мраке,
Он ведет войну в Ираке,
Он коверкает безбожно
Наш возвышенный язык!

- Не свисти! - сказал Сережа,
Отрываясь от закуски. -
Мне тебя противно слушать!
Буш - прекрасный президент!
Он снижает нам налоги,
С терроризмом беспощадно
Он воюет. Это главный
И существенный момент!

- А твои, - сказал Сережа,
Развивая мысль дальше, -
А твои-то демократы!
Мне на них тошнит смотреть!
Клинтон, Шумер, Керри, Эдвардс,
Эта - как ее - Пелоси -
Идиот на идиоте,
Это ж можно обалдеть!

- Господа! - вмешался Миша, -
Вы, пардон, неправы оба.
Буш и Чейни, Гор и Клинтон -
Каждый сволочь и дурак.
Нам нужна страна такая,
Чтоб заботилась о людях,
Как заботится Обама,
Замечательный Барак.

- Ты кретин, - сказал Сережа,
- Идиот, - заметил Саша,
А Володя, горько сплонув,
Молвил: - Парень я не злой,
Но скажу вам откровенно:
Все вы гады и подлюки,
Так что все идите на фиг,
Ну, а я пошел домой!

- Я, - сказал Сережа, - тоже.
- Я, - сказал Сережа, - больше
Ни минуты в этом доме
Находиться не могу!
Тут и Миша, побледневши,
Молча бросился на выход,
Свою кожаную куртку
Надевая на бегу.

Опустел в одно мгновенье
 Сашин дом гостеприимный.
 На столе теплела водка,
 Гнил ненужный виноград,
 Стало слышно, как на кухне
 Тихо звякает посуда.
 Это Алла убирала
 Недоеденный салат.

- Боже мой! - заплакал Саша, -
 Как же с нашей вечной дружбой?
 С кем теперь я про Пикассо
 Буду страстно говорить?
 С кем делиться интеллектом
 Про Кандинского и Рильке?
 - Ничего, - сказала Алла, -
 Мне посуды меньше мыть.

Прощай, Америка!

Прощай, страна моя родная!
 Прощай, Америка! Вот-вот
 Над континентом засияет
 Социализма небосвод.

От Сан-Диего до Детройта,
 От Айдахо до Теннесси
 Мы наш, мы новый мир построим,
 Как на советской, на Руси.

Долой капитализма рабство!
 Мы без сомнений и помех
 Перераспределим богатство,
 Чтоб было поровну у всех.

Получат равные зарплаты
 Все дети солнечной страны.
 Не будет бедных и богатых,
 Бедны все будут, но равны.

Мы к цели рвемся неуклонно,
 Уж наши чаянья близки,
 Уже построены в колонны
Acorn'а славные полки.

Звучит сигнал: вперед, к надежде!
 Народ ликует: *Yes, we can!*
 И скромный ОН в простой одежде
 Нас к горизонту перемен

Ведет. Раздумывать не нужно:
ОН руку держит на руле.
А мы протянем руку дружбы
Венесуэле, Хезболе,

Хамасу, Северной Корее,
Ирану, Кубе – всем подряд.
Мы извинимся, покраснеем,
И нас, наверное, простят.

Мы их накормим – всех, конечно,
(Ведь больше нет у нас врагов),
И будет нас любить сердечно
Весь мир голодных и рабов.

Не будет нам пути обратно,
Мы, как один, пойдем вперед,
Мы будем всех лечить бесплатно,
Чтоб здоровел у нас народ,

Мы будем все любить друг друга,
ЕГО, родного, – обожать.
Мы запретим и нефть, и уголь,
Планету чтоб не засорять.

В своем стремлении упорном
Убить капитализма зло
Мы остановим *global warming* –
Преступных бизнесов тепло.

И будут дети повсеместно
Стихами хором говорить,
Родного лидера за детство
Счастливого благодарить.

Не станут поклоняться люди
Неузаконенным богам.
В особенном почете будет
ЕГО религия – ислам.

Ни христианство, ни еврейство
Не будут более в ходу.
А ЦРУ, гнездо злодейства,
Мы просто привлечем к суду.

А следом – мы в победном звоне
Врагов начнем крушить вразнос,
Засевших тайно в Пентагоне
И на TV, в канале Fox.

Партийных разногласий раны
Пройдут, как сон, сойдут, как снег,
И все республиканцы станут,
Социалистами навек.

Все будут счастливы, до страсти
Себя и ближнего любя.
А если кто не будет счастлив –
Пускай пеняет на себя.

Темнеет небо, блещут звезды,
Сковал мороз течение рек.
И бьет озноб: неужто поздно
Остановить безумства бег?

Как мы ни прятались, опять нам
Грозит социализма зверь.
Все так знакомо! Так понятно!
Опять бежать? Куда теперь?

Элиэзер Рабинович – родился в 1937 году в Москве. Кандидат наук в области технического стекла, автор около ста научных статей. В 1968 – 1970 гг. писал статьи на исторические и политические темы для «Нового мира», выходившего тогда под редакцией Твардовского. В 1974 году эмигрировал в Израиль, а в конце 1980 года переехал в США. До выхода на пенсию в 2001 году он работал в “Bell Laboratories”. В эмиграции продолжал публиковать статьи на различные темы на двух языках. Среди его статей: «Эхнатон и евреи – кто

был первым монотеистом?», «Сотрудничали ли сионисты с нацистами?», «Трое из раздавленного поколения» о жизни и казни в 1938 году главного московского раввина Ш.-Л. Медалье (деда автора) и об аресте отца. У Рабиновича две дочери и четверо внуков. Живет с женой Гесей в Нью-Джерси.

Посвящается памяти Юрия Григорьевича Буртина

Заметки о «Новом мире» Твардовского и о Твардовском *

Скольким душам был я нужен,
Без которых нет меня!

Александр Твардовский. «Василий Теркин»

Когда-то, в 1968 – 1970 годах, я сотрудничал с «Новым миром», главным редактором которого был Александр Твардовский. Я писал рецензии для политической секции «Книжного обозрения» – этот раздел возглавлял Юрий Григорьевич Буртин. В 2000 году он разыскал меня по телефону из Москвы и попросил написать статью-воспоминание для готовившегося сборника к 90-летию со дня рождения Твардовского. Я писал статью месяц – за это время, к огромному сожалению, Буртин заболел и вскоре умер. Сборник так и не был осуществлен. Сейчас я предлагаю написанную тогда статью вниманию читателей настоящего сборника (в 2010 году исполнилось 100 лет со дня рождения Твардовского).

---

* Статья была опубликована в «Альманахе 2009», изд-во Клуба русских писателей, Нью-Йорк, 2009, ред. Е.Любин и М.Майзель и в интернетном журнале «Семь искусств», № 2(3), 2010, ред. Е.Беркович. Основные ее положения были изложены на заседании Миллбурнского литературного клуба 9-го января 2010 года.

Чтобы ответить на вопрос Буртина, что я помню и думаю о Твардовском и «Новом мире» 60-х годов, надо было вспомнить предшествующее время и то ощущение террора, с которым мы росли. За всю историю человечества не было времени более жестокого, чем первая половина XX века в Европе: ни при Иване Грозном, ни при татарском иге, ни при испанской инквизиции (может быть, позже – в Камбодже Пол Пота), времени, когда Зло прочно сидело на троне и казалось, что, по словам Ницше, «Бог умер!» Ни одна страна, даже гитлеровская Германия, не знала такого масштаба репрессий против собственного народа, как СССР, где никакое свежее слово, никакое расхождение во мнениях не допускалось, даже если это расхождение было только по форме, а не по существу.

**Юрий Григорьевич Буртин,
около 1954 года**

Когда 5 марта 1953 года этот период, наконец, закончился для народов Советского Союза, все структуры нормальной жизни лежали в руинах: семейные отношения, экономика, общественная и социальная мысль. Восстановление общественной жизни хотя бы до уровня 1913 года (с которым в то время было принято сравнивать все экономические «достижения» системы) не могло быть быстрым, по крайней мере, по трем причинам. Первой и главной было то, что новое правительство, хотя и понимало, что надо немного отпустить вожжи (Эренбург окрестил тот период «оттепелью»), отнюдь не собиралось менять систему. Пусть уже не сажали совсем ни за что, но любые попытки выйти за пределы разрешенной дискуссии по-прежнему безжалостно

подавлялись, и политические заключенные, пострадавшие за устное или письменное слово, были в Союзе до конца режима. Поэтому зло – гениальная ленинско-сталинская постройка, эволюционируя, слабея, становясь мягче, все же сумела пережить Сталина на те же 36 лет, на которые он сам пережил ее основание. Второй причиной было то, что не так уж много носителей высокой культуры осталось на месте после Сталина: более счастливые из них (Бунин, Набоков) были на Западе, большинства же просто не было в живых. А в-третьих, народ, голодный и босой, жил, в массе своей, с промытыми мозгами; как Адам и Ева, ел одно яблоко на двоих (если было), но думал, что живет в раю.

В этих условиях новое поколение интеллигенции начало восстанавливать общественную и социальную жизнь. Во главе официальной части этого процесса могли стать только люди, которые сами не были чужды системе, например, Твардовский, который был даже членом ЦК партии. Вначале допускались столь малые вариации, что сегодняшним глазом и не отличит их от самой строгой прежней линии, а тогда они казались чуть ли не революцией в мышлении. В 1956 году все стремились поскорее прочесть «Не хлебом единым» Дудинцева, передавали друг другу, обсуждали – почти первое свежее слово после смерти Сталина. Сегодня вряд ли эту книгу читают, но на короткое время Дудинцев сумел стать властителем дум либеральной интеллигенции. И журналы, раньше все одинаковые, стали дифференцироваться в зависимости от того, кто стоял во главе. Некоторые, как «Октябрь» Кочетова, пошли по пути абсолютной верности старому пути, который был милее сердцу и нового правительства; Твардовский же избрал для «Нового мира» путь максимально возможного либерализма и не боялся пробовать раздвинуть границы дозволенного.

Есть школа мысли, что только вечное достойно называться искусством или словесностью, скажем, Гомер, Микеланджело, Шекспир, Пушкин, а то, что живет дни или одно поколение, не заслуживает серьезного отношения. Я не согласен с этим подходом. Журналистика, ораторское искусство – вещи сугубо временные («Читал охотно Апулея, а Цицерона не читал»), но они так же нужны для текущего духовного существования, как скоропортящиеся продукты для существования физического. Понятно, однако, что мы не будем сейчас пить молоко, выдоенное во времена Римской республики, даже если археологи и откапают нам амфору. «Новый мир» Твардовского тоже стал властителем дум и светом в окошке, и интеллигенция жадно ждала каждого номера. И редактор, и редколлегия, и, стало быть, журнал росли со временем, печатая все более интересные и дерзкие вещи. Конечно, самым большим «уловом» журнала был Солженицын. Вряд ли кто-нибудь сомневается в крупности того, что Солженицын сделал до эмиграции, когда он писал о том, что видел своими глазами: «Раковый корпус», «В круге первом», маленькие рассказы и, конечно, «Архипелаг ГУЛАГ». Это были первые книги, написанные, я бы сказал, в режиме абсолюта – без компромисса и эзоповского языка, – где вещи назывались своими именами. Поэтому они и сейчас читаются. В мемуарах «Бодался теленок с дубом» Солженицын немного упрекает Твардовского за «долгую» (всего лишь 11 месяцев) задержку публикации: почему он, дескать, не снял трубку и прямо не позвонил Хрущеву за разрешением, а действовал через аппарат ЦК. Но речь шла об открытии совершенно нового и неиспытанного рубежа для официальной советской литературы, и если бы Твардовский позвонил неподготовленному Хрущеву, попал на неподходящее настроение и получил отказ, это было бы последнее слово, и печатный (в России) Солженицын не существовал

бы еще четверть века. А ведь все – и последующая легкость доступа в самиздат и коммерческий тамиздат, и Нобелевская премия, и относительная мягкость обращения властей в период реакции (всего лишь выслали из страны, тогда как других писателей сажали) – все было результатом кратковременной официальной славы Солженицына в СССР, славы, созданной Твардовским и «Новым миром». Из воспоминаний самого Солженицына следует, что Твардовский почти единолично боролся за «Ивана Денисовича», у него даже не было поддержки собственной редколлегии, так как же он мог бросить эту бомбу на голову Хрущева без сильной артподготовки?

Мое недолгое участие в журнале началось так. В стране, где все, что касалось Библии, было под запретом, неожиданно была напечатана (и тут же расхvatана) книга польского журналиста Косидовского «Библейские сказания», которую все восприняли с восторгом. Я знал немного больше – в нашей семье была Библия, и книга Косидовского меня раздражала многими неточностями и, порой, богохульством. Ни с кем не сговорившись, я написал критическую статью и стал искать, где бы ее напечатать. Начал с «Науки и религии», но редактор сказал, что уважительная статья о Библии не пойдет – я, дескать, не показал, сколько в Библии всякой «чепухи». Тогда я послал статью в «Новый мир».

Быстро пришел ответ от Буртина, в котором он с сожалением отвергал мою статью только потому, что у него уже была заказана рецензия на эту книгу. Он предложил мне найти какую-нибудь другую книгу для рецензирования. Я было принял это за простую вежливость, но Буртин подтвердил свое предложение звонком. Мое трехлетнее сотрудничество закончилось в 1970 году, вскоре после того, как Твардовский был снят с поста главного редактора и почти весь редакционный состав, включая Буртина, ушел в знак протеста.

Секция «Книжное обозрение» была одной из наиболее интересных в журнале. Неофициозные вещи можно было излагать только эзоповским языком, и эту специфическую культуру чтения «между строк» можно было легче всего реализовать как бы между прочим, комментируя ту или иную книгу. В письме-воспоминании в редакцию журнала «Континент» (№ 75, 1993) Юрий Буртин писал:

Одним из главных приемов эзопова языка тогдашней «новомирской публицистики» была аллюзия: острая современная тема обсуждалась на каком-нибудь отдаленном, политически нейтральном материале, камуфлировалась реалиями иных эпох и стран. ...Значительную часть своих «вылазок» публицисты «Нового мира» совершали в невиннейшем жанре рецензии... Первая «пристрелка» к теме состоялась в рецензии-коротышке за подписью «Э.Р.» (инициалы кандидата технических наук Э.М. Рабиновича) на книгу польского автора Зенона Косидовского «Когда солнце было богом» (№4, 1969). В качестве центрального рецензента извлек из книги рассказ об одном из первых в истории политических реформаторов Урукагине, который... провел в Лагаше (Месопотамия) реформы в пользу трудящихся. Хотя Урукагина и не

думал посягать на установившийся социальный строй, его «либеральные реформы вызвали среди рабовладельческой аристократии остальных шумерских городов сильнейшую тревогу». В результате царь города Уммы «внезапно напал на Лагаши, опустошил его, а Уракагину... вероятно, взял в плен и убил» – прямая параллель с подвигами «рабовладельческой аристократии» Москвы, Берлина, Варшавы, Будапешта и Бухареста, внезапно напавшей на «либеральную» Прагу...

Еще до этого, в сентябре 1968 года, в большой рецензии на книгу американского философа Данэма «Герои и еретики» я цитировал его идеи о том, что руководство диктаторского толка всегда нуждается в подавлении любых новых идеологических течений просто для того, чтобы сохранить власть. Последней оказалась рецензия на новое издание «Трактатов» Руссо, в котором я сопоставлял его идеологию с последующим террором якобинцев и показывал, как опасно может быть слепое следование идеологии. Буртин было принял эту статью, но тут же ушел в отставку. Статья осталась в портфеле редакции. К моему удивлению, меня вскоре пригласил новый замредактора, попросил внести небольшие поправки и напечатал статью. Больше я своих услуг «Новому миру» не предлагал, а вскоре (в начале 1974 года) покинул страну.

У меня хранятся те журналы, но тридцать лет я свои статьи не перечитывал. Однако короткое сотрудничество с «Новым миром» Твардовского остается для меня предметом гордости, я и сейчас иной раз могу этим похвастаться. Недавно кто-то из друзей попросил почитать те статьи. Я, для начала, перечитал сам и... не дал. Показалось – если не стыдно, то как-то неудобно. Слишком далеко я ушел, уже более 35 лет не пользуюсь тем языком, разучился читать между строк, а пишу и говорю, что думаю. Тогда я гордился антисоветскими находками-намекками, которые могли проскочить через цензуру, а сейчас они кажутся беззубыми и почти просоветскими, а потому лицемерными. Что ж, «блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел...»

Что меня поразило тогда – это та культура журнала, при которой человек безо всякого формального отношения к литературе, как я (я – специалист в области технического стекла), и безо всякой рекомендации мог войти в редакцию ведущего журнала, положить на стол свой материал и быть принятым всерьез. Редакторов не интересовало, есть ли у меня гуманитарное образование и «право» писать на исторические и философские темы, а только одно: есть ли у меня что сказать. Поскольку они решили, что есть, меня печатали. Юрий Григорьевич не отверг ни одной предложенной мной для рецензирования книги и, после неудачи с Косидовским, ни одной моей рецензии. Эта необыкновенная культура, при которой любой мог претендовать на внимание в журнале, и была ответственна за то центральное положение, которое занял «Новый мир» того времени. Ведь и Солженицын был

совершенно неизвестен, когда Копелев принес «Ивана Денисовича» в редакцию.

Я помню две фразы Буртина, сказанные о журнале. Одна – в нашу последнюю встречу в редакции, когда мы вышли из здания и вместе пошли, кажется, по Пушкинской улице: «Может, мы когда-нибудь и возродимся... в какой-то форме». Другая, сказанная по телефону в 2000 году, – когда он попросил меня написать о «нашем журнале покойном». Мне больше по душе первая фраза. «Новый мир» редколлегии Твардовского покоен не более чем покойно зерно, сложенное до весны в элеваторе, а затем вновь брошенное в землю. А откуда же вся эта теперешняя свобода слова, как не из того зерна? Сегодняшняя общественно-социальная жизнь бывшего Союза далеко ушла и от Дудинцева, и от «Нового мира» 60-х, ну и слава Богу, что ушла; влияние и значение журнала не были бы столь важными, если бы не ушла. «Блажен, кто смолоду был молод, блажен, кто вовремя созрел...»

Твардовского лично я не знал и видел в редакции только раз. Впервые я услышал о нем не как о поэте, а как о человеке в 1952 или 1953 году. Три года (1951 – 1953) я проводил летние каникулы в сибирской деревне Большая Мурта (110 км севернее Красноярска), где мой отец жил в ссылке. Навестить ссыльную подругу (в прошлом – профессора английского языка) приехала переводчица Наталья Альбертовна Волжина («Форсайты», «По ком звонит колокол», «Овод»). Это была опасная поездка для члена Союза писателей, и Н.А. очень старалась, чтобы о ней не знал никто из литературных знакомых. Но вот при возвращении она зашла в ресторан красноярского аэропорта и... пулей выскочила оттуда. «За столом, – писала она в письме, – сидел отец Василия Теркина со знакомым редактором. К счастью, они были вдрызг пьяны и меня не заметили».

В те страшные годы порядочность была в глубоком подполье, и Н.А. не могла знать, что Твардовский был порядочен и потому безопасен. Понятие порядочности в той форме, как ее знают в России, не существует на Западе, и английское слово *“decency”* имеет слегка другой оттенок. Там, где сама система порядочна, не предъявляются такие строгие требования к личной порядочности индивидуума, как в Советском Союзе, где это качество было почти единственной формой групповой защиты от враждебного правительства. У Фазиля Искандера есть такой диалог (в рассказе «Летним днем»):

– Но ведь она, порядочность, не могла победить режим?

– Конечно нет... То, что я называю порядочностью, приобретало бы еще больший смысл как средство сохранить нравственные мускулы нации для более или менее подходящего исторического момента.

Это верно, но порядочность в условиях диктатуры, доносов, арестов и казней имеет и большое немедленное утилитарное значение: просто находиться рядом с порядочным человеком безопаснее.

В тот 1952 или 1953 год Твардовский еще не написал строки:

Титульный разворот «Василия Теркина», изданного к 60-летию А.Т. Твардовского (подарок автору воспоминаний)

Был ли Твардовский большим поэтом? В XX веке, несмотря на резню, в России остались многотомники Блока, Гумилева, Ахматовой, Мандельштама, Цветаевой, Пастернака... Твардовский не претендовал на место в этом блистательном ряду. Он признавал временную, а не вечную ценность «Теркина» в наиболее, на мой взгляд, поэтическо-философской последней главе поэмы – «От автора»:

Теркин, Теркин, в самом деле,
 Час настал, войне отбой.
 И как будто устарели
 Тотчас оба мы с тобой.
 .....
 Скольких их на свете нету,
 Что прочли тебя, поэт,
 словно бедной книге этой
 Много, много, много лет.
 И сказать, помывшись здраво:
 Что ей будущая слава!
 .....
 Я мечтал о существе чуде:
 Чтоб от выдумки моей
 На войне живущим людям
 Было, может быть, теплей...

Я думаю, что он этого добился и солдаты на войне читали Твардовского, а не Ахматову и Пастернака. И – лукавый камешек в огород «тех» поэтов:

Пусть читатель вероятный
Скажет с книжкой в руке:
– Вот стихи, а все понятно,
Все на русском языке...

Хотя любой писатель выражает себя в своих книгах, автор прозы обычно не раскрывает душу, а вот поэт раскрывает. Твардовский раскрывает, и потому он – поэт. Это заключение к «Теркину» отдает такой искренностью, что, кажется мне, прочти я его пятьдесят лет назад (особенно строки, вынесенные в эпитафию), ничего не зная об авторе, я бы сразу проникся к нему личным доверием. Человек с большим и ранимым сердцем. Стало быть, крупный человек.

Не будучи в России, я не знаю, читают ли сейчас «Теркина», но сомневаюсь. Почему же его слава не вечна? Дело, к сожалению, все-таки в полуправде. Автор писал в начале:

А всего иного пуще
Не прожить наверняка –
Без чего? Без правды сущей,
Правды, прямо в душу бьющей,
Да была б она погуще,
Как бы ни была горька.

И в конце:

...случалось, врал для смеху,
Никогда не лгал для лжи.

Написано так искренне, что хочется верить. Солженицын писал в «Теленке» (1974), что «не имея свободы сказать полную правду о войне, Твардовский останавливался однако перед всякой ложью на последнем миллиметре, нигде этого миллиметра не переступил, нигде! – оттого и вышло чудо». Мне это так не кажется, во всяком случае, сейчас, через 65 лет после окончания войны и поэмы. Основной неправдой является то, что Теркин у Твардовского – свободной человек армии свободной страны, сражающейся за свободу. Это не солдат, за спиной которого стоит СМЕРШ, готовый расстрелять его, если при атаке он повернет назад, и от которого откажется страна, если он попадет в плен; не крестьянин, раскулаченные родственники которого томятся по лагерям и ссылкам, а другие трудятся на барщине в колхозе без крохи хлеба.

Никто не может обвинять Твардовского в том, что он так писал. А кто из тех, кто печатался, писал тогда иначе? Многие книги, стихи того времени были мертворожденными в момент, когда они были написаны. «Теркин» – нет, он имел яркую и продолжительную жизнь. В то время и Гроссман писал «За правое дело», а не «Жизнь и судьбу» и «Все течет».

Если бы не эти последние книги, кто бы сегодня читал или хотя бы помнил Гроссмана?

Александр Твардовский созрел в период безграничного Зла, взлетел высоко и бывал среди злодеев, сам зла не делая и заливая противоречие водкой. Он не стал героем и не повернул судьбы мира или своего народа, но очень старался оставить по себе добрую память и сделал больше добра, чем удастся многим людям. Я думаю, что, подобно булгаковскому Мастеру, он заслужил Покой.

Юрий Солодкин – родился и всю жизнь до отъезда в Америку прожил в Новосибирске. Прошел все ступени научного сотрудника – от аспиранта до доктора технических наук, профессора. В Америке с 1996 года. Работает в метрологической лаборатории в Ньюарке. Рифмованные строчки любил писать всегда, но только в Америке стал заниматься этим серьезно. В итоге, в России вышло к этому времени семь поэтических сборников.

Спорят маленькие дети...

*Спорят маленькие дети,
Кто главнее всех на свете.
А главнее всех на свете
Сами маленькие дети.*

Надо знать эту знать

Слон

Его Величеству Слону
Глотать приходится слону.
Уже он булок съел, не счесть,
Но все равно он хочет есть.
Такое он величество –
Мало ему количество.

Жираф

Его Высочество Жираф,
Повыше он любого графа,
И автор несомненно прав,
Назвав высочеством Жирафа.

Жирафья шея, словно взлет,
Взлетела ввысь его головка,
До каждой ветки достает,
И листья с веток ест он ловко.

Верблюды

Плывет в пустыне кораблем,
Сльвет в барханах королем

Верблюду, его Песочество.
Из всех предпочитает блюд
Колочки жесткие Верблюду,
И пить ему не хочется.

Муравей

Их Благородье Муравей –
Не благородных он кровей,
Но все же величаю я
Их Благородьем Муравья.
Трудиться всем бы, как ему,
На благо роду своему.

Светлячок

Ваша Светлость, Светлячок,
Вы один такой жучок,
Ваше брюшко ярко светит
В темноте, как маячок.
Свет летает над травой
И мерцает, как живой.

Кит

По размерам он огромен,
По натуре очень скромн,
Ест всегда один планктон,
Весит много-много тонн.
Превосходит всех зверей
Он огромностью своей,
Но нет ни в чем вредительства
От их Превосходительства.

Удав

Их Обнимательство Удав,
Но не спеши к нему ты в гости.
Тебе опомниться не дав,
Он все переломает кости.
Не потому, что он не в духе,
Не от любви, а с голодухи.

Павлин

Слиянье всех цветов и линий
Неповторимый хвост павлиний,

И на полярное сияние
Похоже дивное слияние.

И хоть породы он куриной,
Павлин походкой ходит чинной,
И никакие обстоятельства
Смутить не могут их Сиятельства.

Мальши

Ваша Милость, малыши,
Котятя-поросята,
И милы, и хороши
Все-превсе зверята.
А стоит только вырасти –
И нету больше милости.

Есть ли ушки у лягушки?

Паук

Если сеть плетет паук,
То мелькают восемь рук.
И по сетке между сосен
Семят все те же восемь.

Залетевших в сетку мух
Вмиг хватают восемь рук.
Тронешь палкой, наутек
Удирают восемь ног.

Не поймешь, у паука
Где нога, а где рука.

Лягушки

Есть ли ушки у лягушки?
Есть, решили две подружки.
А иначе бы лягушки
Разве квакали друг дружке.

Кошки

Интересно все же,
Почему такое –

Кошки ходят лежа,
Люди ходят стоя.

Встав на четвереньки,
Я прошла немножко,
Даже на ступеньки
Поднялась, как кошка.

Научить же кошку,
Чтоб ходила стоя
Хоть совсем немножко –
Дело непростое.

Интересно все же,
Почему такое –
Кошки ходят лежа,
Люди ходят стоя.

Ослинка

У мамы Ослихи и папы Осла
Упрямая дочка Ослинка росла.
Глаза у Ослинки – две черных маслинки,
И ножки стройны, как четыре осинки,

А ушки – два узких и длинных листочка.
Ну, просто чудесная выросла дочка.
И все же расстроены папа и мама,
В кого их Ослинка так сильно упряма?

Солнце

Солнце по небу катилось
И палило свысока,
А потом облокотилось
Отдохнуть на облака.

Скрылось за лиловой тучей –
Дождь полил, как из ведра.
И свалилось в лес дремучий
Отсыпаться до утра.

Фантазер

У меня внутри оса,
И жужжу я полчаса.
А потом петух внутри
Кукарекнул раза три.

И чирикал я, и хрюкал,
Ржал, рычал, мычал, мяукал,
Погудел еще трубой
И снова стал самым собой.

Дождик

По какому случаю
Шум стоит кругом?
Это с тетей Тучею
Спорит дядя Гром.
Если в небе ссора,
Дождик будет скоро.

Сон

Солнце уснуло и стало луной.
Я засыпаю. Что станет со мной?

Сибирские месяцы

Январь

Сколько там ни говори,
Что лютуют январь,
Кто в Сибири с детства рос,
Зла не держит на мороз.

Февраль

Февраль. Фи, враль.
Свистун и ветрогон.
И нам совсем не жаль,
Что всех короче он.

Март

Налепил снежков пострел,
И начался мартобстрел.

Апрель

Листья старые в апреле
Все пожухли и сопрели.
Но уже из каждой почки
Лезут новые листочки.

Май

Благоухает и цветет
Все то, что на земле растет.
Вот только я бы предпочел,
Чтоб было меньше ос и пчел.

Июнь

Нет короче ночи,
Нет длиннее дня,
И приятно очень
Это для меня.

Июль

Потрясают в летний зной
Небеса голубизной.
Голубее голубого,
Не бывает голубей.
Нет желанья никакого
Что-то делать, хоть убей.

Август

Август – он не просто густ,
Август – августейший,
В нем усыпан каждый куст
Ягодой вкуснейшей.

Сентябрь

В роще по указке чьей
Столько вспыхнуло свечей?
Или все гораздо проще,
И закат упал на рощу?

Октябрь

С утра и пасмурно и сыро,
Туман похож на кашу манную,
И солнце, как головка сыра,
Желтеет через мглу туманную.
Занудный дождь, промозглый ветер,
И серо все на белом свете.

Ноябрь

Деревья голы, снег не тает,
 Морозец затянул окно,
 И позже утра рассветает,
 И раньше вечера темно.
 Зиме еще так долго длиться,
 Морозам с каждым днем крепчать,
 Но все равно не надо злиться
 И даже попросту ворчать.

Декабрь

Декабрем вершится год,
 Дикарем ершится кот,
 К стенке жметя неспроста –
 Отдавили полхвоста.
 Где лежал он, в том углу
 Елка встала на полу.
 Пахнет лесом из угла,
 Пахнет мясом со стола.
 Чуть мяукнешь, сразу «Брысь!»
 Гости к ночи собрались.
 Что за шум и суета,
 Непонятно для кота.

Угадайки

Не дворянин и не дворовый,
 Дворяг гоняет со двора.
 Румяности его здоровой
 Завидуют профессора.
 (Дворник)

Дословно он – держатель книги,
 Еще – цифирная душа.
 Мы в этой книге видим фиги,
 Не понимая ни шиша.
 (Бухгалтер)

Встает обычно спозаранку
 И крутит целый день баранку.
 Он всех везет, кто сел к нему,
 Но не всегда везет ему.
 (Таксист)

Ее игла всегда остра,
Но не страшит меня.
Для всех для нас она сестра,
Хоть мы и не родня.

(Медицинская сестра)

Дивным даром наделен
Этот жрец искусства,
Рисовать умеет он
Наши с вами чувства.

(Художник)

Всем растущим и цветущим
Самый верный друг и брат,
Уподобить райским кущам
Нашу Землю был бы рад.

(Садовник)

Как еду смакуют люди,
Как гарниры хороши,
Потому что в каждом блюде
Есть чуть-чуть его души.

(Повар)

Ни заборы, ни запоры
Не помогут, если воры.
Если ж он стоит на страже,
Не бывать вовеки краже.

(Сторож)

Это вовсе не работа,
А желание, друзья,
Пострелять ему охота
В диких уток из ружья.

(Охотник)

Коварное жало крючка
Он прячет внутри червячка,
А в общем мужик неплохой
И всех угощает ухой.

(Рыбак)

Колдует он над волосами,
Вершит прически от души,

И убеждаемся мы сами,
 Как мы собою хороши.
 (Парикмахер)

Недотепа, неумеха,
 Что ни шаг, опять курьез.
 Умирали мы от смеха,
 Хохотали мы до слез.
 (Клоун)

Ловко действует кнутом
 И заботится о том,
 Чтобы травку ело стадо
 И не шло, куда не надо.
 (Пастух)

Вы говорите с ним насчет
 Напитков и еды.
 Когда он вам приносит счет,
 Добавьте за труды.
 (Официант)

Всем работам предпочел
 Управлять роями пчел.
 Тот, кто очень любит мед,
 Без труда его поймет.
 (Пасечник)

Ботинки и сандалии,
 И туфли, и так далее,
 Он все чинить и делать мог,
 Но имя дал ему сапог.
 (Сапожник)

Как диктует, он вещает,
 Извещает, освещает.
 Знаем мы в любой квартире
 Все, что делается в мире.
 (Диктор)

Первый он, когда авралы,
 Чистит кубрик и гальюн.
 Может, выйдет в адмиралы,
 А пока что слишком юн.
 (Юнга)

Он не ведает покоя,
Полон планов и идей
Сделать что-нибудь такое
Самым первым из людей.
(Изобретатель)

Нет передышки ни минутки,
Из тесной персональной будки
Он шепчет роли все подряд,
Актеры следом говорят.
(Суфлер)

Ему бояться срок не вышел,
Он мчит все выше, выше, выше.
Конечно, жизнь его опасна,
Но быть в полете так прекрасно.
(Летчик)

Готов и ночью он, и днем
Вступить в сражение с огнем.
Огонь свиреп, и жжет, и душит,
Но он сильней и пламя тушит.
(Пожарник)

Вы рады вежливым словам,
И если вы зануда даже,
Она улыбку дарит вам,
А все другое есть в продаже.
(Продавщица)

Он должен в деле понимать,
Не запоздать с решением,
И действия предпринимать
Всегда с опережением.
(Предприниматель)

Эта должность от слова «секрет»,
Контролирует вход в кабинет
И решает порою вопрос
Даже лучше, чем собственный босс.
(Секретарь)

Летают, словно птицы, руки,
И пальцами касаясь клавиш,
Такие извлекают звуки,
Что слушаешь и чудо слышишь.
(Пианист)

Кириллица

(для детей старше шестнадцати)

Аз

Аз давно она была,
А теперь зовется А.
– А-а-а, – мы скажем, – это ясно.
– А? – поставим мы вопрос.
– А-а-а! – рыдаем громогласно,
Если больно нам всерьез.

Буки

Б была когда-то встарь
Букой вписана в букварь.
Буки, есть такие дети,
Букой плохо быть на свете.
Б теперь иного толку.
Произносим без умолку
Б да Б при каждой встрече,
И без Б не мыслим речи.

Азбука

Хоть иные времена,
Не забыты имена.
Имя Буки вместе с Аз
Повторяем мы не раз.
Проживают в наши дни
В слове АзБука они.

Веди

«В» Веди величалось
В течение многих лет.
Вам Веди не встречалось,
Ведь Веди больше нет.

Все ж не исчезла Веди,
Оставила свой след
В отведасть на обеде,
В поведать свой секрет.

Все надо знать и ведать
Пытливому уму,

Разведать и изведать,
 Еще друзей проведать,
 Им душу исповедать,
 И больше никому.

И заповеди предков
 Ведут по жизни нас.
 Не так уж Веди редко
 В словах звучит сейчас.

Глаголь

Глаголем буква Г была,
 Глаголом речь и слово звали.
 Все это давние дела,
 Но позабыли мы едва ли –
 Поэт, а вовсе не злодей,
 Глаголом жег сердца людей.

И разглагольствовать привычно
 Не надо. Истина проста.
 Глаголят истину обычно
 Младенца нежные уста.
 Что делать? В шутку и всерьез
 Глагол ответит на вопрос.

Добро

Для буквы Д давным-давно
 Добро название дано,
 Но дети по привычке
 Придумывают клички.

Дразнили Дурой дети Д,
 Дрались друг с другом дети.
 Других детей найдете где?
 Да нет других на свете.

Похоже, мир устроен так –
 Чуть-чуть добра и уйма драк.

Есть

Есть такая буква Есть,
 Е теперь зовется.
 Мы на свете тоже **есть**,
 Славно нам живется.

На приказ ответим: «**Есть!**»
 И отметим снова,
 Пусть сегодня **Е** не **Есть**,
Есть и живо слово.

Живете

Живете. Слова нет уже.
 Так звали в прошлом букву **Ж**.
 Но «жизнь» **жива** и **жив** «живот»,
Живете в них теперь **живет**.
 Нам жить дано и дорожить
 Удачей, что дано нам жить.

Земля

На **З** Здоровье, Звезды, Злато
 И **З**ло, умалчивать негоже,
 И **З**реть нам в корень важно то же,
 Но дали имя **З** когда-то
Земля – и почва под ногами,
 И вся планета вместе с нами.

Иже и Как

Роль слов союзных велика,
 В их честь называли **И** и **К**.
 Теперь мы не зовем их так,
 Но всюду слышим **И** и **Как**.

И **И** и **Как** и **иже** с ними
 Чаруют связями своими
 Он и она, **как** дивный сон,
Как Божий дар, она и он.

Люди

Буква **Л** удостоилась чести,
Люди мы называемся вместе.
Люди близкие и далекие,
 Синеглазые, кареокие,
 Белокожие, темнокожие,
 Непохожие и похожие.
Люди мирные, агрессивные,
 И активные, и пассивные,
 Молчаливые и крикливые,
 И несчастные, и счастливые,

И делами красны достойными,
Но покончить не можем с войнами.

Мыслете

Кирилл с Мефодием в ответе,
Они придумали Мыслете
В кириллице для буквы М.
Понятно, мыслить надо всем.

Как ни прекрасно слово Мать,
Важней на М не знаю слова,
Чем мыслить. Думать, понимать,
Поняв, задумываться снова.

Наш и Он

Он Наш, подлунный мир земной,
Он Наш, и в этом нет сомнений.
И согласитесь вы со мной,
Что нет важней местоимений.
И лучше не найти имен
Для Н и О, чем Наш и Он.

Покой

Столы поставлены покоем,
Играют музыка и свет,
Друзья съезжаются, по коим
Грустим, когда их долго нет.

Покой приемный есть в больнице,
В покоях – там ночной покой,
И тот покой, что только снится,
А наяву покой какой.

А почему столы – покоем,
Тут нет загадки никакой.
Когда кириллицу откроем,
Там букву П зовут Покой.

Рцы

О чем подумали творцы,
Когда назвали букву Рцы?
На Р Работа, Русь и Речь,
Их почему бы не привлечь?

Непросто нам понять творцов,
 На то они творцы.
 Привыкли мы в конце концов,
 Что Р зовется Рцы.

Слово

Для буквы С какое слово?
 Конечно, это слово Слово!

Мы слово просим и даем,
 Берем его и держим слово,
 И по заслугам воздаем,
 И можем пригвоздить сурово.

И сила есть у слов, и вес.
 Весомей слова нет на С.

Твердо

Если знаю что-то Твердо,
 Как герой, хожу я гордо.

Твердо знаю, что без Твердо
 Будем мы совсем не те.
 Не случайно имя Твердо
 Выбрано для буквы Т.

Ук

Не пойму я, почему
 Имя Ук у буквы У.
 Есть и Ум, и Ус, и Ух,
 Выбирай на вкус и слух.
 Но вопрос не стоит мук,
 Ук так Ук, пусть будет Ук.

Ферт

Подбоченясь, руки в боки,
 Словно Ферт, стоит жена.
 Ну, сейчас пойдут упреки:
 – Где болтался допоздна?!

– Ферт. Ты знаешь это слово? –
 Я пытаюсь сбить накал,
 А она кричит мне снова:
 – Негодяй! Трепач! Нахал!

– Ну, смени на милость гнев.
Фертом звали букву Ф.

Хер

Мы дошли до буквы Х.
Как бы избежать греха?
Но приличный есть пример,
Где осталась буква Хер.

Много строк своих, друзья,
Можете поверить,
Зачеркнул крест-накрест я,
Чтобы их похерить.

Цы

Цы у многих слов в конце,
Так называли букву Ц.
Вот какие молодцы
И какие мудрецы
Нашей азбуки отцы.
Поглядели на концы
И называли букву Цы.

Червь

Червь неустанно гложет,
Все превращая в прах.
Во мне он вызвать может
Брезгливость или страх.

И червь сомненья гложет,
Покоя не дает –
Не так оно, быть может,
А все наоборот.

Небесных тайн разгадка
В каком лежит ключе?
Червь. Как звучит ни гадко,
Но так называли Ч.

Ша, Ща, Ю, Я

И Ша, и Ща, и Ю, и Я,
Про них скажу лишь только я,
И встарь, и в наши времена
У них все те же имена.

Ерь, Еры, Ерь

Ерь – твердый знак,
Ерь – мягкий знак,
А Еры – буква Ы.
Давно все эти буквы так
Не называем мы.
А надо ль помнить нам теперь
Про эти Еры, Ерь и Ерь?
Хорош вопрос, но прост ответ –
Кому-то да, кому-то нет.

